

№ 959 / 2

DAR

W.P. Magistratu w Łodzi
po zaktualizacji stanu rzeczy.

Dla Biblioteki Publicznej

w Łodzi

8. III - 19

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ ПОСЛѢ ГОГОЛЯ.

1872
MAY 22 1872
NEW YORK

А 959. Д

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

ПОСЛѢ ГОГОЛЯ

ЧТЕНІЯ, РѢЧИ И СТАТЬИ

ОРЕСТА МИЛЛЕРА.

ЧАСТЬ III.

С. Т. АКСАКОВЪ.—П. И. МЕЛЬНИКОВЪ.
А. Н. ОСТРОВСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ Н. Ц. КАРВАСНИКОВА.

1888.

162100

1447

ОТЪ АВТОРА.

Около года тому назадъ я выпустилъ въ свѣтъ третьимъ изданіемъ мои публичныя лекціи о новыхъ Русскихъ писателяхъ, дополнивъ ихъ нѣкоторыми статьями и рѣчами. Изъ одной книги первыхъ двухъ изданій вышли такимъ образомъ цѣлыхъ двѣ части. Въ предисловіи къ 3-му изданію я указалъ на то, что со временемъ могутъ появиться въ свѣтъ и дальнѣйшія части. Въ настоящее время издается 3-ья, посвященная С. Т. Аксакову, П. И. Мельникову и А. Н. Островскому. Всѣ три характеристики появляются въ печати въ первый разъ.

Ор. Миллерг.

26-го ноября
1887 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР

С. Т. АКСАКОВЪ.

С. Т. АКСАКОВЪ	1
I. „Семейная Хроника“	7
II. „Дѣтскіе годы Багрова внука“.—„Наташа“.—„Воспоминанія“	30

П. И. МЕЛЬНИКОВЪ.

(А. Пенерскій).

I. Разказы и очерки	63
II. „Въ Лѣсахъ“	78
III. „На Горахъ“	107

А. Н. ОСТРОВСКІЙ.

А. Н. ОСТРОВСКІЙ	133
I. Драматическія сцены первой поры.—„Свои люди сочтемся“.—„Бѣдная Невѣста“	135
II. „Не въ свои сани не садись“.—„Бѣдность не порокъ“.—„Не такъ живи, какъ хочется“	162
III. „Доходное мѣсто“.—„Въ чужомъ пиру похмѣлье“.—„Не сошлись характерамъ“.—„Бальзаминовская трилогія	194
IV. „Воспитанница“.—„Гроза“	217
V. „Старый другъ лучше новыхъ двухъ“.—„Грѣхъ да бѣда на кого не живеть“.—„Шутники“.—„На бойкомъ мѣстѣ“.—„Пучина“	245

VI.	„Козьма Захарычъ Мининъ Сухорукъ“	265
VII.	„Воевода“ . — „Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“ . — „Тушино“	277
VIII.	„Василиса Мелентьева“	297
IX.	„На всякаго мудрца довольно простоты“ . „Горячее сердце“ . — „Бѣшеные деньги“ . — „Не все коту масляница“ . — „Лѣсъ“	307
X.	„Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ“ . — „Комикъ XVII столѣтїя“ . — „Свѣгурочка“ . — „Поздняя любовь“	326
XI.	„Трудовой хлѣбъ“ . — „Богатые невѣсты“ . — „Волки и Овцы“ . — „Правда хорошо, а счастье лучше“ . — „Послѣдняя жертва“	336
XII.	„Безприданница“ . — „Сердце не камень“ . — „Невольницы“ . — „Таланты и поклонники“	353
XIII.	„Красавецъ мужчина“ . — „Безъ вины виноватые“ . — „Не отъ міра сего“	373
XIV.	Заключеніе	383

С. Т. АКСАКОВЪ *).

Что это? и С. Т. Аксаковъ въ числѣ Русскихъ писателей послѣ Гоголя? Да вѣдь если онъ умеръ семью годами позже гениальнаго родоначальника Русскаго реализма, то вѣдь онъ началъ свое литературное поприще еще въ двадцатыхъ годахъ, даже ранѣе.—Положимъ; но развѣ до своего знакомства съ Гоголемъ Аксаковъ былъ тѣмъ же, кѣмъ сталъ подъ конецъ жизни Гоголя? Правда, уже въ «Бурянь», напечатанномъ Аксаковымъ еще въ 1834 г., блистательно сказываются признаки того дарованія, которое такъ поразило читающую публику при появленіи «Семейной Хроники». Но вѣдь и въ небольшомъ очеркѣ 1834 г. уже могло сказаться вліяніе Гоголевскаго, а отчасти, конечно, и Пушкинскаго реализма, хотя еще критикъ «Русской Бесѣды» напомнилъ о томъ, что Аксаковскій очеркъ появился «за два года до знаменитаго Пушкинскаго описанія бурана въ «Капитанской дочкѣ» **). Какъ бы то ни было, набрасывать прославившую его потомъ «Семейную Хронику» Аксаковъ началъ только въ 1840 г., а отрывки изъ нея появились въ печати уже шесть лѣтъ спустя, въ «Московскомъ Сборникѣ» 1846 г. Первый узналъ про эти

*) Изъ лекцій, читанныхъ въ Сиб. Университетѣ въ 1887 г.

***) Р. Бесѣда 1856 г., кн. 1, стр. 45. Отд. критики.

отрывки и первый по достоинству их оцѣнилъ не кто другой, какъ Гоголь,—этотъ младшій другъ С. Т. Аксакова, имѣвшій несомнѣнное право считать его въ числѣ своихъ учениковъ. Первыми большими трудами Аксакова, сразу появившимися въ полномъ видѣ и впервые обратившими на себя вниманіе публики, были, какъ извѣстно: «Записки объ уженьи рыбы» (1847 г.), «Записки оружейнаго охотника» (1852 г.) и «Разказы и воспоминанія охотника» (1855 г.). Вторая изъ поименованныхъ книгъ напла себѣ восторженнаго цѣнителя въ одномъ изъ знаменитыхъ послѣдователей Гоголя, И. С. Тургеневѣ. «Онъ смотритъ на природу (одушевленную и неодушевленную), говоритъ объ Аксаковѣ авторъ «Записокъ «Охотника», не съ какойнибудь исключительной точки зрѣнія, а такъ, какъ на нее смотрѣть должно: ясно, просто, и съ полнымъ участіемъ... Передъ такимъ взоромъ природа раскрывается и даетъ ему «заглянуть» въ себя. Оттого... когда я прочелъ, напри мѣръ, статью о тетеревѣ, мнѣ, право, показалось, что лучше тетерева жить невозможно... Еслибы тетеревъ могъ разказать о себѣ, онъ бы, я въ томъ увѣренъ, ни слова не прибавилъ къ тому, что о немъ повѣдалъ намъ г. Аксаковъ» *).

Объ охотничьихъ книгахъ Аксакова и о книгѣ его объ уженьи и критикѣ «Р Бесѣды» (Н. П. Г—въ), и критикѣ «Отечественныхъ Записокъ» (С. С. Дудышкинъ) замѣтили, что это не спеціальныя, а скорѣе поэтическія книги, хотя самъ авторъ, быть можетъ, и придавалъ имъ болѣе утилитарное значеніе (первое изданіе книги объ уженьи, по замѣчанію г. Н. Г—ва, отличается большею сухостью, чѣмъ второе, въ которомъ художническая натура автора окончательно одержала верхъ надъ его утилитарною цѣлью). Къ такому же мнѣнію приходилъ и И. С. Тургеневъ, хотя, самъ страстный охотникъ, онъ способенъ былъ признавать у С. Т. Аксакова и многое поучительное въ чисто

*) Соч. И. С. Тургенева, т. I, стр. 352.

охотничьемъ смыслѣ *). Въ какой бы мѣрѣ ни признавали мы въ этихъ книгахъ Аксакова и художественный интересъ, остается, кажется, только согласиться съ критикомъ «Русской Бесѣды», что «художественно изображенная охота возбуждаетъ наше сочувствіе только отрицательно»... «Въ сущности, эта борьба (т.-е. борьба охотника съ представляющимися ему препятствіями) пуста... Сочувствіе и любовь охотника къ своимъ жертвамъ также пусты: ибо они обращены на природу, не имѣющую нравственнаго достоинства. Перейдите маленькую черту, и успокоивающее, а отчасти трогающее впечатлѣніе превратится въ комическое... Охотникъ въ пыли, наполовину въ грязи, съ едва переводимымъ дыханіемъ слѣдящій за движеніями маленькой птички, истощающій запасъ силы, ума и искусства, чтобы убить ее, не комическое ли явленіе?» **). Иначе, конечно, смотритъ И. С. Тургеневъ, говоря, по поводу книги Аксакова, объ историческомъ значеніи у насъ охоты съ издавнихъ княжескихъ временъ, о томъ значеніи ея, какъ одного изъ видовъ оборонительной земской службы, которое сказывается, конечно, и въ слѣдующихъ словахъ Тургенева: «дайте мужику ружье, хоть веревками связанное, да горсточку пороху, и пойдетъ онъ бродить, въ однихъ лаптишкахъ, по болотамъ да по лѣсамъ съ утра до вечера. И не думайте, что бы онъ стрѣлялъ изъ него однѣхъ утокъ: съ этимъ же ружьемъ пойдетъ онъ караулить медвѣдя на «овсахъ», вобьетъ въ дуло не пулю, а самодѣльный, кой-какъ сколоченный, жеребій—и убьетъ медвѣдя; а не убьетъ, такъ дастъ медвѣдю себя поцарапать, отлежится, полуживой дотащится до дому и, коли выздоровѣетъ, опять пойдетъ на того же медвѣдя съ тѣмъ же ружьемъ. Правда, случится иногда, что медвѣдь опять его поломаетъ; но вѣдь Русскимъ же человѣкомъ сложена пословица, что звѣря бояться—въ лѣсъ не ходить» ***). Тутъ,

*) „Не чуждыми вѣшней, специальной или практической цѣли“ признавалъ охотничьи книги Аксакова и критикъ „Атenea“ (А. Станкевичъ).

***) Р. Бесѣда 56 г., вн. 1, стр. 26. Отд. критики.

***) Соч. Тургенева, т. I, стр. 350.

разумѣтся, нѣтъ уже пустоты, какъ нѣтъ и ничего комическаго; тутъ совсѣмъ другая сторона охоты, ни мало, разумѣтся, не роняющая человѣческаго достоинства.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно правъ, конечно, покойный Дудышкинъ, усматривая въ поэтической сторонѣ охотничьихъ книгъ Аксакова собственно только «фактъ той большой картины Русской жизни, которая настоящій свой интересъ получаетъ лишь изображеніемъ человѣка, обитателя этихъ лѣсовъ, этихъ безпредѣльныхъ полей». Но такое изображеніе даетъ намъ уже «Семейная Хроника», воспроизводящая передъ нами, по замѣчанію того же критика, жизнь Русскаго человѣка XVIII ст. въ цѣломъ рядѣ художественныхъ портретовъ *).

Мы не станемъ по всему этому останавливаться не только на технической, но даже и на поэтической сторонѣ книгъ Аксакова объ охотѣ и уженьи, хотя бы самъ Гоголь сказалъ, что въ птицахъ и рыбахъ Аксакова болѣе жизни, чѣмъ въ его собственныхъ, т.-е. Гоголевскихъ людяхъ, и хотя бы въ рассказѣ 2-го тома «Мертвыхъ Душъ» о двухъ мартынахъ (птицахъ)—мартынѣ, уже поймавшемъ рыбу, и мартынѣ, еще не поймавшемъ рыбы, и слышалось, какъ это кажется г. Н. Г—ву, вліяніе на самого Гоголя охотничьихъ сценъ Аксакова **).

Мы вполнѣ готовы допустить обратное вліяніе старика Аксакова на своего, сравнительно молодого, учителя. Но вѣдь тѣмъ же критикомъ признано, что «окончательнымъ развитіемъ своего таланта Аксаковъ, безъ сомнѣнія, обязанъ Гоголю», который «первый вполнѣ показалъ намъ все художественное значеніе для насъ современной народной дѣйствительности»,... «первый пригнулъ насъ совершенно къ землѣ, чтобъ оттуда, какъ все получаетъ себѣ жизнь и силу, такъ извлекалъ бы ***) себѣ и художникъ силу и одушевленіе». Это, конечно, не помѣшаетъ намъ признать

*) Отеч. Зап. 56 г., Апрѣль, стр. 72. Отд. критики.

**) Р. Бесѣда 56 г., кн. 1, стр. 5. Отд. критики.

***) Тамъ же, стр. 43.

и вѣрность мнѣнія покойнаго Дудышкина, что «манера Аксакова напоминаетъ манеру Пушкина въ повѣстяхъ послѣднихъ его лѣтъ» *). Но вѣдь существовало же и взаимовліяніе между Пушкинымъ и Гоголемъ. Замѣтимъ, наконецъ, тутъ же, что иностранная критика оговаривалась совершенно справедливо: «хотя и ученикъ Гоголя, Аксаковъ не обладаетъ нисколько юмористическимъ талантомъ своего учителя и на предметъ свой, во всѣхъ его разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ, смотритъ съ совершенною ясностью» **). Эта «ясность» Французскаго критика, по видимому, вполне соотвѣтствуетъ тому «полному безпристрастію къ дѣйствительности, какое замѣтилъ у Аксакова критикъ «Русской Бесѣды», — «безпристрастію, какъ пояснялъ онъ, сочувствующему, желающему въ каждомъ явленіи отыскать свѣтлую сторону, которою бы смягчалось впечатлѣніе, производимое его темною стороною». Въ этомъ справедливо можно видѣть у Аксакова шагъ впередъ, «возникающее, по выраженію того же критика, въ немъ виднѣе нежели въ другихъ, отрѣшеніе искусства отъ прежней отрицательности» ***). Покойный А. С. Хомяковъ, формулируя взглядъ «Р. Бесѣды», выразился такимъ образомъ, что С. Т. Аксаковъ «первый изъ нашихъ литераторовъ взглянулъ на нашу жизнь съ положительной, а не съ отрицательной точки зрѣнія» ****). Онъ такимъ образомъ достигъ того, къ чему такъ болѣзненно, а потому и такъ неудачно, сталъ стремиться Гоголь. Такимъ образомъ не только такой молодой ученикъ великаго юмориста, какъ Достоевскій въ своихъ «Бѣдныхъ Людяхъ», но и такой старый его ученикъ, какъ Аксаковъ, въ извѣстномъ смыслѣ

*) Отеч. Зап. 56 г., Апрель, стр. 84.

**) Мнѣніе Делаво въ *Revue des deux Mondes*, сообщенное въ № 9 „Современника“ 1857 г.

***) Р. Бесѣда 56 г. I. 22. Къ тому же пришелъ и критикъ Руск. Вѣстника Ф. Дмитріевъ.

****) Полное Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова I, стр. XV. Къ тому же въ сущности приходилъ и покойный П. В. Анненковъ въ „Современникъ“ 1856 г.

определилъ учителя, т.-е. представилъ своего рода «поправку» или, вѣрнѣе сказать, дополненіе къ его направленію. Это ни мало не упраздняетъ зависимости обоихъ отъ Гоголя, т.-е. отъ Гоголевской близости къ жизни, отъ его простоты и безыскусственности. Самъ С. Т. Аксаковъ признавалъ вліяніе на себя Гоголя, наприм., вспоминая, какъ во время оно сказалъ онъ кн. Шаховскому, что считаетъ оскорбленіемъ искусству представлять на сценѣ, какъ мошенники вытаскиваютъ деньги изъ кармановъ добрыхъ людей и плутуютъ въ карты. «Я, замѣчаетъ онъ при этомъ, былъ не совсѣмъ правъ и не предчувствовалъ Гоголевскихъ «Игроковъ»; неясно и нетвердо понималъ я, что высокое художество можетъ воспроизводить и пошлое и, до извѣстной степени, низкое въ жизни, не оскорбляя чувства изящнаго въ душѣ человѣческой» *).

Торжество надъ Аксаковымъ Гоголевскаго начала именно въ этомъ смыслѣ тѣмъ болѣе замѣчательно, что Сергѣй Тимоѣевичъ не только выросъ, но и возмужалъ, какъ это видно изъ его «Воспоминаній», совсѣмъ подъ иными литературными впечатлѣніями. Въ дѣтствѣ зачитываясь «Росіадою» и Сумароковымъ, въ юности принявъ сторону Шишкова противъ Карамзинской новизны, онъ и позже очень долго носилъ на себѣ отпечатокъ псевдо-классическихъ вліяній. «Какъ не подивиться, справедливо замѣчаетъ по этому поводу А. Станкевичъ, что онъ могъ въ послѣдствіи разсказать свои воспоминанія простымъ, ровнымъ, точнымъ и прекраснымъ языкомъ» **). Другой критикъ Аксакова, Ф. Дмитріевъ, отмѣтилъ въ воспоминаніяхъ нашего автора объ актерѣ Шушеринѣ тотъ фактъ, что его «простая, естественная игра увлекала зрителей, не умѣвшихъ объяснить себѣ своего увлеченія» ***). Надъ такимъ фактомъ, кажется намъ, стоило бы позадуматься. Прежде всего слѣдовало бы сопоставить съ нимъ то, что разска-

*) Соч. С. Т. Аксакова, IV, 102.

**) Атенея 1858 г. № 4.

***) Р. Вѣстникъ 1856 г., № 7, стр. 473.

зывается Аксаковымъ о старѣйшей изъ нашихъ театраль-ныхъ знаменитостей, Дмитревскомъ. Вѣдь и онъ, выросшій на Сумароковѣ, да на Княжнинѣ и дожившій только до Озерова, возставалъ противъ крайней напыщенности, сказывавшейся, подъ вліяніемъ господствовавшей школы, и у гораздо младшаго Яковлева. Не ясно ли, что стремленіе къ простотѣ могло проявиться у насъ на сценѣ еще въ самый разгаръ прививного псевдо-классицизма. Не сказала ли тутъ невольно побѣда надъ нимъ Русской природы, и не этимъ ли объясняется и увлеченіе публики, хотя и иначе совсѣмъ воспитываемой, простою, естественною игрою Шушерина? Какъ бы то ни было, хотя самъ С. Т. Аксаковъ и не указываетъ на это, намъ невольно сдается, что вліяніемъ Шушерина на него самого, какъ записного театрала и публичнаго чтеца, подготовлено было литературное на него вліяніе Гоголевской простоты и естественности. Это послѣднее, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Во всемъ блескѣ сказалось оно уже въ «Семейной Хроникѣ», появившейся въ полномъ видѣ только четыре года спустя послѣ смерти Гоголя (1856 г.)—тогда, когда успѣли уже привлечь къ себѣ вниманіе публики многіе изъ младшихъ учениковъ Гоголя, рѣчь о которыхъ и была у насъ ранѣе.

I.

„Семейная Хроника“.

«Прощайте, мои свѣтлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди, или, лучше сказать, образы, въ которыхъ есть и свѣтлыя и темныя стороны, люди, въ которыхъ есть и доброе и худое! Вы не великіе герои, не громкія личности; въ тишинѣ и безвѣстности прошли вы свое земное поприще, и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внѣшняя и внутренняя жизнь исполнена поэзіи, также любопытна и поучительна для

насъ, какъ мы и наша жизнь въ свою очередь будемъ любопытны и поучительны для потомковъ.... Да не оскорбится же никогда память ваша никакимъ пристрастнымъ судомъ, никакимъ легкомысленнымъ словомъ» *). Такъ напутствовалъ своихъ, какъ выразился онъ, совѣтъ не героевъ самъ С. Т. Аксаковъ, уже этимъ прямо подавая критикѣ поводъ къ вышеприведеннымъ ея словамъ объ его художническомъ безпристрастїи и сочувственной снисходительности. Не даромъ и иностранная критика приходила къ подобному же о немъ заключенію. «Изображая, говорилъ Делава, дикое состояніе нѣкоторой части Русскаго общества при Екатеринѣ II, авторъ выставляетъ и тѣ природныя достоинства, которыми нѣсколько умѣрялась эта дикость». Нѣмецкій же критикъ въ объясненіе темныхъ сторонъ тѣхъ личностей, которыя выставлены Аксаковымъ, приводилъ параллели изъ Западно-европейской жизни. «Разбросанность и уединенность жилищъ, говорилъ онъ, недостаточность сообщеній ... все это, сто лѣтъ тому назадъ, вызывало въ Германїи и Франціи такія же явленія, какъ въ Россїи: являлись грубый произволъ и дикое насиліе.... Но и тутъ, оговаривался онъ, человѣческая природа не теряетъ своихъ правъ, и въ господинѣ и въ рабѣ не умираетъ чувство чести, и среди глубочайшей одичалости громко говоритъ совѣсть». Сообщившій намъ отзывы о «Семейной Хроникѣ» Нѣмецкой критики, С. А. Рачинскій дѣлаетъ изъ нихъ такой общій выводъ, что «кровавая повѣсть о Куролесовѣ не возбудила ни отвращенія, ни удивленія, а характеръ Степана Михайловича находятъ чуть ли не идеальнымъ» **).

Объясненіе этому любопытному факту можно найти въ самой же «Семейной Хроникѣ»—тамъ, гдѣ говорится о палочныхъ ударахъ, которымъ, вмѣстѣ съ другими молодыми офицерами, подвергся сынъ Степана Михайловича по приказанію Нѣмца-генерала, внушавшаго этимъ спосо-

*) П. С. С. Аксакова, т. I, стр. 222.

**) Библиогр. Записки 1858 г., № 8.

бомъ своимъ подчиненнымъ «благоговѣніе къ служба господня», какъ выражался на своемъ жаргонѣ этотъ Нѣмецъ и лютеранинъ, по долгу службы всегда присутствовавшій при православномъ богослуженіи, но вовсе не считавшій неблагоговѣйнымъ прибѣгать къ палочной расправѣ въ соседней съ домовою церковью комнатѣ. «Большая часть этихъ господъ Нѣмцевъ, замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ, и вообще иностранцевъ, служившихъ тогда въ Русской службѣ, постоянно отличались жестокостью и большою охотою до палокъ» *). Эта *иностранная* грубость, такъ долго сохранявшаяся и въ нашихъ управляющихъ изъ *Нѣмцевъ*, поддерживаемая въ нихъ презрѣніемъ къ невѣжественнымъ представителямъ низшей расы, слишкомъ медленно уступала вліянію такъ давно развившейся на Западѣ культуры. Только у насъ вѣдь серьезно воображали, подъ вліяніемъ того восторженнаго культа культуры, къ которому насъ, наконецъ, привело наше продолжительное невѣжество, будто, напримѣръ, сентиментальныя повѣсти Карамзина, съ вызванными ими слезами надъ Лизинькинымъ прудомъ, должны были такъ рѣшительно содѣйствовать смягченію нравовъ. Иностранцы не поддавались подобному самообольщенію. Они знали, что реформація, при всемъ своемъ громадномъ культурномъ значеніи, не помѣшала протестантамъ соперничать въ варварскомъ истребленіи колдуновъ съ папистами, и что случаи сожженія вѣдьмъ возможны были въ Европѣ еще при началѣ Французской революціи. Они понимали, что наиболѣе культурная часть общества, какъ часть привилегированная, могла упорно держаться очень многихъ жестокихъ привычекъ, коренившихся во властности ея положенія. Во властности же, разумѣется, заключается и главное объясненіе дикихъ порывовъ Степана Михайловича, которые обуздывались въ немъ природною добротой его сердца едва ли не въ большей степени, чѣмъ обуздываются такіе порывы хотя бы и при значительной, но односторонней воздѣланности ума.

*) П. С. С. Аксакова, т. I, стр. 73.

Характеръ той властности, которую искажались лучшія стороны Русской природы, конечно, является у Аксакова со всѣми специфическими сторонами нашего XVIII столѣтія, снявшаго съ Русскихъ дворянъ всякія обязанности и предоставившаго имъ *права*, одни лишь *права*. При этомъ у самыхъ невѣжественныхъ изъ нихъ невольно сказывалось, конечно, и кое-какое позаимствованіе у чужой жизни—въ видѣ того увлеченія родовитостью, которое и Степана Михайловича Багрова привело къ фикціи, будто родъ его происходитъ отъ какого-то Варяжскаго князя, а потому его сыну и не подобаетъ бракъ съ внучкою казацкаго урядника, хотя, разумѣется, онъ не могъ бы пріискать (да и не пріискивалъ) Русскаго слова, сколько нибудь соотвѣтственнаго слову *mésailliance*, (такъ какъ *неравный бракъ* выражаетъ у насъ совсѣмъ не то)*. Такая черта, разумѣется, всего менѣе могла поразить иностранныхъ читателей.

Властность и связанная съ нею *самость* Степана Михайловича, уподобляющая его всеобщему сказочному царю—этому «вольному человѣку» (по выраженію Русскихъ сказокъ), дѣлаеъ его и вообще такимъ представителемъ крупно развившагося личнаго начала, который не можетъ не прійтись сродни Западно-европейскому читателю, давно привыкшему ко всевозможнымъ типамъ, возникшимъ изъ этого начала.

Степанъ Михайловичъ пересталъ считать себя вольнымъ въ своей родовой вотчинѣ, потому что она мало-по-малу стала разнопомѣстною,—и вотъ онъ затѣялъ переселиться. «Сказано—сдѣлано» — такова настоящая формула образа дѣйствій подобныхъ господъ. «Сказано — сдѣлано», не смотря на то, что «переселеніе, тяжкое вездѣ, особенно противно Русскому человѣку», что «переселяться тогда въ неизвѣстную бусурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много и недобрыхъ слуховъ, гдѣ, по отдаленности церквей, надо было и умирать безъ исповѣди

*) П. С. С. Аксакова, т. I, стр. 6 и 81.

и новорожденнымъ младенцамъ долго оставаться некрещеными—казалось дѣломъ страшнымъ» (т. I; стр. 9). «Сказано—сдѣлано», и вотъ Степанъ Михайловичъ—«одинъ полный господинъ, не только надъ своей землей, но и надъ чужой. Паси стада, коси траву, руби дрова—никто слова не скажетъ» (Стр. 15). Жажда полной свободы заставляла Степана Михайловича говорить: «не хочу мѣшаться въ эти поганья дѣла» (стр. 63). А «мѣшаться въ эти поганья дѣла»—значило спасать отъ ихъ злодѣя-помѣщика крестьянъ двоюродной сестры, которую, однако же, спастъ, при помощи своихъ крестьянъ, тотъ же Степанъ Михайловичъ, такимъ образомъ вмѣшавшійся въ эти «поганья дѣла» ради близкаго человѣка, но только по отношенію къ страждущимъ мужикамъ державшійся «непротивленія злу», хотя тогда, конечно, еще не существовало теоріи Л. Н. Толстого.

А между тѣмъ Степанъ Михайловичъ былъ же способенъ, по добрымъ сторонамъ своей природы, быть полезнымъ своимъ крестьянамъ—насколько это ему было угодно и насколько это было возможно безъ особеннаго напряженія воли. «Я зналъ, рассказываетъ С. Т. Аксаковъ, внуковъ, правнуковъ тогдашняго поколѣнія, благодарной памяти которыхъ въ изустныхъ разсказахъ переданъ былъ благодѣтельный и строгій образъ Степана Михайловича, незабытаго еще и теперь» (стр. 18). Дѣло въ томъ, что какъ гнѣвъ, такъ и милость сказывались въ немъ совершенно *стихійно*, подобно тѣмъ разрушительно-бурнымъ и благодѣтельно-тихимъ днямъ, пестрая смѣна которыхъ сказывается въ природѣ. Чисто стихійнымъ оставалось въ немъ и самое чувство правды и справедливости, въ силу которыхъ «не было человѣка, кто бы ему не вѣрилъ», такъ какъ «его слова, его обѣщаніе были крѣпче и святѣе всякихъ духовныхъ и гражданскихъ актовъ» (стр. 4). Что это именно только лежало уже въ самой его природѣ, а не было выработано въ немъ борьбою и нравственнымъ уходомъ за самимъ собою, что онъ въ этомъ отношеніи какъ бы не понималъ самой возможности какихъ нибудь соблазновъ и колебаній, ясно изъ того, что, по замѣчанію автора, «кто разъ солгалъ, разъ

обмануль, тотъ и не ходи къ нему на господскій дворъ: не только ничего не получить, да въ иной часъ дай Богъ и ноги унести» (стр. 18). Понятно, что при такой стихійности въ немъ самаго добра, при такомъ отсутствіи въ немъ сознательности, ему приходилось подчасъ, желая добра, дѣлать прямо зло. Вспомнимъ, какъ первая надежда на то, что у него будетъ внукъ, возбудила въ старикѣ страстное желаніе порадовать кого нибудь изъ своихъ людей, — и вотъ онъ выдалъ некрасивую и немолодую уже Аксютку за молодого, давно уже понравившагося ей, красавца-парня. Въ результатѣ, конечно, оказалось, что «Аксютка ревновала съ утра до вечера, и не безъ причины, а Малышъ колотилъ ее съ утра до вечера и также не безъ причины, потому что одно только полѣно, и то не надолго, могло зажимать ей ротъ, унимать ея злой языкъ» (стр. 185). Замѣчая по поводу этого: «жаль, очень жаль! погрѣшилъ Степанъ Михайловичъ и сдѣлалъ онъ чужое горе изъ своей радости», авторъ и не касается того, сознавалъ ли Степанъ Михайловичъ свой невольный грѣхъ. Но, на основаніи всего, что о немъ говорится въ книгѣ, мы едва ли не имѣемъ права заключить, что онъ его такъ и не признавалъ. Вѣдь и самая совѣсть сказывалась въ немъ какъ-то стихійно—въ томъ, на примѣръ, что послѣ страшной расправы съ ближайшими къ нему людьми ему вдругъ хотѣлось, чтобы они объ этомъ забыли и весело шли на его ласковый зовъ со всѣми очевидными признаками недавней расправы. При этомъ, конечно, въ немъ оставалось и самолюбивое чувство своей все-же-таки правоты,—такъ какъ гроза поднималась въ немъ изъ-за правды, принимала видъ карающаго отеческаго самосуда и самый голосъ совѣсти, возбуждаемый безчеловѣчною жестокостью его расправы, шепталъ ему только то, что надо же смѣнить свой, хотя и праведный, гнѣвъ на милость. Что-то въ родѣ признанія и своей собственной настоящей вины, сказывается въ немъ развѣ тогда, когда на его требованіе: «подайте Сережу», ему, однакоже, не подають внука и онъ, вмѣсто того, чтобы грозно повторить свое требованіе, самъ идетъ

къ его матери, такъ болѣзненно имъ озадаченной, обнимаетъ ее и нѣжно ей говорить, что ему «безъ невѣстыньки будетъ скучно» (стр. 19—20). Дѣло въ томъ, что въ природѣ его несомнѣнно заключаются любящія наклонности, только постоянно заглушаемыя въ немъ прирожденнымъ избыткомъ властной самости. Затаенная въ основахъ его природы, прямо даже мягкость приводитъ его подчасъ и къ той полнѣйшей снисходительности къ дерзкимъ даже продѣлкамъ своихъ дворовыхъ людей, къ той снисходительности, въ которой, конечно, отзывается съ другой стороны опять-таки барское: «я караю, я и милую» (стр. 27—28). Конечно, не что иное, какъ доброта и нѣжная заботливость о любимомъ существѣ заставляютъ его не велѣть будить Танюшу, про которую только что сказали ему, что она дурно провела ночь; между тѣмъ, эта же самая любовь и заботливость обращаются въ пытку для его милой дочери, которую, уже давно одѣтую, заставляютъ опять улечься въ постель, боясь доложить старику, что она уже встала, т. е. что вышло не такъ, какъ онъ въ своей заботливости порѣшилъ.

Способность къ самой нѣжной любви сказывается и въ отношеніяхъ Степана Михайловича къ своей двоюродной сестрѣ, Прасковѣ Ивановѣ, которую, не смотря на его грозный нравъ, женская хитрость умѣетъ, однако же, пристроить тайкомъ отъ него за такого человѣка, которому нужно было лишь «прибрать къ рукамъ ея богатство» (стр. 36). Не только свѣтлый, отъ природы проникательный умъ Багрова, но именно также и любовь къ сестрѣ, доводящая, такъ сказать, до сердечной прозорливости, даетъ ему возможность столь вѣрно разгадать Куролесова, такъ ловко замаскировывающагося отъ другихъ и даже отъ своей молодой жены, которую умѣлъ же онъ къ себѣ привязать такою прочной привязанностью. «Ласковыя рѣчи и почтительный тонъ не обманули Степана Михайловича» замѣчаетъ авторъ, прибавляя, конечно, съ другой стороны: «при томъ дѣдушка былъ самой строгой и скромной жизни, и слухи, еще прежде случайно дошедшіе до него, такъ

легко извиняемые другими, о безпутствѣ майора, поселили отвращеніе къ нему въ цѣломудренной душѣ Степана Михайловича, и хотя онъ самъ былъ горячъ до бѣшенства, но недобрыхъ, злыхъ и жестокихъ безъ гнѣва людей — терпѣть не могъ» (стр. 37). Это послѣднее указаніе автора, замѣтимъ мимоходомъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Багрову была, стало быть, противна холодная, преднамѣренная, расчетливая жестокость, при которой, разумѣется, невозможна никакая, даже инстинктивная, доброта, такъ громко опять пробуждавшаяся въ Степанѣ Михайловичѣ послѣ самыхъ жестокихъ проявленій его страшнаго гнѣва. Но вѣдь именно при такой стихійной страстности Багровской природы и представляется особенно замѣчательною его строгая и скромная, его цѣломудренная, какъ выражается авторъ, жизнь. Она, конечно, можетъ объясняться отводомъ всѣхъ страстныхъ поползновеній Багровской природы въ одну сторону—въ сторону рьянаго ратованія за правду, ратованія, понимаемаго односторонне и извращенно—въ смыслѣ постояннаго преслѣдованія и малѣйшихъ уклоненій отъ нея въ своей семьѣ одною патриархальною грозою. Всего же вѣрнѣе, конечно, цѣломудренность Степана Михайловича объясняется силою его привязанности къ семьѣ, заставляющей его сосредоточивать свои чувства, не позволяющей ему проматываніемъ этихъ чувствъ на сторонѣ оскорблять дорогую для его сердца святыню семьи. Кромѣ жены и дѣтей, крѣпко и постоянно любя, какъ бы родной братъ, и свою двоюродную сестру, Багровъ любитъ ее вовсе не эгоистически; онъ готовъ увидѣть ее замужемъ, но за человѣкомъ, который былъ бы достоинъ ея, который понималъ бы, что настоящая человѣческая привязанность къ женщинѣ—это только привязанность сосредоточенная, прочная, способная лечь въ основу семейной жизни — съ ея святыней любви уже вовсе не страстной, не заполняющей всего человѣка, но оставляющей его свободнымъ для всѣхъ проявленій высшей человѣческой жизни. Все это, конечно, чувствуется Багровымъ чисто инстинктивно, но чувствуется имъ глубоко. Отсутствие всякаго эгоизма въ

отношеніяхъ его къ Прасковѣ Ивановнѣ, судьбою которой такъ легкомысленно распоряжаются другіе, навлекающіе на себя за то, съ его стороны, такую ужасающую грозу, заставляють его, при всей его непреклонности въ своихъ рѣшеніяхъ, сказать ей: «если черезъ годъ ты будешь такъ же довольна своимъ мужемъ, и онъ будетъ такъ же хорошо съ тобою жить, то я помирюсь съ нимъ» (стр. 46). Видя, какъ благополучно проходитъ не только годъ, но и нѣсколько лѣтъ, Степанъ Михайловичъ, преодолевая себя, способенъ даже признать хозяйственныя распоряженія Куролесова дѣльными и сказать ему самому: «ну, братъ Михайло, ты изъ молодыхъ да ранній, и тебя учить нечего» (стр. 62) *). А все же на повѣрку оказывается, что не даромъ Багровъ повторялъ такъ долго: «хорошъ парень, ловокъ и смысленъ, а сердце не лежитъ», и Прасковѣ Ивановнѣ все болѣе и болѣе приходится убѣждаться въ томъ, что «изъ всѣхъ баловницъ и потатчицъ ея ребяческимъ желаніямъ—всѣхъ больше любитъ ее грубый братъ, противникъ ея счастья». Онъ-то, какъ извѣстно, и спасаетъ ее отъ мужа, обернувшася, наконецъ, настоящимъ извергомъ.

Своего рода сердечная прозорливость, а не однѣ причуды вообразившаго себя такимъ родовитымъ, отца-самодура, заставляють Степана Михайловича такъ долго сопротивляться намѣренью своего сына жениться на Софѣ Николаевнѣ Зубиной. Прежде всего, конечно, его смущаетъ уже одно то, что его сынъ *влюбился*. «Онъ, говоритъ авторъ про старика Багрова, мало понималъ романтическую сторону любви, и мужская его гордость оскорблялась влюбленностью сына, которая казалась ему слабостью, униженіемъ, дрянностью въ мужчинѣ» (стр. 88). По поводу этого совершенно вѣрно замѣчено было покойнымъ

*) По свидѣтельству автора, внукъ Степана Михайловича нашелъ въ бывшихъ крестьянахъ Прасковьи Ивановны даже благодарную память объ управленіи ея мужа, потому что они чувствовали постоянную пользу многихъ его учрежденій (стр. 69).

Дудышкинымъ: «черта замѣчательная и особенно важная въ примѣненіи къ нашей старинной до-Петровской жизни,— черта, которою многое поясняется, а еще больше уничтожается фальшивыхъ драмъ, фальшивыхъ историческихъ романовъ, гдѣ наши степенные бояре безъ ума влюбляются въ красавицъ подъ романтическими фатами». Критикъ при этомъ вмѣняетъ въ особенную заслугу С. Т. Аксакову то, что онъ въ своей характеристикѣ Степана Михайловича, да и самой Софьи Николаевны обошелся «безъ помощи тѣхъ ресурсовъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ наши повѣствователи, т.-е. безъ помощи любви, какъ главной дѣйствующей страсти» *). Да и одни ли наши? готовы бы мы спросить. Не романы ли всего міра повѣствуютъ намъ—не о любви, безъ которой въ ея высокомъ міровомъ смыслѣ обойтись нельзя,—а о *влюбленности*, этой жалкой порабощенности одного человѣка другимъ или же обоюдной порабощенности двухъ существъ; а то, что это еще не опротивѣло, не довело читателей всего міра до повальной тошноты,—не объясняется ли замѣчаніемъ доктора Крупова, что всѣ мы нѣсколько психопаты? Какъ бы то ни было, но «Семейная Хроника» С. Т. Аксакова, какъ и нѣкоторыя другія произведенія нашей новѣйшей литературы, дѣйствительно выводятъ насъ на новую дорогу,—такую, на которой можно будетъ обходиться—не безъ любви, повторимъ еще разъ, а безъ того, что не даромъ же Русскій человѣкъ обозначаетъ презрительно-насмѣшливыми глаголами: *втюриться*, *връзаться* и т. п., выражающими то глупое положеніе, когда человѣкъ, ради личной страсти, теряетъ свою свободу, свою способность принадлежать себѣ, т.-е. своей сознательной связи съ обществомъ и всѣмъ высшимъ отправлениямъ своей духовной природы.

Но если Степанъ Михайловичъ оскорблялся влюбленностью своего сына, какъ признакомъ его «слабости, дрянности», то это, конечно, связывалось у него и съ тѣмъ,

*) „Отеч. Зап.“ 1856 г., стр. 84.

что онъ не могъ не признавать въ своемъ сынѣ и вообще довольно слабого характера. «Она найдетъ себѣ получше и побойчѣе жениха, говорилъ онъ про Софью Николаевну женѣ и дочерямъ. «Онъ ей не пара» (стр. 86). «Она, твердилъ онъ самому влюбленному въ нее сыну, горожанка, ученая, бойкая, привыкла послѣ мачихи повелѣвать въ домѣ и привыкла жить богато, даромъ что сама бѣдна; а мы люди деревенскіе, простые и наше житіе ты самъ знаешь, да и себя ты долженъ понимать: ты парень смирный; но хуже всего, что она больно умна». — Отсюда у Степана Михайловича, при его свѣчаѣ и обычаѣ, выводъ короткій: «Ну такъ вотъ тебѣ мое отцовское приказаніе: выкинь эту любовь изъ головы». А кончается все-таки тѣмъ, что, когда эта любовь изъ головы у Алексѣя не выкидывается, старикъ сдается при всей своей обычной властности—сдается передъ страхомъ, что сынъ, пожалуй, и не даромъ грозитъ ему взять да и покончить съ собою. (Кѣмъ-то очень вѣрно было замѣчено, что старикъ не читалъ сентиментальныхъ романовъ, а потому и не догадывался о происхожденіи этой угрозы сына). Такимъ образомъ, любовь къ сыну,—любовь, можно сказать, прямо нѣжная, одерживаетъ верхъ надъ властною натурою отца. А старикъ, между тѣмъ, вѣдь правъ относительно своей невѣстки. «По-неволѣ должно признать, говоритъ авторъ, что въ основаніи ея характера уже лежали сѣмена властолюбія и что въ настоящее время, освобожденные изъ подъ тяжкаго гнета жестокой мачихи, они дали сильныя ростки; что безъ вѣдома самой Софьи Николаевны — любовь къ власти была тайною причиною ея рѣшимости» (стр. 102) (т.-е. рѣшимости на бракъ съ Алексѣемъ, въ котораго она вовсе не была влюблена). И впослѣдствіи, и самъ даже нѣжно привязавшись къ невѣсткѣ — за ея замѣчательный умъ и за ея умѣніе, при всемъ различіи въ воспитаніи, привычкахъ и даже взглядахъ, ладить со старикомъ, Степанъ Михайловичъ остался при своемъ взглядѣ. «Онъ былъ такъ уменъ, не смотря на то, что не получилъ никакого образованія, такъ тонко понималъ, не смотря на то, что

выражался грубо, по топорному,—что почувствовалъ все неравенство природы этихъ двухъ существъ,—и крѣпко призадумался» (стр. 175). Не даромъ же говорилъ онъ Софья Николаевнѣ: «дорогая невѣстушка, всѣмъ тебя Богъ не обидѣлъ, одно скажу тебѣ: не давай воли своему горячему сердцу; мужъ у тебя добрый и честный человекъ: нравъ у него тихій и ты отъ него никогда терпѣть не будешь никакой обиды; не обижай же его сама. Чти его и поступай съ уваженьемъ. Не станешь почитать мужа—пути не будетъ. Что онъ скажетъ или сдѣлаетъ не такъ, не по твоему,—промолчи, не всяко лыко въ строку, не всяка вина виновата. Больно я тебя полюбилъ, вижу я тебя всю! (Какой чудный, собственный намекъ старика на ту прозорливость, которая вытекаетъ изъ любви). Ради Бога, не переливай черезъ край; все хорошо въ мѣру, даже ласки и угожденья». Съумѣвъ и къ себѣ привязать невѣстку, старикъ какъ будто тѣмъ самымъ сильнѣе ее привязалъ къ своему сыну. «Подобно всѣмъ страстнымъ, восторженнымъ людямъ, она перенесла нѣкоторую часть качествъ, плѣнившихъ ее въ свекрѣ, на своего молодого, прекраснаго друга и любила его въ то время больше, чѣмъ когда нибудь» (стр. 146). Но вѣдь такъ оно было только на время. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше самая мягкость и ровность, самое его природное спокойствіе тяжело дѣйствовали на нее. Стоитъ только припомнить, какъ, послѣ бурной сцены съ нею изъ-за его сестеръ и послѣдовавшаго съ ея стороны раскаянія, «онъ проспалъ всю ночь преспокойно,—она всю ночь не спала» (стр. 164). Уже одного этого вполне достаточно, чтобы понять, до какой степени она только пыталась его идеализировать.

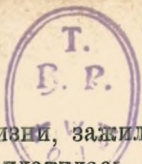
Все болѣе и болѣе оглядываясь вокругъ себя, она стала судить вѣрнѣе: «разумнѣе, снисходительнѣе смотрѣла она на чуждыхъ ей во всѣхъ отношеніяхъ свекровь и молодую золовку; съ меньшимъ увлеченьемъ взглянула на свекра и поняла, изъ какой среды вышелъ ея мужъ» (174).

Вотъ этого-то никакъ не могъ понять самъ столь умный и прозорливый свекоръ. Да, онъ никакъ не могъ понять,

что именно ему-то, его слишкомъ частой семейной грозѣ, и былъ обязанъ Алексѣй своимъ черезъ-чуръ податливымъ, мягкимъ, въ сущности совсѣмъ не мужскимъ, характеромъ. На всѣ печальныя внутреннія послѣдствія домашняго строя Степана Михайловича, зависѣвшія отъ его нрава и въ послѣдствіи отразившіяся даже на его внука (какъ-то можно прослѣдить по «Дѣтскимъ годамъ Багрова»), справедливо обратилъ вниманіе еще покойный Шевыревъ (въ статьѣ своей объ этой послѣдней книгѣ)*). При всѣхъ обильныхъ задаткахъ любви въ своей природѣ, старикъ Багровъ былъ далекъ отъ того, чтобы сознательно возвести начало любви на степень руководящей силы въ семейной жизни. Онъ прямо потакалъ своимъ гнѣвнымъ наклонностямъ, придавая такую руководящую силу именно грозѣ, устрашающему значенію своей патріархальной власти. Это не мѣшало ему, какъ неоднократно показываетъ намъ авторъ, быть порою прямо пересиливаемому женскимъ упрямствомъ или же перехитряемому женскою хитростью; но онъ слѣпо держался за то же свое руководящее начало, невразумляемый никакимъ опытомъ, при всемъ своемъ свѣтломъ умѣ. Онъ держался въ семьѣ, этомъ маленькомъ своемъ государствѣ, той фикціи *сильной власти*, которая на повѣрку оказывается только властью самодовлѣющею, не желая вразумиться ничѣмъ, что настоящая сила власти именно и заключается въ любви. Такимъ образомъ становясь подчасъ для своихъ ближайшихъ настоящимъ Иваномъ Грознымъ, онъ создалъ въ лицѣ своего Алексѣя Степановича какое-то подобіе кроткаго и безличнаго Федора Ивановича. Потому-то и лучшія стороны природы, не заглушенныя въ немъ, какъ были онѣ наконецъ заглушены въ Грозномъ, но оставшіяся въ состояніи природной невоздѣланности, не спасли благороднаго Степана Михайловича отъ величайшаго изъ несчастій—стать виновникомъ нравственнаго несчастія въ своемъ потомствѣ. Все это, конечно, зависѣло отъ той безыдейности, до которой всегда доходитъ самодовлѣющая властность.

*) „Русская Бѣсѣда“ 1858 года.

Какъ Грозный пришелъ наконецъ къ тому, что сталъ исключительно защищать свою власть, просто какъ власть, отрѣшивъ ее отъ выспаго ея назначенія, не думая даже о томъ, чтобы оправдать ея крайности служеньемъ землѣ,—такъ и старикъ Багровъ, на высотѣ своей барской безотвѣтственности и отрѣшенности отъ всякаго сознательнаго служенія общему благу, является въ сущности тѣмъ, чтó называется у народа самодуромъ, хотя и сохраняетъ до конца потребность смѣнять свои грозные дни днями свѣтлыми и спокойными. Мы не можемъ поэтому согласиться съ характеристикою старика Багрова у одного изъ современныхъ Аксакову критиковъ, въ которой является онъ выразителемъ основныхъ свойствъ всего Русскаго народа. «Въ жизни, по словамъ этого критика (т.-е. въ жизни народа) великая практичность; въ семьѣ полное самовластіе, въ области идей и смыслѣ нравственномъ—немногія обиходныя правила, почерпнутыя изъ жизни и укрѣпленныя обычаемъ той же жизни». Чтó касается такъ называемой практичности, то именно ея-то, пожалуй, и не было въ строгомъ смыслѣ у Степана Михайловича; но зато въ строгомъ смыслѣ не было у него и тѣхъ твердыхъ правилъ, той руководящей идеи, которыя заключаются для народа въ его бытовомъ началѣ—общинѣ. «Въ жизни дѣйствительной, продолжалъ критикъ, въ большинствѣ, онъ, (т.-е. народъ), тѣснимый практическимъ умомъ, часто, можетъ быть, жертвовалъ безукоризненностью своей нравственности исторической пользѣ... Тогда онъ умѣлъ и терпѣть и хитрить... и, помощью этихъ двухъ новыхъ силъ, способенъ былъ управиться съ Татаринომъ, вытерпѣвъ все, чтó только можетъ вытерпѣть человекъ, и перехитривъ своего врага, отъ котораго во время борьбы позаимствовался многимъ немягкимъ въ своемъ характерѣ» (85—86). Но Степану Михайловичу, продолжаемъ мы не сближать, а противопоставлять, совсѣмъ не приходилось кривить душой, потому что въ сущности не приходилось и терпѣть, бороться. Ему выпала красная доля той части Русскаго народа, которая оторвалась отъ его общей, столь незавидной

жизни, зажила своею особою, привольною верховою, но поплатилась за это утратою нравственно возвышающаго вліянія связи съ великимъ дѣломъ, утратою и того руководящаго начала народнаго быта, безъ котораго барская личность осталась вполнѣ предоставленною самой себѣ, произволу своей властной самости. Старикъ Багровъ далекъ отъ сознанія всего этого, несмотря на свой свѣтлый и даже пронизательный умъ; онъ вполнѣ сжился со своею жизнью,—вольною и въ то же время столь узкою жизнью, отъ однообразія которой онъ находитъ спасенье въ семейныхъ буряхъ, способныхъ и помимо какого либо байронизма подчасъ ему доставлять особаго рода покой. Въ этомъ отношеніи уже нѣчто иное представляетъ намъ, столь ненавистный Степану Михайловичу, мужъ его милой Прасковьи Ивановны. «Куролесовъ, говоритъ тотъ же критикъ, начинаетъ тяготиться деревенскою жизнью, тогда какъ Багровъ постоянно ею доволенъ... но въ этомъ стремленіи выйти изъ монотонной и недѣятельной жизни онъ бросается въ ту крайность, которая можетъ быть только у человѣка вполнѣ необразованнаго... Будь Куролесовъ настолько доступенъ вліянію идей, насколько у него достаеьт сметки на каждое практическое дѣло (авторъ представляетъ его, напомнимъ мы отъ себя, человѣкомъ очень способнымъ); будь душа этого человѣка занята мыслию въ безконечные праздные дни, будь она подготовлена къ принятію какого нибудь благороднаго помысла, вѣрно Куролесовъ не кончилъ бы свой вѣкъ въ безобразныхъ оргіяхъ...» Въ этомъ много правды. Самъ С. Т. Аксаковъ замѣчаетъ, что «только дѣло спасало Куролесова», что когда онъ привелъ въ порядокъ обѣ новыя деревни, пьянство и буйство совершенно имъ овладѣли» (53). «Переходъ отъ трезвой дѣятельности къ безумной оргіи, продолжаетъ критикъ, какъ переходъ отъ старинной заунывной пѣсни къ плясовой, составлялъ характеристическую черту нашей старины» *). Да, но и тутъ надо вѣдь умѣть различать такой переходъ въ

*) Отеч. Зап. 1856 г. кн., стр. 83—89 отд. критики.

народѣ, гдѣ онъ происходитъ по большей части съ горя или съ отчаянія, происходитъ ради того, чтобы хоть на время забыться, отъ подобнаго же перехода на той высотѣ барской жизни, гдѣ оргія принимаетъ характеръ какого-то особаго права или привилегіи. Не надо вѣдь забывать, что, по замѣчанію Аксакова, несмотря ни на какія оргіи, ни на какое безшабашное самоуправство, авторитетъ Михайлы Максимовича въ общественномъ мнѣніи росъ не по днямъ, а по часамъ. «Съ мелкимъ и бѣднымъ дворянствомъ, правду сказать, поступалъ онъ крутенько и самовластно, и хотя оно его не любило, но зато крѣпко боялось, а высшее дворянство только похваливало Михайлу Максимовича за то, что онъ не даетъ забываться тѣмъ, кто его пониже» (стр. 49). Только при такомъ общественномъ попустительствѣ или даже санкціи, «кровожадная натура Куролесова, воспламеняемая до бѣшенства спиртными парами, и развивалась на свободѣ во всей своей полнотѣ и представила одно изъ тѣхъ страшныхъ явленій, отъ которыхъ содрогается и которыми гнушается человѣчество. Это ужасное соединеніе инстинкта тигра съ разумностью человѣка» (стр. 50). Мы можемъ, пожалуй, привести параллель и изъ народныхъ былинъ, но собственно изъ тѣхъ былинъ Новгородскихъ, героемъ которыхъ является не крестьянскій сынъ Илья, а Васька Буслаевъ, котораго по теперешнему пришлось бы назвать богатымъ купеческимъ сыномъ съ его «рукою владыкою» (къ такой параллели мы вернемся еще по поводу комедій Островскаго). Типъ этотъ столь же, конечно, не милъ народу, потому то и сохранившему о Васькѣ такъ мало пѣсень, какъ, напротивъ того, милъ народу, сохранившійся въ такомъ громадномъ количествѣ былинъ, типъ Ильи. Но у Куролесовыхъ опорой для варварскаго ихъ самодурства служило не только богатство, но и гнусной памяти крѣпостное право. Оно-то окончательно имъ давало возможность доходить до того Карамазовскаго безудержа, который, разумѣется, существовалъ въ нашей жизни задолго до Достоевскаго, существовалъ въ разныхъ видахъ и былъ только формулированъ въ его общемъ ши-

рокомъ смыслѣ нашимъ великимъ психологомъ-романистомъ. Мы положительно знаемъ, что Куролесовщина продолжала еще держаться въ Оренбургской губерніи даже въ то время, когда появилась «Семейная Хроника», знаемъ по тогдашнимъ рассказамъ одного изъ тамошнихъ землевладѣльцевъ, нашего университетскаго товарища, которому вполне довѣряемъ. Да, еще въ то время, т.-е. почти наканунѣ отмѣны крѣпостного права, одинъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, занимавшій должность уѣзднаго предводителя дворянства, подвергшись опасности быть приколоченнымъ однимъ изъ своихъ крестьянъ за любезности къ его женѣ, упекъ этого крестьянина въ Сибирь, а жену его оставилъ при себѣ. Другой изъ Оренбургскихъ помѣщиковъ продолжалъ въ то время пользоваться правомъ *primae noctis* — съ особенными изощреніями, достойными самыхъ гнусныхъ временъ Римской имперіи. Тотъ же изобрѣтательный сладострастникъ, въ случаяхъ гнѣва на своихъ крестьянъ, выжигалъ иногда у нихъ хлѣбъ, безъ разбора сдавалъ ихъ въ рекруты, а однажды, въ разгарѣ бѣшенства, погрозился всѣмъ годнымъ изъ нихъ забрить лобъ, остальныхъ же сослать въ Сибирь. Когда, вслѣдствіе крестьянскихъ жалобъ, по старанію тогдашняго вице-губернатора того края, варваръ помѣщикъ подвергся, наконецъ, заключенію, то почтенные дворяне Оренбургской губерніи сердобольно навѣщали его, исполненные признательной памяти о роскошныхъ пирахъ, которые онъ имъ давалъ. По ходатайству своихъ доброхотовъ скорѣй выпущенный на свободу, онъ удостоился приглашенія на обѣдъ къ губернатору, а виновнику его долгой невзгоды, вице-губернатору, сдѣланъ былъ строгій выговоръ. Кончилось, впрочемъ, тѣмъ, что новому Куролесову приказано было жить безвыѣздно въ Вяткѣ. Былъ, наконецъ, въ то время на границѣ Оренбургской и Казанской губерніи и такой шутникъ, который навѣщавъ своихъ крѣпостныхъ въ воровствѣ и разбоѣ по проселочной дорогѣ и хранилъ у себя добычу, когда же къ нему наѣзжалъ исправникъ, по-просту говорилъ ему, что домъ дворянина не можетъ подвергаться обыску (на-

ходя, можетъ быть, возможнымъ подкрѣплять свои доводы и кое-чѣмъ инымъ). Все это было записано нами со словъ нашего бывшаго товарища въ 1858 г., когда появились, въ видѣ продолженія «Семейной Хроники», и «Дѣтскіе годы Багрова внука», по поводу которыхъ написана была извѣстная статья покойнаго Добролюбова: «Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы». Замѣчательно, что въ статьѣ этой Добролюбовъ утѣшалъ себя такими соображеніями: «Нынѣ распространившееся образованіе измѣнило во многомъ даже деревенскую жизнь. Помѣщики, конечно, поняли нынѣ свои отношенія къ крестьянамъ гораздо лучше, чѣмъ прежде: доказательствомъ этого можетъ служить то радостное чувство съ которымъ принимается ими, за исключеніемъ самыхъ грубыхъ и необразованныхъ, Высочайшая воля объ освобожденіи крестьянъ (?!)... Рѣдкій помѣщикъ въ наше время не выписываетъ журналовъ и хорошихъ книгъ. Слѣдовательно, у нихъ есть куда дѣвать свое время не безъ пользы... и, при помощи просвѣщающаго вліянія новыхъ книгъ, есть уваженіе къ человѣческому достоинству и въ лицѣ крестьянина» *). На самомъ же дѣлѣ остатки Куролесовщины пережили крѣпостное право, и послѣдніе ея представители, въ числѣ всякаго другого подходящаго люда, нахватываемаго отовсюду, стали вербоваться въ ряды дѣятелей, посвятившихъ себя дѣлу разрушенія ради политическихъ цѣлей. Вотъ откуда произошелъ въ «Бѣсахъ» Достоевскаго Николай Ставрогинъ.

Совершенно особеннымъ, и по своему положенію, и по своему характеру, является въ «Семейной Хроникѣ» отецъ Софьи Николаевны, выслужившійся сынъ казацкаго урядника, Зубинъ —человѣкъ, по выраженію автора, умный и честный, но слишкомъ нѣжный и слабый» (стр. 74), къ тому же «носившій на себѣ печать уклончиваго, искательнаго чиновника, который, начавъ съ канцелярскаго писца, дослужился до званія товарища намѣстника» (стр. 145). Та *нѣжность*, которой онъ даетъ въ себѣ проявляться такъ-же

*) Соч. Добролюбова, т. I, стр. 353.

на свободѣ, какъ другіе герои «Хроники» даютъ проявляться другого рода наклонностямъ, доходить наконецъ до противности, невольно заставляющей предпочесть ей грубость. Дѣло въ томъ, что эта нѣжность, непомѣрно развитая въ одну сторону, доводитъ его до безчувственности, до прямого равнодушія къ жестокости, даже мирволенья ей (или, говоря языкомъ Л. Н. Толстого, до «непротивленія злу»). Зубинъ — это вѣдь одинъ изъ тѣхъ милыхъ отцовъ, которые, овдовѣвъ, считаютъ, видите-ли, своимъ долгомъ опять жениться—конечно «ради дѣтей». на самомъ же дѣлѣ ради самихъ себя (болѣе откровенные изъ нихъ позволяютъ себѣ сознаться какому нибудь подростающему сыну, что безъ этого они не могутъ,— и это, пожалуй, еще лучшіе!). Зубинъ—одинъ изъ тѣхъ мерзкихъ отцовъ, которые являются на глазахъ у своихъ дѣтей въ дурацкой роли влюбленныхъ, которые, втюрившись по уши, позволяютъ своей второй женѣ обратиться въ гонительницу и мучительницу ихъ дѣтей. Къ счастью для Зубина, его вскорѣ постигаетъ несчастіе—вторая его жена преждевременно умираетъ и, хотя онъ, вслѣдъ затѣмъ, самъ оказывается разбитымъ параличомъ, но въ немъ зато не въ конецъ разбивается его мужское и вообще человѣческое достоинство,—впрочемъ только до поры до времени. Все болѣе и болѣе позволяя своему физическому недугу одолевать себя, т.-е. и свою духовную сторону, онъ доходитъ наконецъ до того, что той самой дочери, которая была главнымъ предметомъ гоненій его жены, а послѣ ея смерти стала его правой рукой, рѣшается предпочесть своего крестника Калмыка, бывшаго любимца его второй жены, съумѣвшаго во время отлучки Софьи Николаевны, приоровившись къ его вкусамъ, съ какою-то нѣжностью ухаживать за больнымъ. Родная, дѣйствительно нѣжно любившая его, несмотря на свою ссылку на кухню при мачихѣ, умная и даровитая дочь, которой одной онъ обязанъ былъ тѣмъ, что могъ, несмотря на параличъ, исполнять всѣ служебныя обязанности,—вынуждена, ради Калмыка любимца, выѣхать съ мужемъ изъ его дома — потому что къ отцу

ея вполнѣ примѣнима пословица «каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку». Какъ всегда, такъ и теперь, Зубинъ весь уходитъ своей дряблой душой въ одно—въ привязанность къ существу, умѣющему лично ему понравиться—удовлетвореньемъ его похотливой жаждѣ усерднаго ухода, жаждѣ того, чтобы другое существо, какое бы то ни было, хотя бы только казалось отдавшимъ себя ему вполнѣ. Но отойдемъ поскорѣе отъ Зубина, къ которому, повидимому, душа не лежитъ и у самого безпристрастнаго художника, умѣвшаго насъ заставить, хотя мы и чувствуемъ подчасъ ужасъ передъ старикомъ Багровымъ, не только вообще уважать, но отчасти и любить этого старика.

Женскіе образы «Семейной Хроники», особенно Прасковьи Ивановны, не вполнѣ еще дорисованы въ ней, переходя и въ «Дѣтскіе годы Багрова». И Прасковья Ивановна, и Софья Николаевна, когда-то хотя и жертвы гнета, несмотря на то, а вѣрнѣе, пожалуй, и вслѣдствіе того, выступаютъ передъ нами, какъ женщины въ своемъ родѣ властныя, хотя и въ болѣе, конечно, смягченномъ смыслѣ, чѣмъ грозно-благодушный Степанъ Михайловичъ. Прасковья Ивановна впрочемъ проявляетъ свою властность въ «Семейной Хроникѣ» собственно въ моментъ своего появленія передъ мужемъ, среди самаго разгара его отвратительной оргіи; — это, конечно, властность вполнѣ законная, чисто нравственная, напоминающая величавый образъ эпической Дамаянти въ моментъ ея расправы, силою своего негодующаго слова, со «святотатцемъ», напавшимъ на нее въ пустынь. Мы смѣло можемъ отнести не только къ спасителю Прасковьи Ивановны, Степану Михайловичу, но отчасти и къ ней самой, золотыя слова нашего автора: «да, есть нравственная сила праваго дѣла, передъ которой уступаетъ мужество неправаго человѣка» (стр. 65). Да, и въ ту минуту, когда, въ отвѣтъ своей негодующей женѣ, Куролесовъ въ состояніи прибѣгнуть только къ палкамъ, мы заранѣе можемъ его признать уже на половину побѣжденнымъ. Впослѣдствіи въ той же Прасковьѣ Ивановнѣ развивается властность уже другого рода — вовсе

не освященная нравственною идеею, а просто желающая себя вознаградить за весь переиспытанный гнетъ причудливымъ произволомъ, властность, пользующаяся матерьяльнымъ своимъ положеніемъ для разыгрыванія среди окружающаго общества роли, немножко какъ будто бы позаимствованной отъ супруга — роли величающагося надъ окружающими, презирающаго ихъ ради ихъ податливости, самодура въ юбкѣ. Но переходъ этотъ обнаруживается только въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова». Отчасти такой же переходъ, хотя и въ болѣе мягкихъ формахъ, происходитъ и въ Софьѣ Николаевнѣ, но происходитъ и окончательно упрочивается въ ней уже въ «Семейной Хроникѣ». «Загнанная, оборванная барышня,—говоритъ авторъ о Софьѣ Николаевнѣ, которую подлое лакейство, особенно приданные мачихи, обижали сколько душѣ угодно, втоптали въ грязь (подобно сказочной Попелюгѣ или Сандрильонѣ, прибавимъ мы отъ себя),—вдругъ сдѣлалась полновластною госпожею въ домѣ, потому что больной отецъ отдалъ ей въ распоряженіе все... Умудренная годами тяжкихъ страданій, семнадцатилѣтняя дѣвушка вдругъ превратилась въ совершенную женщину, мать (т.-е. на первыхъ порахъ мать своихъ младшихъ братьевъ, завѣщанныхъ ей не кѣмъ инымъ, какъ самую же умирающею и раскаявшеюся передъ нею мачихою), хозяйку и даже оффиціальную даму, потому что, по болѣзни отца, принимала всѣ власти, всѣхъ чиновниковъ и городскихъ жителей, вела съ ними переговоры, писала письма, дѣловыя бумаги, и впоследствии сдѣлалась настоящимъ правителемъ дѣлъ отцовской канцеляріи» (стр. 76—77). При развившемся ото всего отъ этого знаніи себѣ цѣны, при неизбѣжномъ тутъ самолюбіи, Софья Николаевна не доходитъ однакоже до тѣхъ крайнихъ проявленій властности, которыя, даже и при добромъ направленіи, дѣлають властность противною. Въ ней не проявляется ни чего *самодурнаго*. Способная сильно прогнѣваться на своего слабого и спокойнаго мужа, въ отвѣтъ на выходки противъ нея его сестеръ не встрѣчая съ его стороны достаточно сильнаго отпора, способная даже проговориться

отчасти объ этих выходках передъ крѣпко ее полюбившимъ свекромъ, Софья Николаевна способна однако же и признать, хотя и не сразу, хотя сначала и почувствовавъ себя оскорбленною, основательность тѣхъ укоровъ ей, до какихъ наконецъ дошелъ ея слабый мужъ, — укоровъ въ томъ, что она необдуманно подвергаетъ его сестеръ отцовской грозѣ; она способна раскаяться въ томъ и просить у него прощенія (стр. 164). Старикъ Багровъ вполне понимаетъ ее, говоря о ней сыну: «жена у тебя больно умна и горяча, можетъ, иногда скажетъ тебѣ и лишнее, не балуй ее, сейчасъ останови и вразуми, что это не годится; пожури, но сейчасъ же прости, не дуйся, не таи на души досады, если чѣмъ недоволенъ; выскажи ей все на прямыя денежки; но вѣрь ей во всемъ: она тебя ни на кого не промѣняетъ» (стр. 176). Но Софья Николаевна не только умѣетъ жертвовать своимъ самолюбіемъ своей любви къ мужу; самолюбіе постоянно подавляется въ ней и тѣмъ чувствомъ справедливости, которое, по народному пониманію, служитъ прямою основою для настоящей, для нравственной власти. «Кѡли правъ, такъ и баринъ», сказалъ при А. С. Хомяковѣ не про кого другого, какъ про самого же себя, одинъ, чувствовавшій себя правымъ, крестьянинъ; и хотя Софья Николаевна, по городскому своему воспитанію, даже въ деревнѣ держала себя далеко отъ крестьянскаго міра, она какъ-то совпадала, однако, въ этомъ отношеніи съ такимъ народнымъ міровоззрѣніемъ. Такъ, убѣдившись въ томъ, что Калмыкъ дѣйствительно хорошо ходитъ за ея больнымъ отцомъ, она заставила себя примириться съ нимъ незадолго до смерти отца и позволила ему ходить вмѣстѣ съ нею за умирающимъ» (стр. 208). Конечно, тутъ дѣйствовала и просто любовь къ отцу, любовь, ни мало не ослабѣвшая отъ его къ ней несправедливости. Но, при всей своей способности любить настоящею любовью, любить не для себя, а съ самоотверженіемъ, Софья Николаевна, при своей властности, огорчается тѣмъ, что мужъ, какъ она замѣчаетъ, любить ее уже не такъ пламенно, какъ въ пору своей, столь польстившей ея самолюбію, влюблен-

ности; отсюда въ ней ревность, усиливающаяся сознаниемъ зависѣвшей отъ извѣстнаго ея положенія утраты красоты, — ревность, поддерживаемая недостаточною, какъ ей кажется, внимательностью съ его стороны, объясняемою просто тѣмъ, что «какъ тутъ быть, если у одного нервы толсты, крѣпки и здоровы, а у другого тонки, нѣжны и болѣзненны, если приходили они въ сотрясеніе у Софьи Николаевны отъ того, что не дотрогивалось до нервовъ Алексѣя Степаныча» (стр. 196). При всемъ своемъ свѣтломъ умѣ, Софья Николаевна не въ силахъ сразу унять свою ревность и такимъ объясненіемъ его, такъ называемаго, охлажденія къ ней, какъ то, что «восторженность на людей тихихъ, кроткихъ и спокойныхъ всегда производитъ непріятное впечатлѣніе» (стр. 217). Но Софья Николаевна не остается, однако, рабою своей самолюбивой страсти. Она постоянно владѣетъ собою. Ея выдержанный нравъ объясняется, конечно, и тою весьма значительною образованностью, которую, воспользовавшись своимъ положеніемъ послѣ смерти мачихи, сѣумѣла сама доставить себѣ эта находчивая и неутомимая въ своей рьяности молодая дѣвушка. Образованность, ею пріобрѣтенная, вполне отражаетъ въ себѣ господствующій характеръ нашей образованности вообще — характеръ тепличности, отрѣшенности отъ нашей жизни, такъ долго доводившей образованныхъ нашихъ людей до совершеннаго равнодушія къ родному народу, до совершеннаго непониманья его и отъ него отчужденья. Отсюда-то, надо думать, въ справедливой и человѣчной Софьѣ Николаевнѣ такая жалкая слабость, какъ то, что она скрывала свое родство съ Уфимской мѣщанкой, добрѣйшей и всею душою преданной ей, Катериной Алексѣевной (стр. 192), на взглядъ Софьи Николаевны — той же, конечно, мужичкой. Отсюда и сильная нелюбовь просвѣщенной горожанки не только къ имѣнію ихъ Багрову (на то могли быть у нея свои особенныя основанія, зависѣвшія отъ недружелюбнаго отношенія къ ней золовокъ), но и къ деревнѣ вообще, хотя ей и было суждено не только почти постоянно жить, но даже и умереть въ этомъ немиломъ Багровѣ (стр. 168). Впрочемъ,

нерасположеніе Софьи Николаевны ко всему деревенскому окончательно раскрывается передъ нами уже въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова».

«Въ нашей литературѣ,—замѣтилъ въ свое время критикъ «Отечественныхъ Записокъ»,—мало женскихъ лицъ съ характерами, рѣзко, но психологически вѣрно очерченными, характерами сильными, взятыми не изъ фантазіи автора, а изъ дѣйствительной жизни. Такова Софья Николаевна, одаренная сильною волею и сильною любовью материнскою *). Но и эту свою сильную любовь со всѣмъ ея добромъ, а отчасти, пожалуй, и зломъ проявляетъ она уже въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова».

Перейдемъ же теперь къ ихъ разбору.

II.

„Дѣтскіе годы Багрова—внука“. — „Наташа“. „Воспоминанія“.

Замѣчательный, въ такой мѣрѣ едва ли даже ожидаемый авторомъ успѣхъ «Семейной Хроники», изданной имъ одновременно со своими «Воспоминаніями», побудилъ С. Т. Аксакова, всего уже за годъ до своей смерти, издать «Дѣтскіе годы Багрова—внука, служащіе продолженіемъ Семейной Хроники» (въ хронологическомъ порядкѣ они занимаютъ середину между нею и «Воспоминаніями»). Самъ указавъ въ своемъ обращеніи къ читателямъ на связь своей новой книги (написанной будто бы со словъ внука Степана Михайловича Багрова) съ прежнею, авторъ придалъ ей, однако, и самостоятельное значеніе, говоря, что «разказы эти представляютъ довольно полную исторію дитяти, жизнь человѣка въ дѣтствѣ, дѣтскій міръ, созидающійся постепенно подъ вліяніемъ ежедневныхъ новыхъ впечатлѣній» (Соч. С. Т. Аксакова, I, 331). Вотъ

въ этомъ-то смыслѣ, какъ замѣтилъ критикъ «Русскаго Вѣстника», новая книга С. Т. Аксакова и «напоминаетъ намъ повѣсти Диккенса и труды одного изъ молодыхъ Русскихъ писателей, пріобрѣтшаго извѣстность искусствомъ передавать впечатлѣнія дѣтства» *) (подразумѣвается, конечно, гр. Л. Н. Толстой, «Дѣтство» котораго появилось еще въ 1852 г., «Отрочество» въ 1854, а «Юность» въ 1855—57 г., такъ что и въ этомъ случаѣ С. Т. Аксаковъ выступилъ только вслѣдъ даже за однимъ изъ самыхъ молодыхъ преемниковъ Гоголя).

Если вѣрно, какъ замѣтилъ другой критикъ **), что настоящимъ героемъ новой книги должно считать Сережу, то и тутъ оказывается связь съ «Хроникою», которая заканчивается извѣстіемъ объ его рожденіи, получаемымъ въ Багровѣ старикомъ Степаномъ Михайловичемъ, въ свое время очень недовольнымъ, что родилась внучка, но тогда же утѣшавшимъ себя мыслию, что за нею, конечно, послѣдуетъ и внукъ. Старикъ Степанъ Михайловичъ въ новой книгѣ уже доживаетъ свой вѣкъ. Онъ уже уходился и опустился, все почти сидитъ въ своихъ кожаныхъ креслахъ со множествомъ мѣдныхъ шипечекъ, производящихъ такое впечатлѣніе на Сережу, сперва таки побаивавшагося дѣдушки—вслѣдствіе, вѣроятно, молвы объ его грозѣ. Дѣдушкѣ сначала не нравится, что мальчикъ какъ будто сторонится отъ него; онъ болѣе привязывается къ его ласковой сестренкѣ Наташѣ, которую называетъ «козулькою», говоря, что она веселѣе Сережи, а онъ плакса, потому что слишкомъ скучаетъ безъ матери, на время отлучившейся изъ Багорова вмѣстѣ съ мужемъ. Когда же дѣдушка убѣждается въ томъ, что Сережа крѣпко привязанъ и къ отцу, между нимъ и мальчикомъ устанавливаются добрыя отношенія, продолжающіяся до самой смерти старика. Сережа подчасъ читаетъ ему «Дѣтское чтеніе» Новикова (стр. 287, 302, 305—306). Послѣ своей

*) Ст. Ф. Дмитріева „Р. Вѣсти.“ 1858 г.

**) А. Н. Бекетовъ въ томъ же журналѣ.

смерти дѣдушка становится снова страшнымъ Сerezѣ, впервые знакомящимся тутъ со всѣми наружными послѣдствіями смерти. Но любовь къ дѣдушкѣ вызываетъ въ Сerezѣ желаніе вмѣстѣ съ другими почитать по немъ псалтырь (стр. 336 и слѣд., стр. 381).

Не долго заживается послѣ своего грознаго, но любимого мужа и бабушка Арина Васильевна, которой подѣ конецъ, по замѣчанію мальчика, «какъ-то ни до чего не было дѣла» (ч. II, стр. 35). Это не помѣшало ей, однако, по старой привычкѣ, въ присутствіи внучка, схватить за волосы крестьянскую дѣвочку, подавшую ей не совсѣмъ чистый клочекъ пуха, и отхлестать ее ременною плеткой, — такъ что мальчикъ въ испугѣ убѣжалъ (I, стр. 410). Зато совсѣмъ уходились тетушки, которымъ по-неволѣ приходится теперь лебезить передъ Сerezиною матерью, какъ передъ полной хозяйкой, хотя она и всячески избѣгаетъ давать имъ чувствовать свою новую роль. Не уходилась только, а скорѣе вполнѣ развернулась живущая сама по себѣ, на всей на своей волѣ, бабушка Прасковья Ивановна. «Когда тебѣ захочется меня видѣть, милости прошу, — говоритъ она пріѣхавшей погостить къ ней съ дѣтьми Софьѣ Николаевнѣ; не захочется, цѣлый день сиди у себя; я за это въ претензіи не буду... У меня и всѣ гости живутъ на такомъ положеніи. Я собой никому не скучаю, прошу и мнѣ не скучать». (II, 5). Чего бы, казалось, лучше? Но на повѣрку выходитъ, что она-то и требуетъ отъ гостей подчиненія нѣкоторымъ стѣснительнымъ особенностямъ своего «Домостроя». Такъ, напримѣръ, она было уже распорядилась однажды, чтобы высѣкли меньшаго брата Сerezи за то, что онъ громко плакалъ; правда, Софья Николаевна не допустила этого. Но чьи-бы то ни было дѣти должны у Прасковьи Ивановны обѣдать постоянно особнякомъ, рискуя остаться голодными, благодаря тому, что избалованная прислуга не подаетъ имъ подчасъ ничего. Софьѣ Николаевнѣ слишкомъ скоро приходится убѣдиться въ томъ, что слова Прасковьи Ивановны: «приказывай — все будетъ исполняться» остаются только пу-

стымъ звукомъ. Дѣло въ томъ, что и сама Прасковья Ивановна вовсе не подозрѣвала, какъ часто не исполняется собственная ея воля. «Все вокругъ нея утопало въ безпутствѣ, потому что она ничего не видѣла, ничего не знала и очень не любила, когда говорили ей о чемънибудь подобномъ». Это могло бы въ ней подорвать милую для нея фикцію той *сильной власти*, которой у нея на повѣрку совѣмъ не оказывалось, какъ и у большей части мнящихъ себя обладателями таковой. Она думала обладать подобною властью, не тревожа себя никакими заботами, никакимъ трудомъ, «не сознавая своихъ обязанностей и отношеній къ 1200 душъ подвластныхъ ей людей». Все это, конечно, объясняется тѣмъ, что когда-то «еще ребенкомъ выданная замужъ родными своей матери за страшнаго злодѣя, испытавъ дѣйствительно всѣ ужасы, какіе мы знаемъ изъ старыхъ романовъ и Французскихъ мелодрамъ, она уже двадцать лѣтъ жила вдовою. Пользуясь независимостью своего положенія, доставляемаго ей богатствомъ и нравственною чистотою цѣлой жизни, она была совершенно свободна и даже своевольна во всѣхъ движеніяхъ своего ума и сердца». По опыту зная, что значитъ дурно выйди замужъ, она спасла отъ необходимости непременно пристроиться свою бѣдную родственницу, пріютивъ ее у себя; но той, однако, живетъ у Прасковьи Ивановны такъ, что она постоянно чувствуетъ свое положеніе «бѣдной родственницы». Не даромъ Александра Ивановна рассказываетъ про нее Сережиной матери, до какой степени она избалована тѣмъ, что «за богатство ее всѣ уважаютъ, что даже всякій новый губернаторъ пріѣзжаетъ съ ней знакомиться». «Сама же Прасковья Ивановна, по словамъ той же родственницы, никого не уважаетъ и не любитъ (любить, скажемъ мы, всегда вѣдь значитъ себя ограничивать, болѣе или менѣе отдаваться другому), она своими гостями или забавляется, или ругаетъ ихъ въ глаза». Въ самомъ дѣлѣ, та свобода, которую, повидимому, она предоставляетъ имъ у себя, только замаскировываетъ въ ихъ глазахъ ту дѣйствительно полную свободу, кото-

рая составляет ее собственную львиную часть. Она всѣмъ безъ исключенія (или, можетъ быть, за исключеніемъ губернатора?) говорить *ты*, но никто, ни даже ближайшіе родственники, не рѣшился бы ей отвѣтить тѣмъ-же. Дѣло въ томъ, что это слово для нея уже исключительная привилегія. Ей и не снится то святое, то чудное для души употребленіе этого слова, которое связывается не съ главенствомъ, не съ превозносящеюся властью, а съ крѣпкою привязанностью къ тому, кому оно говорится и неизбѣжно предполагаетъ взаимность; то употребленіе этого слова старшими по отношенію къ особенно дорогимъ для нихъ младшимъ, которое теряетъ для старшихъ всю свою прелесть, если эти любимыя дѣти, эти юноши не отвѣчаютъ имъ тѣмъ же, т.-е. не даютъ имъ этимъ знать, что и они, старшіе, не менѣе крѣпко любимы. Прасковья Ивановна, повидимому, не соображала, что и Богу говорятъ *ты*, при этомъ, конечно, гораздо болѣе Его любя и благоговѣя предъ нимъ, чѣмъ была бы на то способна сама Прасковья Ивановна. Да, ея отношенія и къ Богу были тѣ же барски-причудливыя. «Молится, замѣчаетъ о ней Александра Ивановна, по капризу, когда ей захочется, а не захочется, то и среди обѣдни изъ церкви уйдетъ» (стр. II, 5—7). Это, конечно, происходило у нея не отъ подмѣси къ религіи какой нибудь раціоналистической струйки — откуда бы могла она быть у Прасковьи Ивановны?—а именно отъ той барской причудливости, которая сказывалась у нея во всемъ. Такъ, изъ той же причудливости—и причудливости чисто-властной—Прасковья Ивановна задерживаетъ у себя слабаго волею Алексѣя Степановича, а онъ вслѣдствіе этого застаётъ свою больную мать уже на столѣ (стр. 101).

Съ особенною силою авторъ налегаетъ въ своей новой книгѣ на дальнѣйшее развитіе типовъ Софьи Николаевны и ея мужа, особенно же первой. Тутъ мы совсѣмъ уже коротко съ ней знакомимся, хотя подчасъ и далеко не къ ея выгодѣ. Ближе прежняго знакомимся мы и съ Алексѣемъ Степановичемъ и онъ, напротивъ, часто только

выигрываетъ отъ этого въ нашемъ мнѣніи. «Сережа, по вѣрному выраженію одного изъ критиковъ, находится подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ условій, между которыми важнѣйшія и, по сущности своей, противоположныя—суть вліянія отца и матери, — вліянія свѣтскаго городского и сельскаго элементовъ» *). Отецъ, какъ представитель послѣдняго, является вполне желаннымъ противовѣсомъ матери, и остается только пожалѣть, что, по слабости своей воли и по тому, что онъ вообще стоитъ ей не въ уровень, онъ слишкомъ уступаетъ и тутъ женѣ, а мальчикъ поэтому становится матушкинымъ сынкомъ—не въ буквальномъ, а въ иносказательномъ смыслѣ этого слова.

Старикъ Степанъ Михайловичъ, однакоже, не ошибся въ томъ, что Сережа крѣпко любитъ и отца. Оно и не можетъ быть иначе, уже потому, что отецъ, хотя и не такъ къ нему нѣженъ, какъ мать, но гораздо ближе стоитъ къ природѣ и къ простымъ людямъ, т.-е. и къ дѣтскому возрасту.

«Оставшись на-единѣ съ матерью, я спросилъ ее, вспоминаетъ свое дѣтство Багровъ—внукъ, отчего отецъ не ходитъ удить, хотя очень любитъ уженье? Отчего онъ ни разу не бралъ ружья въ руки, а стрѣлять онъ также былъ охотникъ, о чемъ не разъ рассказывалъ мнѣ. Матери моей были непріятны мои вопросы. Она отвѣчала, что никто не запрещаетъ ему ни стрѣлять, ни удить; но въ тоже время презрительно отозвалась объ этихъ охотахъ, особенно объ уженьи, называя его забавою людей праздныхъ и пустыхъ, не имѣющихъ лучшаго дѣла, забавою, приличною только дѣтскому возрасту, и мнѣ немножко стало стыдно, что я такъ люблю удить» (II, стр. 47). Что касается стрѣльбы, то со стороны матери примѣшивалось тутъ, конечно, и нѣчто другое. «По моей усиленной просьбѣ, отецъ, продолжаетъ припоминать Багровъ, согласился было взять съ собою ружье, потому что въ поляхъ водилось множество полевой дичи; но мать начала говорить,

*) А. Н. Бекетовъ въ Р. Вѣстникѣ 1885 г.

что она боится, какъ бы ружье не выстрѣлило и меня не убило, а потому отецъ, хотя увѣрялъ, что ружье лежало бы на дрогахъ незаряженное, оставилъ его дома. Я замѣтилъ, что ему самому хотѣлось взять ружье; я же очень горячо этого желалъ, а потому поѣхалъ нѣсколько огорченный» (II, стр. 49). Между тѣмъ разумной матери слѣдовало бы, конечно, побѣдить въ себѣ невольный страхъ, потому что, какъ бы тамъ ни судила она свысока объ охотѣ, а самая борьба съ какими-бы то ни было препятствіями и самая даже тѣнь опасности способны развивать въ мальчикѣ смѣлость, не давать ему окончательно стать такимъ, какимъ былъ Сережа, когда его посадили на самую смирную лошадь и онъ вдругъ съ испугу вообразилъ, что она его уже понесла (I, 348). Не забудемъ, что мальчику стало при этомъ ужасно стыдно, а «благо тѣмъ которые щадятъ, избавляютъ отъ унижительнаго сознанія въ трусости робкое сердце дитяти» (I, 376). Но вѣдь Софья Николаевна не нравилось даже и то, что отецъ водилъ Сережу собирать грибы, а при этомъ вѣдь не видно, чтобы она чего-нибудь боялась—змѣй, что ли? «Мнѣ очень было непріятно, припоминаетъ сынъ, что въ продолженіе всего объѣда мать насмѣхалась надъ охотой брать грибы и особенно надъ моимъ отцомъ, который для этой поѣздки отложилъ до завтра какое-то нужное по хозяйству дѣло. Я подумалъ, что мать ни за что меня не отпуститъ, и, такъ только, для пробы, спросилъ весьма нетвердымъ голосомъ: «Не позволите ли, маменька, и мнѣ поѣхать за груздями? Къ удивленію моему, мать сейчасъ же согласилась и выразительнымъ голосомъ сказала мнѣ: «только съ тѣмъ, чтобы ты въ лѣсу ни на шагъ не отставалъ отъ отца, а то, пожалуй, какъ займутся груздями, то тебя потеряютъ» (II, 63—64). Но вѣдь подобнымъ предположеніемъ, намекавшимъ на то, что отецъ—весь такъ и уйдетъ въ свои грузди, она прямо роняла отца во мнѣніи сына—ревнуя, что ли, Сережу къ отцу? Но, любя природу и занятія, или забавы, ставящія съ глаза на глазъ съ нею, Алексѣй Степановичъ любилъ также и людей съ простымъ природнымъ

умомъ. Софья Николаевна обыкновенно надоѣдало слушать его разговоры съ ними. Но однажды и она нашла забавными насмѣшливые рассказы старика-крестьянина о томъ самомъ помѣщикѣ Дурасовѣ, роскошь котораго еще недавно привела въ изумленіе Сережу. Ребенку досталось за это. «Ты точно былъ крестьянскій мальчикъ, выговаривала ему мать, который сроду ничего не видывалъ, кромѣ своей избы, и котораго привели въ господскій домъ» (II, 79). Теперь же вдругъ мужицкія насмѣшки надъ этимъ же самымъ Дурасовымъ, со всѣми его затѣями, приводятъ того же самаго Сережу вотъ къ чему. «Крестьянинъ насмѣхался надъ бариномъ, а я, разсуждаетъ онъ, привыкъ думать, что крестьяне смотрятъ на своихъ господъ съ благоговѣніемъ и всѣ ихъ поступки и дѣла считаютъ разумными» (II, 118). Почуяла ли умная Софья Николаевна, что въ подобномъ открытіи заключалась такая воспитательная сила, которая стоила цѣлаго множества книгъ? Намѣреніе Сережи прислушиваться съ этихъ поръ къ тому, что про нихъ говорятъ Параша съ Евсеичемъ, вызываетъ у нея лишь улыбку съ такимъ замѣчаніемъ: «Параша, особенно Евсеичъ служатъ намъ усердно, а что про насъ думаютъ, я и знать не хочу».

Не желая знать мужицкихъ думъ и не долюбливая мужицкихъ разговоровъ, Софья Николаевна огородила свой деревенскій домъ также и отъ народныхъ пѣсенъ. Случайно подслушавъ однажды Матрешу, и похваливъ ея прекрасный голосъ, Сережа спросилъ ее, «отчего она никогда не поетъ въ дѣвичьей», а она наклонилась и шепнула ему на ухо, что его матушка не любитъ слушать ихъ мужицкихъ пѣсенъ. Онъ очень пожалѣлъ о томъ, потому что пѣсня и голосъ Матрешы заронились ему въ душу (II, 64). Матери, однакоже, не удалось его окончательно уберечь отъ народныхъ сказокъ. Одну изъ нихъ онъ подъ старость пересказалъ на литературномъ языкѣ. Это тотъ «Аленькій цвѣточекъ», который, существуя въ отдѣльномъ дешевомъ изданіи, вошелъ и въ полное собраніе сочиненій Аксакова (т. II). Нелюбовь къ народной

поэзіи связывалась, конечно, у Софьи Николаевны съ тѣмъ городскимъ настроеніемъ, при которомъ она «равнодушно смотрѣла, припоминаетъ ея сынъ, на зеленыя липы и березы, на текущую вокругъ воду; стукъ толчеи, шумъ мельницы, долетавшій иногда явственно, когда поднимался вѣтерокъ, по временамъ затихавшій, казался ей однообразнымъ и скучнымъ; сырой запахъ отъ пруда, котораго никто не замѣчалъ, находила она противнымъ и, посидѣвъ съ часъ, уходила домой въ свою душную спальню, раскаленную солнечными лучами» (II, 55).

Доходило до того, что Софья Николаевна ревновала Сережу къ этой, нисколько ею нелюбимой природѣ. Когда еще въ раннемъ дѣтствѣ, скрѣпя сѣрдце отпущенный ею поудить съ отцемъ, онъ вскорѣ оттуда возвращается къ ней, видя, какъ грустно ей было его отпускать *), мы не можемъ, конечно, не признать прекрасною въ мальчикѣ эту способность ради матери отказаться отъ собственнаго удовольствія, какъ и ту силу его любви къ ней, при которой непріятное для нея и для него уже было вовсе не удовольствіе. Но мы не можемъ признать позволительнымъ злоупотребленіе этимъ съ ея стороны. А вѣдь прямо до такого злоупотребленія доходитъ она, когда, по поводу его столь естественныхъ весеннихъ побѣговъ отъ нея въ лѣсъ да въ поле, говоритъ ему, едва лишь онъ поостылъ къ этому: «ну, теперь ты, кажется, очнулся... а вѣдь ты былъ точно помѣшанный. Ты ни въ чемъ не принималъ участія, ты забылъ, что у тебя есть мать». Правда, конечно, и то, что самая любовь къ природѣ принимала у Сережи какой-то страстный характеръ, становилась «болѣзненнымъ устремленьемъ всѣхъ помышлений и чувствъ къ одному предмету», такъ что онъ при этомъ одностороннемъ стремленіи «не могъ ничѣмъ заниматься, скучалъ и привередничалъ» (I, 331). Но такая страстность была привита къ нему страстностью той же его матери, и изцѣленіемъ едва ли могли служить ея страстные

*) I, 279—280.

же ему упреки. Вѣдь довели же его такіе упреки до болѣзненно-преувеличенной мысли о томъ, что онъ «дурной, неблагодарный сынъ, котораго всѣ должны презирать». — «Подстрекая другъ друга, вспоминаетъ онъ, мы съ матерью предались пламеннымъ изліяніямъ взаимнаго раскаянія и восторженной любви; между нами исчезло разстояніе лѣтъ и отношеній, мы оба изступленно плакали и громко рыдали...» Въ самую эту минуту вошелъ отецъ... «Охота вамъ мучить себя понапрасну изъ пустяковъ, сказалъ онъ, и разстраивать свое здоровье. Ты еще ребенокъ, а матери это грѣхъ». И отецъ несомнѣнно былъ правъ. Но мать вслѣдъ затѣмъ наговорила много оскорбительнаго отцу, а мальчикъ повѣрилъ, что у отца мало чувствъ. Сердце его затѣмъ поутихло и опять раскрылось впечатлѣніямъ природы, но горячность матери росла уже постоянно. «Несмотря на мой дѣтскій возрастъ, вспоминаетъ онъ, я сдѣлался ея другомъ, ея повѣреннымъ и узналъ много такого, чего не могъ понять, что понималъ превратно и чего мнѣ знать не слѣдовало» (II, 43—44).

Это имѣло на Серезу тѣмъ болѣе рѣшительное вліяніе, что у него, за исключеніемъ сестры, вовсе не было сверстниковъ однолѣтокъ, не было товарищей. «Во все время моего дѣтства, припоминаетъ онъ, и въ первые года отрочества замѣтно было во мнѣ странное свойство: я не дружилъ съ своими сверстниками и тяготился ихъ присутвіемъ даже тогда, когда оно не мѣшало моимъ охотничьимъ увлеченіямъ, которымъ и въ ребячествѣ я страстно предавался. Это свойство называли во мнѣ нелюдимствомъ, дикостью и робостью, говорили, что я боюсь чужихъ... Это происходило, вѣроятно, отъ долговременной болѣзни, съ которою неразлучны отчужденіе и уединеніе, заставляющія сосредоточиваться и малое дитя... Еще болѣе оно происходило отъ постоянного, часто исключительнаго сообщества матери и постоянного чтенія книгъ. Голова моя была старше моихъ лѣтъ и общество однолѣтнихъ со мною дѣтей не удовлетворяло меня, а для старшихъ я былъ самъ молодъ» (I, 347).

Этихъ старшихъ, къ сожалѣнію, было при немъ достаточно и притомъ такихъ, которые себѣ на потѣху позволяютъ себѣ дразнить дѣтей. Такіе-то милые старшіе стали играть на струнѣ того чувства собственности, раннее проявленіе котораго у Сережи являлось, конечно, также не особенно выгоднымъ признакомъ получаемаго имъ воспитанія. (Вѣдь и вообще въ этомъ чувствѣ собственности мало возвышающаго въ насъ наше человѣческое достоинство.) Они составили даже бумагу, подписавшись подъ руку его родителей, которою предназначавшаяся ему Сергѣевка передавалась въ видѣ приданаго за его сестрой одному изъ этихъ шутниковъ,—поплатившемуся за то тѣмъ, что разъяренный мальчикъ пустилъ ему деревяннымъ молоткомъ въ голову, самъ же, послѣ перенесеннаго наказанія, слегъ въ постель. При этомъ бѣдный Сережа дошелъ до самой болѣзненной экзальтаціи, вообразивъ себя «какимъ-то героемъ, мученикомъ, о которыхъ читалъ и слышалъ, страдающимъ за истину, за правду» (I, 321). Но здравыя стороны доброй природы мальчика, къ счастью, одерживаютъ въ немъ верхъ. Пролежавъ два дня, онъ «вдругъ почувствовалъ сильное желаніе увидѣть своихъ гонителей, выпросить у нихъ прощеніе и такъ примириться съ ними, чтобы никто на него не сердился». Мать обняла его и заплакала отъ радости, что у него такое доброе сердце (326). Но не слѣдовало ли ей ограждать это сердце отъ такихъ легкомысленныхъ надъ нимъ опытовъ? Не дѣльнѣе ли бы это было, чѣмъ оберегать его отъ всякихъ соприкосновеній съ крестьянскимъ міромъ? Разъ только мать почему-то измѣнила себѣ въ этомъ послѣднемъ отношеніи, послушавшись чьего-то совѣта (исходившаго, конечно, со стороны какого-нибудь умнаго и образованнаго ея знакомаго). Она отправила Сережу съ мальчикомъ, и дома учившимся вмѣстѣ съ нимъ, (то же своего рода исключеніе изъ общихъ правилъ) въ народное училище и онъ сдѣлался свидѣтелемъ жестокой расправы учителя (и у нихъ на дому ставившаго Сережѣ всегда однимъ балломъ больше, чѣмъ Андрюшѣ—при совершенно одина-

ковыхъ ихъ успѣхахъ), жестокой его расправы въ классѣ съ учениками. «Трудно было примириться дѣтскому уму и чувству, разсуждаетъ Багровъ, съ мыслью, что ... Матвѣй Васильевичъ могъ браниться звѣрскимъ голосомъ, съчъ своихъ учениковъ и оставаться въ то же время честнымъ, добрымъ и тихимъ человѣкомъ (т.-е., прибавимъ мы, оставаться добрымъ и тихимъ, но, собственно тамъ, гдѣ не позволили бы такого поведенія, т.-е., гдѣ по-неволѣ не будешь злымъ и буйнымъ). «Слишкомъ рано, говоритъ онъ, получилъ я это раздражающее впечатлѣніе и этотъ страшный урокъ! онъ возмущилъ ясную тишину моей души» (I, 327).

Но вѣдь это бы не бѣда. Съ одною ясною тишиною не проживешь: нѣсколько ранѣе нарушить ее значить вѣдь иногда—только заранѣе закалить свою душу на предстоящую, неизбѣжную для *полнаго* человѣка, встрѣчу съ жизнью. Вредно дѣйствуетъ собственно только одно преждевременное омраченье воображенія—или, лучше сказать, его загрязненіе раннимъ возбужденіемъ въ насъ извѣстнаго рода любопытства и гадкимъ удовлетвореніемъ этого послѣдняго.

Совершенно также случайно, какъ-бы по недосмотру, Сережѣ пришлось ознакомиться и со старостой Миронычемъ, и мальчикъ «никакъ не могъ примириться съ мыслию, что Миронычъ можетъ драться, не переставая быть добрымъ человѣкомъ». — «Житейская мудрость не можетъ быть понимаема дитятей, поясняетъ онъ; добровольныя уступки несомвѣстны съ чистотой его души». Онъ сталъ по этому поводу приставать къ родителямъ съ вопросами и надобль имъ, такъ что ему приказали или читать книжку, или играть съ сестрицей (I, 201). Но вѣдь худо тутъ именно то, что онъ *надоть* своими вопросами, т.-е., на самомъ дѣлѣ, что родителямъ нечего было ему отвѣтить. Вѣдь именно дѣтское-то чутье и оказывалось тутъ правымъ, потому что такъ называемая житейская мудрость должна же, наконецъ, быть упразднена настоящею высшею мудростью, должны же, наконецъ, быть откинута, какъ воинчій хламъ, всякія уступки, т.-е. всякія сдѣлки съ со-

вѣстью, и долженъ же, наконецъ, восторжествовать сказочный идеаль Иванушки! Брезгая всѣмъ народнымъ, Софья Николаевна и не воображала, какая воспитательная сила заключается въ этомъ идеалѣ, лелѣющемъ и во взросломъ дѣтскую чистоту души, ту чистоту души, которая должна бы быть сохраняема, тогда какъ ея ясная тишина никакимъ образомъ несохранима.

Какъ ни старалась нѣжная, но далеко не всегда разумная мать, уберечь своего сынка отъ всякаго рода крестьянскихъ впечатлѣній, это рѣшительно не удавалось ей, а потому деревня должна была все болѣе и болѣе отталкивать ее отъ себя и въ воспитательномъ отношеніи. Хорошо, повидимому, зная мать, Сережа, однако, съ восторгомъ описывалъ ей крестьянскія работы и съ огорченіемъ видѣлъ, уже не въ первый разъ, что мать слушала его очень равнодушно, а его желаніе выучиться крестьянскимъ работамъ называла «ребячьими бреднями». Когда воротился отецъ, мальчикъ до-сыта наговорился съ нимъ о крестьянскихъ работахъ. Отецъ его уважалъ труды крестьянъ, онъ съ любовью говорилъ о нихъ, и Сережѣ было пріятно его слушать, а также высказывать свои собственные чувства и дѣтскія мысли (I, 414).

Но мальчикъ не только заинтересовывался крестьянскими работами; имъ овладѣвало также и «невыразимое чувство состраданія къ работающимъ съ такимъ напряженіемъ силъ, на солнечномъ зноѣ, не мужчинамъ только, но и женщинамъ, притомъ же тутъ и кормившимъ своихъ грудныхъ дѣтей, которыхъ вынимали онѣ на время изъ пристроенныхъ тутъ же, среди поля, люлекъ» (I, 273). Мальчикъ «сравнивалъ себя съ крестьянскими мальчиками, которые цѣлый день, отъ восхода до заката солнечнаго, бродили взадъ и впередъ, какъ по песку, по рыхлымъ десятинамъ, которые кушали хлѣбъ да воду, и ему стало совѣстно, стыдно, и онъ рѣшился просить отца и мать, чтобы его заставили бороновать землю... Оказалось, что онъ никуда не годенъ: не умѣетъ ходить по вспаханной землѣ, не умѣетъ держать возжи и править ло-

шадью, не умѣеть заставить ее слушаться. Ему было стыдно и досадно и онъ никогда уже не поминалъ объ этомъ» (II, 50—51). Мать, конечно, заранѣе на то и считывала; у отца же не доставало ни крѣпости воли, ни болѣе глубокаго проникновенія въ воспитательное значеніе дѣла, чтобы не дать ему быть позабытымъ, чтобы вернуть къ нему сына—хотя бы позже. Будь отецъ и поглубже, и потверже волей,—и задолго до Л. Н. Толстого могло бы тутъ что нибудь выйдти—въ смыслѣ даже болѣе дѣльнымъ, т.-е. дѣйствительно полезномъ и для барина и для мужика.

При своей любви къ матери, Сережа, инстинктивно любя и народъ. не хотѣлъ даже вполне повѣрить ея, обидной для его сердца, нелюбви къ народу. «Почему, маменька, вы не вышли къ нашимъ добрымъ крестьянамъ? спросилъ онъ ее. Они васъ такъ любятъ.—А потому—отвѣчала она,—что бабушкѣ и тетушкѣ твоей стало бы еще грустнѣе; къ тому же я терпѣть не могу... ну, да ты еще малъ и понять меня не можешь»... Долго ломалъ я голову, поясняетъ онъ, чего мать терпѣть не можетъ? Неужели добрыхъ крестьянъ, которые сами говорятъ, что насъ такъ любятъ!» (I, 405).

Эти «добрые крестьяне», въ сущности, составляютъ въ книгѣ о «Дѣтскихъ годахъ Багрова» настоящую, въ самомъ дѣлѣ, воспитательно дѣйствующую на него силу—«камень, который отвергли зиждущіе», но который долженъ бы «лечь во главу угла». Недаромъ и покойный Добролюбовъ въ своей извѣстной статьѣ объ этой книгѣ замѣтилъ: «тутъ, какъ вездѣ, есть одна сторона отрадная, успокаивающая: это видъ бодрого свѣжаго крестьянскаго населенія, твердо переносящаго всѣ испытанія, безъ отчаяннаго унынія, но съ постоянной надеждой на милость Божію и царскую» *).

Между «не-народомъ» въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова» встрѣчается, можетъ быть, только одно лицо, совершен-

*) Соч. Добролюбова I, 385.

но, впрочемъ, эпизодическое, заслуживающее полного сочувствія и уваженія. Это тотъ самый С. И. Аничковъ, пріятель Н. И. Новикова, который подарилъ Сережѣ Новиковское «Дѣтское чтеніе». Багровъ мимоходомъ напоминаетъ, что Аничковъ «не могъ простить покойной Государынѣ (Екатеринѣ II), зачѣмъ она распустила депутатовъ, собранныхъ для совѣщанія о законахъ» (I, 358). Мальчикъ, конечно, могъ только запомнить его слова, но не могъ себѣ дать отчетъ въ ихъ глубокомъ смыслѣ. Не понимаютъ же ихъ и по сію пору многоученые Россійскіе мужи, такъ глубокомысленно разсуждающіе о томъ, что Екатерина не могла не распустить депутатовъ, такъ какъ «мы еще не созрѣли», и т. п.

Останавливаясь на этомъ, не можемъ ли мы заключить изъ своего обзора «Дѣтскихъ Годовъ», что они представляютъ не только внѣшнюю, но и несомнѣнную внутреннюю связь съ «Хроникой»?—Герой «Дѣтскихъ годовъ», Сережа, не является ли прямымъ внукомъ старика Багрова — въ томъ смыслѣ, что, при всей своей доброй природѣ, отличается недостатками, которые поддерживаются слабостью его отца, слишкомъ робкимъ отпоромъ, даннымъ съ его стороны матери; эта же слабость отца такъ же точно порождена грознымъ свычаемъ и обычаемъ Степана Михайловича, какъ городскіе вкусы, нервная страстность и эгоистическая подкладка самого чувства любви у Софьи Николаевны тѣсно связаны съ ея воспитаніемъ, ея судьбою и дальнѣйшимъ ея положеніемъ у ея отца. Съ другой стороны, въ своемъ родѣ играющій роль хора въ Греческой трагедіи, простой народъ не является ли въ той и въ другой книгѣ, при всемъ своемъ нравственномъ вѣсѣ, одинаково пребывающимъ на степени какого-то невѣсомаго?

Но между «Хроникою» и «Дѣтскими Годами» существуетъ еще другая связь: по формѣ, по литературнымъ приемамъ. Въ этомъ отношеніи, какъ оно и замѣчено было чуть ли не всѣми нашими критиками, оба произведенія рѣзко отличаются отъ «Воспоминаній». Эти послѣднія—

въ самомъ дѣлѣ только *воспоминанія*, т.-е. въ нихъ передается, что вспомнится и на сколько вспомнится изъ видѣннаго и пережитаго. Правда, вступленіе къ «Дѣтскимъ Годамъ Багрова» сообщаетъ намъ слѣдующее: «Я самъ не знаю, можно ли вполнѣ вѣрить всему тому, что сохранила моя память? Если я помню дѣйствительно случившіяся событія, то это можно назвать воспоминаніями не только дѣтства, но даже младенчества... Будучи лѣтъ трехъ или четырехъ, я рассказывалъ окружающимъ меня, что помню, какъ отнимали меня отъ кормилицы... Всѣ смѣялись моимъ рассказамъ и увѣряли, что я наслушался ихъ отъ матери или няньки, и подумалъ, что это я самъ видѣлъ. Я спорилъ и въ доказательство приводилъ иногда такія обстоятельства, которыя не могли быть мнѣ рассказаны и которыя могли знать только я, да моя кормилица или мать. Наводили справки, и часто оказывалось, что дѣйствительно дѣло было такъ и что рассказать мнѣ о немъ никакъ не могли. Но не все, казавшееся мнѣ видѣннымъ, видѣлъ я въ самомъ дѣлѣ; тѣ же справки иногда доказывали, что многаго я не могъ видѣть, а могъ только слышать» (I, 233). Но такая феноменальная память, даже при сдѣланныхъ тутъ оговоркахъ, едва ли не является авторскою фикціею. А вѣдь только съ такою памятью и можно бы было написать «Дѣтскіе годы Багрова внука» и «Семейную хронику», подъ условіемъ такой же феноменальной памяти и у тѣхъ, чьими рассказами пользовался авторъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, въ обѣихъ книгахъ не обошлось безъ того, что выходитъ уже за предѣлы памяти,—въ чемъ уже сказывается дорисовывающее воображеніе, творчество. Словомъ, обѣ книги можно бы было озаглавить также, какъ Гёте озаглавилъ свою автобіографію: *Wahrheit und Dichtung*, т.-е. *Правда и Вымыселъ* (*былины сего времени и былиновы замышленія*, какъ выразился пѣвецъ Игоря). Потому-то обѣ книги, при всемъ ихъ частномъ, фамильномъ характерѣ, и являются чисто-художественными произведеніями.

Совсѣмъ не то уже «Воспоминанія», вполне возможныя при очень, конечно, крѣпкой, но вовсе однако же не феноменальной, т.-е. не баснословной, памяти. Тутъ, при всей подробности разсказа, во многихъ случаяхъ далеко уже нѣтъ той полноты образовъ, которая въ сущности и возможна только при участіи *Баянова замышленія*. Въ «Воспоминаніяхъ» оно вполне отсутствуетъ, а потому они—тѣже, хотя и очень живые, мемуары, передающіе намъ лишь *былины своего времени*.

Но у С. Т. Аксакова есть еще одно художественное произведеніе, оставшееся, къ сожалѣнію, неоконченнымъ вслѣдствіе смерти автора. Это повѣсть «Наташа»,—новый отрывокъ изъ той же семейной хроники, заключающій въ себѣ творчески воссозданную исторію замужества сестры автора, той самой, которая такъ часто упоминается въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова». Образъ ея и тамъ уже очень симпатиченъ. Наташа полна самой беззавѣтной, самой неревнивой любви къ брату, не смотря на то, что онъ любимецъ матери, и что бабушка и тетки напѣваютъ ей это въ уши. Такія вредныя внушенія не производятъ никакого впечатлѣнія на любящее сердце дѣвочки (II, 51). Она нѣжно жалѣетъ Сережу и ласкается къ нему, когда онъ лежитъ въ постели послѣ вынесеннаго имъ наказанія изъ за раздразвившихъ его большихъ шутниковъ. — «Я живо помню, разсказываетъ Багровъ-внукъ, какъ дѣдушка любовался на нашу дружбу съ сестрицей, которая, сидя у него на колѣняхъ и слушая мою болтовню или чтеніе, вдругъ безъ всякой причины прыгивала на полъ, подбѣгала ко мнѣ, обнимала и цѣловала, и потомъ возвращалась назадъ и опять вползала къ дѣдушкѣ на колѣни; на вопросъ же его: «что ты, козулька, вскочила?» она отвѣчала: «захотѣлось братца поцѣловать» (I, 306).

Въ очеркѣ «Наташа» мы еще ближе знакомимся съ ея, т.-е. и съ Сережиной, матерью, и знакомимся, надо со-
знаться, съ не особенно выгодной стороны. «Г-жа Болду-
хина (такъ замаскировываетъ ее тутъ авторъ), сама не-

получившая никакого образованія, была женщина не глупая и горячая; но она держала Наташу до сихъ поръ въ совершенномъ отдаленіи и только недавно начала приближать къ себѣ». Зато сама Наташа является тутъ, какъ дѣвушка, прямымъ дальнѣйшимъ развитіемъ того чуднаго ребенка, съ которымъ мы познакомились въ «Дѣтскихъ Годахъ» (Сережа въ нашемъ очеркѣ не играетъ роли и авторъ видимо хотѣлъ придать этому очерку характеръ чего-то совершенно отдѣльнаго, и только И. С. Аксаковъ въ своемъ предисловіи къ нему указалъ на то, что передъ нами выступаютъ тутъ подъ новой фамиліей тѣже Багровы). «Наташа, говорится въ очеркѣ, имѣла глубоко-нѣжное сердце, но безъ всякаго нѣжничанья, и сентиментальность по инстинкту ей была противна. Доброта ея была безпредѣльна и вполне развита отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Много чужихъ винъ перебрала она на себя и много за нихъ вытерпѣла отъ вспыльчивой и долго нелюбившей ее матери» (III, 16). Будучи нелюбимой дочерью, Наташа страстно любила мать, и хотя по добротѣ своей не завидовала, но сердечно сгорчалась, видя, какъ маменька бывала иногда нѣжна, заботлива и ласкова къ ея братьямъ и сестрамъ, особливо къ брату Петрушѣ (въ немъ, должно быть, скрывается Сережа, но о немъ упоминается только мимоходомъ). Наташа (теперь уже, замѣтимъ мы отъ себя, дѣвушка, а не ребенокъ, и все это очень уже хорошо понявшая) со слезами молилась Богу, чтобы мать ее также любила, и готова была на всякую жертву за одно нѣжное слово своей матери (III, 23). И вотъ ей представляется наконецъ неожиданный случай для сближенія съ матерью. Въ молодомъ человѣкѣ, высоко ею цѣнимомъ, мать видитъ для Наташи самаго достойнаго, самаго желаннаго жениха. Мать утверждаетъ, что такое счастье дочери составить и ея собственное счастье. «Наташа пришла въ безумный восторгъ отъ одной мысли, что отъ нея зависитъ счастье матери,—матери, для которой она была готова пожертвовать даже жизнью. Наташа мгновенно позабыла всѣ непріятныя впечатлѣнія, произведенныя на нее молодымъ

Щатовымъ (даже смѣшное впечатлѣніе его кутанья и затыканія имъ себѣ ушей ватою въ теплый лѣтній вечеръ); въ эту минуту она не понимала, не чувствовала ихъ и съ радостнымъ увлеченіемъ, осыпая поцѣлуями и обливая слезами руки своей матери, твердымъ голосомъ сказала: «я согласна, я желаю выйдти замужъ за Ардальона Семеновича» (32). Она въ самомъ дѣлѣ вообразила, что любить его, потому что крѣпко любила мать. Ненадобно, разумѣется, забывать, что, при тогдашнемъ воспитаніи, Наташа, какъ говорится, еще ничего тутъ не понимала, потому что оставалась ребенкомъ въ свои 16 лѣтъ. «Мать же отъ такого послушанья была въ восторгѣ, разцѣловала свою красавицу, перекрестила ее уже въ третій или четвертый разъ.... Полная радостнаго чувства дочерней любви, кромѣ этого чувства все позабывшая, скоро уснула «счастливая дочь»... (33). «За нѣсколько мѣсяцевъ смѣла ли она мечтать о такомъ сближеніи съ матерью, о такой ея любви, о возможности доказать ей свою дѣтскую, безграничную любовь»... (34). Но между тѣмъ, какъ Наташа, все далѣе и далѣе заходя въ своемъ увлеченіи,—въ сущности, не женихомъ, а матерью, готова была хоть завтра же идти подъ вѣнецъ, мать напротивъ того, «ежеминутно открывая въ своей дочери драгоцѣннѣйшія качества и сердца, и нрава, и здраваго ума, котораго и не подозрѣвала, и видя въ то же время ея дѣтскую невинность, ея совершенное непониманіе важности дѣла, къ которому готова была приступить, мать думала о другомъ: какъ бы оттянуть свадьбу на годъ, какъ-бы сдѣлать такъ, чтобы женихъ прежде вполне узналъ и оцѣнилъ, какое сокровище получаетъ» (36). Она почти въ ужасѣ, когда узнаетъ, что дочь поспѣшила уже дать слово и самому Щатову, тѣмъ болѣе, что послѣ этого замѣчается съ его стороны нѣсколько довольно странныхъ шаговъ. Но вотъ наконецъ какія-то сомнѣнія въ вѣрности сдѣланнаго шага стали закрадываться и въ душу Наташи. Теперь она уже «съ дѣтской наивностью говорила матери, что терпѣть не можетъ, когда кто-нибудь смотритъ на нее такъ пристально, точно хочетъ узнать,

что происходит у нея въ сердцѣ, и что она особенно не любитъ такихъ взглядовъ Ардальона Семеныча. Но главное, что ей не нравилось и чего она не сказала Варварѣ Михайловнѣ, это была медленность и вялость всѣхъ движеній и словъ ея жениха»... (48). Тутъ вскорѣ и обрывается очеркъ, такъ и оставшійся неоконченнымъ, но прекраснымъ по замыслу, психологическимъ этюдомъ. Изъ предисловія И. С. Аксакова мы узнаемъ, что скороспѣлое дѣло должно было въ очеркѣ окончиться разрывомъ,—соответственно тому, что и въ дѣйствительности произошло съ сестрою Сергѣя Тимоѣевича, которой исторію онъ и хотѣлъ тутъ воспроизвести, на основаніи ея же воспоминаній, но съ примѣсью, разумѣется, творческаго начала.

«Воспомяванія», первоначально появившіяся вмѣстѣ съ «Семейной Хроникой», не только рассказываются въ первомъ лицѣ (подобно тому, какъ ведется рассказъ и въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова»), но даже выставляются всѣхъ подъ ихъ настоящими именами. Въ сущности, они представляютъ драгоценный матеріалъ собственно для біографіи автора, а также и для характеристики времени. Мы коснемся ихъ лишь настолько, насколько они находятся въ связи съ предшествующимъ, т.-е. окончательно объясняютъ намъ то или другое въ «Семейной Хроникѣ» и въ «Дѣтскихъ годахъ».

Про мать свою (Софію Николаевну «Семейной Хроники») авторъ тутъ говоритъ: «Будучи необыкновенно умна, владѣя рѣдкимъ даромъ слова и страстнымъ, увлекательнымъ выраженіемъ мысли, она безгранично владѣла моимъ существомъ и вдохнула въ меня такую бодрость, такое рвеніе скорѣе исполнить ея желаніе, оправдать ея надежды, что я, наконецъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъѣзда въ Казань» (для поступленія въ гимназію) (II, 154). Первая половина этой тирады свидѣтельствуетъ о томъ, что въ очеркѣ «Наташа» мать автора замаскирована не только особою фамиліею Болдухиной, но даже особою и менѣе выгодною характеристикю самаго ея ума и способностей. Вторая же половина тирады фактически

подтверждаетъ то самообладаніе, на какое бывала способна Софья Николаевна, не смотря на всю свою страстность и порывистость. Умные и образованные знакомые сильно налегли на необходимость для нея разстаться съ сыномъ, — ради того образованія, какое онъ можетъ получить только въ отдаленномъ губернскомъ городѣ, — и любящая мать, рѣшившись принести такую жертву, заранѣе приготовляетъ и располагаетъ къ тому же и мальчика. Но разлука оказывается тѣмъ болѣе тяжелою, что, по гадкому обычаю тогдашнихъ учебныхъ заведеній, письма мальчика къ родителямъ должны были незапечатанными проходить черезъ руки начальства (II, 168) и такимъ образомъ не оказывалась впередъ возможною и вполне задушевная, безъ утайки, бесѣда мальчика съ матерью. Но нѣжное сердце матери вообще не выноситъ разлуки. Доходитъ до того, что въ первый разъ въ жизни она учитъ своего сына солгать — притвориться больнымъ по уговору съ докторомъ — чтобы такимъ образомъ получить возможность быть уволеннымъ къ ней на продолжительный срокъ въ деревню (II, 188). Этимъ подтверждается и дорисовывается опять та материнская слабость, о которой такъ много говорится уже въ «Дѣтскихъ Годахъ Багрова». Описывая свою долгую побывку, въ видѣ отпуска, въ Аксаковѣ (соотвѣтствующемъ Багрову), авторъ не только упоминаетъ объ извѣстной намъ нелюбви своей матери ко всему деревенскому, но и объясняетъ намъ это такимъ образомъ: «она получила, такъ сказать, нѣкоторое внѣшнее прикосновеніе цивилизаціи отъ чтенія книгъ и отъ знакомства съ *тогдашними* умными и образованными людьми, — прикосновеніе, часто возбуждающее какую-то гордость и неуваженіе къ простонародному быту» (II, 209). Кое-что, и даже очень важное, при описаніи этой побывки въ Аксаковѣ остается недоговореннымъ — потому, разумѣется, что тутъ мы уже прямо находимся въ области личныхъ воспоминаній со всею ихъ щекотливостью. «Мать моя, говоритъ авторъ, постоянно была чѣмъ-то озабочена и вообще разстроена; она нѣсколько менѣе занималась мною, и я,

болѣе преданный спокойному размышленію, потрясенный въ моей дѣтской безпечности жизнью въ гимназіи.... уже не находилъ въ себѣ прежней беззаботности, прежняго увлеченія въ своихъ охотахъ, и съ большимъ вниманіемъ сталъ вглядываться во все, меня окружающее, сталъ понимать кое-что, до тѣхъ поръ незамѣчаемое мною... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ жизнь въ Аксаковѣ уже не казалась мнѣ прежнимъ свѣтлымъ раемъ, а вторичное поступленіе въ гимназію, особенно ученикомъ своекоштнымъ—не представлялось страшнымъ событіемъ» (II, 213). Этотъ легкій намекъ едва ли, однако же, не досказываетъ намъ того, что постепенно развивалось въ «Хроникѣ» и въ «Дѣтскихъ Годахъ Багрова»—т.-е. продолжающихся неладовъ между отцомъ и матерью, зависѣвшихъ отъ разницы ихъ темперамента, нрава, воспитанія и взглядовъ, и поддерживаемыхъ, можетъ быть, еще болѣе прежняго тою болѣзненною ревностью жены, на которую, въ свою очередь, уже и тамъ указывалось?

О самомъ Сергѣѣ Тимофеевичѣ узнаемъ мы изъ «Воспоминаній» (это находится въ связи съ тѣмъ, въ сущности совсѣмъ не мужскимъ, воспитаніемъ, какое дано было ему крайнимъ перевѣсомъ материнскаго вліянія), что онъ и въ старшихъ классахъ гимназіи продолжалъ бояться покойниковъ (II, 284).

По поведѣу этого и произошло одно изъ его столкновеній съ тѣмъ достойнѣйшимъ педагогомъ, у котораго онъ жилъ въ Казани и который послужилъ для него противовѣсомъ одностороннему материнскому вліянію, хотя, къ сожалѣнію, противовѣсомъ, въ свою очередь слишкомъ рѣшительнымъ, крайнимъ. Это одно изъ наиболѣе выдающихся въ «Воспоминаніяхъ» лицъ,—Гр. Ив. Карташевскій. Если мать, своею нѣжною, и въ то же время страстною привязанностью доводила и мальчика до нервной экзальтаціи и, забывая его ребяческой возрастъ, возводила его на степень своего друга, своего повѣреннаго, то наставникъ, крѣпко его любя, считалъ нужнымъ его обдавать какимъ-то педагогическимъ холодомъ, постоянно держать его

отъ себя на почтительномъ разстояніи. По справедливому мнѣнію самого воспитанника,—мнѣнію, высказанному имъ уже подъ старость, это имѣло свою положительно дурную сторону. «Я не могъ тогда оцѣнить достоинства этого человѣка, — говоритъ онъ, — и не могъ бы его полюбить, еслибы мать не увѣдомляла меня потихоньку, что онъ меня очень любитъ и очень хвалитъ, а не показываетъ этого только для того, чтобы я, по молодости своей, не избаловался отъ его похвалъ. Къ сожалѣнію, Григорій Ивановичъ держался этого ошибочнаго правила во все продолженіе своего полезнаго долговременнаго и важнаго служебнаго поприща, гдѣ приходилось имѣть дѣло не съ дѣтьми, а часто со стариками... Были хорошіе люди, которыхъ онъ оттолкнулъ отъ себя благонамѣренною сухостью обращенія и которые сочли его за человѣка гордаго и жосткаго, что было совершенно несправедливо» (231). «Онъ ни разу не приласкалъ меня,—продолжалъ Сергѣй Тимофеевичъ,—не польстилъ моему самолюбію какою нибудь похвалою, не ободрилъ моего прилежанія, и со всѣмъ тѣмъ я любилъ его такъ горячо, какъ не любилъ никого изъ постороннихъ. Я помню, какъ одинъ разъ услышалъ я, что онъ смѣется; я заглянулъ въ его комнату и увидѣлъ, что мой строгій наставникъ, держа въ рукѣ какую-то математическую книгу, хохочетъ, какъ дитя, смотря на играющихъ котятъ... Лицо у него въ то время было такое доброе, ласковое, даже нѣжное, что я позабывалъ котятамъ. Я вошелъ къ нему въ комнату съ своей тетрадкой—и прежняя спокойная холодность, даже какаютосуровость, выразилась на его лицѣ» (246). Не трудно, кажется, вывести изъ этого разказа, что, по мнѣнію автора «Воспоминаній», наставнической авторитетъ Карташевскаго ни мало бы не понизился, еслибы его воспитаннику не пришлось завидовать котятамъ, а нерѣдко-бы приходилось видѣть воспитателя веселымъ, готовымъ шутить и смѣяться съ юношами, признавая права молодости и понимая, что чѣмъ дольше она не проходитъ, тѣмъ лучше. Но Григорій Ивановичъ, сверхъ напускной холодности и

серьёзности, отличался еще и излишнею требовательностью, неумѣньемъ прощать самые незначительные проступки и упрямымъ настаиваньемъ на своемъ, — что наконецъ и привело его къ разладу съ юнымъ Аксаковымъ, несмотря на всю силу взаимной привязанности между наставникомъ и воспитанникомъ (282—287).

Изъ «Воспоминаній» мы узнаемъ и то, что гимназіей былъ пополненъ въ жизни автора тотъ пробѣлъ его ранняго дѣтства, который заключался въ отсутствіи у него товарищей. Что онъ гордился нѣкоторыми изъ тѣхъ, которые тутъ у него оказались, это видно изъ разсказа о происшествіи, такъ живо представлявшемся автору и подъ старость. Я разумѣю расправу гимназистовъ старшаго класса съ лицомъ, называвшимся у нихъ квартирмейстеромъ, нещадно наказывавшимъ палками одного изъ служившихъ при гимназіи инвалидовъ. Гуманные юноши не только добились отъ этого, потѣшавшагося своею властью, злодѣя прекращенія жестокой расправы, но и вынудили у директора увольненіе самого квартирмейстера. Вслѣдъ за тѣмъ, вслѣдствіе предательскаго образа дѣйствій директора, въ гимназію были однако-же введены солдаты съ ружьями, и такъ называемые зачинщики (Дмитрій Княжевичъ и др.), все самые лучшіе ученики, были исключены изъ гимназіи безъ аттестаціи въ поведеніи. Но Дмитрій Княжевичъ, опредѣлившись какъ-то на службу въ Петербургъ, чрезъ брата своего, оставшагося въ гимназіи, надолго сохранилъ близкую связь съ бывшими своими товарищами. Письма его къ брату читали торжественно во всеуслышаніе. Самого Аксакова во время этого происшествія не было на лицо въ гимназіи: онъ былъ умышленно задержанъ дома Г. И. Карташевскимъ. «Безъ всякаго сомнѣнія, — говоритъ онъ, — я былъ бы однимъ изъ самыхъ горячихъ участниковъ въ этомъ несчастномъ происшествіи» (289). Изъ разсказа ясно, какъ сильно дѣйствовало на него тогда товарищество. Всякій разумный педагогъ, разумѣется, выведетъ изъ этого только новое фактическое доказательство, какое громадное нравственное значеніе имѣетъ вообще товари-

щество и какъ не дальновидна та педагогическая администрація, которая не считается съ этою несомнѣнно воспитательною силою или, что еще хуже, старается ее подорвать, задается гнусною цѣлью вытравить товарищескій духъ изъ учебнаго заведенія.

Чудная сила товарищескаго авторитета засвидѣтельствована Аксаковымъ также и въ одномъ изъ его отдѣльныхъ воспоминаній,—томъ, которое посвящено *встрѣчѣ съ Мартинистами*. Тутъ выступаетъ передъ нами Казанскій студентъ Балясниковъ, котораго нравственная власть надъ товарищами дѣйствительно могла бы быть названа «силою властью». — «Случилось однажды, — вспоминаетъ Аксаковъ, — что казенный студентъ П. былъ сильно заподозрѣнъ, но не уличенъ, въ поступкѣ весьма неблаговидномъ; а какъ онъ упорно заперся, то подозрѣніе падало на другого студента, совершенно невиннаго по общему нашему убѣжденію. Балясникову это было досадно, и онъ сказалъ намъ: «пойдемте, господа, я при васъ допрошу П., онъ у меня признается во всемъ...» Такъ и сдѣлали. «Балясниковъ подошелъ къ нему одинъ, а мы стояли отдѣльною толпою вокругъ нихъ; Балясниковъ принялъ величавое положеніе, сложилъ на груди руки и молча нѣсколько времени смотрѣлъ на П.; взглядъ голубыхъ устремленныхъ глазъ Балясникова по-истинѣ имѣлъ въ себѣ что-то пронзительное. Я самъ видѣлъ, что П. и краснѣлъ и блѣднѣлъ, хотя, не поднимая глазъ, повидимому, пристально занимался своей работой. Наконецъ Балясниковъ грозно и повелительно сказалъ: «господинъ П., извольте бросить ваше занятіе, товарищи пришли судить васъ... Посмотрите-ка мнѣ въ глаза, — продолжалъ Балясниковъ тѣмъ же грознымъ голосомъ. — Погляжу я, какъ вы запретесь? Сейчас извольте признаваться; вы сдѣлали поступокъ, который мараетъ всѣхъ насъ?» — И П. едва взглянулъ на Балясникова, какъ въ ту же минуту дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ: «я». — Онъ самъ послѣ говорилъ, что далъ клятву себѣ не признаваться, что онъ не понимаетъ, какая невѣдомая сила заставила его признаться». Тому

же Балясникову, поступившему въ военную службу и раненному въ одну изъ Наполеоновскихъ войнъ, довелось одержать нравственную побѣду надъ самимъ Аракчеевымъ. Долго непринимаемый имъ, онъ черезъ ординарца сказалъ этому грозному временщику, что онъ страдаетъ отъ раны и ждать не можетъ, и не вѣрить, чтобы Русскій военный министръ заставилъ дожидаться Русскаго военнаго офицера». Онъ былъ принятъ и, на вопросъ Аракчеева, что ему угодно, отвѣчалъ, что прежде всего ему «угодно сѣсть, потому что онъ страдаетъ отъ раны и стоять не можетъ». Онъ прямо сказалъ затѣмъ Аракчееву, что ему нужны средства на лѣченіе, нуженъ спокойный уголь, нужно ѣсть и пить, а что денегъ у него теперь ни гроша. Озадаченный Аракчеевъ существеннымъ образомъ поддержалъ его. Передавшій это Аксакову очевидецъ замѣтилъ при этомъ: «велика важность, что есть люди, которые заговариваютъ ядовитыхъ змѣй. Нѣтъ, поди-ка, заговори Аракчеева» (III, 142—144). Хотя и нарисованный только въ общихъ чертахъ, образъ Балясникова, боготворимаго солдатами и преждевременно умирающаго имъ на горе, какъ въ древности Скопинъ Шуйскій или Скобелевъ въ горемычные наши дни, глубоко врѣзывается въ нашу память, какъ живое свидѣтельство о томъ, что значать въ обществѣ люди, дѣйствительно «власть имуще». Всякая внѣшняя сила невольно отступаетъ передъ ними, какъ стая разъяренныхъ псовъ передъ человѣкомъ, смѣло идущимъ на нихъ и озадачивающимъ ихъ и своимъ взглядомъ, и своею поступью. Про такихъ-то людей и сложилась пословица: «смѣлымъ Богъ владѣетъ»; и горе обществу, въ которомъ ихъ вовсе не станетъ!

Воспоминанія о Мартинистахъ, какъ можно ожидать и по самому заглавію, заключаютъ въ себѣ и очень любопытныя подробности объ этихъ мистикахъ, съ одной стороны доводившихъ религіозную экзальтацію до способности какъ бы не чувствовать самыхъ тяжелыхъ семейныхъ потерь, съ другой же стороны доводившихъ принципъ безгласнаго повиновенія до того, что, наприимѣръ, по тре-

бованію одного изъ нихъ, Лабзина, на домашнемъ у него спектаклѣ долженъ былъ волею-неволею играть челоѣкъ, который только что потерялъ и не успѣлъ еще схоронить отца!

Много любопытнаго заключается, разумѣется, и въ другихъ воспоминаніяхъ Аксакова — объ отдѣльныхъ лицахъ или же группахъ лицъ. Наименѣе интересными слѣдуетъ, конечно, признать «Литературныя и театральныя воспоминанія» съ 1812 по 1830 г., вошедшія въ 3-й томъ «Полнаго собранія сочиненій», а первоначально изданныя самимъ авторомъ въ «Разныхъ сочиненіяхъ» 1858 г. — хотя и нельзя согласиться съ категорическимъ приговоромъ Добролюбова (въ его особой статьѣ объ этой книгѣ *), будто бы этихъ «разныхъ сочиненій», по мелочности ихъ содержанія, вовсе даже не стоитъ читать. Вѣдь на повѣрку выходитъ, что эта «мелочность» есть только одинъ изъ признаковъ той литературной эпохи, которую въ лицѣ ея второстепенныхъ представителей характеризуетъ авторъ воспоминаній. Эти послѣднія всегда останутся важнымъ матеріаломъ для характеристики эпохи, но мы не обязаны останавливаться на нихъ, такъ какъ наша задача — прослѣдить собственно творческую струю въ сочиненіяхъ С. Т. Аксакова.

Сопоставляя то, что характеризуетъ онъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ, съ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ подъ старость, мы должны изумляться той воспріимчивости, въ силу которой мы не можемъ не помѣстить его въ число самыхъ крупныхъ представителей Гоголевской школы. Но, молодѣя духовно съ Гоголемъ, старикъ Аксаковъ поспѣвалъ за молодымъ поколѣніемъ и подъ вліяніемъ собственныхъ своихъ сыновей, особенно Константина Сергѣевича. Этимъ-то и объясняется его чуть не предсмертное стихотвореніе: «При вѣсти о грядущемъ освобожденіи крестьянъ», появившееся почти заодно со стихотвореніемъ на ту же тему его другого сына, Ивана Сергѣевича. Отецъ

*) Соч. т. I.

столь-же горячо, какъ и сыновья, привѣтствовалъ свободу,
говоря родной своей Руси:

Съ плечъ твоихъ спадаетъ бремя;
Докажи, что не рабой
Прожила ты рабства время,
А смарялась предъ судьбой...

.
Покажи намъ, какъ оковы
Скинешь ты съ могучихъ ногъ,
Какъ пойдешь ты въ путь свой новый,
Какъ шагнешь черезъ порогъ,
О который спотыкались
Люди тысячу вѣковъ...

Но старикъ не даромъ уже стоялъ тогда у дверей гроба.
Онъ глядѣлъ съ высоты своего, приобрѣтеннаго за всю
его долгую жизнь и подкрѣпленнаго неувлекающеюся нау-
кою, строгаго опыта, а потому въ раздумьи и спрашивалъ:

Какъ проснется жизнь народа,
Какъ прервется тяжкій сонъ?
Тихая-ль взойдетъ свобода
И незыблемый законъ?
Въ церковь ли пойдешь съ смиреньемъ,
Иль, начаяши кабакомъ,
Всѣ свои недоумѣнья
Порѣшишь ты топоромъ?
Какъ узнать? Судебъ народныхъ
Не просякнуть въ мракъ и даль,
Не постычь путей исходныхъ
Богомъ вписанныхъ въ скрижали *).

Такое раздумье, къ сожалѣнію, слишкомъ уже оправ-
далось многими грустными явленіями, послѣдовавшими за
освобожденіемъ крестьянъ, но разумно объясняемыми, ра-
зумѣтся, только тѣмъ, что освобожденіе *слишкомъ запоз-
дало*, а вовсе не пришло преждевременно, какъ могутъ
утверждать или очень недалекіе, или нравственно очень
неказистые люди. Во всякомъ случаѣ въ раздумьи Сергѣя

*) „П. с. соч.“, т. III, стр. 455—56.

Тимоеевича странно бы было видѣть старческую привычку къ прежнему и затаенную жалость о немъ. Мы, впрочемъ, потому только и говоримъ объ этомъ, что въ одномъ совершенно новомъ трудѣ насъ приглашаютъ вспомнить о томъ, «съ какимъ добродушіемъ относится Сергѣй Тимоеевичъ къ крѣпостному праву». Мы желали бы полагать, что тутъ даже не недоразумѣніе, а просто неточность или неясность выраженія. Совсѣмъ уже другое то, что говорится въ томъ же трудѣ въ другомъ мѣстѣ: «описывая самодурство Степана Михайловича, внукъ-авторъ все-таки родственно и любовно къ нему относится; изображая непривлекательныя стороны старо-помѣщичьей жизни, авторъ все-таки полонъ любви къ этому быту, какъ къ части самого себя, какъ къ обстановкѣ, среди которой прошли дорогіе каждому человѣку годы юности. Со всѣми своими недостатками эта жизнь близка ему и любима... На читателя заразительно дѣйствуетъ теплое отношеніе автора къ предмету повѣствованія, ему сообщается его горячее участіе къ изображаемымъ лицамъ, и въ общемъ результатъ этотъ *личный* элементъ значительно усиливаетъ непосредственно-литературное впечатлѣніе» *). У С. Т. Аксакова, — можемъ мы, кажется, прибавить, — замѣчается, пожалуй, еще и намекъ на господствующее природное добродушіе Русскаго человѣка, въ силу котораго до *нѣкоторой степени* смягчались даже тѣ невозможныя отношенія, которыя заведены были крѣпостнымъ правомъ, и дѣло такимъ образомъ не доходило не только до Американскаго плантаторства (даже въ XVIII в., когда наши объевропеившіеся бары вообразили себя какою-то высшею расой сравнительно съ народомъ), но даже и до сплошной Куроловщины. Не забудемъ при этомъ, что даже про Куролова «внукъ Степана Михайловича напелъ въ крестьянахъ свѣжую, благодарную память, потому что они чувствовали постоянную пользу многихъ его учрежденій, забыли его

*) Краткій біографическій словарь Русскихъ писателей и ученыхъ С. А. Венгерова, стр. 242 и 199.

жестокость, отъ которой страдали преимущественно дворовые, но помнили умѣнье отличать праваго отъ виноватаго, работающаго отъ лѣниваго, совершенное знаніе крестьянскихъ нуждъ и всегда готовую помощь» *). Вовсе и не думая «добродушно относиться къ крѣпостному праву», Аксаковъ во многомъ сочувственно рисовалъ намъ старый помѣщичій бытъ и людей, въ немъ жившихъ, сочувственно рисовалъ во многихъ отношеніяхъ нравственную природу Русскаго человѣка вообще, какъ и физическую природу Русской земли со всеѣмъ ея птичьимъ и звѣринымъ міромъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ и находилъ Хомяковъ, вмѣстѣ съ критикомъ «Русской Бесѣды», что «С. Т. Аксаковъ первый изъ нашихъ литераторовъ взглянулъ на Русскую жизнь съ положительной, а не съ отрицательной точки зрѣнія». А К. С. Аксаковъ, держась того-же воззрѣнія, полагалъ, что отецъ его даже «стоитъ особнякомъ въ Русской литературѣ». Это мнѣніе въ упомянутомъ уже нами новомъ трудѣ не только признается «безусловно вѣрнымъ», но и «объясняющимъ въ извѣстной степени причины успѣха «Семейной хроники». Издатель того же труда по этому поводу спрашиваетъ: «какъ же въ самомъ дѣлѣ не особнякомъ стоитъ она въ литературѣ, когда даже нѣтъ почти возможности подвести ее подъ какой нибудь опредѣленный типъ литературныхъ произведеній. Чтò такое представляетъ собою «Семейная хроника» по формѣ и содержанию? Романъ, повѣсть, мемуары? Ни то, ни другое, ни третье. Въ романѣ или повѣсти даже самаго протокольнаго свойства, выражаясь современной терминологіей, нужна все-таки *выдумка*, нужна какая нибудь завязка и развязка. Но ничего подобнаго нѣтъ въ «Семейной хроникѣ», гдѣ все отъ первой строки до послѣдней есть правдивый рассказъ о событіяхъ, разыгравшихся въ нѣдрахъ Аксаковскаго семейства. Вмѣстѣ же съ тѣмъ, однако, «Семейная хроника» и не мемуары, потому что въ ней все-таки не строго историческая, а беллетристическая группировка событій, и

*) „П. с. соч.“ С. Т. Аксакова, I, 69—70.

авторъ фактическую основу дополняетъ подробностями исключительно художественнаго свойства, — подробностями, *въроятно* имѣвшими мѣсто. И выходитъ слѣдовательно въ общемъ итогѣ, что уже по внѣшнимъ качествамъ своимъ «Семейная хроника» — произведеніе въ высшей степени своеобразное, ни подѣ одинъ изъ обычныхъ разрядовъ литературныхъ произведеній неподводимое и, значить, дѣйствительно «особнякомъ стоящее». Между тѣмъ, вѣдь «Семейная хроника» (по нашему мнѣнію, однако же, купно съ «Дѣтскими годами Багрова», какъ вполне достойнымъ ея продолженіемъ) и является основой громкой извѣстности С. Т. Аксакова, принадлежа «къ числу тѣхъ, составляющихъ гордость Русскаго слова, литературныхъ произведеній, которыя должны быть знакомы каждому образованному Русскому» *).

*) Словарь С. А. Венгерова, стр. 191—192.

Л. И. Мельниковъ

(А. Печерскій).

Разказы и очерки.

Видное и во многомъ совершенно своеобразное положеніе занимаетъ среди писателей, выступившихъ вслѣдъ за Гоголемъ, и тотъ, кто такъ долго скрывался подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго. Еще въ годъ смерти Гоголя изъ подъ пера его, въ формѣ *дорожныхъ записокъ*, вышелъ разказъ «*Красильниковы*»—выставившій передъ нами два поколѣнія низовыхъ людей, также далеко разошедшіяся, также мало понимающія другъ друга, какъ впоследствии выставленные Тургеневымъ верховые «отцы и дѣти». Въ лицѣ старика Красильникова выступаетъ передъ нами богатый заводчикъ, котораго, по собственнымъ его словамъ, «Господь привелъ смолоду, когда еще въ бѣдности находился, и голодъ изжить: макуху, дуранду, меззу сосновую ѣли» (стр. 182). Подъ старость живетъ онъ въ настоящихъ палатахъ съ цѣльными зеркальными стеклами, а все «непривычно Корнилѣ Егорычу ходитъ по мелкоштучному паркету, не умѣетъ онъ ни сѣсть, ни стать въ комнатахъ, строенныхъ не на житье, а людямъ на показъ... Осторожно пробираясь между затѣйливыми диванами и креслами, ровно изгнанникъ бѣжитъ Кирила Егорычъ изъ раззолоченныхъ палатъ въ укромный уголокъ, чужому человѣку недоступный. Тамъ на теплой изразцовой лежанкѣ ищетъ онъ удобствъ, какихъ не сыскать въ разубранныхъ комнатахъ»

(стр. 176). Путешественникъ, описывающій намъ свою встрѣчу съ нимъ, вглядывается въ глаза этому самодѣльному богачу. «По суровому облику его видно было, говорить онъ, что это старикъ своеобразный, крутой; а рассыпью глядѣвшіе глаза обличали въ немъ человѣка, что всякаго проведетъ и выведетъ. Но въ этомъ хитромъ, бѣгающемъ взорѣ крылась какая-то грусть затаенная» (стр. 178). Отчего эта грусть—вотъ что и узнаемъ мы, со словъ самого старика, изъ этихъ дорожныхъ записокъ.

Эта грусть—отъ науки, которая у насъ наконецъ завелась и стала разводитъ отца съ сыномъ, брата съ братомъ,—разводитъ во имя того міра мысленнаго, того «царства не отъ міра сего», относительно котораго и Христозъ говорилъ, что онъ «не миръ на землю принесъ, а мечъ». Вполнѣ вѣрно, во имя того здраваго смысла, котораго простому Русскому человѣку не занимать-стать, указываетъ старикъ на прорухи того отвлеченнаго, да къ тому же еще и оказавшагося, знанія, которое только мудритъ надъ жизнью. «Чтобъ дѣло торговое шло, говорить онъ, надо, чтобы ему не дѣлали помѣхи, а пуще того, чтобъ ему не помогали, на казенную бы форму не гнули... Перо скрыпять, бумага молчить да все терпять... Не въ ту силу говорю, что наша промышленность тише идетъ супротивъ того, какъ про нее печатаютъ; нѣтъ-съ, можетъ она и попрытче того идетъ,—а про то я говорю, что пишутъ-то нескладно, неладно, ровно чортъ пестомъ по Негливной» (стр. 180—181).» Но настоящая причина ожесточенныхъ счетовъ старика съ наукою та, что она сманила—сгубила его сына Митю. Уговорили, казалось бы, и хорошіе люди пустить парня, по его же просьбѣ, въ гимназію, а потомъ и въ университетъ. Самъ отецъ въ свое время тѣшился тѣмъ, что онъ «не то что своего брата, — всѣхъ барчать за поясъ заткнулъ» (стр. 191). Казалось бы, и за границей-то, куда сманили его родители одного изъ его университетскихъ товарищей, онъ отлично исполнилъ всѣ торговыя отцовскія порученія. Да вотъ бѣда: «двадцать девятый Митькѣ пошелъ: давно пора, по соображеніямъ старика,

своихъ дѣтей наживать». Между тѣмъ «за невѣстами дѣло не стало бы: ротъ разинь—изъ любого дома бери... Перво-статейные, мильонщики, фабриканты сами съ дочками на-прашивались». Да Митька-то, вотъ въ чемъ бѣда, ни на одну изъ нихъ не позарился, а приглянулась ему Нѣмка «дѣвка безродная... вѣры ихней еретицкой».., за моремъ-де слюбился съ ней и окромя ея ни на комъ въ свѣтѣ не женится» (стр. 195—197). Старикъ на дыбы, но въ одинъ прекрасный день оказалось, что Митька-то на ней уже и женился. «На другой день, рассказываетъ старикъ, идущий отъ ранней обѣдни—Нѣмка на-встрѣчу. Не стерпѣло—зашибъ... Откуда ни взялся Митька—отнимать ее. Сердце меня и взяло: его въ сторону, Нѣмку за косу, да оземь... Тяжела, видно, свекрова рука прихлала! Захла. Мѣсяцевъ черезъ восемь померла». На другой же день послѣ похоронъ съ Митькой случилось, чего никогда не случилось. Пропашій сталъ. «Ученье всему виной» (стр. 199).

Старикъ Красильниковъ, сваливая все на науку, и не подозреваетъ, конечно, что это напоминаетъ знакомую ему, безъ сомнѣнiя, пословицу: «съ больной головы на здоровую». Въ немъ незамѣтно даже и малѣйшихъ признаковъ разчуживанья и собственной своей вины. Совершенно напротивъ того умѣнемъ въ себя заглянуть и себя осудить отличается Поярковъ, встрѣчу съ которымъ описываетъ намъ Печерскiй въ особомъ, восящемъ его имя, очеркѣ (1857 г.). Прослуживъ болѣе десяти лѣтъ въ различныхъ полицейскихъ должностяхъ, онъ, наконецъ, попался, но попался не подѣломъ, какъ могло бы оно не разъ быть прежде, а по клязамъ, по наговору. И что же? именно тутъ, послѣ несправедливаго осужденiя, и возникаетъ въ немъ глубокое сознание всѣхъ его прежнихъ, ушедшихъ отъ суда людского, вопiющихъ несправедливостей и онъ чувствуетъ себя поисканнымъ Божимъ неумытнымъ судомъ. Долго Поярковъ только религiозно обморачивалъ свою совѣсть: «со всякаго берешь,—вспоминаетъ онъ,—а себя праведникомъ ставишь. Что же? бывало, думаешь:—по праздникамъ церковь Божью не обѣгаю, поповъ съ празднымъ

принимаю, говѣю каждый годъ, въ большіе посты не скормлюсь, нищимъ по силѣ помощи подаю, въ тюремномъ комитетѣ состою членомъ, ежегодныя пожертвованія на дѣтскіе пріюты, по письмамъ губернаторши, плачу исправно. Чего еще? Святымъ себя считалъ, а врага слушалъ. Шепчетъ, бывало въ душу-то: «Карпушку-то Власьева прижми, денегъ у него, у шельмы, много, пущай не забываетъ, что ты его начальство». Да что Карпушка! И бѣднякомъ Васильемъ Сидоровымъ бывало не брезгаешь». «Не думаешь, вспоминаетъ Поярковъ, будетъ ли Сидоровъ съ семьей завтра ужинать, объ одномъ помышляешь, губа-де у меня, у барина, къ сладкому наважена, а мужицкое горло. что суконное бердо, проглотить и долото» (стр. 212—213). И вотъ вдругъ, при этой-то барской повадкѣ къ сладкому,— «денегъ ни копѣйки, дѣваться некуда». Остается только руки на себя наложить. «Но тутъ,—разсказываетъ Поярковъ,—Господь мнѣ помощь явилъ... Встрѣтился я со старцемъ, сказывалъ, что идетъ онъ изъ Кіева въ Саровскую пустынь. Кто такой, не знаю, но человѣкъ Божій и даръ прозорливости имѣлъ. Сталъ разговаривать, и всю-то мою жизнь ровно по книгѣ вычиталъ...» (стр. 210). И обратился нашъ грѣховодникъ въ своего рода подобіе Некрасовскаго Власа, съ тою великою разницею, что не страхъ адскихъ мукъ пробудился въ немъ, а въ душѣ наконецъ-то заговорила совѣсть, уже не дающая себя провести ничѣмъ. Обобщая свое положеніе, онъ говоритъ: «повѣрьте, что за каждымъ невинно осужденнымъ были другіе грѣхи, до людей не дошедшіе, а къ Богу вопіявшіе... За эти-то тайные грѣхи и осуждается человѣкъ подъ предлогомъ такихъ, какимъ онъ не причастенъ... На человѣческомъ судѣ всего одинъ только разъ былъ осужденъ не имѣвшій грѣха. Судьей тогда былъ Пилать» (стр. 206).

Изъ художественной мастерской А. Печерскаго въ томъ же 1857 г. вышло и еще нѣсколько замѣчательныхъ очерковъ. Прямымъ воплощеніемъ народнаго здраваго смысла является тутъ «Дѣдушка Поликарпъ», въ своей нелюбви къ отвлеченно-научному и казенному умничанью надѣ

жизнію нѣсколько напоминающей старика Красильникова, но съ тою большою разницею, что у дѣдушки Поликарпа не замѣшано тутъ никакихъ личныхъ счетовъ. «Земля-то наша Свято-Русская,—говоритъ онъ,—больно ужь велика стала, кормилецъ; съ одного-то мѣста ея не обдзришь» (стр. 297). Онъ доказываетъ это примѣрами. Казалось бы, самое доброе дѣло — надѣленіе крестьянъ коровами отъ казны или даже запрещеніе отъ начальства лѣсъ рубить. Но вѣдь если какой-нибудь лядащей коровенкѣ и всякая дрянь будетъ кормомъ, то совсѣмъ вѣдь другое дѣло со здоровенною жалованною скотиною. «Принимай отъ начальства остуду, не умѣль-де, мошенникъ, жалованной скотины соблюсти». А что до лѣса, то вѣдь «губленье губленью ровнѣ». «Самъ посуди, кормилецъ, продолжаетъ старикъ, какое губленье лѣсу отъ кулижки? Много ли мѣста подъ нее надоть? — И то сказать — лѣсъ-отъ на кулижки палятъ вѣдь не строевой, не дровяной, а больше все заборникъ, да прясельникъ. А заборнику да прясельнику по нашимъ мѣстамъ такое мѣсто, что, какъ ты его ни руби, онъ изъ земли такъ и лѣзетъ, ровно преть его оттуда кто» (стр. 299). Особый опять примѣръ у Поликарпа,—какимъ образомъ лишеніе правъ на самомъ дѣлѣ можетъ иногда приниматься за надѣленіе ими. Читаетъ судья Прошкѣ приговоръ: «не бывать тебѣ сиротскимъ опекуномъ, не будутъ тебя въ свидѣтели брать, не стануть на мірской сходѣ пускать, ни въ головы, ни въ старшины, ни даже въ сотскіе аль десяткіе не стануть тебя выбирать во всю твою жизнь». А Прошка себѣ на это: «отцы мои родные, благодѣтели вы мои, ужь если такія есть до меня ваши милости, нельзя ли приписать, чтобъ и подводъ-то съ меня не брали» (стр. 309). Но они отъ этой-то обузы, конечно, его не избавили.

Уже прямо отъ своего лица высказывается нашъ авторъ противъ казеннаго мудрованія надъ жизнью въ «Медвѣжьемъ Углу». Описывая тутъ уѣздный городъ Чубаровъ и разумѣя подъ нимъ цѣлую пропасть такихъ же жалкихъ Чубаровыхъ, онъ поясняетъ: «при учрежденіи губерній,

ткнули пальцемъ на картѣ, сказали: «быть городу», и сталъ городъ. Оттого тѣмъ городамъ и чужда городская жизнь. Сколько бы ни хлопотали о хозяйствѣ медвѣжьихъ угловъ..., «медвѣжььи углы» на вѣки вѣчные останутся «медвѣжьими углами» (стр. 319). Во всемъ остальномъ этотъ очеркъ является прямымъ отголоскомъ Гоголевской сатиры. Она вѣдь такъ и звучитъ тутъ изъ устъ бесѣдующаго съ Печерскимъ стараго подрядчика. «Казной корытоваться,—говорить старикъ, не впримѣръ способнѣй, чѣмъ взятки брать.... Съ кого взялъ, тотъ, пожалуй, и карауль закричитъ, а у матушки казны языка нѣтъ... Зато ее и грабятъ». «Въ прежнее время, по увѣренію старика, по этой части даже больше совѣсти было». «Въ прежни-то годы, поясняетъ онъ, на всю губернію алхитехтуръ одинъ, а нынче гляди-ко что ихъ развелось. А прѣзжаетъ все голь и вся эта голь хочеть скорѣй наживы. Анжинеръ хуже. Для того, что анжинеръ форсистѣе. Онъ, видишь ты, съ аполетами — значитъ, ему денегъ больше надо» (стр. 323—24).

Чисто Гоголевскимъ пошибомъ отличаются также «Непремѣнный» (1857 г.) и «Именинный пирогъ» (1859 г.). Сама попечительная судьба, еще и не такъ чудодѣйствующая въ сказкахъ, проводитъ Андрея Тихоныча изъ писцовъ уѣзднаго суда съ 45 к. въ мѣсяцъ жалованья въ «непремѣнные». Воплощеньемъ судьбы «не мачихи» является тутъ его превосходительство Александръ Ивановичъ. «Еслибы колѣнопреклоненное королевство, рассказываетъ Печерскій, со слезами и съ рыданьями сказало: «Андрей Тихонычъ, бери корону, царствуй надъ нами!», едва ли бы слова будущихъ вѣрноподданныхъ настолько смутили его душу, на сколько смутили его слова Александра Ивановича (стр. 343)». А Александръ Ивановичъ изволили только предложить ему покурить. Дѣло въ томъ, что у нихъ были еще и другіе виды—пристроить за Андрея Тихоныча свою отставную Поленьку, а для того и провести Андрея Тихоныча въ «непремѣнные». Андрей же Тихонычъ считаетъ своимъ долгомъ поздравлять благодѣтеля съ каждымъ праздникомъ,

и приходить въ превеликій ужасъ, когда его письма за много лѣтъ, оказываются всѣ на лицо у почтмейстера подъ поломъ. «Пропадай они гривенники,—воскликаетъ злополучный отправитель, котораго почтмейстеръ не даромъ величалъ «оброчнымъ»; да «его-то превосходительство Александръ-отъ Иванычъ что могутъ про меня сказать» (стр. 356).

«Именинный пирогъ» заключаетъ въ себѣ величественную картину чисто гомерической ѣды у уѣзднагостряпчачаго и замысловатую исторію пріобрѣтенія имъ губернаторскаго портрета. И всѣ-то эти, возсѣдающіе за пирогомъ, тузы уѣздные—настоящіе Олимпійцы. Расходясь изъ церкви, они даже не удостоиваютъ отвѣтнаго поклона мѣщанъ и различныхъ разночинцевъ. «Не гордость, не чванство причиной тому, говоритъ авторъ. Попадись благородный одинъ на одинъ любому мѣщанину, непременно бы отвѣтилъ ему поклономъ и дружелюбно поговорилъ бы. Но, шествуя въ сонмѣ властей, какъ поклониться?... Нельзя!!!» (стр. 362).

Небольшой очеркъ «На станціи» (1859 г.) переводитъ насъ снова на почву крестьянскаго здраваго смысла, такъ живо умѣющаго показать устами видавшаго виды старика, какъ солоно можетъ приходиться народу отъ буквального исполненія закона, составлявшагося помимо какого-либо изученія крестьянскаго быта и крестьянскихъ нуждъ.

Не станемъ вовсе останавливаться на *были* «Въ Чудовѣ» (1860 г.), такъ какъ это только литературно переданный анекдотъ о встрѣчѣ съ неузваннымъ Аракчеевымъ, которому приходится выслушать тутъ самую горькую о себѣ правду.

Къ особой исторической группѣ должны быть отнесены большіе очерки: «Старые годы» (1856 г.) и «Бабушкины розсказни» (1858). Въ нихъ оживаетъ передъ нами нашъ XVIII вѣкъ со всею его Европейски-азіятскою двуличностью. Мѣсто дѣйствія «Старыхъ годовъ»—на Волгѣ, въ селѣ Заборѣ съ его укрѣпленнымъ монастыремъ, съ его

барскими палатами, выстроенными по плану Растрелли и перешедшими въ наше время къ разбогатѣвшему откупщику Кирдяпину. «Ведутъ угрюмые старцы бесѣды, говорятъ Печерскій про эти памятники старины, а сами будто сокрушаются, что минули старые годы, когда вверху было людно и шумно, а внизу говорить громко не смѣли» (стр. 2). Войдите въ эти палаты, и вамъ невольно представится, что на васъ презрительно выглядываютъ изъ своихъ рамъ потемнѣвшіе лики старыхъ владѣльцевъ Заборья. «Вонъ ступайте, жалкіе люди, какъ бы говорятъ они, мы васъ не знаемъ, да и вамъ никогда не извѣдать нашей раздольной, веселой жизни, нашего буйнаго разгула, барскихъ затѣй и ничѣмъ неудержимыхъ порывовъ!». Это лики птенцовъ одного хищнаго гнѣзда, ведущаго свой родъ отъ Гедимина Литовскаго. Самый хищный межъ ними, но въ то же время не чуждый и лисьихъ приемовъ, это князь Алексѣй Юрьичъ Заборовскій. «При Петрѣ Великомъ ходу ему не было, потому что въ дѣло не годился, зато ловкій князь послѣ умѣлъ наверстать и взять свое: во-время подбился къ Меншикову, во-время вошелъ въ дружбу съ молодымъ Долгоруковымъ, во-время съѣздилъ въ Митаву на поклоненіе Бирону, во-время перекинулся къ Миниху, во-время сблизился съ Лестокомъ» (стр. 9). Могъ, значить, князь Алексѣй попридержаться и овладѣть собою, когда это самому же ему было надобно. Этимъ-то и упрочилъ онъ за собою такое положеніе, при которомъ уже сдерживаться не приходилось. «Не только въ Заборьѣ, — по всей губерніи все ему кланялось, все передъ нимъ раболѣпствовало, а онъ съ каждымъ днемъ больше и больше предавался неудержимымъ порывамъ необузданнаго нрава и глубоко-испорченнаго сердца... Вскорѣ для князя не стало иной законности, кромѣ собственныхъ прихотей и самоуправства» (стр. 12). Да и какъ-же иначе, если его гости прикладывались къ его рукѣ, если въ монастырѣ встрѣчали его торжественною процессіею съ колокольнымъ звономъ, если не только его крѣпостные, но даже мелкопомѣстное шляхетство дѣлало по его требованію *ръзака*. «А

чтобъ сдѣлать рѣзака, надо подь гору торчмя головой лѣтѣть, на яру закраину головой прошибить, да потомъ изъ подо льда и вынырнуть». Между тѣмъ, не всякому-то изъ дворовыхъ давалась эта штука, а князь, сердчая, кричалъ: «всѣхъ запорю до смерти!». Дворяне оказывались, однако, и того плоше: «одинъ и прошибъ-было головой ледъ, да тоже (т.-е. какъ и многіе изъ дворовыхъ) къ осетрамъ въ гости поѣхалъ» (стр. 28).

Случалось князю Алексѣю Юрьевичу и исторію Давида съ Уриной женой разыграть. Полюбилась ему капральская жена и примчалъ ее къ нему его вѣрный стремянный, а капрала затѣмъ не стало. Былъ же тотъ вѣрный рабъ сынъ Яшки Безухаго, прозваннаго такъ потому, что княжій медвѣдь откусилъ ему ухо, а князь, точно будто для симметріи, приказалъ отрѣзать ему и другое—за то, что онъ осмѣлился пырнуть княжого медвѣдя ножомъ. Яшкинаго же сына, за его безпримѣрную службу, князь порѣшилъ-было женить на барской барыняѣ, когда же это рѣшеніе, за молодостью его лѣтъ, было отмѣнено, то ему пожалована была въ вольныя подружки жизни дѣвка Акулька. Послѣ же достиженія имъ законнаго возраста, стремяннаго женили-таки на важнѣйшей особѣ — родной сестрѣ Бурылихи, разыгрывавшей при дворѣ князя извѣстную роль такой исторической особы, какъ Марья Саввишна Перекусихина.

Бывала у князя въ Заборѣ годичная ярмарка, а князь былъ надъ нею полновластнымъ пашею. Стоило кому-нибудь изъ торговцевъ продать слишкомъ дорого свой товаръ, и князь станетъ у него за прилавокъ и все распродастъ задаромъ. Но случался и такой купчина, который зналъ, должно быть, выраженіе: «коли правъ, такъ и баринъ». Не захотѣлъ онъ тѣшиться, по княжескому приказу, съ деревенскими дѣвками, да и не позволилъ также «добраться, какъ выражался князь, до своей морды». Даль онъ отъ князя тягача въ озеро, а князь за нимъ, и гонялъ онъ за собой князя до тѣхъ поръ, пока князь продрогъ; сдался его сіятельство и сталъ всѣми святыми себя

заклинать, «что никакого дурна надъ купчиной не сдѣлаеть». И въ самомъ дѣлѣ—«не то, чтобы выдрать — пріятелемъ сдѣлать его, домъ каменный въ Москвѣ подарилъ» (стр. 44). Подвернулся разъ князю и такой изъ мелкопомѣстныхъ, который служилъ въ полкахъ и за ранами былъ уволенъ отъ службы. Взялъ да и подвернулъ онъ подъ себя князя — за то, что тотъ, въ спорѣ съ нимъ, обозвалъ его шельмомъ—«да и ну валять князя на обѣ корки». Снова пришлось сдаваться Алексѣю Юрьичу. «Я вѣдь пошутилъ, ей Богу пошутилъ», заговорилъ онъ. «И съ той поры пріятели сдѣлались. Водой не разольешь» (стр. 67—68). «И всегда и во всемъ такъ бывало, воспоминаетъ Прокофѣичъ; кто удалую штуку удереть, либо тыкнетъ князю прямо въ носъ, не боюсь-де тебя, того жаловалъ, да въ чести держалъ» (стр. 44). На повѣрку, стало быть, выходило, что князь Алексѣй, какъ и другіе, подобные ему на разныхъ ступеняхъ, былъ не дѣйствительно «власть имѣющій», а властный лишь отъ чужой податливости и подлости, какъ и отъ узаконенной потачки барскому самоуправству и озорничеству со стороны самой верховной власти.

И страшень, и жалокъ, и гадокъ князь Алексѣй въ своей ночной бесѣдѣ съ архимандритомъ. Не спится князю; чудится ему, что гдѣ-то воетъ и зоветъ его къ себѣ душа Палецкаго (кого-нибудь изъ отправленныхъ имъ на тотъ свѣтъ въ какомъ-нибудь гнѣвномъ припадкѣ). «Ужь если о смерти помышлять, рѣшается заикнуться архимандритъ, такъ лучше бы вашему сіятельству о своихъ дѣлахъ подумать».—«А что мои дѣла? какія дѣла?.. Украдъ ли я у кого? Позавидовалъ кому?» А самъ, должно быть, внутренно чуетъ, что не вмѣняется ему въ заслугу такія отрицательныя добродѣтели—такъ какъ вѣдь что бы и сталъ онъ красть, или чему бы ему еще завидовать? Страшно, невыносимо страшно князю, и онъ хватается за другія свои заслуги: «аль мало вкладовъ даю я тебѣ въ монастырь, говоритъ онъ архимандриту. величая его, однако-жь, при этомъ и «подлою душою», и «безстыжими поповскими глазами» (стр. 74). И тѣмъ же «завидующимъ глазамъ»

и «загребущимъ рукамаъ» сулить онъ еще новые вклады по своей духовной, поручая архимандриту четверть завѣщанныхъ денегъ употребить на свои похороны. Только «покрова не покупай», говоритъ онъ ему, — «въ Парижъ къ двоюродному брату, князь Владиміру, посланы деньги — самой бы наилучшей Ліонской парчи тамъ купилъ», купилъ бы да выслалъ ему вмѣстѣ съ сочиненіями Вольтера да гобеленами — какими-нибудь такими, конечно, на которыхъ бы были изображены сюжеты въ родѣ «похищенья Сабинокъ», неоднократно разыгрывавшагося княземъ въ дѣйствительности со своими прихлебателями, при страдательномъ тутъ участіи крестьянскихъ дѣвокъ.

Очень ужъ страшна князю смерть, и не хотѣлъ бы онъ, разумѣется, вспоминать о смерти, а надо же, такъ какъ, раньше ли, позже ли, а вѣдь она неизбѣжна, позаботиться о томъ, чтобы и послѣ смерти все происходило вполне соотвѣтственно его княжескому достоинству, а тамъ, въ той жизни (Вольтеръ тутъ вѣдь ни при чемъ, Вольтеръ — тѣ же гобелены или та же мебель) не пришлось бы попасть въ лапы къ дьяволамъ, которые, пожалуй, и не станутъ очень чиниться съ его сіятельствомъ. И вотъ, Алексѣй Юрьичъ кончаетъ тѣмъ, что зоветъ архимандрита, которому подносилъ уже свой кулачище къ носу, пріѣхать и причастить себя; когда же архимандритъ напоминаетъ ему, что надо же примириться съ княгиней Марей Петровной, съ которой онъ вотъ уже шестой годъ какъ не перемолвилъ слова, князь, выписывающій себя Вольтера, хватается за «Домострой», говоря: «что княгиня? Баба!.. Бабѣ плеть». Все наконецъ сводится на пресловутую не то похвальбу, не то угрозу царя Ивана Васильевича: «въ монахи пойду» (стр. 84). Тоже и намъ приходилось слышать своими ушами отъ нѣкоего самодура изъ простыхъ смертныхъ, также думавшаго подобнымъ образомъ озадачить своихъ окружающихъ. Но неотвязчивый архимандритъ спрашиваетъ: «княгиню-то куда же?» — Ну ее къ бѣсу, отвѣчаетъ князь; мнѣ бы свою только душу спасти».

Онъ окончательно уподобляется Грозному, послѣ того какъ, подобно ему, доводитъ до могилы свою жену, становящуюся жертвой совершенно напрасной, нелѣпѣйшей ревности, ревности, на которую, повидимому, ужь онъ-то и ни въ какомъ бы случаѣ не имѣлъ права, самъ себѣ позволяя рѣшительно все. «Отцы преподобные, причитаешь онъ, прискорбна душа моя даже до смерти! Не могу дольше жить въ семъ прелестномъ мірѣ, давно алчу тихаго пристанища отъ бурь житейскихъ», и т. д. Но тутъ же сейчасъ вспоминаетъ князь Алексѣй о своемъ князѣ Борисѣ съ его неподходящей женитьбой; сваливая съ больной головы на здоровую, выставляетъ его виновникомъ княгининой смерти, и громко, навзрыдъ зарыдавъ, поникаетъ головой. «Въ несчастьи смиряться должно», желая воспользоваться доброй, повидимому, минутой, замѣчаетъ архимандритъ. Но смиренье—не для тѣхъ, кто способенъ подчасъ, струхнувъ, унижаться и пресмыкаться, но христіански себя умѣрять, ограничивать никогда не способенъ. «Ты, кутейникъ, не можешь понять, что такое шляхетская честь, накидывается онъ на архимандрита; мы—Гедиминово рожденье!» (стр. 95).

А вѣдь настала, повидимому, минута, когда и это древне-княжеское отродье смирилось, любовно смирилось передъ тою же самою женщиной, которую сперва величало «Борькиной паскудной шляхтянкой». Разомъ онъ былъ побѣжденъ обаяньемъ ея физической красоты, служившей только вѣрнымъ зеркаломъ ея красоты-чистоты душевной. Она подѣйствовала на него, какъ Дамаянти на того человѣка, котораго назвала «святотатцемъ», или какъ Пушкинская Марія на властнаго и сладострастнаго Гирея. Точно сразу переродился старикъ, отмѣнилъ даже, подъ чистымъ ея обаяньемъ, свой «звѣринскій» обычай, распустилъ даже всѣхъ своихъ подневольныхъ нимфъ — за исключеньемъ одной. Но поворотъ совершился только стихійно, подъ вліяніемъ внезапно нахлынувшей на него, до сихъ поръ неизвѣданной имъ, волны какого-то душевнаго обаянія. Прошелъ этотъ, казалось, живительный,

вполнѣ возрождающій, «девятый валъ», — и грязныя волны прежнихъ бурныхъ страстей снова залили и умчали князя. Вотъ тутъ-то и сдѣлалась его жертвою—послѣднею ужасающей жертвою, тоже обаятельная въ своей чистотѣ и святости, княгиня Варвара Михайловна. Да, именно на нее-то и посягнулъ подъ конецъ своей гнусной жизни неизглаголанннй святотаецъ, захотѣвшій разыграть съ нею роль снохача (вспомните «Батьку» Писемскаго). Заложилъ онъ ее, непокорную, глухую стѣной въ своемъ «розовомъ павильонѣ», распустивъ затѣмъ слухъ, что она поѣхала къ мужу, возвращающемуся съ войны, и умерла въ дорогѣ;—на самомъ же дѣлѣ отправили вмѣсто нея другую и велѣли ее уморить вмѣстѣ съ тѣмъ, кто ее провожалъ, чтобы и слѣдъ простылъ, а сами отдались затѣмъ даже и имъ еще неизвѣстной оргіи. Но дѣло, однако же, всплыло, и старый самоуправецъ напрасно вздумалъ было спросить нагрянувшаго на него представителя карающей власти: «не знаешь развѣ, кто я?» Убѣдившись, что съ нимъ наконецъ не шутятъ, сталъ онъ валяться въ ногахъ у того же маіора и трусовски причитать: «холопъ я твой вѣковѣчный» (стр. 106—108). Отъ страха его, наконецъ, хватилъ Кондрашка.

Такова эта страшная повѣсть—вполнѣ историческая по своему основному смыслу. Она представляется намъ ужаснѣе, или, по крайней мѣрѣ, гнуснѣе исторіи Ивана Грознаго, этой «волчьей головы», какъ вазывалъ его Хомяковъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, были воспоминанія прежней славы, были наконецъ и потомъ яркіе проблески государственнаго ума, невышедшаго окончательнаго изъ-подъ власти чего-то «идейнаго». Тамъ все же порою дѣйствовала опоминающая и приводящая снова въ себя, сила сознанія своей міровой отвѣтственности — отвѣтственности передъ Богомъ, да передъ лѣтописью съ ея «Божьей правдой». А тутъ ничего, рѣшительно ничего, кромѣ совсѣмъ безыдейной, вполнѣ животной, «своей руки владыки».

Въ «Бабушкинныя Розказняхъ» тотъ же нашъ

XVIII в. озаряется свѣтлымъ, но не во всемъ, какъ намъ кажется, вѣрнымъ и не вполне выдержаннымъ образомъ Настеньки Боровковой. «То былъ вѣкъ богатырей, предупреждаетъ насъ авторъ. Полтава, Берлинъ и Чесма, Минихъ въ Турціи, Суворовъ на Альпахъ, Орловъ въ Архипелагѣ и геніальный, неподражаемый, великолѣпный князь Тавриды, создающій новую Россію изъ ничего! Что за величавые образы, что за блескъ, что за слава! Но съ этимъ блескомъ, съ этой славой объ руку идутъ высокомерное полуобразование, раболѣпство, слитое во-едино съ наглымъ чванствомъ, корыстныя заботы о карманѣ, наглая неправда и грубое презрѣніе къ простонародію» (стр. 119). Но вотъ именно этому-то презрѣнію и оказывается вполне непричастною идеальная Настенька Боровкова. Мы далеки отъ того, чтобы считать ее вполне невозможною въ то время (были же тогда Новиковъ и Радищевъ, почему же не быть и женщинѣ ихъ направленія?). Но мы не можемъ признать идеи ея происходящими по прямой линіи отъ Монтескьё, Дидро, да Жанъ-Жака. Отъ нихъ несомнѣнно происходили идеи Екатерины II, Щербатова и Болтина, но легче ли было отъ того народу? Идеи Радищева, по вѣрному замѣчанію автора «Былого и Думъ», не столько происходят отъ Руссо, сколько отъ того ямщика, заунывную пѣсню котораго онъ такъ глубоко понималъ. Потому-то и Настеньку Боровкову мы произвели бы скорѣй отъ какого-нибудь непосредственнаго столкновенія съ народомъ, чѣмъ отъ Вольтера съ энциклопедистами. Правда, о Настенькѣ авторъ рассказываетъ намъ устами бабушки, а не только бабушки, но и дѣды и отцы той поры, только «слышавшіе звонъ», утверждали нерѣдко, будто бы всякая, сколько-нибудь свободная мысль непременно занесена къ намъ изъ-чужа, а нашей жизни несвойственна. «Все философія да поганья книги, утверждаетъ бабушка; вотъ тебѣ и Жанъ-Жакъ! Подлымъ вольности захотѣлъ! Да вѣдь вольность-то дана, топ ргеоппаи, шляхетству, дворянскому корпусу, за службу дѣдовъ и прадѣдовъ, а Настасья Петровна моя Хамовой породѣ захотѣла вольно-

сти!» (стр. 154). Понятно, что всей породѣ не-Хамовой стала она поперекъ горла. Когда же Настенькѣ наконецъ удалось, пробравшись къ самой Государынѣ, добиться отъ нея правды для невинно-осужденнаго мужика, высшая порода придумываетъ ловкое средство устранить съ пути отважную дѣвушку. Средство это—просватаніе Настеньки самую Государынею — за человѣка значительнаго, но получающаго служебное назначеніе въ Сибирь. Намъ кажется только, что такія, какъ Настенька, не такъ-то легко дадутъ просватать себя—хотя бы и самой Государынѣ.

Совершенно особое мѣсто занимаетъ у нашего автора рассказъ: «Гриша» (1860 г.). Тутъ мы уже на той почвѣ старообрядства, которую онъ въ послѣдствіи особенно облюбилъ и отмежевалъ себѣ въ своихъ двухъ большихъ эпопеяхъ изъ Русскаго быта. Гриша—названный сынъ благочестивой вдовы Евпраксіи Михайловны. Возлюбилъ этотъ юноша «мать-пустыню», но «поднимала въ тайникѣ его души змѣиную свою голову гордость проклятая» (стр. 251), связанная съ тѣмъ чувствомъ ненависти, по внушеньямъ котораго «Никоніанина пришибить—семь пятницъ молока не хлебать» (стр. 262). Не сдается его ожесточенное сердце на Христіанскія увѣщанія кроткаго старца Досиѣея: «всѣ мы братья, всѣ единаго Христа исповѣдуемъ. Не помнишь развѣ, что Господь, по землѣ ходивши, съ мытарями ѣлъ и съ язычниками, никого не гнушался. Какъ же мы-то дерзаемъ? Святѣе, что ли, мы его?»—Да вѣдь они щепотники, въ три перста молятся, возражаетъ Гриша.—«А сколькими перстами повелѣлъ Господь Самарянынѣ молиться? Читалъ ли ты, что Богу надобно кланяться духомъ и истиной? А два-ли, три-ли перста сложишь, — это ужъ самое послѣднее дѣло»—Уйди отъ меня, уйди, окаянный! отскакивая отъ старца, закричалъ Гриша. Изчезни!» Гриша прямо вообразилъ, что въ старцѣ—бѣсъ. А не чувствуетъ онъ въ себѣ того внутренняго, не съ хвостомъ, и не съ рогами, а безплотнаго духа зла, отъ котораго и предостерегалъ его старецъ. И вотъ при этомъ-то духѣ злобы Гришѣ во все не въ прокъ вся его борьба со страстями. Невольно

заслушавшись веселыхъ семицкихъ пѣсень, Гриша не могъ устоять передъ пѣвуньей Дуняшей. Гордость его страшно этимъ уязвлена, но вотъ вдругъ является ему на выручку новый, иного покроя, старецъ. «Всякимъ людямъ, соблазнительно утѣшаетъ онъ Гришу, уготована часть въ царствіи небесномъ; внидуть въ селенія праведныя и тати, и разбойники, и блудники, и сластолюбцы, аще добрымъ покаянiемъ, постомъ и молитвою очистятъ грѣхи свои, не внидуть же токмо еретикъ и богатый». И не замѣчаетъ Гриша, какъ старецъ мало-по-малу забираетъ его въ свои руки, проповѣдуя ему, поплатившемуся за гордость, послушаніе, безусловное послушаніе. Гриша доходитъ до того, что, въ какомъ-то чаду изувѣрства, сдается на рѣчи старца: «велятъ челоуѣка убить, твори волю пославшаго» (стр. 282). И вотъ, вмѣстѣ съ новымъ крещеніемъ принявъ отъ старца новое имя: Геронтій, юноша, съ благословенія старца, приноситъ къ нему наполненный деньгами сундукъ, а владѣлицу того сундука Евпраксию Михайловну—его названную мать — приходится черезъ три дня хоронить.

Мы не останавливаемся долѣе на этомъ очеркѣ, такъ какъ онъ лишь этюдъ, предшествующій такимъ двумъ большимъ картинамъ изъ раскольниковьяго быта, [какъ: «Въ Лѣсахъ» и «На Горахъ». Въ этихъ двухъ картинахъ, особенно въ первой, настоящая слава Мельникова.

II.

„Въ Лѣсахъ“.

Лучшее произведеніе Мельникова внушено ему продолжительнымъ и добросовѣстнымъ изученіемъ нашего старообрядства, съ другой же стороны свидѣтельствуеть и о его многостороннемъ и глубокомъ знаніи народной Русской жизни вообще со всею ея бытовою и обрядовою стариною, съ ея преданіями и повѣрiями, частію еще совершенно миѣическими, частію уже христіански легендар-

ными. Скопить и привести въ порядокъ такой богатый этнографическій матеріалъ могъ только настоящій ученый, а создать изъ него такую полную и стройную картину Русской жизни могъ только истинный художникъ. Своеобразное значеніе Мельникова именно и заключается въ такомъ сочетаніи двухъ стихій, рѣдко кому дающихся въ равной мѣрѣ. Обѣ онѣ, конечно, замѣтны и у старшаго пріятеля, а отчасти учителя Мельникова, В. И. Даля, — но Мельниковъ далеко превосходитъ его, какъ художникъ.

Большая Мельниковская эпопея съ продолженіемъ ея «На Горахъ» писалась и печаталась отдѣльными главами въ продолженіи многихъ лѣтъ. Появленіе ея въ свѣтъ связано, какъ извѣстно, съ свѣтлою памятью царственнаго юноши, такъ преждевременно отнятаго у крѣпко имъ любимой Россіи въ 1865 году. Давъ слово покойному Наслѣднику, котораго сопровождалъ онъ во время его путешествія по Волгѣ, описать все то, что онъ ему о ней рассказывалъ, Мельниковъ вспомнилъ о своемъ «долгѣ» (какъ выразился Наслѣдникъ) во время его похоронъ, и закончилъ свой трудъ, самъ уже, можно сказать, находясь на смертномъ одрѣ. Это, такимъ образомъ, трудъ цѣлой жизни, такъ какъ и вся предшествовавшая дѣятельность автора, главнымъ образомъ, служила подготовленіемъ къ этому труду.

Время дѣйствія двухъ эпопей Мельникова—время, непосредственно предшествующее закрытію раскольниковыхъ скитовъ въ 1853 г., послѣднее время помѣщиковъ крѣпостной поры, Гоголевскихъ городничихъ и Держимордь*), — того, чѣмъ все болѣе и болѣе переполнялась горькая чаша, налитая Русскому народу причудливымъ ходомъ его исторіи, чаша, изъ которой было наконецъ выплеснуто такъ много державнымъ отцомъ того, кто вдохновилъ Мельникова на его трудъ, чтобы вскорѣ затѣмъ почить и своею

*) Прямые указанія на это „Въ Лѣсахъ“ I, 69; „На Горахъ“, I, 390; II, 318, 363; III, 34.

смертію открыть долгій, нескончаемый рядъ испытаній, выпавшихъ на долю его Отцу и имъ обновленной Россіи.

Передъ нами въ Волжскихъ разсказахъ Мельникова (онъ вѣдь скромно назвалъ свои поэмы разсказами), главнымъ образомъ, возстаетъ жизнь богатаго Волжскаго купечества, отчасти выбившагося изъ крестьянства, но, въ лицѣ большинства своихъ представителей, совершенно о томъ позабывшаго, преспокойно прижимающаго того же крестьянина, образуя изъ себя новый, ужасный видъ барства, пережившаго барство крѣпостной поры и во многомъ ему не уступающаго. Нашъ авторъ, впрочемъ, замѣчаетъ въ этомъ отношеніи значительную разницу между тѣмъ, что происходитъ на лѣвомъ берегу Волги, «въ Лѣсахъ», отъ того, что происходитъ на правомъ — «на Горахъ». Вотъ что онъ говоритъ въ началѣ своей второй поэмы: «Въ лѣсахъ за Волгой бѣдняковъ, какіе живутъ на горахъ, наврядъ найти, зато и Заволжскимъ тысячникамъ далеко до нагорныхъ богачей. Только эти богачи для бѣднаго люда не въ примѣръ тяжелѣй, чѣмъ Заволжскіе тысячники» *). Съ ихъ-то стороны главнымъ образомъ и раздаются тѣ толки, къ которымъ прислушивается въ Нижнемъ Алексѣй Лохматый: «вездѣ однѣ и тѣже рѣчи: деньги, барыши, выгодныя сдѣлки. Всякъ хвалится прибылью, пуще смертнаго грѣха боится убыли, а неправедной наживы ни единъ человекъ въ грѣхъ не ставитъ» **). Между тѣмъ, это все вѣдь люди, ревностно держащіеся своей старой вѣры, это все христіяне. Но вотъ какъ характеризуетъ ихъ авторъ: «Живетъ христіянецъ, вѣкъ свой рабочихъ на пятаки, покупателей на рубли обсчитываетъ... Плачутся на христіянца обиженные,—а ему и дѣла мало... Приблизится смертный часъ, толстосумъ сробѣетъ, просить, молить наслѣдниковъ: устройте душу мою грѣшную, не быть бы ей во тьмѣ кромѣшной... И начнутъ поминать христіянца наслѣдники: сгромоздятъ коло-

*) На Горахъ, I, 10.

***) Въ Лѣсахъ, III, 82.

кольню въ семь ярусовъ, выльютъ въ тысячу пудовъ колоколь, чтобы до третяго небеси слышно было, какъ тотъ колоколь будетъ вызванивать изъ ада душу христолюбца мошенника... Сотни рублей платятъ наслѣдники христолюбца голосистому протодіакону, чтобъ такую «вѣчную память» сѣораль онъ по тятенькѣ, отъ какой бы и во адѣ всѣмъ чертямъ стало тошнехонько. И вызвонятъ, и вырвутъ такимъ способомъ грѣшную душу изъ вѣчныхъ муки» *). Это, стало быть, вѣра совершенно вѣшняго покроя. Она сводится вся на то, чтобы соблюдена была малѣйшая іота обряда, возводимая на степень догмата, чтобы не было только и тѣни того, что зовется Никоніанскою ересью. Но авторъ справедливо обобщаетъ такое возрѣніе, указывая корни его у насъ въ томъ, что задолго предшествовало появленію такъ называемаго старообрядства. «И блудникъ, и тать, и убійца, говоритъ онъ, наслѣдуютъ жизнь вѣчную, еретика же и самая кровь мученическая очистить не можетъ»... «Такія жестокія понятія, замѣчаетъ Мельниковъ, казались бы несомнѣтельными съ добродушіемъ мягкосердаго, любвеобильнаго нашего народа. Откуда же взялась такая жестокость, столь обычная между старообрядцами?... Безсердечные Византійцы, суровые слагатели отшельническихъ уставовъ, дышущіе злобой обличители еретичества древнихъ лѣтъ мертвящими буквами своихъ писаній навѣяли на нашу добрую страну тлетворный духъ ненависти... Только за то и спасибо Византіи, что по ея милости Русская земля съ Римскимъ папой не зналась **). Старообрядство такимъ образомъ является у насъ такимъ чадомъ, пожалуй *изчадіемъ*, которое только не узнаетъ своего отца, подобно тому, какъ отецъ не узнаетъ въ немъ своего порожденія. Стало быть и читая «въ Лѣсахъ» бесѣду Англичанина съ Алексѣемъ Лохматымъ, мы должны въ отвѣтахъ послѣдняго разглядывать ту же основную Византійскую подкладку.

*) Въ Лѣсахъ, I, 344.

**.) Въ Лѣсахъ, I, 384.

«Вы мнѣ сказываєте обряды—говорить Англичанинъ, но я желаю знать правила вашей Русской старой вѣры»... А Алексѣй отвѣчаетъ:

«Правила!... У мірскихъ правила не полагается... Это у старцевъ только да стариць»...

— «Это вы также сказываєте обряды старой вѣры, а я желаю знать правила вѣры, т.-е. ея каноны».

«А, значитъ, насчетъ правильныхъ канѳоновъ... на канунѣ большихъ праздниковъ да наканунѣ воскресеньевъ послѣ вечерень они бывають.... Всѣ-то каноны развѣ одна матушка Манеѳа по нашимъ мѣстамъ знаетъ»...

Англичанинъ думаетъ приняться за дѣло съ другого конца.

«Между вашими вѣрами споры бывають?»

— Для-че спорить?

«Для того, чтобъ убѣдить противника, чтобъ онъ свою вѣру оставилъ и къ вамъ превратился».

— Есть изъ чего хлопотать. Да это, по нашему разумѣнію, самое нестоющее дѣло... Каждый человекъ долженъ родительскую вѣру по гробъ жизни сдержать... Вѣра-то вѣдь не штаны. Штаны изнаются, такъ на новы смѣнишь, а вѣру какъ мѣнять? Нельзя!» *).

Вѣдь это положительно отзывается духомъ того Новгородскаго Архіепископа Василя, который еще въ XIV в. спорилъ съ Тверскимъ епископомъ Феодоромъ о томъ, сохранился ли «земной рай» со всѣми своими осязательными признаками, а на вызовъ со стороны Шведскаго короля Магнуса на споръ объ основныхъ отличіяхъ Русской вѣры отъ Западной отвѣчалъ отказомъ, основывающимся на томъ, что мы-де «приняли вѣру отъ Грековъ, а потому и слѣдуетъ обращаться къ нимъ, когда хочешь поспорить о вѣрѣ». Вся разница въ томъ, что старообрядцы перестали ссылаться на Грековъ, основываясь на томъ, что Греки сами измѣнили своей старой вѣрѣ, а только ссылались на то, что эта старая вѣра сохранилась у насъ и мы обязаны

*) Въ Лѣсахъ, III, 94—96.

ее соблюсти, но большею частію также мало вникали въ самую сущность этой вѣры, также мало занимались ея *натуромъ*, сводя всѣ заботы на *внѣшность*.

«Только и толковъ, только и споровъ, что можно ли квашню на хмѣльныхъ дрожжахъ поставить, съ кожаной аль съ холщевой лѣстовкой слѣдуетъ Богу молиться, нужно ли, ради души спасенья, гуменцо на макушкѣ выстригать»... А сколько иногда въ тѣхъ спорахъ, замѣчаетъ Мельниковъ, бываетъ ума, начитанности, ловкости въ словопреніяхъ, сколько искусства! И весь этотъ народный умъ дрожжами, лѣстовками, да аятихристами занятъ *)). Такъ оно, впрочемъ, стало въ расколѣ современемъ, а первоначально не ограничивалось въ немъ только этимъ.

Но въ чемъ же, однако, настоящіе нравственные устои народной жизни? Вѣдь есть же они, если авторъ выводитъ передъ нами не однихъ Алексѣевъ Лохматыхъ, боящихся только нужды или гибели отъ властнаго чело-вѣка, и вовсе не боящихся грѣха, или же Смолокуровыхъ, готовыхъ надуть своего же пріятеля, огорчающихся при вѣсти о томъ, что мнимопогибшій братъ живъ, но его надо выкупить изъ плѣна, ради наживы готовыхъ даже на уголовщину. Устои народные, кажется, коренятся въ тѣхъ старыхъ бытовыхъ основахъ, которыя сквозятъ въ рассказѣ артельщика Артемія:

«Вонъ теперъ пароходы по Волгѣ взадъ и впередъ снують, ладьи да барки ходятъ, плоты плывутъ... Чьи пароходы, чьи плоты да барки? Купецкіе все. Завладѣла ваша братья, купцы, Волгой матушкой. А въ стары казачьи годы не купецкіе люди Волжскимъ раздольемъ владѣли, а наша братья голытьба... Голытьба въ стары годы по лѣсамъ жила, жила голытьба и промежъ полей... Кормиться стало не чѣмъ: хлѣба недороды, подати большія, отъ бояръ, отъ приказныхъ людей утѣсненье ...И побѣжала голытьба врозь, и стала она вольными казаками... Котора голытьба на Украйну пошла—та Ляховъ да бусур-

*) На Горахъ, II, 276—277.

мановъ побивала, свою казацкую кровь за Христову вѣру проливала... Котора голытьба на Сибирь махнула—та Сибирскія мѣста полонила и великому Государю Сибирскимъ царствомъ поклонилась» *).

Тѣ же основы, въ прошедшемъ выступающія передъ нами въ видѣ казацкаго братства, продолжаютъ сказываться и въ настоящемъ въ видѣ той артели рабочихъ, съ которою сталкивается въ лѣсу отправляющійся на золотой промыселъ Потапъ Максимычъ. Эти основы—въ народной общинѣ, почему-то такъ не полюбившейся автору въ одномъ изъ своихъ проявленій—общинѣ поземельной. У него на это свои особыя, слишкомъ уже исключительно экономическія, соображенія, вполне упускающія изъ виду, что «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ».

«Чуть не каждый годъ—говоритъ Мельниковъ, міръ, община передѣляетъ поля, оттого землю никто не удобряетъ, что-де за прибыль на чужихъ работать... И богатые, и бѣдные въ одинъ голосъ жалуются на тѣ передѣлы, но подѣлать ничего не могутъ. Община!—Зато кому удастся выбиться изъ этой—прахъ ее возьми—общины, да завестись хоть невеликимъ кускомъ земли собственной, тому житье не плохое: земля на горахъ родитъ хорошо» **).

«Какъ съ міромъ сладись? спрашиваетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ... Хоть міръ и первый въ свѣтѣ разбойникъ, а суда на него не сыщешь». Далѣе приводятся и примѣры мірскаго «разбойничества».—«Теперь у Чубаловыхъ мотна-то туга, разсуждаетъ крестьянская община про своихъ разбогатѣвшихъ участниковъ,—смогутъ и голый песокъ доброй пашней сдѣлать, потому и поступиться имъ допрежними ихъ (т.-е. хорошими) полосами міру будетъ за великую обиду».—«Такова правда въ пресловутой общинѣ, толкуетъ авторъ, такова справедливость у этого міра—народа, что изстари крѣпкими стопами на ведеркахъ водки стоитъ!» Не возражая противъ ведерокъ, относя-

*) Въ Лѣсахъ, I, 308—309.

***) На Горахъ, I, 10.

шихся къ области злоупотребленій, мы, никакъ не признаемъ за общенародный голосъ приводимаго авторомъ даѣе отзыва: «мужикъ уменъ, да міръ дуракъ». Все дѣло въ томъ, какъ понимать умъ. Міръ во многихъ отношеніяхъ, такой же «дуракъ», какъ и излюбленный сказками Иванушка-дурачокъ, по крайнему разумѣнію самого народа ватыкающій за поясъ своихъ старшихъ братьевъ — людей «себѣ на умѣ» — тѣмъ, что у него, если можно употребить тутъ выраженіе Достоевскаго, «главный умъ» — тотъ, который имѣетъ въ виду не личные интересы немногихъ, тучнѣющихъ на счетъ остальныхъ, а возможное уравниженіе всѣхъ путемъ взаимной уступчивости. «Они-ста теперь стали купцы, разсуждаетъ міръ про тѣхъ же Чубаловыхъ, и разсужденія міра, въ свою очередь, должны послужить у автора примѣромъ мірскаго «дурачества» и «разбойничества». «Для чего же на нашей мірскаго землѣ сидятъ, продолжаетъ разсуждать «міръ-дуракъ», и тѣмъ крестьянскому обществу чинятъ порукъ... Въ городъ ступай, тамъ себѣ хоромы ставь, а твой домъ на нашей мірскаго землѣ ставленъ, значить его слѣдуетъ въ общество отдать» *). По нашему мнѣнію, міръ тутъ, какъ *міръ*, какъ *община*, и вполне логиченъ, и вполне правъ, сколько бы ни было это *лично* невыгодно разбогатѣвшимъ, переродившимся въ купцовъ, Чубаловымъ. И если виновникъ разбогатѣнія, долго скитавшійся по разнымъ вѣрамъ, Дарасимъ Чубаловъ, въ самомъ дѣлѣ, наконецъ, убѣдился въ томъ, что спасеніе не въ такъ называемомъ умѣ, *въ* сердцѣ, если имъ въ самомъ дѣлѣ, наконецъ, понятъ Божій голосъ: «милости хочу, а не жертвы» **), то онъ не можетъ не обласкаться съ крестьянскимъ міромъ. Мы полагаемъ, что только благодаря *міру* — *общинѣ*, Византійству съ его религиознымъ эгоизмомъ, все-таки не удалось извратить вконецъ нашъ народный духъ, вполне заслонить отъ него свѣтлое и теплое солнце Христіанской любви и

*) На Горахъ, II, 223—224.

**) Т. е. не жертвоприношенія.

правды. Мы полагаемъ, что самое сочувственное лицо у нашего автора, Потапъ Максимычъ Чапуринъ, всѣмъ, что есть въ немъ дѣйствительно Христіанскаго, т.-е. въ настоящемъ смыслѣ человѣческаго, обязанъ именно тому, что въ немъ, не смотря на его переходъ въ купечество, уцѣлѣли бытовыя основы той крестьянской среды, изъ которой онъ происходитъ. Въ этомъ и основное отличие его отъ другого тысячника—Смолокурова. Правда, не одна Настасья Потаповна можетъ сказать про Чапурина: «вѣдь онъ добрый» *); то же могла бы повторить про своего отца и Дуня Смолокурова. Но дѣло въ томъ, что отецъ послѣдней только для нея одной въ цѣломъ мірѣ и добръ, а доброта отца Насти сказывается въ широкомъ кругѣ. Онъ, напримѣръ, способенъ полюбить совершенно ему чужую Груню, какъ родную дочь, да еще и не видѣтъ въ этомъ никакой заслуги, увѣряя себя и жену, что она зато принесла имъ счастье въ домъ и отстраняя ея благодарность словами: «не мы тебѣ, ты добро намъ дѣлала» (I, 154), съ другой же стороны и наставляя ее при этомъ: «добрыми дѣлами, Груня, воздашь... Молись, трудись, паче всего—бѣдныхъ не забывай» (154). Онъ даже скорѣе позволить себѣ круто поступить, употребить власть по отношенію къ родной дочери—его порожденію, его крови (въ этомъ еще сказывается у него, пожалуй, отголосокъ, предшествовавшего общинѣ, родового быта). «Будь Настасья по-старше, да не крестная тебѣ дочь, говоритъ онъ сватающемуся за Груню старику Ивану Григорьевичу, я бы разговаривать не сталъ, сейчасъ бы съ тобой по рукамъ, потому она дѣтище мое—куда хочу, туда и дѣну. А съ Груней надо поговорить»,—поговорить, т.-е. узнать ея собственную волю, именно потому, что «хоша она мнѣ, продолжаетъ Чапуринъ, и дочка, а все же не родная». Относительно родной дочери Смолокуровъ, пожалуй, даже вовсе не самодуръ. «Батюшка родитель, говоритъ про него Дуня, воли съ меня не снимаетъ... Кого по мысли найду,

*) Въ Лѣсахъ I, 81.

за того и пойду» (IV, 205). Но если Смолокуровъ предоставляет ей полную волю, то опять-таки ей одной въ цѣломъ мірѣ Божиємъ. Но вѣдь и Потапъ Максимычъ только въ теоріи отецъ-самодуръ; знаемъ же мы, что онъ какъ бы угадавъ чувства дочери, самъ наконецъ съ любовью остановившись на Алексѣѣ, знаемъ и то, что онъ, только ради обряда похорохорился, а затѣмъ сейчасъ же и простилъ Прасковью Потаповну, когда она явилась къ нему съ обвинявшимся съ нею «уходомъ» Васильемъ Борисычемъ. «Гнѣвъ — дѣло человѣческое, злопамятство — дьявольское» (II, 324), рассуждаетъ Чапуринъ, и въ самомъ дѣлѣ оказывается незлопамятнымъ даже относительно когда-то столь любимаго имъ, а потомъ такъ неожиданно «заклевавшаго» его любимую голубку Настю, Алексѣя Лохматаго. «Не зломъ провожаю, говоритъ онъ ему, Господь велѣлъ добромъ за зло платить»... Щедро надѣливъ Алексѣя при прощаньи, онъ еще прибавляетъ: «нужда придетъ, письмо пиши» *). И въ самомъ дѣлѣ, далѣе онъ спасаетъ отъ рекрутства даже всю семью Лохматаго (III, 134). Чапуринъ только требуетъ отъ Алексѣя, чтобы тотъ не показывался ему на глаза и молчалъ о Настѣ; онъ грозитъ ему лишь въ такомъ случаѣ, если тотъ нарушитъ молчаніе. Гораздо снисходительнѣе своей Аксины Захаровны относится Чапуринъ къ ея непутевому брату Никифору Захарычу, говоря: «великъ передъ Богомъ грѣхъ — родного человѣка изъ дома выгнать» (I, 24). «Право не ладно, продолжаетъ онъ, какъ Снѣжковы провѣдаютъ, что въ самое то время, какъ они у насъ пировали, родной дядя на запорѣ въ подклѣтѣ ровно какой арестантъ сидѣлъ» (I, 171). Какъ ни самолюбивъ Потапъ Максимычъ, какъ ни склоненъ онъ наградить хорошенько такую обитель, которая «умѣетъ людей отличать и почетъ воздавать, кому слѣдуетъ» (I, 354), но онъ не забываетъ своего происхожденія, не брезгаетъ той бѣднотой, изъ которой когда-то вышелъ. «Сами то мы какихъ великихъ

*) III, 51—52.

боярскихъ родовъ? иронически спрашиваетъ онъ Алексѣя; всѣ одной глины горшки» (II, 188). Марья Гавриловна разсуждаетъ о немъ не даромъ: «если человѣкъ гордится передъ слабымъ да передъ бѣднымъ — не хорошо, не добрый тотъ человѣкъ... А кто передъ сильнымъ да передъ богатымъ высоко голову несетъ—добрая слава тому» (II, 338). Къ числу такихъ сильныхъ, а, пожалуй, и богатыхъ можетъ быть отнесена и сестра его, мать Манеѳа, на которую онъ поглядываетъ свысока, зная ея замашку, при всей своей игуменской гордости, разсчитывать на его карманъ. «Не подь силу ей противъ брата идти: таковъ уродился—чего ни захочетъ, на своемъ поставитъ» (I, 218). И вотъ, Манеѳа, по его требованію, должна у него остаться въ гостяхъ, какъ ни тяжела для нея неожиданная встрѣча съ прежнимъ милымъ дружкой, Якимомъ Стуколовымъ. «Было бъ напраснымъ трудомъ, говорится про него въ другомъ случаѣ, спорить съ нимъ. Не родился тотъ на свѣтъ, кто бы переспорилъ его» (III, 199). А между тѣмъ этотъ упорный человѣкъ способенъ отдаваться другимъ безъ оглядки, привязываясь къ нимъ, не смотря на свои лѣта, съ какою-то юношескою довѣрчивостью. Практикъ и дѣлецъ по своему образу жизни, онъ становится тутъ какимъ-то беззавѣтнымъ идеалистомъ-восторженникомъ. Иванъ Григорьевичъ очень ошибается, говоря про него Василию Борисычу: «онъ, братъ, маху не дастъ, каждаго человѣка видитъ насквозь». Напротивъ, онъ склоненъ видѣть въ человѣкѣ и то, чего въ немъ вовсе нѣтъ, а хорошо если бъ было! Онъ судить о другихъ по себѣ, онъ представляетъ себѣ людей лучшими, чѣмъ они есть. Вотъ такъ то «возлюбилъ» онъ Алексѣя Лохматаго, и, не смотря на горькое разочарованіе въ немъ, послѣдовавшее такъ скоро, оказывается опять способнымъ, и даже вскорѣ послѣ того, съ такою же восторженностью отнестись къ Василию Борисычу: «утѣшь старика! Возлюбилъ я тебя» (III, 217). А утѣшить старика значитъ пойти по той дорогѣ, которая представляется ему наилучшею. Не даромъ наслушался онъ отъ самого же Василя Борисыча такихъ хорошихъ рѣчей:

«Побывайте въ степяхъ, посмотрите... Когда Христось сошелъ на землю и принялъ на себя зракъ рабій, восхотѣль онъ, Владыка, бѣдность и нищету освятить... И родился Царь Небесный въ тѣсномъ, грязномъ вертепѣ среди скотовъ безсловесныхъ... Поди теперь въ наши степи — что ни домъ, то вертепъ Виелеемскій... Промыслу нѣтъ никакого, одно хлѣбопашество... Хлѣба-то въ волю, а мужику однимъ хлѣбомъ не изжить... Хлѣбъ-отъ вези на базарь версть за 20, за 30... Хорошо еще коли хлѣбъ въ цѣнѣ» (Ш, 206—207). Потапъ Максимычъ и прими горячее слово старобрядческаго начетчика за чистую монету. Вотъ и явилось у него непобѣдимое желаніе сдѣлать изъ того же Василия Борисыча орудіе своей посильной помощи степному краю. «Теперь, говоритъ онъ ему, по милости Божіей, по околотку сотня другая людей вокругъ меня кормится, и я возымѣлъ такое желаніе, чтобы, нажитого трудами капитала не умаляя, сколь можно больше народу работой кормить, довольство бы по бѣднымъ людямъ пошло и добрая жизнь» (Ш, 222). «Хочу промысла на Горахъ разводить — ты только знаньемъ своимъ помогай... Все какъ родному сыну довѣрю» (218—219). Потапъ Максимычъ и во всемъ довѣряетъ ему, какъ родному сыну. На слова матери Манеи: «Василій Борисычъ со старицами въ лѣса да на Китижъ располагалъ съѣздить» (а съѣздить со старицами значило съѣздить и съ сопровождавшими ихъ молодыми бѣлицами), старикъ съ полнѣйшею увѣренностью замѣчаетъ: «Василій Борисычъ человѣкъ иной стати. Его опасаться нечего» (Ш, 232). А на повѣрку оказывается, что именно его-то и надобно опасаться, потому что онъ человѣкъ именно *той* стати, которая подлипаеть къ дѣвушкамъ и вертитъ имъ головы себѣ на потѣху. Напускаемый на себя Василюемъ Борисычемъ степенный видъ, разводямыя имъ умильныя рѣчи о народной нуждѣ и бѣдѣ, все это невольно подкупаетъ добрѣйшаго и въ истинномъ смыслѣ слова дѣльнаго Потапа Максимыча, а свойственное его выдающемуся положенію своего рода патріарха — самоувѣренное упрямство, заставляетъ его настаивать на

своемъ взглядѣ, невольно устраняя все то, что подѣ него не подходитъ. Онъ разсчитывалъ, опираясь на представляющуюся ему въ Васильѣ Борисычѣ дѣльную основу, безъ особеннаго труда отвлечь его отъ непутнаго, по мнѣнію старика, скитальчества по скитамъ съ различными порученіями отъ Московскихъ заправиль раскола. Отношенія Потапа Максимыча къ расколу вообще особенныя. «Онъ, поясняетъ авторъ, съ семьей старинки придерживался, раскольничалъ, но закоснѣлымъ изувѣромъ никогда не бывалъ. И раскольничалъ-то Потапъ Максимычъ потому больше, что за Волгой издавна такой обычай велся, отъ людей отставать ему не приходилось» (I, 8—9). Самъ же онъ смотритъ широко на вѣру. «Захочешь спастись, говорить онъ Василию Борисычу, и въ міру спасешься—живи только по добру да по правдѣ (III, 185). Послушать тебя, умышленно трунить онъ надъ нимъ, все едино, что нашихъ Керженскихъ келейницъ: все бѣсъ творить, а мы вишь святые, блаженные, завсегда не при чемъ. Вездѣ одинъ онъ, окаянный, во всемъ виноватъ... Бѣдненькій!» (190 — 191). Дѣло въ томъ, что Потапъ Максимычъ чело-вѣкъ дѣйствительно нравственный, все сводящій на твердую волю—владыку, умѣющую совладать съ какими угодно «чертями». Онъ не изъ тѣхъ легковѣсныхъ святошъ, которые говорятъ: «не согрѣшишь, такъ и не покаешься; согрѣшимъ и покаемся». Онъ большой охотникъ подтрунивать надъ такимъ преудобнымъ святошествомъ своей же братьи старообрядцевъ, рассказывая про нихъ подѣ-часъ очень пряные анекдоты. Онъ рассказываетъ ихъ при всѣхъ вовсе не потому, чтобы самъ былъ циникомъ, а потому, что такимъ образомъ издѣвается надъ тѣмъ лицемѣриемъ, которое пугается *словъ*, а вовсе не пугается *дѣлъ*. «Потапъ Максимычъ, поясняетъ авторъ, былъ истый Великоруссъ: набожный, ревностный къ вѣрѣ отцовъ богомольникъ, но великій суесловъ; а какъ расходится да разгуляется, и отъ кощунства не прочь» (III, 200). Но вѣдь это собственно не кощунство, т.-е. не издѣвательство надъ святынею, а издѣвательство надъ лицемѣрнымъ обращеніемъ со свя-

тыней. Шутить, даже сквернословить въ такомъ особенномъ смыслѣ Чапуринъ, и вдругъ остановится—но не отъ того, что, вдругъ спохватившись, видитъ въ этомъ оскорбленіе самой религіозной святыни, а отъ того, что въ своей внезапной веселости видитъ оскорбленіе святыни своего горя—своего неутѣннаго горя по голубкѣ Настѣ. «Вдругъ откуда ни возмись—налетитъ хмара темная, потускнѣетъ ясный взоръ отца горемычнаго, замлѣетъ говорливый языкъ, и смолкнетъ Потапъ Максимычъ, вспоминая красоту свою ненаглядную, покойницу Настю голубушку, и слеза, что хрусталь, засверкаетъ на рѣсницахъ его» (III, 200).

«Яблочко падаетъ не далеко отъ яблони»,— часто говорится въ нехорошемъ смыслѣ. Можно бы сказать это про Настю и ея отца—въ хорошемъ. Мать тутъ почти ни причемъ, такъ какъ ей у Потапа Максимыча принадлежалъ только голосъ «на счетъ скитовъ да лѣсовъ и всего этакаго духовнаго». Только тутъ она была голова, такъ какъ «расколъ бабами держится» (I, 12). Но мы знаемъ уже, что все въ немъ сводится на одну внѣшность. Душевный міръ Насти — прямое отраженіе душевнаго міра ея отца. «Годами молода, нравомъ стара», говоритъ про нее Алексѣй; горда очень и власть любить паче мѣры. А силы въ ней много» (II, 278). Да, въ ней много той силы, которая только прибываетъ послѣ временнаго упадка. Ея гордость не мѣшаетъ ей отдаться вполнѣ Алексѣю, потому что она въ такой же мѣрѣ привязчива и также довѣрчива въ своей привязанности, какъ и отецъ. Но ей стоило только разочароваться, — и разомъ свалились съ нея оковы любви. «И узнала бы, что замыслилъ отецъ, не больно-бъ тому возрадовалась»—т.-е. не возрадовалась бы его собственной сердечной рѣшимости выдать ее за Алексѣя. «Жалокъ ей сталъ трусливый Алексѣй»... Жалокъ потому, что слишкомъ ужъ долго пришлось ей ему внушать: «повѣнчавшись, придемъ, да въ ноги отцу... вѣдь самъ онъ мамыньку-то уходомъ свелъ»... «Мало ли что старики смолоду творять, не давалъ себя вразумить Алексѣй, гордъ и кичливъ По-

тапъ-отъ Максимычъ. Страшенъ! Не снести его душѣ, чтобы дочь его за нищимъ голышомъ была. Быть мнѣ отъ него убитому»... (II, 148—149) Въ Алексѣѣ нѣтъ тѣхъ задатковъ добра, которые доводятъ до чуткаго ясновидѣнія добра и въ затаенныхъ складкахъ чужой души. Только про хорошихъ людей вѣдь сказано, что сердце сердцу вѣсть подаетъ. Алексѣю и не снится, до чего можетъ размягчиться «возлюбившій его» старикъ Чапуринъ. Видя въ немъ только одного изъ тѣхъ крупнѣйшихъ отцовъ-самодуровъ, которыхъ выставлено передъ нами не мало въ обѣихъ поэмахъ Мельникова, Алексѣй является въ роли какого-то крестьянскаго Рудина или Гагина. Но Настя будетъ покрѣпче Наташи или Аси, скорѣе соответствуя Машѣ въ «Затишьи» Тургенева. Она отличается отъ послѣдней собственно тѣмъ, что не лишаетъ себя жизни (этого не допускаетъ ея религіозная обстановка), а просто не можетъ жить послѣ своего неизбывнаго горя, естественною смертію умираетъ отъ этого горя, какъ иногда случается это въ настоящихъ народныхъ пѣсняхъ — напримеръ Сербскихъ. Горе Насти—самое ужасное горе, какое только можно себѣ представить. Дѣло не въ томъ только, что любимый человѣкъ не отвѣчаетъ ей такую же любовью, а въ томъ, что онъ совершенно не достоинъ ея, не достоинъ и ничьей любви. «Не чаяла она, что въ возлюбленномъ ея нѣтъ ни удалства молодецкаго, ни смѣлой отваги. Гадала сокола поймать, поймала сѣру утицу... Онъ плачетъ, рыдаетъ и, еще ничего не видя, труситъ Потапа Максимыча, какъ старая баба домового... Видно, у него только обличье соколье, а душа-то воронья» (II, 157). Но Настя не уноситъ въ могилу никакой злобы противъ того, въ комъ она обманулась. Она какъ будто бы и не винить его въ томъ, что онъ оказался совсѣмъ не такимъ, какъ ей представлялось. Зато она вполне способна понять свою собственную вину. «Горько тебѣ, обиду какую я сдѣлала», трогательно кается она передъ отцомъ, прибавляя: «Прости его!»—«Не сдѣлаю зла, зачѣмъ?... Господь съ нимъ», успокаиваетъ ее старикъ, не даромъ держащійся

правила, что «гнѣвъ дѣло человѣческое, злопамятство — дьявольское». «Ну, вотъ и хорошо», кротко отвѣчаетъ Настя. Умирая отъ горя, она не даетъ однакоже горю поглотить себя до того, чтобы позабыть о тѣхъ, кто ее окружаетъ. Замѣтивъ забившагося въ уголокъ моленной и почти не выходящаго изъ нея, съ тѣхъ поръ какъ она заболѣла, непутеваго Никифора Захарыча, она такъ любовно ему говоритъ: «дядя, не пей, голубчикъ». И это, сказанное отъ всей души, простое слово окончательно его поднимаетъ изъ того омута, въ которомъ онъ давно погрязъ, и только пуще погрязъ отъ всѣхъ попрековъ и всего презрѣнія. «Ахъ, Настенька, говоритъ онъ ей, не знаешь, каково я любилъ тебя! А подойти близко боялся»... Боялся не потому, конечно, чтобы ждалъ отъ нея, какъ отъ другихъ, того же презрѣнья и тѣхъ же попрековъ, а потому, что самъ считалъ себя, погрязшаго въ грязь, недостойнымъ подойти къ ней, къ чистой... Она и теперь для него чиста, свята—не смотря на то, что сама оказалась причастною человѣческой слабости; но она уходитъ изъ этого міра, и онъ спѣшитъ за нее ухватиться — не какъ за хрупкую соломенку, а какъ за твердую нравственную опору, моля ее: «благослови на хорошую жизнь» (II, 299—300).

Никифоръ Захарычъ, не смотря на всю, облѣпившую его, грязь, одно изъ самыхъ сочувственныхъ лицъ у Мельникова. И въ немъ, не смотря ни на что, уцѣлѣла та нравственная закваска міра-общины, которой обязанъ всѣмъ своимъ добромъ душевнымъ и Потапъ Максимычъ. Закваска эта уцѣлѣла въ Никифорѣ, хотя авторъ и сообщаетъ намъ про него: «Много мірскихъ побоевъ за воровскія дѣла принялъ Микешка, да мало, видно, бока у него болѣли: полежить недѣлку другую, поохаетъ, помается, да отправится опять за воровской промыслъ да за пьянство. Просто сказать — отятѣй человѣкъ» (I, 118). «А душа была у него предобрая, поясняетъ авторъ, кто не обижалъ, тому радъ былъ услужить всячески. Пожаръ ли слу-

чится, — Никифоръ первый на помощь... Бывало, только слышитъ на рѣкѣ крики: тону! мигомъ въ воду» (120).

И вотъ, всё эти остатки добра окончательно всплыли у него на верхъ, сплотились въ немъ и окрѣпли подъ чудотворнымъ вліяньемъ Настинаго благословенья. Не даромъ же прибывшіе къ ней на сорочины видѣли, какъ возлѣ ея могилки, понутивъ голову и роняя слезы, сидитъ дядя Никифоръ. То былъ уже, замѣчаетъ авторъ, не вѣчно пьяный, буйный, оборванный Микешка Волкъ, но тихій, молчаливый горюнь, каждый Божій день молившійся и плакавшій надъ племянницей могилой» (III, 167). «Гдѣ твои буйные крики, спрашиваетъ авторъ, гдѣ твои безстыдные пѣсни, пьяный задоръ и наглая ругань? Тише воды, ниже травы сталъ Никифоръ» (II, 170).

Возрождающее дѣйствіе святого горя на этого, казалось, пропащаго человѣка, даетъ еще болѣе выступить впередъ тому полному отсутствію горя, стыда и раскаянія, той замѣнѣ подобныхъ чувствъ однимъ жалкимъ страхомъ, которыя дѣлаютъ такимъ отвратительнымъ красиваго, умнаго и умѣлаго, даже начитаннаго, и не только по части церковныхъ старообрядческихъ книгъ, Алексѣя Лохматаго. Все пошло Алексѣю не въ прокъ: слишкомъ ужъ онъ «деньгу любилъ, а любилъ ее потому, что хотѣлось въ довольствѣ, въ богатствѣ, во всемъ изобиліи пожить, славы, почести хотѣлось» (I, 33). Рано взманили парня такія мечты. «Бывало, стоя за токарнымъ станкомъ, либо крася олифой горянщину, представляетъ онъ себя то сильнымъ могучимъ богатыремъ, то царемъ небывалаго царства, а чаще всего богачомъ... Попалъ въ домъ тысячника (Потапа Максимыча, который такъ его возлюбилъ чтобы такъ горько потомъ въ немъ разочароваться), увидѣлъ, какъ люди въ чести да въ холѣ живутъ, узналъ, какъ богачи деньгами ворочаютъ... Тогда смутныя думы стали яснѣе и понятнѣе... И сотворилъ Алексѣй въ душѣ своей кумира... И поклонился онъ тельцу золотому... И тѣсна и грязна показалась ему изба родительская» (когда пришлось въ нее возвратиться, распрощавшись съ Пота-

помъ Максимычемъ) (III, 48). Тѣмъ-то и сдѣлался онъ постылымъ Настѣ, что «ужь какъ разгорѣлись глаза у него, какъ зачалъ онъ сказывать про Ветлужское золото!.. Корыстенъ!.. (II, 188). Будь жена хоть коза, только бы съ золотыми рогами, да смиренная, покладистая, чтобъ не смѣла выше мужа головы поднимать» (278—280). Не таковская, думается Алексѣю, Настасья, а потому онъ и начинаетъ бояться ея, не менѣе, чѣмъ ея отца, прямо даже готоваго выдать ее за него. «И надо же было такъ случиться», говоритъ авторъ, что, когда «изстрадавшаяся Настя повѣдала матери про свое неизбывное горе, про свой позоръ», Алексѣй впервые свидѣлся съ молодою вдовушкой, Марьей Гавриловной, и приворожилъ ее къ себѣ тѣмъ, что представился ей словно двойникомъ ея милаго, безъ вѣсти пропавшаго, Евграфа. Алексѣю же и прежде особенно привлекательнымъ именно и представлялось «вдовушку подцѣпить, чтобъ у нея денежки водились свои, а не родительскія»—т.-е. чтобы ему не предстояло никакой зависимости отъ ея родителя. «Ну, тогда прости, Настасья Потаповна», говорилъ онъ себѣ и прежде (I, 152—155). А что слишкомъ далеко у него зашло съ Настей, на то вѣдь есть про запасъ такая гнусная философія: «не мы первые, не мы и послѣдніе... Кучился, мучился, dospѣлъ и бросилъ... Не нами заведено, таково дѣло споконъ вѣка стоять. Дѣвка—чужая добыча, не я — такъ другой-бы» (II, 281). Одна бѣда — если узнаетъ Потапъ Максимычъ. «Отъ сего человѣка погибель твоя», говоритъ что-то Алексѣю. Неожиданно услыхавъ, по возвращеніи отъ Марьи Гавриловны, о смерти Насти, онъ спѣшитъ любопытствовать узнать, «отчего померла?» — «Безъ памяти, слышь лежала, безъ языка, говорятъ ему.—«Безъ языка?.. Коли такъ, все, какъ осенній слѣдъ занесло» успокаиваетъ себя негодая. Но выходитъ, что нѣтъ—слѣдъ не занесенъ, все извѣстно старику Чапурину. И тотъ-же Алексѣй валяется у него въ ногахъ, причитая: «не погубите!»—Даже краткій отвѣтъ несчастнаго отца: «губить тебя? не бойся... Я ли тебя не жалѣлъ, я ли не возлюбилъ тебя?» (II, 323—324),

даже и этотъ задушевный голосъ не пробуждаетъ совѣсти въ Алексѣѣ. Весь онъ во власти — одного только голаго, подлаго чувства самосохраненія—т.е. сохраненія жизни, какъ онъ ее понимаетъ, съ возможностью всяческихъ наслажденій—если не теперь, то хотя бы со временемъ. Напрасно раздается надъ нимъ голосъ старика Пантелея, подобно хору въ древней трагедіи служащій тутъ представителемъ міра—народа: «коли жить хочешь по Божьему, такъ бойся не богатаго грозы, а убогаго слезы» (II, 157). Если бы Алексѣй былъ на это способенъ, то прежде бы всего побоялся Настинной слезы: и она вѣдь убогая, лишившись ради его своей дѣвичьей чести, чтобы потомъ его распознать во всемъ его безобразіи нравственномъ!! Но вѣдь уже давно, съ тѣхъ поръ еще, какъ, за работой въ отцовскомъ дому, онъ мечталъ о разбогатѣніи, «чорствоное себялюбіе завладѣло Алексѣемъ: гнететь его забота объ одномъ себѣ, до другихъ ему и нуждушки нѣтъ». — Началось съ того, что даже не смѣли ему приходиться на умъ погорѣлый отецъ и мать (II, 136—137). А кончилось тѣмъ, что, когда онъ въ самомъ дѣлѣ разбогатѣлъ, да еще какъ, женившись на Марьѣ Гавриловнѣ, и пересталъ бояться Потапа Максимыча, на-готовѣ у него для отца нѣтъ и какой нибудь чашки чая, а есть лишь пятирублевая, сунутая, какъ подаяніе, старику въ руку!

Разъ только, заслушавшись органа въ Нижегородской гостинницѣ, какъ будто очнулся вдругъ Алексѣй. «Вѣчно прекрасная музыка Глинки, поясняетъ авторъ, обаятельно дѣйствуетъ на Русскаго человѣка... Взгрустнулось отъ той музыки Алексѣю... Настеньку вспомнилъ... Хоть бы въ Волгу головой, такъ въ ту же пору» (III, 81). Кончилось однакоже тѣмъ, что онъ въ Волгу не кинулся, а окончательно погрязъ въ своемъ миломъ золотѣ.

Вотъ тутъ-то и приходится снова имѣть съ нимъ дѣло Потапу Максимычу. Старикъ вѣдь долженъ по векселю Марьѣ Гавриловнѣ и ему надобно получить отъ нея непродолжительную отсрочку, — но и сама-то Марья Гавриловна со всѣмъ своимъ добромъ теперь вѣдь въ рукахъ у

своего Алексѣя. И не узнать ужъ теперь Лохматаго—какой модный Европейскій нарядъ, какія цивилизованныя привычки! «Ты бы, Марья Гавриловна, амбреемъ велѣла покурить, говорить онъ женѣ; не то кожей, не то дегтемъ воняетъ» (IV, 336). Дѣло въ томъ, что, «отправляясь къ молодымъ, Потапъ Максимычъ надѣлъ новые сапоги. На нихъ-то теперь съ язвительной усмѣшкой поглядываль Алексѣй. Отъ нихъ пахло. Не будь послѣ завтра срокъ векселя, сдумѣлъ бы отвѣтить Чапуринъ, но теперь—дѣлать нечего — скрѣпя сердце молчалъ» (336). Старикъ ссылается на обѣщаніе отсрочки, данное ему Марьей Гавриловной, тогда еще независимою вдовою. Но у Алексѣя является особое объясненіе подобнаго обѣщанія. Онъ съ полною развязностью теперь говоритъ тому, въ чьихъ ногахъ еще такъ недавно валялся: «Можетъ статья Марья Гавриловна такое обѣщаніе вамъ только для того дала, чтобъ не очень васъ разстраивать, потому, что въ печали тогда находились, схоронивши Настасью Потаповну». Замѣчая при этомъ на губахъ у Алексѣя даже нагло-насмѣшливую улыбку, пламеннымъ взоромъ окинулъ его старикъ, сжалъ кулаки, и чуть слышнымъ, задыхающимся голосомъ промолвилъ: «не мнѣ бы слушать таки рѣчи, не тебѣ бы ихъ говорить». Что-то такое заставило однако же Алексѣя, надменно было взглянувшаго, смутиться и потупить глаза передъ гнѣвнымъ взоромъ Чапурина; совѣсть, что ли, опять шевельнулась, чтобы снова затѣмъ улечься и уже на всегда? Старикъ Чапуринъ не возлагаетъ на такое минутное пробужденіе совѣсти ни малѣйшей надежды. «Настина тайна въ рукахъ страдника — вотъ что до самаго дна мутило душу его, вотъ что горемъ его сокрушало... Не пригрозилъ теперь богачу, какъ грозилъ дотоль нищему» (342). Между тѣмъ Алексѣй не ждетъ—не даетъ отсрочки. Изъ бѣды выручаетъ Потапа Максимыча прямой и честный дѣлецъ Колышкинъ, величающій старика «крестнымъ» и давно уже разглядѣвшій насквозь Алексѣя. Приноситъ деньги старикъ, проситъ Марью Гавриловну счесть ихъ. «Считать сталь Алексѣй. Каждую бумажку на свѣтъ

разглядываль. «Можеть, отъ отца Михаила которы получили», язвительно улыбнувшись, промолвилъ онъ, намекая на поѣздку Чапурина къ этому старообрядческому игумну, оказавшемуся потомъ фабрикантомъ фальшивыхъ ассигнацій (347). Впрочемъ, Алексѣй умудряется и на то, чтобы тутъ же прикинуться помнящимъ старыя услуги Потапа Максимыча. «Процентовъ на вексель мы не причли-сь, говоритъ онъ ему; а что отъ васъ я лишковъ получилъ — лошаденокъ въ тотъ же счетъ ставлю — по моему счету ровно столько же стоитъ. Значить, мы съ вами въ полномъ разчетѣ». Гадко стало Потапу Максимычу, — напомнилъ онъ наглецу старый уговоръ: «Скажешь неподобное слово про покойницу, живу не быть тебѣ». — Тутъ снова прозвучаль надъ Алексѣемъ тотъ голосъ суевѣрнаго страха, въ какой превратился для него голосъ совѣсти: «Отъ сего человѣка погибель твоя». Но этотъ голосъ звучаль въ его душевномъ слухѣ не долго. «Грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ», сталь онъ себя успокаивать. «И, завидя проходившую Таню (любимую горничную Марьи Гавриловны), шаловливо охватилъ гибкій, стройный станъ ея» (347 — 348). Почему же и не пошалить съ красоткой, благо она моложе Марьи Гавриловны, которой онъ даже теперь и не любить? Да и развѣ такіе, какъ онъ, способны когонибудь полюбить по человѣчески, т.-е. прочно, незыблемо? Развѣ понять имъ слова поэта: «безъ вѣчности чувства смысла въ немъ нѣтъ»? *).

И такому-то человѣку принесла себя въ жертву Настя! Но она тутъ жертва — не его одного, а также и разбитной пріятельницы своей скитской поры — Манеиной любимицы-баловня Фленушки; или, лучше сказать, она вмѣстѣ съ Фленушкой жертва скитскаго быта, скитскихъ понятій съ ихъ, если можно такъ выразиться, безвѣрной вѣрой, ихъ безнравственною нравственностью, жертва съ другой стороны и того безшабашнаго самодурства, которое нагло царить среди окружающаго скиты и поддерживающаго ихъ

*) Стихотворенія С. Я. Надсона, изданіе 6-ое, стр. 249.

своими щедрыми приношеніями міра тысячникѡвъ. Потапъ Максимычъ вѣдь между ними только какой-то выродокъ, причастный, правда, въ теоріи ихъ патріархальному самодурству, но на дѣлѣ постоянно его смягчающій своимъ широкимъ сердцемъ—сердцемъ, носящимъ на себѣ отпечатокъ бытового своего воспитанья не въ купеческой, а въ крестьянской средѣ. Фленушка, если внимательно приглядѣться, не только, какъ на повѣрку выходитъ, родная дочь,—но и весь ея внутренній строй—прямое порожденіе матери Манеѡы. А что же такое сама мать Манеѡа? Вотъ, во-первыхъ, ея отдаленное прошлое. «Высокая, стройная, изъ себя красивая дѣвушка цвѣтетъ молодостью. Много молодцевъ на ея красоту зарится, но гордая, спѣсивая, ласково взглянуть ни на кого не хочетъ Матренушка» (I, 226). Напрасно подруженьки ей говорятъ: «отъ любви, что отъ смерти, не отчураться»... До той поры она подругамъ не вѣрила, пока не спозналась съ Якимомъ Прохоровичемъ. Ну что же? повѣривъ подругамъ, соединила бы съ нимъ судьбу—и зажили бы они въ томъ постоянномъ союзѣ, который возможенъ только въ человѣческомъ мірѣ, и который становится *святымъ* уже въ силу одного постоянства. Но вотъ тутъ-то и оказалось препятствіе въ непреклонной родительской волѣ—владыкѣ. «Не по себѣ Якимъ дерево клонить,—отвѣчалъ сватамъ Максимъ Чапуринъ (отецъ Потапа Максимыча и будущей матери Манеѡы),—Богъ дастъ сыщемъ зятя почище его (I, 223). Вотъ и вышло съ Матренушкой тоже, что въ послѣдствіи вышло съ ея племянницей Настей, не сразу повѣрившей, чтобы доброе сердце ея отца легко совладало съ привитою и къ нему самодурческою доктриной. Чтоже?—провинилась Матрена;—на то есть скиты, у него же, Максима Чапурина, игуменьей кстати въ одномъ изъ нихъ двоюродная сестра, мать Платонида. Вотъ и отдаетъ туда дочь старикъ—на покаяніе да на прикрытіе слѣдствій ея грѣха. Страшно мучиться пришлось Матренушкѣ, мучиться не только нравственно, но и физически—дорого досталось ей то существо, которое получило потомъ имя Фленушки.

А мать Платонида со всёми своимъ отшельническимъ безсердечіемъ только язвить ее, говоря: «что, тяжело?... на томъ свѣтѣ не то еще будетъ. Напуганная раскрывавшеюся передъ нею въ такую минуту, когда жизнь висѣла на волоскѣ, картиною адскихъ мукъ, несчастная невольно проговорила: «матушка, если Господь помилуетъ меня—я готова, отрекусь отъ міра» (228). Но Богъ спасъ, она осталась въ живыхъ, между тѣмъ и слышать не захотѣлъ старикъ, чтобы дочь его стала монахиней. «Лучше за Якимку замужъ иди»—заговорилъ онъ. Чего же, казалось бы, лучше? «Зардѣлась Матрена, радостью блеснули глаза». Но уже было поздно. «Вспомнился обѣтъ, данный въ страшную минуту, вспомнились мученія ада»—тѣ мученія, которыя должны вѣдь удесятериться отъ нарушеннаго обѣта. Пересиленная религіей страха, Матрена приноситъ ей въ жертву свою любовь, т.-е. въ жертву приноситъ и любимаго человѣка, губя не одно его счастье, но, какъ на повѣрку выходитъ, и его душу. «Съ того дня за Волгой не стало ни слуху, ни духу про Якима Стуколова» (234). Только много, много лѣтъ спустя, уже строгой, величавой игуменьей, неожиданно встрѣчается не Матрена уже теперь, а Манеѳа у брата Максима Потапыча съ загадочнымъ странникомъ, въ которомъ вдругъ узнаетъ своего Якима. Но если она могла признать въ немъ его прежній физическій обликъ, то вскорѣ ей приходится совсѣмъ уже не узнать въ немъ его прежняго образа нравственнаго. Онъ не только вѣдь безвѣсти пропадалъ на разныхъ далекихъ путяхъ, но онъ на нихъ сбился съ пути, пропалъ нравственно. Изъ него мало-по-малу выработался лицемѣръ, прикрывающій своимъ святошествомъ даже прямое мошенничество. Вотъ какимъ снова предсталъ передъ нею отецъ ея Фленушки; но Манеѳа, повидимому, вовсе не додумывается до того, что дѣло теперь не въ прежнемъ ея грѣхѣ, ради котораго она и постриглась, а въ томъ, что своею вѣрностью вынужденному обѣту она загубила Якима нравственно и въ извѣстномъ смыслѣ уподобилась Ироду, также не захотѣв-

шему нарушить своего необдуманнаго слова и ставшему вслѣдствіе того убійцею.

Но неужели же Стуколову не было никакой возможности устоять, лишившись личнаго счастья? О, мы вполне вѣримъ, что устоять тутъ можно. но мы знаемъ, что для этого нужно найти благодатный исходъ въ широкой общественной дѣятельности, при которой вполне осуществимъ даже завѣтъ Зосимы: «въ мірѣ будь и въ мірѣ живи какъ инокъ», но легко ли найти подобный исходъ посреди небрегающихъ никакими средствами тысячниковъ и изувѣрныхъ, а равно и корыстолюбивыхъ при своемъ изувѣрствѣ, скитницъ?!

Манеа, правда, выдержала послѣ своей неожиданной встрѣчи тяжелую болѣзнь,—но, очнувшись послѣ нея, она очнулась тою же строгою, крѣпкою блюстительницею обрядовой буквы, какъ догмата, тою же ревностною монастырскою скопидомкою, — а не замѣтно въ ней и малѣйшихъ признаковъ Христіанской жалости къ людямъ, сознанія Христіанской за нихъ отвѣтственности. «Крѣпости прежней не стало,—жалуется Манеа,—по Бозѣ ревности нѣтъ». Оттого-то, по мнѣнію ея, и хулятъ тѣхъ, которые заживо себя сожигаютъ на глазахъ у пересиливающего Никоніанства. «Не читаль развѣ,—спрашиваетъ она,—что огненное страданіе угашаетъ силу огня геенскаго?» (III, 14). Но вотъ ей приносятъ вкладъ на поминъ у нея чьей-то души. «Тихо, не торопясь, пересчитала деньги игуменья, каждую бумажку посмотрѣла на свѣтъ, и, увѣрившись, что деньги настоящія, неподдѣльныя, сунула ихъ въ карманъ и сказала: «завтра же каноны начнемъ» (III, 83).

Никого, рѣшительно никого не въ силахъ она пожалѣть настоящею Христіанскою жалостью, полюбить настоящею Христіанскою любовью. Даже свою Фленушку, которой она, повидимому, повинуюсь чувству любви, открываетъ горькую для себя тайну ея происхожденія, даже и эту не только душевную, но и, какъ выходитъ на дѣлѣ, кровную дочь, любить она не самоотверженною, т.-е.

единою истинною, а какою-то религиозно себялюбивою любовью. Намъ думается прежде всего, что, при настоящей силѣ душевной любви, не было даже и особенной надобности раскрывать передъ Фленушкой тайну ея происхожденія. Неужели же усыновленные по сердечному изволенію должны непременно думать, что все-таки ихъ любятъ меньше, чѣмъ родныхъ дѣтей? Какъ бы то ни было, дѣйствительно любя свою дочь, Манеѳа бы неизбѣжно цѣнила ея нравственную свободу; она бы не стала желать, почти требовать, чтобы дочь непременно пошла по ея стопамъ. «Для тебя же прошу, для твоей пользы, — увѣряетъ она Фленушку: — исполнишь мое желанье (т.-е. пострижешься), до вѣку проживешь въ довольствѣ и почетѣ; не послушаешь, горька будетъ участь твоя». При этомъ, конечно, Манеѳа очень хорошо понимаетъ, что Фленушка, ей же самой подобно, можетъ и не устоять; но на это въ скитахъ есть, такъ сказать, свой особый фортель. «Не снесешь — говорить Манеѳа... Что-жъ изъ того? Тайно содѣянное, тайно и судится; паденіе очищается слезами и покаянiемъ. Гласнаго соблазну только бы не было... Всѣ мы люди, всѣ человѣки... одинъ Богъ безъ грѣха» (IV, 233). Мы вполне готовы повѣрить, что Манеѳа искренно рассчитываетъ подобнымъ взглядомъ спасти свою дочь отъ какихъ-либо мученій совѣсти. Не даромъ же водворилось у насъ въ скитахъ ученіе: «Одинъ только грѣхъ не прощенъ у Создателя, — аще кто отступитъ отъ святыхъ и непорочныхъ вѣры отецъ нашихъ и отвергнетъ древнее благочестіе» (IV, 82). Да и Фленушка въ самомъ дѣлѣ усвоиваетъ себѣ скитское преудобное ученье, когда говоритъ: «паденіе не грѣхъ, хотъ матушку Таифу спроси. Сколько я книгъ ни читала, сколько отъ матерей ни слыхала — паденіе, а не грѣхъ. И святые падали, да угодили же Богу. Безъ того никакому человѣку не прожить» (II, 133). Но Манеѳа все же вѣдь понимаетъ, что падать и подниматься, грѣшить и каяться, это однако такая жизнь, которой можетъ быть предпочтена другая: «выйдешь замужъ по закону, говорить она дочери, то хотъ я тебя и не увижу, но любовь

моя навсегда пребудетъ съ тобой». Ей однако же вовсе не хочется, чтобы дочь ея вышла замужъ, хотя она и увѣряетъ ее: «воли съ тебя не снимаю... Изъ любви къ тебѣ, какой и понять ты не можешь, — буду, пожалуй, и на разлуку согласна... Иди... Но тогда уже намъ съ тобой въ здѣшнемъ мірѣ не видѣться» *). Манеѳа слишкомъ хорошо знаетъ, какое вліяніе эти послѣднія слова должны будутъ имѣть на Фленушку. Но вѣдь если всякій грѣхъ, кромѣ отпаденія отъ вѣры, можетъ быть прощенъ, то могла же бы допустить Манеѳа и этотъ, по скитскимъ преданіямъ, грѣхъ свиданія съ дѣвушкой, вышедшей замужъ изъ скита. И она бы, конечно, допустила съ своей стороны этотъ грѣхъ, если бы Фленушка, несмотря ни на что, вышла замужъ. Но ей надобно напугать свою дочь невозможностью свиданія съ матерью, чтобы только не допустить ее до замужства. Не такова настоящая любовь. Чтобы не липать милое намъ существо того, что должно составить его законное счастье на всю его остальную жизнь, мы должны позабыть себя — дожить свою жизнь хотя бы и безъ возможности свиданія съ нимъ, съ этимъ милымъ существомъ, дожить при одномъ сознаніи, что оно зато будетъ счастливо. Манеѳа же ведетъ дѣло такъ, чтобы Фленушка принесла ей себя въ жертву.

Такъ ли оно однако? Сама Фленушка вполне увѣрена въ томъ и, заранѣе рѣшившись на то, запирается подчасъ на крюкъ и, кинувшись ничкомъ въ постель, горько рыдаетъ (IV, 294). Но только ли ради Манеѳы отказывается она отъ замужства? Въ самомъ ли дѣлѣ она такъ любитъ свою мать, да и возможна ли вообще самоотверженная любовь при всей этой воспитательной обстановкѣ скита? Когда, въ утѣшеніе себѣ, Фленушка устраиваетъ чужую свадьбу, — свадьбу «уходомъ» изъ скита при содѣйствіи того человѣка, который на все для нея готовъ и отъ котораго отказаться она рѣшилась, — то не обманываетъ ли она очень хитрымъ образомъ мать Манеѳу? Конечно,

*) На Горахъ, II, 61—62.

для виду, сама же она, передъ сборами Манеѣы въ Шарпань, спрашиваетъ ее: «ладно ль будетъ, матушка, Василій Борисычъ безъ васъ одинъ съ нами останется... чего не наплетутъ» (286). Но вѣдь она же увѣрена, что Манеѣа этимъ предостереженіемъ не смутится, что Манеѣа какъ на каменную стѣну полагается на Василья Борисыча, сама же она знаетъ его вдоль и поперекъ въ иномъ совершенно смыслѣ и его-то и разочла, совершенно вѣрно, заставить увезти изъ скита, во время отсутствія Манеѣы, племянницу ея Прасковью Потаповну. Но вѣдь если бы она въ самомъ дѣлѣ любила мать, то она бы скорѣе согласилась на вѣчную съ нею разлуку, чѣмъ бы рѣшилась хоть разъ ее обмануть.

«Поѣхала въ Шарпань Манеѣа,—разсказываетъ намъ однако же авторъ,—Фленушка такъ расплакалась—ровно не на три дня, а на тотъ свѣтъ провожала игуменью» (284). Да, расплакалась, и тутъ же, именно тутъ и обманула ее, да такъ ловко, что собственнаго ея въ томъ участія и слѣда тутъ не было! Дѣло въ томъ, что все въ этомъ, повидимому, чисто духовномъ мірѣ скитовъ, — на самомъ дѣлѣ только какая-то фікція, какой-то подлогъ и подмѣнъ настоящей духовной жизни. Тутъ и Бога-то любятъ помимо малѣйшей любви къ его дѣтямъ, нашимъ братьямъ людямъ, любятъ ради личной у него наживы или хоть ради спасенья отъ чертей; и къ матери-то тутъ привязываются какой-то влюбленной любовью, требующей постояннаго пребыванія съ глаза на глазъ,—не понимая, что обмануть ту же самую, страстно любимую, мать, значитъ духовно съ ней разлучиться.

Но вѣдь жертва для той же матери все-таки тутъ приносится? «Живешь тутъ, живешь, жалуется на тягость своей жертвы Фленушка,—киснешь, что опара въ квашнѣ... Удали мѣста нѣтъ! Разгуляться не надъ чѣмъ! Самой счастья ввѣкъ не достанется, на чужое хочю поглядѣть». (IV, 106—107) Вдумайтесь однако внимательнѣе—не боится ли она того, что называетъ *счастьемъ*, и не потому ли, быть можетъ, устраиваетъ его только другимъ? «Захотѣлъ

бы кто взять меня, говорить дочь Манеёвы—иди, голубчикъ, подь мой салтыкъ, свою волю подь лавку брось, пляши дурень подь мою дудочку. Власти надь собой не потерплю, сама власти хочу. Такая ужь я на свѣтъ уродилась... Такъ ужь лучше мнѣ въ дѣвкахъ свой вѣкъ вѣковать, лучше въ кельѣ до гроба прожить, чѣмъ чужую жизнь заѣдать и самой на мученье идти»... (IV, 221 -237) Изъ кельи вѣдь въ самомъ дѣлѣ—по крайней мѣрѣ для нея—навѣрное предстоитъ переходъ въ игуменьи,—это ли не власть, настоящая власть? И вотъ она ограничивается тѣмъ, что заставляетъ своего Петра Степаныча плясать по своей дудкѣ—въ качествѣ вѣчнаго жениха—послушника. «Передь тѣмъ какъ меня изъ обители красть, говорить она ему, надо тебѣ поучиться... я бы поглядѣла, сколь въ тебѣ удали есть... И если возьмешь удалствомъ, повѣнчаешь ихъ (Прасковью Потаповну съ Васильемъ Борисычемъ), бери меня тогда, хоть на другой же день бери (IV, 119—120)». Но говорится это только для того, чтобы также его провести, какъ проводить она мать Манеёву.

Фленушка, конечно, спѣшитъ окрутить вторую дочь Потапа Максимыча, что-бы не вышло у нея съ Московскимъ посломъ, какъ у бѣдной Насти съ Алексѣемъ Лохматымъ. Василій Борисычъ оказывается податливѣе Алексѣя — свадьба навѣки связываетъ его съ Прасковьей, но увѣнчивается такимъ «счастьемъ», какого никогда бы не пожелала себѣ самой Фленушка. Зато Настя не дожидая до своего «счастья», умерла, потому что заранѣе его разгадала. Но Фленушка такъ же мало печалится объ умершей, какъ, вѣроятно, мало бы печалилась о живой, если бы ей удалось окрутить ее съ Алексѣемъ. А если бы ей пришлось поглядѣть и на это «чужое счастье», она-бы, пожалуй, только тѣшилась тѣмъ, что сама отъ него отказалась, т.-е. была умнѣе.

Но вѣдь Петръ Степанычъ не чета ни Алексѣю Лохматому, ни Василью Борисычу. Крѣпко любя свою Фленушку и оставаясь одною ея потѣхою, не рискуетъ ли онъ пропасть съ горя—если и не такъ, какъ пропаль

Якимъ Стуколовъ, то все же быть обреченнымъ на пропащую жизнь? Впрочемъ Фленушка въ этомъ случаѣ оказалась менѣе эгоисткою, чѣмъ ея мать: она позаботилась о Петрѣ Степанычѣ, сама намекая о немъ Дунѣ Смолокуровой: «Ты водой не замути, говоритъ она ей. Тому ли, другому ли будешь ты женой богоданною, сама будешь счастлива и мужъ твой счастливъ будетъ» (IV, 223—224).

Но дальнѣйшія отношенія Петра Степаныча къ Дунѣ, какъ и окончательная развязка отношеній его къ Фленушкѣ, обозначаются уже «на Горахъ». Тамъ же и окончательная развязка отношеній Алексѣя къ Марьѣ Гавриловнѣ, отношеній, развившихся какъ-то помимо Фленушки, но такихъ по своему существу, что она бы, конечно, не отказалась, если бы не прозѣвала, содѣйствовать и тутъ «чужому счастью», хотя и хорошо, разумѣется, знала, что за птица этотъ красавецъ Лохматый.

Вся тайна его обаятельнаго вліянія на скитскую вдовушку—въ ея прежней испорченной жизни, да въ роковомъ его сходствѣ съ тѣмъ милымъ ея Евграфомъ, котораго подмѣнилъ въ качествѣ ея суженаго его самодуръ отецъ. «Подчалъ такого жениха, говорилъ ей про Евграфа ея родитель, узнавъ, какъ Маслянниковы богаты. Я тебѣ, кажись, въ ноги поклонюсь, даромъ, что отецъ, а ты—мое рожденье. Чужихъ денегъ не бирываль, а отъ тебя, моего рожденья, всегда могу взять» (II, 81). Понятно, что когда позарился на ея красоту, устранивъ своего сына, самъ старикъ Маслянниковъ, отецъ невѣсты охотно пошелъ и на это, хотя новый женихъ и предлагалъ ему: «а то, пожалуй, отдавай свою дочь за Евграшку... только знай, что ему отъ меня мѣднаго гроша не будетъ» (II, 92—94).

Что затѣмъ случилось съ безъ вѣсти пропавшимъ Евграфомъ, объ этомъ мы такъ и не узнаемъ не только «въ Лѣсахъ», но и «на Горахъ». Но что случилось съ Марьей Гавриловной, это можно предвидѣть еще въ первой пзмѣ и это становится окончательно яснымъ во второй. «Бываетъ, говоритъ авторъ, что женщина на переходѣ

отъ зрѣлаго возраста къ старости полюбить молодого. Тогда закипаетъ въ ней страсть безумная, нѣтъ на свѣтѣ ничего мучительнѣй, ничего неистовѣй страсти той». (III, 278—279). Къ тому же вѣдь тутъ всегда неизбѣжно присоединится и ревность. Такъ оно оказывается и въ настоящемъ случаѣ. «Когда Алексѣй выходилъ отъ Марьи Гавриловны, въ сѣняхъ столкнулся съ Таней. Та отступила и раскраснѣлась какъ маковъ цвѣтъ. И Алексѣй на минуту остановился, жадно взглянулъ на пышущее красотой лицо дѣвушки и, опустя голову, пошелъ со двора... «Экая дѣвчонка-то, подумалъ онъ.. А Марья Гавриловна говорить: «состарѣюсь, а ты еще въ порѣ будешь».— А вѣдь оно и такъ! Пароходъ 50,000, домъ 40,000 (т.-е. все это онъ уже успѣлъ перевести на себя)—значить у насъ теперь собственнаго капитала 90,000.... Важно!» (III, 302).

Но мы отчасти познакомились уже и съ тѣмъ, что было далѣе, касаясь отношеній Алексѣя къ Потапу Максимычу. Остальное раскроется передъ нами уже «на Горахъ», какъ окончательно тамъ раскроется и основная сущность обѣихъ, неразрывно между собою связанныхъ, поэмъ Мельникова.

III.

„На Горахъ“.

Вторая Мельниковская поэма переноситъ насъ на другой — правый берегъ Волги, но въ ней, вмѣстѣ съ нѣкоторыми, совершенно новыми лицами, выступаютъ передъ нами многіе изъ старыхъ нашихъ знакомыхъ. Подчасъ насъ досадуетъ, что о новыхъ лицахъ рассказывается иногда слишкомъ много, съ какою-то, будто бы, старческой болтливостью, тогда какъ нѣкоторыя изъ этихъ лицъ, напримѣръ, молодые купчики, Веденѣевъ и Меркуловъ, какъ и ихъ невѣсты, Лиза и Наташа Доронины, не осо-

бенно даже интересны, какъ не интересны вообще и всѣ эти торговыя сдѣлки и взаимное подсиживанье купцовъ на Нижегородской ярмаркѣ. Мы невольно радуемся, возвращаясь ото всего этого къ старымъ своимъ знакомымъ, но опять досадуемъ, когда исторія Потапа Максимыча и Алексѣя къ концу поэмы оказывается какъ-то скомканною, недодѣланною. Но это объясняется тѣмъ, что авторъ не самъ писалъ, а диктовалъ эти послѣднія главы, находясь уже, можно сказать, на смертномъ одрѣ.

«Они вѣдь не нашего поля ягода. Старога лѣса кочерги, характеризуетъ Веденѣевъ пріятелю своему Меркулову тѣхъ ярмарочныхъ дѣльцовъ, которые не получили, подобно имъ обоемъ, образованія въ высшемъ Коммерческомъ училищѣ. По ихнему старому завѣту на торгу ни отца съ матерью нѣтъ, ни брата съ сестрой — родной сынъ подвернется,—и того объегорь! Намъ съ тобой ихъ не передеблать». Но пріятель его того мнѣнія, что все переменится, когда «пойдетъ правильная торговля». Меркуловъ не такой оптимистъ: «изъ книжекъ ты знаешь ее, говоритъ онъ, а мы своими глазами ее видали... Не мало покатался я за границей, всю Европу исколесилъ вдоль и поперекъ... И знаю ее, правильную торговлю». По его мнѣнію, это все одно. «И тамъ тѣ же Смолокуровы да Орошины, только почище, да поглаже. И тамъ весь торгъ на обманѣ стоитъ; гдѣ деньги замѣшаны, тамъ правды не жди»... «Знаешь, когда пойдетъ честная, правильная торговля? поясняетъ онъ. «Когда изъ десяти Господнихъ заповѣдей пять только останется... когда люди до того достутъ, что не будетъ ни кражи, ни прелюбодѣйства, ни убійства, ни обидъ, ни лжи, ни клеветы, ни зависти... Однимъ словомъ, когда настанетъ Христово царство» (II, 17). Но когда же оно на землѣ настанетъ? Тогда что ли, когда ветхій деньми «міръ городовъ» смѣнится, по чаянью Л. Н. Толстого, и смѣнится на всегда и вездѣ, «міромъ селъ и деревень»?

Самымъ выдающимся представителемъ городского торговаго міра является «на Горахъ» Марко Данилычъ Смо-

локуровъ, давно уже позабывшій о своемъ сельскомъ происхожденіи (тогда какъ на Чапуринѣ, мы это видѣли. сохраняется отпечатокъ села). «Мраченъ, грозенъ, властенъ, вотъ какимъ рисуется Смолокуровъ—скупъ, суровъ, недоступенъ для всѣхъ подначальныхъ» (I, 22).

Правда «Смолокуровъ платилъ хорошо, гораздо больше другихъ старыхъ рыбниковъ, расчеты давалъ вѣрные, безобидные и oprичъ того раза по три въ году награды и подарки жаловалъ, глядя по усердію». Но вѣдь за этимъ слѣдуетъ оговорка: «Мелкихъ людей—ловцовъ, бурлаковъ и другихъ временныхъ, каждый разъ обсчитать норовиль хоть на малость, но съ приказчиками и съ годовыми рабочими дѣла велъ на чистоту» (I, 317). Значить, былъ справедливъ лишь насколько это непосредственно входило въ его расчеты, въ другихъ же случаяхъ способенъ былъ даже прямо не сдержатъ слова. «Кто по мѣстамъ пойдетъ, увѣрялъ онъ возмутившихся противъ него рабочихъ, для тѣхъ сію минуту за деньгами поѣду. Первые, кто пойдутъ, тѣмъ до моего возврата Василій Ѡаддѣевъ деньги выдастъ». А самъ, между тѣмъ, «пользуясь сумятицей, перемахнулъ за бортъ, спустился по канату въ косную и, немного отплывъ, крикнулъ на баржу: «Ѡаддѣевъ, денегъ никому не давать!.. Сейчасъ же я привезу водянаго» (I, 111). Смолокуровъ—прямая противоположность Чапурину, про котораго всѣ говорятъ: «на правдѣ стоитъ, сроду никого не обидѣлъ, а добра дѣлаетъ много» (III, 301).

Въ одномъ только отношеніи, какъ мы уже знаемъ, удѣлѣлъ въ Смолокуровѣ человекъ. Это въ отношеніи къ дочери. Для нея онъ даже не хочетъ опять жениться, въ этомъ отличаясь отъ множества очень недурныхъ людей и даже не совсѣмъ дурныхъ отцовъ. «Невѣсты на хаю, говоритъ онъ, а думаю такъ: нашель бы я въ ней жену добрую да разумную, да не сыскаль бы родной матери Дунюшкѣ. До гробовой доски не возьму я дочкѣ мачихи». Благое, смягчающее вліяніе имѣла на него Дунюшка. «Съ утра до ночи черною хмарою тучей ходилъ, но какъ только взглянетъ на него веселыми синенькими глазками Дуна—

и онъ сейчасъ просіаетъ, а тутъ и проси у него, что хочешь» (I, 22—23). Выходить, что и его сердце, среди порочныхъ упоеній наживою, хранило, по выраженію поэта,

. . . . одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство.

Но, любя Дуню, онъ понималъ ее слишкомъ по своему. «Когда неожиданно нежданно доходить до него вѣсть о томъ, что братъ его Мокей Данилычъ живъ, но въ плѣну и ждетъ выкупа, встрепенулось было сердце радостью... мелькнула въ памяти и тѣсная дружба, и беззавѣтная любовь къ нему во дни юности (когда, значить, и вообще говорило въ немъ чувство), но тотчасъ же налетѣла хмарая, мрачная дума. «Половину достатковъ придется отдать! Дунюшку обездолжить» (II, 360—361). А Дунюшка если бы знала, то конечно отказалась бы ото всего, только бы выкупить плѣнника — будь этотъ плѣнникъ даже и не родной дядя. Онъ же, вмѣсто того, чтобы спѣшить съ этимъ дѣломъ, все откладываетъ, да откладываетъ, а потомъ торгуется на счетъ выкупа.

Съ другой стороны, чтобы только угодить Дунѣ, онъ готовъ и на долгую съ нею разлуку, становясь въ этомъ смыслѣ какъ бы живою уликою матери Манеевъ съ ея эгоистическою любовью къ Фленушкѣ. А отсутствіе Дуни для него прямо губительно. Безъ нея онъ весь попадаетъ подъ власть своей гнѣвной страсти. «И рветъ, и мечетъ, на кого ни взглянетъ, — всякъ виновать... Развоевался на работниковъ, будто они виноваты, что печи дымятъ... Но теперь не весна, работники окрысились... «Разсчетъ давай, ни одного часа не хотимъ работать у облая». На пристань изъ работной избы пошелъ, а тамъ лѣсники, развалясь на плотахъ, спятъ себѣ, пригрѣтые солнышкомъ... Кричить въ источникъ голосъ, задыхается, на каждомъ шагу спотыкается. Но добѣжавъ до вѣнца горъ, грохнулся о земь Марко Давилычъ... Безгласенъ, ротъ на сторону, а самъ глухо хрипитъ... Не владѣетъ рука» (III, 250—253). Свалился могучъ богатырь отъ безудержнаго своего гнѣва,

а доконали его старые грѣхи, какъ бы воплотившіеся передъ нимъ всѣ разомъ въ ужасающемъ образѣ Корнѣя Евстигнѣева.

«Я, ваше степенство, теперича за другимъ расчетомъ къ тебѣ пришелъ», говоритъ Корнѣй.. «Лучше меня самого знаешь дѣла мои. Дѣла, за какія въ Сибирь на каторгу ссылаютъ... Кто велѣлъ мнѣ Оропинскаго приказчика избыть? Письмо-то вашей милости у меня цѣло... Утопилъ я Волчанина, сдалъ въ акуратъ, а особаго награжденья не получилъ. Забылъ видно? А какъ на Низу поддѣльные документы мы съ тобой сбывали,—и это видно забылъ?.. А какъ до смерти угорѣло у тебя двое молодцовъ, чтобы только разстаться тебѣ съ ними, и чтобы они дѣлъ твоихъ на судъ не показали? Печи-то вѣдь я по твоему приказу топилъ. Пропадать, такъ пропадать, зато ужъ и ты, ежели выздоровѣешь, пропадешь... Понялъ дѣло? Двѣсти тысячъ подавай!» (IV, 39). Смолокуровъ этимъ убить. Многозначительно причитаетъ Потапъ Максимычъ надъ бездыханнымъ тѣломъ: «Эхъ, Давилычъ, Марко Давилычъ! Много ты на свѣтѣ жилъ, а, надо правду говорить, жить не гораздо умѣлъ. Въ какомъ положеніи семью оставилъ? Положилъ капиталовъ достаточно, да развѣ въ однѣхъ деньгахъ счастье? Изжилъ ты, пріятель, свой вѣкъ въ этомъ городѣ, а друзей не нажилъ ни одного» (46). «И еще бы ему нажить друзей, коли вѣкъ онъ держался правила: «купецъ, что стрѣлецъ; оплошнаго ждетъ.Свать сватомъ, братъ братомъ, а денежки не родня» (I, 183).

Принимается Потапъ Максимычъ за дѣла Смолокурова, хотя онъ ему ни братъ, ни свать; принимается просто по Христіанскому чувству, не вѣдая даже, что и въ судьбѣ Дуни Смолокуровой играетъ не маловажную роль все то же бѣдовое чадушко его сестры Манеѣы, Фленушка, за-загубившая безъ оглядки его голубку Настю.

Вѣдь Фленушка-то, частію жертвуя собой для Манеѣы, частію просто боясь замужества, и указала на Дуню Смолокурову своему Петру Степановичу. Указала-то она ему хорошо. Дуня въ самомъ дѣлѣ не ей чета. «Кого по мысли

найду, вѣрно опредѣляетъ себя Дуня, за того и пойду и буду любить его до вѣку, до послѣдняго вздоха — одна сыра земля остудить любовь мою. Гдѣ мужъ да жена въ любви, да въ совѣтѣ, по добру да по-правдѣ живутъ, въ той семьѣ самъ Господь живетъ. Онъ и научить меня такъ поступать» *). Но, указавъ Самоквасову на Дуню, Фленушка вѣдь не сразу выпустила его изъ своихъ рукъ. «Матушка больнымъ больнешенька, говоритъ прїѣзжая монахиня про Манею, а Фленушка и къ винцу возымѣла пристрастіе. Свертитъ она, скрутитъ сердечнаго Петра Степаныча, безпремѣнно спойтъ сердечнаго». А Дунюшка на бѣду сидитъ и слушаетъ. «Зелень у Дуни въ глазахъ заходила, когда услышала она Таисеины рѣчи... Не то, чтобы слово молвить, — бровью не повела, пальчикомъ не двинула... Одна осталась, и тутъ не заплакала.... Стала ровно каменная» (II, 142). А между тѣмъ — тутъ вѣдь и оказалось, почему и куда такъ внезапно скрылся Петръ Степанычъ. Дошелъ до него отъ другой монахини слухъ, что Манея уговариваетъ Фленушку постричься, а та и согласилась, и нѣтъ, и къ синему кувшину прибѣгать стала. Полетѣлъ къ ней на выручку Петръ Степанычъ. Меня-то жалѣтъ некому, опричь развѣ магушки, причитаетъ передъ нимъ Фленушка. Чтѣ я, чтѣ сорная трава въ огородѣ, все едино. Полютъ ее, Петинька, понимаешь ли? полютъ! Съ корнемъ вонъ». Точно будто бы онъ-то и виновать, онъ, котораго она все водить да водить, заставляя его, такъ сказать, ревновать себя къ матери Манеѣ. — «Про меня-то видно забыла», съ нѣжнымъ укоромъ замѣчаетъ ей Самоквасовъ. — «Незнаешь ты, какъ надо любить, заигрываетъ она. Тебѣ бы все мимоходомъ, только бы побаловать» (т.-е. это ужъ прямо съ больной головы на здоровую). «Жиденекъ ты сердцемъ, Петинька, — отражаетъ она его напомниманья о томъ, что не онъ ли давно уже былъ готовъ обвѣнчаться съ ней. Любви такой дѣвки, какъ я, тебѣ не снести... По себѣ поищи, потише да помирнѣе... Чтѣ съ Дуней-то

*) „Въ Лѣсахъ“, IV, 225.

Смолокуровой ладится ли, что ли, у тебя?» кокетливо ревнуетъ она его къ дѣвушкамъ, на которую сама же ему и указала, ревнуетъ съ тѣмъ, чтобы завладѣть имъ—не на всегда, но на этотъ разъ. «Чего жалѣть себя? кому блюсти? млѣть она въ страстной истомѣ. Охъ, эта страсть... Зачѣмъ мнѣ дѣвство мое? Къ чему оно? Бери его, мой желанный, бери...» А онъ вѣрить ей, онъ увѣренъ, что такъ оно уже навсегда, онъ послушно уѣзжаетъ затѣмъ всего на три дня, чтобы, вернувшись, увезти ее съ собою въ Казань и тамъ обвѣнчаться. Но, вернувшись, онъ попадаетъ въ скитъ какъ разъ въ минуту ея постриженья. Онъ все-таки проникаетъ къ ней, но напрасно отчаяннымъ голосомъ по прежнему называетъ ее по имени: «Фленушка!». «Какъ стѣна выпрямилась станомъ мать Филагрія. Сдвинулись соболинныя брови, искрометнымъ огнемъ сверкнули гнѣвные очи. Какъ естъ Манеѳа. Медленно протянула она впередъ руку и твердо, властно сказала: «отыди отъ мене, сатано!». Она обманула его, хотя и любила его по своему, подобно тому, какъ, по своему же любя, обманывала и свою мать.

Онъ для нея теперь — *сатана*, она должна только отъ него спастись. А что же будетъ съ нимъ, съ этимъ *искусителемъ*, который на самомъ дѣлѣ былъ только *искушеннымъ*,—до этого ей уже дѣла нѣтъ. Какъ теперь появится онъ на глаза къ Дунѣ Смолокуровой? Но вѣдь онъ—человѣкъ торговый; можно отправиться въ Нижній. «А на ярмаркѣ гусли гудятъ, у Макарья наигрываютъ, развеселое тамъ житье, ни тоски нѣту, ни горюшка, и не знаютъ тамъ кручинушки»... «Туда, въ этотъ омутъ и ринулся съ отчаянья Петръ Степанычъ» (II, 124).

А что же Дуня? Она, между тѣмъ, незамѣтнымъ образомъ втягивается въ другого рода омутъ. Какъ разъ въ то время, когда доходить до нея роковая вѣсть про Петра Степаныча, завязывается у нея знакомство съ дамою въ черномъ, поднявшею на руки очутившуюся на мостовой меньшую дѣвочку Дувиной подруги. «По дуилѣ приплась скорбной Дунѣ Марья Ивановна. Голосъ тихій и кроткій,

рѣчь задушевная, нѣжная, добрая улыбка, скромные величавые пріемы и пронизательные ясныя взоры чуднымъ блескомъ сіявшихъ голубыхъ очей невольно безсознательно влекли къ ней разбитое сердце потерявшей земныя радости дѣвушки» (II, 143). Дуня и прежде любила читать, а Марья Ивановна указала ей много новыхъ книгъ все съ такими особенными заглавіями, — книги, которыя и попадаютъ ей среди купленного отцомъ хлама. «Сначала эти книги покажутся вамъ непонятными, даже скучными, предупреждаетъ ее Марья Ивановна, но вы этимъ не смущайтесь, не бросайте ихъ, а читайте, перечитывайте, вдумывайтесь въ каждое слово и понемногу вамъ станетъ все понятно и ясно»... Какъ нельзя болѣе кстати въ ея положеніи Марья Ивановна ей говоритъ: «никогда не помышляйте о земной, страстной любви къ какому бы то ни было мужчинѣ... Чтобы ея никогда даже въ воображеніи вашемъ не было... Эта страсть одно лишь горе, одно несчастіе приносить людямъ... Счастья никогда въ той любви не бываетъ». Все это такъ неожиданно, но, опять таки повторяемъ, такъ кстати. «Молча, въ какомъ-то полужабытѣ, сидѣла Дуня... Новыя мысли, новыя чувства! Властно овладѣли и умомъ и разбитымъ сердцемъ ея восторженные, таинственные слова Марьи Ивановны Алимовой» (II, 149 — 153). Все новыя оттѣнки сказываются постепенно въ дальнѣйшихъ ея внушеніяхъ, — оттѣнки загадочные, страшные, чтобы не сказать болѣе; но этимъ только усиливается обаяніе той таинственности, которою все болѣе и болѣе увлекается Дуня.

«Надо претерпѣть всѣ бѣды, напѣваетъ ей Марья Ивановна, всѣ напасти и скорби, надо все земное отвергнуть: и честь, и славу, и богатство, и самолюбіе, и обидчивость, самый стыдъ отвергнуть и всякое къ себѣ пристрастіе» (II, 155). Было одно существо, которое съ перваго же знакомства съ Алимовой не влюбилло ее. Это была добрая, незлобивая воспитательница Дуни, Дарья Сергѣевна... Не зависть, не досада сказывались въ ней, а какое-то темное, непонятное провидѣнье чего-то недобраго (II, 343), — прови-

дѣнье, вытекавшее изъ ея чисто материнской привязанности къ Дунѣ.

«Ежели кто проникнетъ въ сокровенную тайну, продолжала, между тѣмъ, свои все болѣе и болѣе загадочныя внушенья Алимова, ежели кто всю ее познаетъ и будетъ къ ней «приведенъ», тотъ вступаетъ въ супружество съ тѣмъ пророкомъ, который его привелъ, или съ тѣмъ человекомъ Божиимъ, на котораго ему укажетъ пророкъ.... Между людьми, познавшими «тайну», есть и мужчины, и женщины... Такіе мужчины приводятъ въ тайну женщинъ, женщины мужчинъ... Это и есть духовное супружество»... Тутъ однакоже Дуня окончательно озадачена и въ недоумѣніи спрашиваетъ: «стало быть у духовнаго супруга бываетъ по нѣскольку женъ?»

«Чтожь изъ того?» отвѣчаетъ Марья Ивановна. «Вѣдь это не плотскіе мужъ съ женою»... (383).

Но вотъ Алимова приглашаетъ Дуню къ себѣ, и она просится къ ней у отца, уступая приманкѣ возможной тамъ встрѣчи съ какимъ-то «пророкомъ».

Смолокуровъ не въ силахъ ни въ чемъ отказать своей Дунѣ и не обращаетъ вниманія на Дарью Сергѣевну. Дуня уже тамъ, у Алимовой и родственника ея, генерала Луповицкаго—она въ деревнѣ у богатыхъ и знатныхъ баръ, и это только тѣшитъ старика Смолукурова, какъ ни тяжело ему было разстаться со своею Дуней. На нее же, съ ея любящею душою, и то уже должно было обаятельно дѣйствовать, что «народъ въ имѣніи Луповицкихъ былъ хотя не богатъ, но достаточенъ. Всѣ были богомольны, каждый праздникъ въ церкви яблоку было негдѣ упасть... Луповицкіе считали крѣпостныхъ своихъ за равныхъ себѣ по человѣчеству» (III, 34). Не всегда оно было такъ, но чтó было, то прошло, да и Дуня, конечно, не знала этого. «Во время оно у генерала Луповицкаго, до перемѣны его, бывало тутъ безпросыпное пьянство, и туда по бурмистрову приказу десятками приводили разряженныхъ дѣвокъ и молодежи». Теперь на томъ же мѣстѣ, по видимому, не то, а «сокровенная Сионская горница». Тутъ

бываютъ радѣнья «Божьихъ людей», въ которыя быть посвященною предстоитъ и Дунѣ. Да, ей предстоитъ быть посвященною въ то, что на дѣлѣ не чуждо своего рода *orgia*. Ее вводятъ въ новую обстановку съ большою осторожностью, поручивъ ее особенному попеченію такой же молодой дѣвушки, какъ она сама—племянницѣ Луповицкихъ, Варенькѣ. Отъ нея-то заранѣе и узнаетъ Дуня о многомъ такомъ, къ чему тутъ ловкимъ образомъ примѣняется текстъ: «Безумное Божіе премудрѣе человѣческой мудрости» (III, 26). Дуня сперва озадачена представившимся ей обрядовымъ цѣлованьемъ съ мужчинами, но Варенька успокаиваетъ ее тѣмъ, что «у Божьихъ людей, какъ у ангеловъ, нѣтъ ни мужчинъ, ни женщинъ» (III, 26, 31). Дуня съ изумленіемъ замѣчаетъ, что во время радѣній «со всѣхъ льетъ ручьемъ потъ, на всѣхъ взмокли радѣльные рубахи, а Божьи люди все радѣютъ, лишь изрѣдка отирая лицо полотенцемъ». «Это духовная баня, поясняетъ ей уже сама Марья Ивановна, это — истинное крещенье водою и духомъ» (III, 124). «Не того ждала Дуня отъ Божьихъ людей. Не такіе обряды, не такое моленіе духомъ она представляла себѣ. Иного страстно желала, къ иному стремилась душа ея» (III, 135). И все-таки она идетъ безъ оглядки далѣе—въ надеждѣ, что наконецъ-то, подъ этими странными формами, раскроется передъ ней затаенная въ нихъ глубина — настоящее вознагражденіе за все, что она потеряла. И вотъ—Дуня уже готова съ какимъ-то особеннымъ сладострастіемъ произнести ужасный обѣтъ. «Должна ты отречься отъ міра, внушаютъ ей, и ото всего, что въ немъ есть. Должна забыть отца и мать, братьевъ и сестеръ, весь родъ свой и племя. Должна отречься отъ своей воли, не должна имѣть никакихъ желаній, должна все исполнять, что бы тебѣ ни повелѣли, хотя бы и подумалось тебѣ, что это зазорно или неправедно» (III, 158). Это, конечно, стоило тѣхъ обѣтовъ, которые принесла въ своемъ скиту Фленушка, чтобы стать затѣмъ матерью Филагріей. Но не даромъ «доходили слухи до Луповицъ, что тамъ гдѣ-то у подножія Арарата явился царь-

пророкъ и первосвященникъ, что онъ торжественно короновался и, облачась въ порфиру, надѣвъ корону съ другими отличіями царскаго сана, подражая Давиду съ гусями въ рукахъ, радѣлъ среди многочисленной толпы» (III, 169). Дуня увлекалась этими слухами и съ нетерпѣньемъ ждала посланника съ Арарата. Но, съ другой стороны, доходили до нея совѣтъ уже безобразныя сказанія «про Саваоа богатаго богатыню и про Ивана Тимоѣевича, Христа его». Сказанія эти доходили до нея случайно, помимо Луповицкихъ. «Стало быть, не вся ихъ тайна открыта мнѣ, грустно соображала она. Всего не хотѣли сказать» (336—37). Напрасно Варенька успокаивала ее, что «все это вздоръ, пустяки», но что «для людей малаго вѣдѣнья они необходимы». «Тяжелъ былъ Дунѣ этотъ разговоръ. Все видно у нихъ на обманѣ стоитъ... Если меня не обманываютъ, то этихъ простыхъ людей обманываютъ... Для чего открывать однимъ больше, другимъ меньше?» (346). Но не въ такое еще недоумѣніе приведена была Дуня, когда они подошли къ отвореннымъ окнамъ Хлыстовской богдѣльни. «Скача и бѣгая въ припрыжку, Хлысты съ ожесточеньемъ и дикой злобой немилосердно били самихъ себя... Струится кровь по плечамъ, кровенять на себѣ бѣлыя радѣльныя рубахи. Иные головой о стѣну колотятся, либо о печь, другіе горячей лучиной палютъ себѣ тѣло, иные до крови грызутъ себѣ руки и ноги, вырываютъ бороды и волосы. Умерщвленіе плоти! Вдругъ затворились окна, вдругъ потухли огни. До поздняго утра мужчины и женщины оставались вмѣстѣ» (III, 357—363). Но вѣдь и тутъ опять — только люди «малаго вѣдѣнья», доводящіе до грубаго буквального пониманія то, что имѣетъ совершенно иное значеніе для проникшихъ въ самую тайну. Дуня, конечно, не въ состояніи даже вполне понять, до чего тутъ доходить «буквальное пониманіе». Но ей все-таки противно, тошно, и только ожиданіе таинственнаго посла съ его тайною «духовнаго супружества» еще поддерживаетъ ее и удерживаетъ отъ бѣгства. «Когда пріѣдетъ Егорушка, совѣщаются между тѣмъ Луповицкіе,

мы съ нимъ потолкуемъ на счетъ этой Дуни.. Тогда она наша, и мильоны (т.-е. Смолокуровскіе мильоны) наши». Бѣдная Дуня! Не чуется ей, до чего доходить этотъ самый таинственный гость съ Арарата, говоря Луповицкому: «мы, люди Божіе, водимые духомъ, мы—Новый Израиль, а у Израиля было двѣ жены, родные между собою сестры, и кромѣ того двѣ рабыни, и ото всѣхъ четырехъ произошли равно благословенныя племена Израильскія.. Недалеко то время, когда этотъ законъ будетъ общимъ» (III, 423). Ей предстоитъ идти къ этому человѣку, который готовъ ей открыть такъ давно уже занимающую ее тайну «духовнаго супружества», но открыть не иначе, какъ наединѣ. «Не всякому открою, говорить онъ, а на соборѣ не скажу ни слова. Тамъ вѣдь бываютъ и люди малаго вѣдѣнія, для нихъ это было бы соблазномъ, навело бы на грѣховныя мысли» (III, 433). И вотъ она входитъ къ нему, но, прежде, чѣмъ удостоиться его бесѣды, должна «исполнить святой обрядъ, установленный въ кораблѣ людей Божіихъ». Обрядъ этотъ, впрочемъ, ужь для нея не новость. «Вся покраснѣла Дуня, но любопытство было такъ сильно, что она рѣшилась дать Денисову холодное лобзанье, какое дала бы каждому изъ сидѣвшихъ въ Сіонской горницѣ. Она протянула лицо, а онъ, цѣлуя ее серафимскимъ лобзаньемъ, вдругъ сжалъ ее въ объятіяхъ».

Тутъ только раскрылось передъ Дуней вполне грубое, вполне буквальное пониманіе заманчивой «тайны» этимъ «пророкомъ», пониманіе, въ силу котораго то, что завелось вмѣсто прежнихъ отвратительныхъ оргій крѣпостной поры, является, при всей своей мистической оболочкѣ, лишь новою мерзостью заустѣнныя на мѣстѣ, величаемомъ святою «Сіонскою горницею».

Только быстрый прыжокъ въ заранѣ замѣченное Дунею потайное окно съ изображеніемъ св. Амвросія спасаетъ ее, находящую за тѣмъ убѣжище у отца Прохора. Приходится не брезгать его защитой, хотя онъ и Никонианецъ. Горькій опытъ открываетъ Дунѣ глаза. «Не я была нужна имъ, сознаетъ она теперъ, а тятенькинъ капи-

талъ. «Мы дескать ее опозоримъ, ей не за кого будетъ замужъ идти, поневолю у насъ останется и рано ли, поздно ли, достатки ея будутъ у насъ въ рукахъ» (IV, 35).

Но вотъ Дуня снова въ своей прежней средѣ, въ своемъ домѣ, гдѣ ожидаетъ ее неожиданное сиротство. На счастье ея, тотъ, о комъ она въ сущности не забывала, чьи черты ей напомнилъ при первомъ на него взглядѣ и ужасный Араратскій гость, онъ, ея Петръ Степановичъ, не погибъ въ Нижегородскомъ развеселомъ омутѣ, какъ не погибла и она у своихъ «Божьихъ людей». Онъ опять возлѣ нея, онъ только и молить, чтобы она никогда не напоминала ему о послѣдней его поѣздкѣ въ скитъ. «Было у насъ съ ней, говоритъ онъ про бывшую Фленушку, одно баловство... по-правдѣ говорю, по совѣсти» (IV, 126). Съ перваго взгляда, конечно, онъ какъ будто бы только вывертывается, успокаивая ее. Но вѣдь и въ самомъ дѣлѣ вся эта его исторія съ Фленушкой одно «баловство», по крайней мѣрѣ со стороны Фленушки, раздѣлывающейся такимъ «баловствомъ» за принесенную ею Манею, а также и своимъ опасеніемъ замужства—жертву.

Въ Дунѣ, послѣ смерти ея отца, Потапъ Максимычъ находитъ себѣ новую названную дочку. Это вознагражденіе ему не столько за внезапно быструю смерть и второй дочери, вышедшей за Василья Борисыча, сколько за его милую, незабвенную Настю.

Такъ внезапно умирающая отъ простуды Прасковья Потаповна никогда не была особенно любима отцомъ, какъ не можетъ пользоваться, конечно, и особою симпатіею читателей. Вся она такъ вѣдь и обрисовывается въ слѣдующей неприглядной картинкѣ: «очнулась Прасковья Потаповна, зѣвнула во всю сласть, и въ просонкахъ тупымъ взглядомъ обвела всѣхъ, бывшихъ въ комнатѣ». Между тѣмъ, ея единственное дитя, Захарушка, чуть было не скатился при этомъ съ ея колѣнъ. «Ахъ, ты, дурафья безумная, вскрикнулъ на нее Потапъ Максимычъ. Даже рожденія своего не жалѣеть... Эхъ, Настя, Настя! была бы

жива ты, прибавилъ онъ надорваннымъ отъ горя голо-сомъ. Все съ собой унесла, бѣлая моя ласточка» (IV, 172).

Прасковья Потаповна, можно сказать, проспала всю жизнь. Какъ то сонно, безъ увлеченія, отдалась она Василью Борисычу, сонно дала ему себя увезти и наконецъ сонно—взяла да и простудилась до смерти, развязавъ этимъ мужу руки. Въ числѣ всякихъ жертвъ егозливой Фленушки (къ которымъ, конечно, относится и она сама) не послѣднее мѣсто, пожалуй, занимаетъ и Василій Борисычъ. Конечно, она могла бы ему сказать: «самъ на себя пеняй, посолъ Московскій, въ грамотѣ поученный человѣкъ», дающій себя сманить, подобно Алешѣ Поповичу, на глупое поприще подлипалы, за которое приходится наконецъ заплатиться вольной птицѣ всею своею волею. Далъ вѣдь себя знать Василью Борисычу очутившійся вдругъ его тестемъ Потапъ Максимычъ, возлюбившій и его, какъ сперва Алексѣя, съ тѣмъ, чтобы также скоро въ немъ разочароваться. «Тестъ изъ зятя только веревокъ не виль, былъ у него Василій Борисычъ во всей власти и на всей его волѣ... Уйти изъ тестева дома, все равно, что руки на себя наложить»... Еще бы! примуть его развѣ тамъ, откуда послали его по скитамъ. А «давно ли старообрядство почитало его за великаго человѣка... и вдругъ сталъ посмѣшищемъ» (III, 284). Вольно же было, постоянно приговаривая: «искушеніе!», постоянно и подпадать каждому встрѣчному искушенію. «Изъ прежнихъ пріятелей никто къ дому его близко не подпустить... Давно клянеть себя Василій Борисычъ за сладкую ночьку въ лѣсочкѣ Улангерскомъ. Можно бы, конечно, сказать и потѣшающемуся теперь надъ нимъ Чапурину: вольно жъ тебѣ было, старикъ, разъ уже такъ обманувшись въ Алексѣѣ, снова себѣ создать какой-то кумиръ изъ этого Василья Борисыча. Не его же вина, что онъ только пустая кукла, а ты его прочилъ въ боги. «На повѣрку вышло, сознается старикъ, что мой Василій Борисычъ никуда не годенъ — только и знаетъ, что съ дѣвками пѣть, да по лѣсочкамъ межъ кусточковъ съ ними валандаться» (II, 276—77). Очутившись

привязаннымъ на всегда къ своей сонно-безмолвной женѣ, онъ пытается снова пуститься въ свою прежнюю жизнь, не смущаясь Прасковьиной ревностью, но все-таки побаиваясь тестя. «Живеть онъ у тебя безо всякаго дѣла, думаетъ надоумить Чапурина Никифоръ Захарычъ; известно, что каждый человѣкъ безъ дѣла во всякое время можетъ съ ума спятить. По себѣ сужу... Поѣдешь куда, возьми, чтобъ онъ во всемъ изъ твоихъ рукъ смотрѣлъ» (IV, 184—185). Не даромъ вѣдь и Фленушкины продѣлки объясняетъ мать Ираида тѣмъ, что «скука, тоска, дѣла никакого нѣтъ» (II, 56). Служается Потапъ Максимычъ Никифора—беретъ за собою въ видѣ опыта Василья Борисыча, но, когда онъ, вернувшись, застаётъ неожиданно жену на смертномъ одрѣ, старикъ, схоронивъ, находитъ все-таки самымъ лучшимъ разстаться съ зятемъ. Онъ при этомъ не довѣряетъ ему и Захарушку, оставляя его на хорошихъ женскихъ рукахъ. «Разойдемся-ко мирно по доброду, по хорошему, говоритъ онъ бывшему своему любимцу. О сынѣ своемъ заботы не имѣй, теперь онъ на рукахъ у Дарьи Сергѣевны... Всѣ мои добытки по полямъ съ Груней (названною дочерью) ему отдамъ... Дарю тебѣ пару лошадей, да санки, — поѣзжай, куда знаешь. А это возьми». И подалъ ему увѣсистый бумажникъ» (IV, 200). Также вѣдь щедро когда-то распрощался онъ съ Алексѣемъ Лохматымъ.

А этотъ герой наживы и безстыднаго нахальства все далѣе и далѣе подвигается по своему побѣдоносному пути. Не позабылъ даже и о томъ домикѣ, въ которомъ проживала Марья Гавриловна въ скиту у Манеѣы: надо его или на съезъ продать, или чтобы мать игуменья деньги за него уплатила. А самъ между тѣмъ, какъ рассказываетъ о немъ Чапурину С. А. Колышкинъ, «по 1-ой гильдіи торгуетъ, того и жди, что въ городскіе головы попадетъ.. У Марьи Гавриловны за душой мѣдной полушки не осталось.. Въ горничныя попала къ мужниной любовницѣ.. Много у него ихъ... А наибольшая одна... Въ приданство Марья Гавриловна принесла... молоденькая дѣвчонка — Татьяной

Михайловной звать» (Ш, 269). Но существуютъ про Алексѣя еще и такіе слухи. «Сворованными у жены сотнями тысячь работаетъ, а отцу съ матерью поѣсть нечего. Не разъ Христомъ Богомъ старикъ Трифонъ просилъ сына о помощи. Отвѣта даже не выслалъ. А семья въ разоръ разорилась, дѣвка загуляла, сколько разъ ворота дегтемъ у нихъ мазали... Саввушка... меньшей сынъ—добрый паренекъ, смышленный—мертвую запилъ, а теперь, слышь, въ солдаты навимается» (Ш, 272).

Но не даромъ, при видѣ Чапурина, не разъ раздавалось въ ухахъ Алексѣя: «отъ сего человѣка погибель твоя». Пробилъ наконецъ Алексѣю часъ. Онъ пробилъ для него послѣ того, какъ Алексѣй, соскучившись, покинулъ и Таню, а та бросилась къ ногамъ Марьи Гавриловны, прося у нея прощенія; добрая же Марья Гавриловна и въ самомъ дѣлѣ простила взрощенную ею дѣвушку и стала съ тѣхъ поръ по прежнему съ нею неразлучна.

Какое-то дѣло заставило Алексѣя плыть на Низъ. Вышло такъ, что на томъ же пароходѣ ѣхали и Потапъ Максимычъ съ Никифоромъ Захарычемъ... Алексѣй не зналъ, что они помѣстились въ каютѣ какъ разъ рядомъ съ нимъ (IV, 226 — 227). «Что за господинъ такой? спросилъ у Алексѣя одинъ изъ его Самарскихъ знакомыхъ. И вотъ Алексѣй принялся рассказывать о томъ, какъ, находясь еще въ бѣдности, поступилъ въ работники къ Потапу Максимычу и какъ его тогда возлюбилъ Чапуринъ. Признаемъ, что этотъ рассказъ, находящійся въ самомъ концѣ и написанный авторомъ уже во время болѣзни, представляется намъ мало естественнымъ. Такой человѣкъ, какъ Алексѣй, едва ли такъ откровенно сталъ бы вспоминать о порѣ своей бѣдности, а тѣмъ менѣе объ оказанныхъ ему когда-то благодѣніяхъ. Между тѣмъ, Алексѣй говоритъ про Потапа Максимыча: «такъ рассчиталъ меня послѣ похоронъ дочери, что проживи я у него два года и больше того, такъ по уговору и получать бы не пришлось... На этомъ я ему навсегда останусь благодаренъ». Этимъ, конечно, возбуждается со стороны его собесѣдниковъ вопросъ:

«чего жъ это онъ вдругъ послѣ дочернихъ похоронъ справадилъ васъ отъ себя изъ дома?» Вотъ тутъ Алексѣй и начинаетъ говорить подобающимъ ему захвастливымъ языкомъ: «Дочка была у него старшая, Настей звали. Ужь сколько времени прошло, какъ она въ могилѣ лежитъ, а все-таки и до сихъ поръ вспомнить о ней пріятно... И гостила тогда у Чапурина послушница Комаровской обители, Фленушка... Она въ первый разъ и свела насъ... Тѣмъ временемъ пріѣзжали къ Чапурину гости изъ Самары, Свѣжковы... и было у нихъ намѣреніе Настю сватать; только она, зная за собой тайный грѣхъ, не захотѣла того... Во всемъ открылась матери... А какая была покойница, теперь и сказать нельзя... страстная, горячо увлекалась всѣмъ, сама такая тихая, ровная и передомной, бывало, никогда противнаго слова не молвить. Все съ покорствомъ, все съ подчиненіемъ моей волѣ»... (IV, 228—231).

Не снилось ему, кто тутъ сидитъ въ сосѣдней каютѣ и неволью подслушиваетъ.

«Однако жъ, душно что-то здѣсь, сказалъ Алексѣй. Пойти бы на палубу, освѣжиться немного»... Выходитъ, а Чапуринъ за нимъ въ догонку: «а кто общалъ про это дѣло никому не поминать?»

Ни шагу не отступалъ отъ него Потапъ Максимычъ. «Подходили они къ пароходному трапу. Потапъ Максимычъ поднялъ увѣсистый кулакъ, а изъ головы Алексѣя не выходили слова: «отъ сего человѣка погибель твоя»... Пятится Алексѣй отъ Чапурина, пятится. И дошелъ такимъ образомъ до самаго трапа... А на станціи позабыли укрѣпить трапъ, черезъ который дѣвки да молодки дровъ натаскали. Дошли до этого трапа Алексѣй задомъ, Потапъ Максимычъ напирая на него... Оперся Алексѣй о трапъ, Потапъ Максимычъ былъ возлѣ него. Трапъ растворился и оба упали въ воду... Не зная, кто упалъ, Никифоръ Захарычъ бросился въ Волгу... Первымъ увидѣлъ онъ Алексѣя, тотъ даже схватилъ его, но Никифоръ Захарычъ оттолкнулся отъ него, увидѣвъ невдалекѣ Потапа Максимыча, подплылъ

къ нему, схвативъ его... и опять поплылъ къ кормѣ парохода... Никифоръ Захарычъ упорно отказался отъ просьбы спасти другого утопленника... (IV 232—33).

Такимъ образомъ окончательно отомстилъ Алексѣю за Настю не Потапъ Максимычъ, а возрожденный ея предсмертнымъ благословеніемъ Никифоръ Захарычъ. На это, конечно, она ему не давала благословенія. Конецъ Алексѣю пришелъ почти одновременно съ давно поджидавшимся концомъ скитовъ. Не мало оказывалось въ нихъ, какъ видно изъ разсказовъ Мельникова, признаковъ внутренней несостоятельности. Потапъ Максимычъ лучше всѣхъ сознавалъ это, хотя и поддерживалъ скитскую «дурь» своими вкладами. «Каждый изъ вора кроёнъ, изъ плута шить», говоритъ старикъ Чапуринъ про свой же духовный чинъ. «Коли плуты, такъ не дураки», замѣчаетъ ему Колышкинъ. «Этого не скажи, стоитъ за свое Потапъ Максимычъ. Не мало есть на свѣтѣ людей, что плутовства и обманства въ нихъ цѣлыя горы, а ума и съ наперстокъ нѣтъ» (III, 288—289). Съ его точки зрѣнія это бы можно было сказать, напимъ, про Смолокурова. Самъ Чапуринъ, конечно, совсѣмъ ужъ не плутъ, а очень между тѣмъ уменъ. «Хотя я и не богословъ, разсуждаетъ онъ съ Колышкинымъ, и во святомъ писаніи большой силы не имѣю, однако же такъ думаю, что вѣра Христова и у насъ, и у васъ одна».—А какъ по твоему, спрашиваетъ Колышкинъ, обрядъ-отъ гдѣ правильнѣе? — «Обрядъ-отъ, отвѣчаетъ Чапуринъ. Да вѣдь обрядъ не вѣра». Онъ, значить, смотритъ совсѣмъ не такъ, какъ Алексѣй, озадачившій, какъ мы видѣли, Англичанина такимъ полнѣйшимъ смѣшеніемъ обряда съ вѣрой. «Что человѣку одѣжа, сравниваетъ Чапуринъ, то вѣрѣ обрядъ... Кто къ какому обряду измальства обыкъ, того и держись» (III, 290—291). Извѣстно, что широкій взглядъ на свободу обряда именно и былъ взглядомъ древней церкви. Если бы такою широтою взгляда обладало такъ называемое старообрядцами «Никоніанство», то и не было бы гоненій за старообрядство, тѣхъ гоненій, которыя главнымъ образомъ и

породили расколъ съ его фанатическою ненавистью къ «Никоніанамъ». Исключеніемъ стали Потапы Максимычи, чуждые такой ненависти. Мать Манеѳа доводитъ ее до того, что попрекаетъ Петра Степаныча деньгами, пожертвованными имъ на «нечестіе»;—а деньги-то пожертвованы имъ на дѣтскій «Никоніанскій» пріютъ. «Сиротки вѣдь они, матушка, оправдывается онъ, пить-ѣсть тоже хотятъ, однимъ подаяньемъ только и живутъ»... «То прежде всего помни, продолжаетъ свое Манеѳа, что отъ нихъ благодать отнята... Развѣ ты ихняго стада? Свою крышу, другъ мой, чини, а сквозь чужую тебя не промочить» (II, 80 — 81. Фанатизмомъ, хотя и не такого эгоистическаго покроя, одержима даже кроткая Дуня Смолокурова, не желающая принять благословеніе отъ того православнаго священника, который ее спасъ изъ омута. Фанатизмъ этотъ питается другимъ фанатизмомъ—все еще продолжающимися преслѣдованіями раскола, отъ которыхъ его богатые представители только до поры до времени откупаются. Но Манеѳа жалуется на нихъ, что подчасъ они своимъ измѣняютъ: «въ евангельскія времена, говоритъ она, Іуда за сребренники Христа продалъ; Петербургскіе благодѣтели наши радехоньки въ карты его проиграть, только бы потѣшиться съ мивистрами, да съ игемонами, сирѣчь съ съ проконсулами да съ каіафами» (II, 76). Казалось бы, съ одной стороны не бояться раскола уже ради начавшагося въ немъ внутренняго разложенія; съ другой стороны возложить надежду на такихъ умныхъ и честныхъ его представителей, какъ Потапъ Максимычъ, было бы гораздо умнѣе, чѣмъ по прежнему прибѣгать противъ него къ полицейскимъ мѣрамъ...

Это, повидимому, не относится къ такимъ сектамъ, какъ Хлысты съ ихъ уже извѣстными намъ радѣніями. Но вѣдь и тутъ, если пораздумать, такіе пріемы, какъ испытанные было надъ Дунею ради ея капиталовъ, не вызваны ли тою потребностью владѣть капиталами, которая вызывается необходимостью прибѣгать къ подкупамъ? Разумѣется, коль скоро уже завелись такіе пріемы,

ихъ терпѣть нельзя и противъ нихъ приходится употребить силу.

Все дѣло, однако же, въ томъ, отчего вообще зависить и чѣмъ поддерживается выходъ изъ церкви, иногда даже какое-то повальное изъ нея бѣгство съ такими его послѣдствіями, какъ скитанье по разнымъ вѣрамъ? Нашъ авторъ кидаетъ на это свѣтъ, выводя передъ нами характерный типъ Герасима Чубалова, исторія котораго является «на Горахъ» однимъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ.

«Подростокъ, материнъ баловникъ, — начинаетъ эту исторію Мельниковъ. Къ полевой работѣ не прилагаль старанья, люди пашню пахать, а онъ руками махать». Но въ немъ, между тѣмъ, что-то такое копилось и искало себѣ исхода. А тутъ какъ разъ «въ край Сосновки... жилъ старый книжникъ; Нефедычемъ звали его... Смолоду крестьянскимъ дѣломъ онъ брезговаль, все бы ему на молитвѣ стоять, да надъ книжками сидѣть»... Понятно, что, провѣдавъ, наконецъ, про него, неизбѣжно направилъ къ нему стопы Гараня, отчасти напоминающей намъ (началомъ своей исторіи) Гришу въ извѣстномъ разказѣ Мельникова.

«Только и отрады было у малаго, что къ Нефедычу за книгами бѣгать, а учитель въ книгахъ ему никогда не отказываль!... Пустынное житье полюбилось юному грамотею, и подъ шумъ вѣтвистыхъ густозеленыхъ дубовъ, читая сказанія о Сирійскихъ и Фивайдскихъ отшельникахъ, онъ ревноваль ихъ житію и положилъ въ своемъ сердцѣ завѣтъ провести свои дни до скончанія живота въ подвигахъ, плоть изнуряющихъ, духъ же возвышающихъ... На 15 году Герасимъ совсѣмъ скрылся... Распалялся онъ необходимымъ стремленьемъ искать на землѣ «малое стадо» Христово и, въ немъ пребывая, достигнуть вѣчнаго спасенія. Для того и оставилъ онъ отца своего и матеръ свою... Въ странство Герасимъ пошелъ»... (II, 160—167).

Авторъ обобщаетъ такое явленіе, обращая наше вниманіе на то, что во всѣ времена, во всѣхъ странахъ много

бывало на Руси такихъ искателей правой вѣры. Въ стремленіи къ вѣчному блаженству жадно, но тщетно ищутъ они разрѣшенія вопросовъ, возникающихъ въ пытливыхъ умахъ ихъ, и мятущихъ смущенную душу... Не кому научить, некому указать на путь правый. И пойдетъ пытливый умъ блуждать изъ стороны въ сторонуа все-таки не найдетъ того, чего ищетъ, все-таки не услышитъ ни отъ кого раствореннаго любовью живого разумнаго слова. Отсюда наши расколы, отсюда и равнодушіе къ вѣрѣ высшихъ слоевъ Русскаго народа... Кто виновать?.. Дьяволъ, конечно... А кромѣ его?..» Но вѣдь это: «кто виновать?» вполне соотвѣтствуетъ по своей глубинѣ такому же вопросу въ «Мертвомъ домѣ» Достоевскаго.

«Странствовалъ Герасимъ по разнымъ странамъ ни мало, ни много, пятнадцать годовъ съ половиной. Въ десяти вѣрахъ перебивалъ, и въ каждой вѣрѣ бывалъ не рядовымъ человѣкомъ... За учительныя бесѣды еще тогда звали его Златоустомъ, когда у него еще усъ едва пробивался. ...Самъ себя окрестилъ въ дождевой водѣ, собранной въ купель, устроенную имъ самимъ изъ молодыхъ древесныхъ побѣговъ и обмазанную глиной, вынутой изъ земли на трехъ саженьяхъ глубины, да не осквернитъ та купель дыханіемъ вездѣ присущаго антихриста... Перешелъ въ секту Петрова крещенія... Слезами крестилъ себя Герасимъ, въ умиленіи стоя передъ Спасовымъ образомъ. То былъ послѣдній его переходъ изъ вѣры въ вѣру...» Но что же оказалось въ итогѣ?

«Все изъ книгъ узналъ, и все во очію видѣлъ Герасимъ... а правой спасительной вѣры все-таки не нашель... «Нѣтъ видно больше истинной вѣры, все видно растлѣно прелестью врага Божія...» И въ душевномъ отчаяніи, въ злобѣ и ненависти, покинулъ онъ странство... И къ людямъ, и къ себѣ самому та злоба была... *Жилъ досель однимъ умомъ, сердце у него молчало...* Онъ искалъ истины ради удовлетворенія пытливости ума, но любви и добра, исходящихъ отъ сердца, не искалъ, даже и никогда и не думалъ о нихъ». Добиваясь удовлетворенія своей пытли-

вості, онъ не переставалъ въ то же время стремиться и къ земнымъ благамъ.

«Не пѣшеходомъ съ котомкой за плечами онъ домой воротился—три подводы съ добромъ въ Сосновку привелъ. ...Что Герасимъ былъ опоясанъ чересомъ и что на гайтанѣ вмѣстѣ съ тѣльникомъ висѣлъ у него на шеѣ туго набитый бумажникъ, того никто не видѣлъ» (II, 167 — 170).

Наживаясь, онъ не имѣлъ въ виду кому-нибудь тѣмъ помочь,—но вдругъ, неожиданно, по возвращеніи его домой, такая помощь оказалась нужною. Въ родной деревнѣ находить онъ раззорившуюся братнину семью.

«Взглянувъ на полунагихъ и видимо голодныхъ дѣтей, Герасимъ Силычъ ощутилъ въ себѣ новое, до тѣхъ поръ незнакомое еще ему, чувство... Чорствое сердце суроваго отреченника отъ людей и отъ міра дрогнуло при видѣ нищеты и болѣзненно заняло жалостью. Въ напыщенной духовною гордыней душѣ промелькнуло: *«не напрасно ли я 15 годовъ провелъ въ странствѣ? Не лучше ли бы провести эти годы на пользу ближнихъ, не бѣгая міра, не проклиная суетъ его?..»* Тутъ впервые понялъ онъ, что значать слова любимаго ученика Христова: «Богъ любви есть». — «Вотъ она гдѣ, истина-то, подумалъ Герасимъ, вотъ она гдѣ, правая-то вѣра, а въ странствѣ да въ отреченіи отъ людей и отъ міра наврядъ ли есть спасенье. ...Вздоръ одинъ, ложь. А кто отецъ лжи? Діаволь. Онъ это все выдумалъ ради обольщенья людей... А они сдуру-то вѣрятъ ему, врагу Божью!» (II, 178—179). «Вонъ тогда въ Сызрани соборная бесѣда у насъ была... Долгое шло разсужденье, въ какомъ разумѣ надо понимать словеса Христовы: «милости хочу, а не жертвы!» Никто тѣхъ словесъ не могъ смысломъ обнять... Насказалъ я себе-сѣдникамъ и невѣсть чего: и про жертву-то вѣтхозаконную говорилъ, и про милости то царя небеснаго къ вѣрнымъ праведнымъ, а самъ ровнехонько не понималъ ничего... А теперь, только что поглядѣлъ я на этихъ мальцевъ да поболѣлъ о нихъ душою, ровно меня осіялъ свѣтъ

Господень и дадеся мнѣ отъ Всевышняго сила разумѣнія... *Милости, милости хочешь ты, Господи, а не черной ряссы...*» (II, 191 — 192). И зажилъ онъ съ той поры совершенно новою жизнью.

Иванушку (старшаго племянника) взялъ въ дѣти, обучилъ его грамотѣ, сталъ и къ старымъ книгамъ его пріохочивать. Хотѣлось Герасиму, чтобъ изъ племянника вышелъ толковый, знающій старинщикъ, и былъ бы онъ ему въ торговлѣ за правую руку... *«Не нарадовался Герасимъ на братанича, любилъ его душе чѣмъ отецъ съ матерью; не могъ налюбоваться на своего выучка»* (II, 216). И оставилъ онъ разъ на всегда свое прежнее поприще. «Звали его на праздное послѣ смерти Нефедыча мѣсто наставника... «Нѣсть правыхъ путей на земли, самъ Ты, Спасе, спаси мя, ими же вѣси путями». Укрѣпясь въ такихъ мысляхъ, Герасимъ сталъ тайнымъ «нѣтовцемъ» *), и считалъ дѣломъ постыднымъ, противнымъ и Богу, и совѣсти, дѣлаться слѣпымъ пастыремъ стада слѣпыхъ» (218).

А вѣдь, казалось бы, та любовь, на которую вдругъ навели его обстоятельства жизни, давно уже была дана въ томъ ученіи церкви, которое, не будь оно всячески заслоняемо, сдѣлало бы совершенно для него излишнимъ скитальчество по вѣрамъ и избавило бы его отъ перехода въ *нѣтовщину*—этотъ, такъ сказать, нигилизмъ религіозный. Но не видать подъ внѣшнимъ заслономъ живого духа любви,—все заполонила одна кидающаяся въ глаза, яко бы служащая личному спасенію каждаго, обрядовая буква. Совсѣмъ обособилась она и стала своего рода кумиромъ въ расколѣ, — и несокрушимымъ останется онъ, пока не скажется снова въ церкви живое вѣяніе духа.....

Нашъ авторъ раскрылъ передъ нами, въ цѣломъ рядѣ явленій общественныхъ, роковыя послѣдствія его подавленія... Наше чувство отдыхаетъ лишь на немногихъ

*) „Нѣтовщина“ отвергаетъ и таинства, и освященіе, и общую молитву... По ея убѣжденію, теперь нѣтъ ничего. *Примѣч. Мельникова.*

образахъ, въ которыхъ не замеръ еще духъ жизни, истинный духъ любви и правды, потому что образы эти возникли на бытовой почвѣ *общины*, этого единственнаго убѣжища для дѣятельной вѣры, единственной охраны ея у насъ отъ окончательнаго заповсюду безсердечною буквою.

Какъ художникъ, нашъ авторъ далъ намъ такимъ образомъ почувствовать то, что далеко не ясно ему самому, какъ мыслителю. По крайней мѣрѣ, тѣ слова осужденія, съ какими относится онъ къ одному изъ видовъ общины — поземельной общинѣ — свидѣтельствуютъ о такомъ разладѣ между двумя стихіями его духа.

А. Н. Островскій.

А. Н. ОСТРОВСКІЙ *).

Послѣ цѣлаго ряда представителей нравоописательной повѣсти и романа, появившихся у насъ вслѣдъ за Гоголемъ, обращаемся къ тому изъ нашихъ писателей, кто является прямымъ преемникомъ Гоголевской славы на поприщѣ драматическомъ. Кромѣ небольшихъ очерковъ изъ «Замоскворѣцкой жизни», относящихся къ самой ранней порѣ его дѣятельности, А. Н. Островскій, какъ всѣмъ извѣстно, является плодовитымъ авторомъ исключительно драматическихъ произведеній всякаго рода—отъ большихъ комедій и отдѣльныхъ нравоописательныхъ сценъ до историческихъ драмъ и трагедій. Тѣ и другія, не сходя съ нашей сцены, при разныхъ степеняхъ относительнаго достоинства, привлекаютъ и, конечно, долго еще, а многія и всегда, будутъ привлекать къ себѣ вниманіе публики. Нѣкоторыя изъ комедій Островскаго навсегда останутся въ исторіи Русской литературы наряду съ знаменитыми комедіями Фонъ-Визина, Грибоѣдова и Гоголя, а его историческія драмы, при всѣхъ своихъ именно драматическихъ недостаткахъ, все же будутъ занимать первое мѣсто послѣ Пушкинскаго «Бориса Годунова».

*) Воспроизведено на основаніи лекцій, читанныхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ первой половинѣ 1887 г.

Если на встрѣчу Пушкину и Гоголю судьба послала такого критика, какъ Бѣлинскій, то первыя драматическія произведенія Островскаго вызвали у насъ блистательныя критическія статьи Добролюбова и Ап. Григорьева. Читавшимъ «Темное царство»—а кто не читалъ этого наиболѣе выдержаннаго изъ Добролюбовскихъ этюдовъ?—хорошо знакома и заключающаяся въ немъ оцѣнка различныхъ и часто столь между собою противоположныхъ отзывовъ объ Островскомъ предшествовавшихъ Добролюбову критиковъ, къ которымъ принадлежалъ по первымъ своимъ статьямъ и Григорьевъ. Нельзя, мнѣ кажется, не согласиться съ Добролюбовымъ, что, усматривая у Островскаго какое-то «новое слово», Ап. Григорьевъ не довольно точно опредѣлилъ, въ чемъ же именно оно заключается? Нельзя не согласиться и съ Добролюбовскимъ объясненіемъ противоположныхъ отзывовъ нашей критики объ Островскомъ — тѣмъ, что одни хотѣли во что бы то ни стало видѣть въ немъ обличителя, другіе же—восторженнаго защитника положительныхъ сторонъ Русской жизни и становились къ нему придирчивыми по мѣрѣ того, какъ онъ уклонялся отъ требованій, предъявляемыхъ ему съ той или другой стороны. Самъ Добролюбовъ пытался отнестись къ Островскому съ точки зрѣнія *реальной* критики, не требуя отъ автора ничего, но только выясняя и формулируя то, что даетъ онъ самъ. Вполнѣ ли устоялъ Добролюбовъ на этой своей точкѣ зрѣнія, это другой вопросъ. Мы попытаемся, внимательно остановившись на его критикѣ, провѣрить ее на основаніи самыхъ произведеній Островскаго. При этомъ, быть можетъ, выяснится, чего не договорилъ Ап. Григорьевъ, и чего не разглядѣлъ въ его, нѣсколько, можетъ быть, туманныхъ статьяxъ Добролюбовъ. Перейдя затѣмъ къ произведеніямъ нашего драматурга, появившимся послѣ смерти обоихъ даровитыхъ критиковъ, мы не будемъ уже обращать особеннаго вниманія на всякіе о нихъ отзывы, подобно тому, какъ не находили мы нужнымъ касаться и всего того, что писано было въ разное время о нашихъ представителяхъ правоописательной повѣсти и романа.

I.

Драматическія сцены первой поры. — „Свои люди
— сочтемся“. — „Вѣдная невѣста“.

Еще при жизни Гоголя появились въ печати первыя сцены нашего автора и первая его большая комедія, сразу его такъ прославившая. Уже въ «Семейной картинѣ» (какъ озаглавлены первыя «сцены» Островскаго) мы имѣемъ дѣло съ средою, которой почти не касался Гоголь и которую по преимуществу себѣ отмежевалъ Островскій. Это, какъ извѣстно, среда купеческая, которую, однако же, какъ еще въ началѣ своей дѣятельности, такъ и потомъ, не разъ оставлялъ Островскій, чтобы переходить отъ нея къ той чиновничьей и барской, съ которою, по преимуществу, имѣлъ дѣло Гоголь. «Комедія Островскаго, замѣтилъ Добролюбовъ, не проникаетъ въ высшіе слои нашего общества, а ограничивается только средними и потому не можетъ дать ключа къ объясненію многихъ горькихъ явленій, въ ней изображаемыхъ. Но, тѣмъ не менѣе, она легко можетъ наводить на многія аналогическія соображенія, относящіяся и къ тому быту, котораго прямо не касается; это оттого, что типы комедій Островскаго нерѣдко заключаютъ въ себѣ не только исключительно купеческія или чиновничьи, но и общенародныя черты» *).

Такая же точно обобщающая сторона есть, конечно, и въ Гоголевской постановкѣ типовъ, какъ на то и указывалъ прямо самъ Гоголь. Мы думаемъ даже, что обобщеніе какъ Гоголевскихъ типовъ, такъ и типовъ Островскаго можетъ быть распространено и за предѣлы Русской народности. Многое въ нихъ отзывается изъянами человеческой природы и чедугами человѣческаго общества вообще. Мы проводили такую точку зрѣнія, разбирая Достоевскаго; думаемъ, что намъ придется подчасъ на нее становиться и при предстоящемъ разборѣ Островскаго.

*) Соч. Добролюбова, III, стр. 26.

Подъ названіемъ «Семейной Картины» Островскій уже намѣтилъ намъ въ общихъ чертахъ ту картину *отсутствія семьи*, которая дорисовывается имъ въ цѣломъ рядѣ его дальнѣйшихъ произведеній (Это отчасти напоминаетъ намъ Писемскаго). Да, семья тутъ отсутствуетъ, потому что настоящей ея основой можетъ служить только начало любви супружеской и взаимной любви между родителями и дѣтьми; тутъ же господствуетъ одинъ *страхъ*, не мѣшающій прибѣгать къ обманыванію того грознаго домовладыки, власть котораго въ его отсутствіе поддерживается его матерью, вышколенною въ свое время плеткою своего «покойника». Добролюбовъ справедливо называетъ руководящее начало такой семейной жизни *религіею лицемерства*. Жена Пузатова вмѣстѣ съ его сестрицей умудряются, при посредствѣ кухарки, переговариваться съ какими-то молодцами, которые зовутъ ихъ въ Останкино и просятъ захватить съ собою бутылку мадеры. Матрена Савишна такимъ образомъ вознаграждаетъ себя за свой, разумѣется, подневольный, на всей на родительской волѣ, бракъ съ Пузатовымъ, а сестрица сего послѣдняго спѣшить натѣшиться, прежде чѣмъ будетъ пристроена братцемъ по его единоличному попечительному усмотрѣнію. Такимъ пристроеніемъ ея, т.-е. выгоднымъ сбываньемъ сестрицы съ рукъ, и заканчивается Пузатовская «Семейная картина». Антипъ Антипычъ только что выбранилъ старика Ширялова, котораго когда-то и самъ обманулъ, за его хватающее черезъ край мошенничество, и тутъ-же, застигнутый его приходомъ въ самый разгаръ брани, сострадательно слушаетъ его рассказы о кутежѣ его сына Сеньки и просватываетъ за него самого свою Марью Антиповну,—конечно, и не спросясь у нея.

По поводу взаимнаго другъ друга обманыванья этихъ двухъ купцовъ, Добролюбовъ мѣтко замѣтилъ, что «обманъ тутъ—явленіе нормальное, необходимое, какъ убійство на войнѣ. Быть этого темнаго царства уже такъ сложился, что вѣчная вражда господствуетъ между его обитателями». Чтобы усмотрѣть тутъ возможность широкаго обобщенія,

вспомнимъ у Мельникова слова молодого купца Веденѣва относительно такъ называемой «правильной торговли». — «Вѣдь и тамъ», говоритъ онъ, гдѣ держатся уже издавна ея утонченныхъ способовъ, «весь торгъ на обманѣ стоитъ», — «тѣ же Смолокуровы да Орошины, только почище да поглаже» *). Но не подчищены ли только да не подглажены ли тамъ и другія стороны, свойственные нашему «Темному царству», начиная съ его патриархальной грозы родительской и приниженности въ немъ женщины?

Но Островскій рисуетъ намъ это царство въ нашемъ его натуральномъ, совсѣмъ уже не прикрашенномъ видѣ. Кисть его становится яркою, наводящею даже ужасъ, въ его большой комедіи, появившейся вслѣдъ за «Семейной картиной». Мѣстами комическое точно также тутъ переходитъ въ трагическое, какъ когда-то у Фонъ-Визина въ «Недорослѣ». Одинъ изъ мало извѣстныхъ критиковъ Островскаго замѣтилъ: «сфера средняя, купеческая, представленная въ комедіи Островскаго, въ наше время стала тѣмъ, чѣмъ была въ XVIII в. высшая общественная среда, сословіе дворянское, изображенное въ комедіи Фонъ-Визина» **). Только критикъ тутъ имѣлъ въ виду не «Недоросля», а «Бригадира». «Стремленіе автора комедіи: «Свои люди — сочтемся», продолжаетъ онъ, то же самое, что и у Фонъ-Визина, — касается оно только другого сословнаго круга—отвлечь и *освободить среднее Русское общество отъ предрисудковъ до-Петровской Руси* и точно также двумя путями: осмѣяніемъ тѣхъ, которые, при старыхъ предрасудкахъ, остаются въ отжившихъ мертвыхъ формахъ, и тѣхъ, которые переняли дурное иностранное изъ другихъ рукъ, или, лучше, у Русскихъ-Французовъ, и стараются походить на дворянъ наружно, съ виду, но не усвоили сущности, внутренняго образовательнаго начала».

*) См. выше стр. 108.

**) Кіевскія „Университетскія Извѣстія“ 1868 г., № 7 и 8. Двѣ Лекціи проф. Селіна о „Бригадирѣ“ Ф. Визина и комедіи Островскаго „Свои люди — сочтемся“.

Не приписывая Островскому этой дидактической цѣли, усмотрѣнной у него Кіевскимъ профессоромъ гораздо позже, и Добролюбовъ въ своемъ разборѣ комедіи Островскаго возлагалъ всю надежду на успѣхи образованія, выводя *самодурство* во всѣхъ его видахъ собственно изъ одного *невъжества*. Но такъ ли это? Не имѣетъ ли оно болѣе глубокихъ корней въ извращенныхъ сторонахъ человѣческой природы и можетъ ли одно образованіе служить отъ него такимъ всеильнымъ врачевствомъ, какъ это казалось даровитому критику?

Вѣдь «темное царство» той не купеческой, а барской среды, которую въ свое время выставлялъ Фонъ-Визинъ, стояло такую не сдающуюся твердыней передъ медленными, конечно, но все же несомнѣнными въ ней успѣхами образованія. Что же касается собственно помѣщичьяго самодурства, то тутъ всѣ такіе успѣхи, смѣемъ сказать, оставались прямо ни при чемъ, а самодурство это пошатнулось и затѣмъ повалилось только послѣ освобожденія крестьянъ, положившаго, между прочимъ, конецъ и воспитательно-развращающему дѣйствию крѣпостничества.

Но возвратимся къ тому самодурству, — по преимуществу купеческому, частію же еще и барскому, какое намъ рисуетъ Островскій. У него же въ одномъ изъ болѣе позднихъ произведеній находимъ мы и точное опредѣленіе самодурства. Оно заключается въ отзывѣ квартирной хозяйки учителя Иванова о Титѣ Титычѣ Брусковѣ. «Самодуръ, говоритъ она, это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ, ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужъ всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежать, а то бѣда». Еще точнѣе, можетъ быть, опредѣляется самодурство въ слѣдующемъ обмѣнѣ словъ между самимъ Титомъ Титычемъ и его благовѣрной супругой.

«Настасья! Смѣетъ меня кто обидѣть?»

— Никто, батюшка Китъ Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

«Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денег заплатил на своемъ вѣку».

Чѣмъ другимъ меня обижать, лучше я обижу, — такова практическая философія этихъ людей, всячески ими видоизмѣняемая. Такъ для героя комедіи «Свои люди сочтемся», Самсона Силыча Большова, она обращается въ правило: *«чѣмъ другимъ красть, лучше я украду»*. «Правило это, говоритъ Добролюбовъ, можетъ быть, не имѣетъ драматическаго интереса, — это ужь какъ тамъ угодно критикамъ; но оно имѣетъ чрезвычайно обширное приложеніе во всѣхъ сферахъ нашей жизни... Куда ни обернитесь, вездѣ вы встрѣтите людей, дѣйствующихъ по этому правилу: тотъ принимаетъ у себя негодяя, другой обираетъ богатаго простяка, третій сочиняетъ доносъ, четвертый соблазняетъ дѣвушку — все на основаніи того же милаго соображенія: *«не я, такъ другой»* (Соч. Добролюбова III, 48). Мы только что видѣли приложеніе такой философіи именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ у Мельникова — въ лицѣ Алексѣя Лохматаго.

Но иной разъ выходитъ и такъ: *сегодня я, завтра другой*, да еще такимъ манеромъ, что жертвою этого другого сдѣлаюсь именно я — по недосмотру, по недостатку осторожности или потому, что уже черезъ-чуръ зарвусь. Вотъ и придется тогда выводить для себя такую мораль: «не гонись за большимъ. будь доволенъ тѣмъ, что есть, а за большимъ погонишься, и послѣднее отнимутъ». Дальше подобной морали обыкновенно и не идутъ подобнаго рода люди; дальше ея рѣшительно не идетъ Самсонъ Силычъ Большовъ, комедія о которомъ написалась у Островскаго точно будто бы на пословицу: «нашла коса на камень». Еще вѣрнѣе къ ней примѣнить слова изъ «Братьевъ Карамазовыхъ»: «одна гадина съѣла другую гадину». Миръ Карамазовщины съ ея *безудержемъ* — напоминаетъ миръ самодурства съ его рукою владыкою. Вся жизнь въ этомъ послѣднемъ идетъ на то, чтобы, поваливъ самодура, самимъ занять его мѣсто, по замѣчанію Добролюбова. И вотъ — «Боль-

шовъ угодилъ въ яму, а вмѣсто него явился Подхалюзинъ,—и благоденствуетъ на тѣхъ же правахъ» (III, 66).

Большову въ одинъ прекрасный день забралась въ голову мысль, что не зачѣмъ платить кредиторамъ, или же, по крайней мѣрѣ, не зачѣмъ имъ платить полностью, стоитъ только прибѣгнуть къ тому, что называется «злостнымъ банкротствомъ». Известно, что комедія Островскаго первоначально и была озаглавлена: «банкротъ», а позднѣйшее свое названіе получила только ради тогдашняго цензурнаго опасенія, какъ бы не раздражить *русей* торговаго міра. Мысль о банкротствѣ является у Большова точно будто бы по какому-то внезапному наитію. «Островскаго, говоритъ Добролюбовъ, упрекали въ томъ, что онъ не довольно полно и ясно выразилъ въ своей комедіи, какимъ образомъ, вслѣдствіе какихъ особенныхъ вліяній, въ какой послѣдовательности и въ какомъ соотвѣтствіи съ общими чертами характера Большова явилось въ немъ намѣреніе объявить себя банкротомъ.... У Островскаго не только ничего этого не показано, но даже выставлено банкротство Большова просто, какъ прихоть, состоящая въ томъ, что ему не хочется платить денегъ». Добролюбовъ совершенно вѣрно защищалъ нашего писателя въ этомъ отношеніи. И въ самомъ дѣлѣ, на то вѣдь Большовъ и самодуръ, чтобы имѣть прихоти всякаго рода,—прихоти, рассчитанныя на то, что все ему сойдетъ съ рукъ. Самодурство и есть вѣдь не чтó иное, какъ именно «выраженіе самага грубаго и отвратительнаго эгоизма при совершенномъ отсутствіи какихъ-нибудь высшихъ нравственныхъ началъ... Слѣдуя внушеніямъ этого эгоизма, и Большовъ задумываетъ свое банкротство. И его эгоизмъ еще имѣетъ для себя извиненіе въ этомъ случаѣ: онъ не только видитъ, какъ другіе наживаются банкротствомъ, но и самъ потерпѣлъ нѣкоторое разстройство въ дѣлахъ именно отъ несостоятельности многихъ должниковъ своихъ». Съ своей точки зрѣнія Большовъ дѣйствительно можетъ находить себѣ въ этомъ извиненіе, но мы никакъ не можемъ согласиться съ критикомъ, будто онъ человѣкъ не только

«очень обыкновенный», но даже и «добродушный» *). Перебирая комедию вдоль и поперекъ, мы едва ли найдемъ въ немъ хотя бы и малѣйшіе признаки настоящаго *добродушія*. Скорѣе бы можно сказать: *наивности*—въ смыслѣ легкомысленнаго увлеченія своею затѣею, въ своемъ родѣ ребяческой вѣры въ свою, такъ сказать, звѣзду,—вѣры, соединяющейся съ крайнею довѣрчивостью къ человѣку, котораго дѣлаетъ онъ повѣреннымъ и участникомъ своей гадкой затѣи. Легкомысліе этого комическаго лица напоминаетъ, можно сказать, легкомысліе такого историческаго проходимца, какъ Григорій Отрепьевъ въ трагедіи Пушкина. Но легкомысліе—психологически совершенно возможное на самыхъ различныхъ поприщахъ—отнюдь не есть *добродушіе*. Добролюбовъ очевидно налегаль на отсутствіе въ Большовѣ чего либо исключительнаго, крупнаго, сколько нибудь идущаго въ ширь и глубь, — онъ хотѣлъ выставить заурядность Большова съ его преступленіемъ, какъ вполне понятнаго продукта своей среды. Но вѣдь не всѣ же и въ этой средѣ непременно доходятъ до того, до чего доходитъ Большовъ, вѣдь въ темномъ царствѣ самодуровъ есть даже личности, дѣйствительно *добродушныя*, заражающіяся отъ среды исключительно только теоріею, а на дѣлѣ сводящія ее, можно сказать, на *нѣтъ* (Таковъ, на примѣръ, Русаковъ въ «Не въ свои сани не садись»). Дѣло въ томъ, что во всякой средѣ очень многое зависитъ, вопреки критику, отъ «натуры человѣка», вѣрнѣе же сказать отъ того, насколько ему удастся не дать въ себѣ загасить то, что называется «искрою Божіею». Въ Большовѣ же мы именно и не ви-

*) Добролюбовъ приводилъ слова Большова про своихъ кредиторовъ: „не возьмутъ по двадцати пяти, такъ полтину возьмутъ... всетаки барышъ... А у меня дочь невѣста, хоть сейчасъ изъ полы въ полу, да со двора долой. Да самому-то, братецъ ты мой, отдохнуть пора: прохлажались бы мы, лежа на боку, и торговлю всю эту къ чорту“. И вотъ объ этихъ то словахъ онъ и говорилъ: „вы видите, что рѣшеніе Большова очень добродушно и вовсе не обнаруживаетъ сильной злодѣйской натуры: онъ хочетъ кое-что по силѣ возможности вытянуть изъ кредиторовъ, въ тѣхъ видахъ, что у него дочь невѣста да и самому покой нуженъ“ (49).

димъ рѣшительно ничего, хотя сколько нибудь о ней напоминающаго. Эта искра, казалось бы, вполне потухшая, часто вдругъ разгорается подъ вліяніемъ постигающей чело-вѣка бѣды *). Между тѣмъ, критикъ самъ же вполне справедливо замѣтилъ, что въ «послѣднемъ актѣ Большовъ нисколько не возвышается въ глазахъ читателя и нисколько не теряетъ своего комическаго характера». И тутъ опять-таки, по замѣчанію самого критика, онъ «ни мало не сознаетъ гадости своего поступка, онъ не мучится внутреннимъ стыдомъ; его терзаетъ только стыдъ внѣшній: кредиторы таскаютъ его по судамъ, и мальчишки на него показываютъ пальцами». Сама Иверская ни мало не возбуждаетъ въ немъ совѣсти, а развѣ его конфузятъ тѣмъ, что когда-то она видѣла его толтосумомъ, становящимъ пудовыя свѣчи, а теперь у него нѣтъ и гроша за душой. Только при упоминаніи Іуды, который «тоже Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ», что-то какъ будто пошевелинулось въ Большовѣ, но вѣдь и тутъ, обращаясь къ Подхалюзину, онъ скорѣе разумѣетъ его грѣхъ передъ собою, чѣмъ свой собственный грѣхъ передъ другими. Далѣе же — страхъ ссылки, да вымаливаніе себѣ Христа ради денегъ. Критикъ противопоставлялъ Большова, остающагося и въ трагическомъ своемъ положеніи вполне комическимъ, королю Лиру, обманутому старшими дочерьми, подобно тому, какъ Большовъ обмануть своимъ Лазаремъ Подхалюзинимъ. «Сила характера Лира, по замѣчанію критика, выражается не только въ проклятійхъ дочерямъ, но и въ признаніи своей вины передъ Корделіей, и въ сожалѣніи о своемъ крутомъ нравѣ, и въ раскаяніи, что онъ такъ мало думалъ о несчастныхъ бѣднякахъ, такъ мало любилъ истинную честность... Смотря на него, мы сначала чувствуемъ ненависть къ этому безпутному деспоту; но, слѣдя за развитіемъ драмы, все болѣе примираемся съ нимъ, какъ съ человекомъ, и оканчиваемъ тѣмъ, что исполняемъ негодованіемъ и жгучею

*) Какъ, на примѣръ, въ Поярковѣ у Мельникова.

злостью уже не къ нему, а за него и за цѣлый міръ — къ тому дикому нечеловѣческому положенію, которое можетъ доводить до такого безпутства даже людей, подобныхъ Лиру» (III, 53). Да, но между тѣмъ, какъ другіе самодуры въ его санѣ доходили до перерожденія человѣчьей природы въ *волчью* (стоитъ вспомнить—ну хоть Людовика XI), онъ, т. е. множество другихъ, типически въ немъ воспроизведенныхъ Шекспиромъ, все же сохранили въ себѣ свою человѣческую природу. Несомнѣнно сохраняютъ ее многіе и въ томъ «темномъ царствѣ», съ которымъ имѣетъ дѣло Островскій; другіе же, и прежде всѣхъ Большовъ, ея вовсе не сохраняютъ. Дѣло, стало быть, не въ одной средѣ.

Но не сохранилось ли нѣчто человѣческое въ избыткѣ у Большова довѣрія къ Подхалюзину? Другой критикъ комедіи, покойный проф. Селинъ, по поводу этого заговорилъ-было даже о какомъ-то самоотверженіи Большова. «Похищеніе чужого, рассуждалъ онъ, и въ то же время отреченіе не только отъ похищеннаго, но и отъ своего собственнаго. Человѣкъ въ одно и то же-время поступаетъ грабительски и самоотверженно! Признаемся, мы желали бы лучшей, болѣе прочной закладки въ художественномъ зданіи Островскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ беремъ и оправдывать автора». Вслѣдъ затѣмъ критикъ спрашиваетъ: «на кого же Большовъ записалъ бы имущество, готовясь объявить себя несостоятельнымъ должникомъ? Не естественнѣе ли всего ввѣриться Лазарю, облагодѣтельствованному имъ съ дѣтства! Увѣренность свою Большовъ думалъ несокрушимо утвердить родственнымъ союзомъ; а что онъ положился на совѣсть и на благодарность прикащика, имъ обогащеннаго и возвеличеннаго до зятя, такъ это не только возможно, но и говоритъ весьма сильно въ пользу Большова, не совсѣмъ еще испорченнаго нравственно». Далѣе критику пришлось, однако, замѣтить, что Большовъ «человѣкъ съ неимовѣрно упорнымъ характеромъ, а Подхалюзинъ глубоко изучилъ его, и съ этой стороны знаетъ его вдоль и поперекъ: «у нихъ такое заведеніе, коли имъ что попало въ голову, ужь ничѣмъ не выбьешь оттедова».

Вотъ въ этомъ-то все и дѣло. Забралъ себѣ въ голову Большовъ, что на Подхалюзина, обязаннаго ему всѣмъ, можно положиться, и этого ужь ничѣмъ у него изъ головы не выбьешь. А вѣдь эта, забранная имъ себѣ въ голову, мысль сводится на то, что не пойдетъ же, не посмѣетъ же тварь пойти противъ своего творца. Въ этомъ только избытокъ властнаго самомнѣнія, только претензія на какую-то монополію личной неприкосновенности, на то, чтобы, при безнаказанности обманыванія другихъ, самая мысль о чемъ либо подобномъ относительно его самого представлялась какимъ-то оскорбленіемъ величества (*crimen laesae majestatis*),—тутъ только подобное извращеніе понятій, а никакъ не проблескъ нравственнаго чувства!

Довѣріемъ, настоящимъ довѣріемъ къ людямъ, довѣріемъ, опирающимся на вѣру въ человѣка вообще, отличаются только такіе увѣренные въ самихъ себѣ, въ своихъ нравственныхъ качествахъ, какъ Потапъ Максимычъ Чапуринъ. Самъ Подхалюзинъ вовсе и не рассчитываетъ на довѣріе со стороны Большова. Онъ просто ловитъ его на удочку того же, искусно разбереживаемаго самодурства. «Не употребляя долгихъ исканій, замѣчаетъ Добролюбовъ, и не дѣлая особенно злостныхъ плановъ, онъ только подбиваетъ сваху отговорить прежняго жениха Липочки изъ благородныхъ, а самъ поддѣлывается къ Большову раболѣпнымъ тономъ и выраженіемъ своего участія къ нему». — «Потрафъ я по нихъ, говоритъ Подхалюзинъ, или такъ взойди имъ въ голову—завтра же подъ вѣнецъ, и баста, и разговаривать не смѣй». И Подхалюзинъ не ошибается въ расчетѣ. «Мое дѣтище, говоритъ Большовъ, хочу,—съ кашей ѣмъ, хочу—масло пахтаю.» «Оттого и выдача ея противъ воли замужъ за Подхалюзина представляется ему не болѣе какъ занимательнымъ опытомъ». «А вотъ ты заходи-ко ужь къ невѣстѣ,—говоритъ онъ Лазарю, *мы надъ ними шутку подиутимъ*». Шутка эта и состоитъ въ томъ, что онъ внезапно объявляетъ женѣ и дочери, что Лазарь женихъ Липочки. При этомъ, конечно, есть еще и расчетъ—повѣрнѣе закрѣпить за собою Лазаря.

Разбереживаньемъ самодурства въ Большовѣ приходится, конечно, признать и слѣдующія слова Подхалюзина: «а ужъ по мнѣ, Самсонъ Силычъ, коли платить по двадцати-пяти, такъ пристойнѣе и совсѣмъ не платить». И Большовъ очень легко поддается и на эту удочку. «А что, говоритъ онъ, вѣдь и то правда, *храбростью-то никого не удивить*, а лучше тихимъ-то манеромъ дѣльце обдѣлать. Тамъ послѣ суди Владыка на второмъ пришествіи».

Разохотивъ и подзадоривъ своего принципала и тѣмъ самымъ обрекая его себѣ на съѣденіе, Подхалюзинъ, по видимому, далеко отъ того, чтобы нагло призывать на себя Божій судъ въ отдаленномъ будущемъ. Онъ, напротивъ, думаетъ успокоить свою совѣсть такими соображеніями: «противъ хорошаго человѣка у всякаго есть совѣсть, а коли онъ самъ другихъ обманываетъ, такъ какая же тутъ совѣсть! Самсонъ Силычъ купецъ богатѣйшій и теперича все это дѣло, можно сказать, такъ, для препровожденія времени затѣялъ. А я человѣкъ бѣдный! Если и попользуюсь въ этомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь лишнимъ, такъ и грѣха нѣтъ никакого; потому онъ самъ несправедливо поступаетъ, противъ закона идетъ. А мнѣ что его жалѣть? Вышла линія—ну и не плошай! Онъ свою политику ведетъ, а ты свою статью гони. Еще то ли бы я съ нимъ сдѣлалъ, да не приходится».

Въ этомъ, конечно, сильнѣйшая улика Большову въ несостоятельности его претензіи на неприкосновенность его, яко бы священнаго для его креатуры, лица. Самъ попираешь ногами законъ, даешь полнѣйшую волю своей рукѣ владыкѣ,—ну такъ не сѣтуй, если, не ровень часъ, тобою же незаконно направляемая въ подневольномъ тебѣ направленіи, чьянибудь чужая рука возьметъ да и поднимется наконецъ на тебя самого!

Но если Подхалюзинъ «сбить, по выраженію Добролюбова, съ толку военнымъ положеніемъ всего темнаго царства», то слѣдуетъ ли однако же утверждать, что онъ «совѣсть имѣетъ, только понимаетъ ее по своему:» «Прямой неправды онъ не любитъ, утверждаетъ критикъ: свахѣ

онъ обѣщаль двѣ тысячи и даетъ ей сто цѣлковыхъ, упираясь на то, что ей не за что давать болѣе. Рисположенскому онъ отдаетъ деньги по мелочи, и только уже передавши ему нѣсколько сотъ, отказывается отъ дальнѣйшей уплаты, находя, что ему пора уже и честь знать. За самого Большова онъ не вовсе отказывается платить кредиторамъ, но только рассчитываетъ, что 25 копѣекъ много... «Знались больно, говорить онъ, а не хотятъ ли восемь копѣекъ въ пять лѣтъ». Проникнутый этими мыслями, онъ радушно угощаетъ тестя, вмѣстѣ съ нимъ ругаетъ кредиторовъ, выражаетъ надежду, что «какъ-нибудь отдѣлаемся» ибо «Богъ милостивъ»; но заплатить требуемое кредиторами отказывается, потому что они «просятъ цѣну совѣмъ несообразную». Съ своей точки зрѣнія онъ поступаетъ ничуть не безчестно и не жестоко, а только благоразумно и твердо. Онъ даже выказываетъ значительную степень великодушія, соглашаясь платить за Большова 15 копѣекъ вмѣсто 10 и рѣшаясь даже самъ ѣхать къ кредиторамъ, чтобы ихъ упрашивать. Видно, что онъ не лишенъ даже чувства состраданія и нѣкоторой совѣстливости; но ему все хочется отжилить поболѣе и онъ надѣется, что авось уладить дѣло повыгоднѣе. Здѣсь-то всего болѣе и выказывается въ Подхалюзинѣ мелкій плуть, образовавшійся прямо вслѣдствіе деспотическаго гнета, тяготѣвшаго надъ нимъ съ малолѣтства.... Такимъ образомъ, заключаетъ Добролюбовъ, и Подхалюзинъ не представляетъ собою изверга.... Всего гаже онъ въ той сценѣ, гдѣ онъ плачетъ передъ Большовымъ, увѣряя его въ своей привязанности, и пр.» «Но тутъ онъ подмазывается къ Самсону Силычу не столько изъ корысти, сколько для того, чтобы выманить у старика обѣщанье выдать за него Липочку, которую, надо замѣтить, Подхалюзинъ любить сильно и искренно... Онъ это ясно доказываетъ своимъ обращеніемъ съ ней въ 4-мъ актѣ, т.-е. когда она уже сдѣлалась его женою». Признаемся, если мы никакъ не можемъ признать въ Большовѣ хоть какого-нибудь добродушія, то еще менѣе въ состояніи разглядѣть, въ чемъ заключается эта *сильная* и

искренняя любовь Подхалюзина. Неужели въ томъ, что онъ красуется передъ женой въ своемъ новенькомъ сюртучкѣ Европейскаго фасона и собирается, для ея же удовольствія, танцовать польку? Или въ томъ, что когда она на его требованіе сказать что нибудь по-французски, говоритъ ему: «комъ ву зеть жоли», переводя: «какъ вы милы»,—то онъ вскакиваетъ со стула и говоритъ: «вотъ она у насъ жена-то какая! Ай да Алимпіада Самсоновна! уважили! пожалуйте ручку!» Или, можетъ быть, въ томъ, что онъ обсчитываетъ ту, которая сосватала ему такую кралю?

Вся бѣда оттого, что даровитовому критику хотѣлось во что бы ни стало вызвать своего рода сожалѣніе не только къ Большову, но и къ Подхалюзину—какъ къ людямъ не по натурѣ своей никуда негоднымъ, а нравственно заѣденнымъ своею средой. Но вѣдь и тутъ опять можно замѣтить, что если въ этой средѣ не всѣ же однако становятся Большовыми, то не всѣ же, съ другой стороны, оказываются и Подхалюзинными. Есть же, стало быть, известная возможность нравственнаго устоя во всякой средѣ. Но критикъ доходилъ до того, что принималъ подъ свою защиту даже Олимпіаду Самсоновну. «Нечего распространяться о томъ, говорилъ онъ, что общему впечатлѣнію пьесы ни мало не вредить и Липочка, при всей своей нравственной уродливости. Находятъ, что ея обращеніе съ матерью и потомъ сцена съ отцомъ въ послѣднемъ актѣ переходятъ предѣлы комическаго, какъ слишкомъ омерзительныя. Намъ вовсе этого не кажется, потому что мы не можемъ признать святости кровныхъ отношеній въ такомъ семействѣ, какъ у Большова» (III, 62—64).

«На Липочкѣ тоже видна печать домашняго деспотизма: только при немъ образуются эти чорствыя, бездушныя натуры, эти холодныя, отталкивающія отношенія къ роднымъ; только при немъ возможно такое совершенное отсутствіе всякаго нравственнаго смысла, какое замѣчается у Липочки. А за исключеніемъ того, что осталось въ Липочкѣ, какъ слѣдъ давившаго ее деспотизма, она ничуть

не хуже большей части наших барышень, не только въ купеческомъ, но даже и въ дворянскомъ сословіи». Критикъ доводитъ свое снисхожденіе къ Липочкѣ до того, что, приводя ея монологъ о преимуществѣ военныхъ передъ штатскими, замѣчаетъ: «какъ-же можно барышень, произносящихъ подобныя монологи, серьезно обвинять за что нибудь? Не ясно ли, что Липочка все, что ни сдѣлаетъ, сдѣлаетъ по совершенной неразвитости нравственной и умственной, а никакъ не по злонамѣренности или природному звѣрству? Чѣмъ же возмущаться въ личности этой несчастной?» (III, 64). Но вѣдь и тутъ опять можно отвѣтить вопросомъ: да развѣ всѣ дочери въ этой же самой средѣ, у такихъ же точно отцовъ, оказываются непремѣнно Липочками? Отвѣтомъ послужать намъ впереди многіе женскіе типы того же Островскаго. Но критикъ именно относительно ихъ-то и произносить совѣтъ уже не снисходительный, а очень суровый судъ. «Авдотья Максимовна, говоритъ онъ, Любовь Торцова, Даша, Надя — все это безвинныя, безотвѣтныя жертвы самодурства, и то сглаженіе, *отмъненіе* человѣческой личности, какое въ нихъ произведено жизнью, едва ли не безотраднѣе дѣйствуетъ на душу, нежели самое искаженіе человѣческой природы въ плутахъ, подобныхъ Подхалюзину?» (71). Но, если такъ, то пришлось бы, пожалуй, предпочесть другимъ и Липочку. Апол. Григорьевъ не даромъ же и замѣтилъ про критика «Темнаго царства», что онъ «почти что стоитъ на сторонѣ Липочки; по крайней-мѣрѣ она у него включена въ число протестантокъ и протестантовъ въ быту, обуреваемомъ и подавляемомъ самодурствомъ. Спрашиваю васъ, продолжалъ Григорьевъ, какъ масса отнесется къ *протестанткѣ* Липочкѣ?... Пойметъ ли она Липочку какъ *протестантку*?»! (Соч. I 454) Конечно, нѣтъ, смѣло отвѣтимъ мы. Масса скорѣе посмотритъ на нее, какъ на самовольнаго палача, совершающаго, заодно съ Подхалюзинимъ, казнь надъ роднымъ отцомъ. Неужели, однако, роль палача — менѣе унижаетъ человѣческое достоинство, чѣмъ кроткая роль безотвѣтной жертвы? Мы, съ своей стороны, пола-

гаемъ, что совершать насиліе несравненно позорнѣе, чѣмъ быть его жертвою. «Тамъ, продолжаетъ критикъ, т.-е. среди Подхалюзиныхъ (а, стало быть, и Липочекъ?) еще кое-гдѣ пробивается жизнь, самобытность, мерцаетъ минутами лучъ какой-то надежды». Но неужели же Подхалюзины съ Липочками—это, въ самомъ дѣлѣ, какіе-то первые «свѣтлые лучи въ темномъ царствѣ»?

Сама Липочка считаетъ себя своего рода лучомъ, потому что воображаетъ себя «образованною». «Она, говоритъ критикъ, мало обращаетъ вниманія на мать и въ распряхъ съ ней всегда остается побѣдительницей: начнетъ ее попрекать, что она не такъ воспитана, да расплачется, мать-то и струситъ и примется сама ублажать обиженную дочку». Критикъ, однакоже, признавая «наклонность къ самому грубому и возмутительному деспотизму» въ Липочкѣ, ради нѣсколькихъ грубо-сердитыхъ словъ, вырвавшихся у загнанной даже и ею матери, довольно-таки сурово отзывается о послѣдней (59). Къ Липочкѣ онъ положительно снисходительнѣе, чѣмъ къ Аграфенѣ Кондратьевнѣ, въ сущности только мнимо раздѣляющей со своимъ мужемъ неограниченную власть надъ дочкой.

Другой критикъ, профессоръ Селинъ, сопоставляя Липочку съ сыномъ Фонъ-Визинскаго бригадира, напротивъ того безпощадно относился къ первой. «Иванушка, говорилъ онъ, смѣшонъ, жалокъ и только возбуждаетъ презрѣніе; Липочка кромѣ всего этого отвратительна и глубоко возмущаетъ нравственное чувство». Зато тотъ же критикъ положительно признавалъ сочувственныя черты въ Аграфенѣ Кондратьевнѣ. «За дочь не смолчить она, замѣтилъ онъ, и подчасъ возвыситъ голосъ передъ мужемъ... Когда же преступникъ Большовъ, несчастный отецъ, сидитъ между двухъ коршуновъ, между зятемъ и дочерью, тогда эта ограниченная женщина дѣйствуетъ на васъ, какъ теплое дыханіе любви въ ледяной атмосферѣ эгоизма. Безсердечіе дочери, возмутительная неблагодарность зятя въ этой кроткой душѣ подняли страшную бурю.За кровную обиду мужа, безжалостно наносимую неблагодарными

дѣтьми, она снимаетъ материнское благословеніе съ зятя, и дочь, свою кровь, готова проклясть на всѣхъ соборахъ... Самая простая, обыденная женщина внезапно передъ вами преобразуется горемъ, какъ ударомъ молніи. и васъ уже невольно поражаетъ величавый образъ матери, одушевленной праведнымъ гнѣвомъ»... *) Думаемъ, что эти строки, схороненныя въ очень мало извѣстномъ изданіи, вполне заслуживаютъ вниманія.

Собственно «образованія» Липочки (этого, ближайшаго къ намъ по времени, Иванушки въ юбкѣ) Добролюбовъ, конечно, цѣнить и не думалъ. Но не слишкомъ ли ужъ высоко цѣнилъ онъ настоящую образованность вообще, т. е. ея будущее спасительное вліяніе на «темное царство»? «Самодурство и образованіе, говорилъ онъ — вещи, сами по себѣ противоположныя, и потому столкновеніе между ними, очевидно, должно кончиться подчиненіемъ одного другому: или самодуръ проникнется началами образованности, и тогда перестанетъ быть самодуромъ, или онъ образованіе сдѣлаетъ слугою своей прихоти, при чемъ, разумѣется, останется прежнимъ невѣждою» (91). Говорится это по отношенію къ Гордѣю Карпычу (ком. «Бѣдность не порокъ»), образованіе котораго равносильно образованію Липочки. Но вспомните кое-какія страницы Милля «о подчиненіи женщины». Онѣ вѣдь относятся главнымъ образомъ къ нравамъ Англійскаго образованнаго общества, а Русскій переводчикъ справедливо воспользовался тутъ словомъ «самодурство». Не случалось-ли, наконецъ, и многимъ изъ насъ видѣть своими глазами прямыхъ самодуровъ даже и среди ученаго люда? Гордѣй Карпычъ и Титъ Титычъ основываютъ свои права на своихъ деньгахъ, а иной образованный самодуръ — не на чемъ другомъ, какъ именно на этомъ-то своемъ образованіи. Посмотрите, какъ все вокругъ него ходитъ на ципочкахъ, еле переводя духъ, пока онъ священнодѣйствуетъ въ своемъ кабинетѣ. Посмотрите, какимъ свирѣпымъ выбѣгаетъ онъ подчасъ оттуда,

*) Кіевскія университетскія извѣстія 1868 г. Августъ, стр. 11.

чтобы выместить на комъ нѣбудь изъ семьи то разстройство нервовъ, которое вѣдь и у образованныхъ людей часто происходитъ не столько отъ усиленной работы, сколько отъ шибкой жизни. Посмотрите, какъ какая нибудь старушка-мать выбивается изъ силъ, чтобы собственными руками приготовить ему какое-нибудь любимое его кушанье, — а онъ за обѣдомъ фыркаетъ или даже тарелку швыряетъ. Не встрѣчали вы, чтò ли, такихъ, читатель?

Нѣтъ, и образование еще не есть радикальное средство отъ самодурства. Чтобы совладать съ нимъ въ себѣ мало еще ума, и даже ума просвѣщеннаго; тутъ нужно еще и усилие воли, направляемой чуткостью сердца. Такое же усилие любящей воли нужно и для борьбы съ самодурствомъ въ другихъ. Борьба эта, конечно, не легкая, но для успѣха въ ней нужны лишь дружныя усилія многихъ, хотя бы и весьма обыкновенныхъ, только добрыхъ людей, а вовсе не нужно непременно имѣть, какъ представлялось Добролюбову, «геніально свѣтлую голову, младенчески непорочное сердце и титанически могучую волю». Нѣтъ, можно обойтись и безъ такихъ исключительныхъ свойствъ духовныхъ, «чтобы имѣть рѣшимость выступить на практическую, дѣйствительную борьбу съ окружающею средою» (69). Мы полагаемъ, что крайнее преувеличеніе трудностей борьбы, долго у насъ проповѣдывавшееся, только поддерживало въ насъ ту Обломовщину, на которую справедливо нападалъ тотъ же критикъ. «Конечно, говорилъ онъ, и люди съ *твердыми* нравственными принципами, съ *честными* и *святыми* убѣжденіями тоже есть въ этомъ (т.-е. «темномъ») царствѣ; но, къ сожалѣнію, это все люди Обломовскаго типа. Они и убѣжденія-то свои пріобрѣли не въ практической дѣятельности, не въ борьбѣ съ житейской неправдой, а въ чтеніи хорошихъ книжекъ»... (44) Да, и они тѣмъ рѣшительнѣе будутъ оставаться Обломовыми, чѣмъ болѣе въ этихъ хорошихъ книжкахъ будетъ говориться о трудности борьбы, о заѣдающемъ значеніи среды и о полнѣйшей невмѣняемости заѣ-

даемыхъ... Эти, конечно, умныя книжки, очень вѣрно опредѣлили поэтъ, говоря, что

....укажутъ онѣ

Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадутъ онѣ силъ на благое,
Но не научатъ любить глубоко.....
Дѣло вѣковъ поправлять не легко! *)

Чтобы поправить его, мало образованія, мало и самыхъ даже рѣшительныхъ и гуманныхъ законодательныхъ мѣръ, мало коренныхъ преобразованій въ учрежденіяхъ; тутъ, при всемъ остальномъ, особенно нужна упорная нравственная борьба, нужна вѣра въ возможность не поддаваться средѣ, сознание своей отвѣтственности не только за собственную причастность ея мерзостямъ, но даже и просто за опускающіяся передъ нею руки. А какая тутъ нравственная борьба, когда съ глумленіемъ встрѣчается голосъ о верховномъ значеніи въ жизни «нравственной стихіи»?

Начитавшись хорошихъ книжекъ, мы цитовали изъ нихъ на память всякія хорошія слова о свободѣ, о прогрессѣ, гуманности и т. п., подобно тому какъ наши предки цитовали на память всякіе тексты изъ св. писанія. Мы говорили такъ смѣло о хорошихъ вещахъ, мы даже «горячились о добрѣ», — пока это было въ ходу, пока тутъ не только не представлялось особенныхъ неудобствъ, но этимъ путемъ иногда даже удавалось выходить въ люди; но подулъ иной вѣтеръ, и мы, не запасшись настоящею силою устоя, силою нравственной, замолчали или даже дали въ себѣ совершиться настоящему оборотничеству, развѣ только не позволяя себѣ теперь глумиться надъ тѣми, которые, подъ своимъ старымъ знаменемъ, подъ охраняющимъ отъ малѣйшихъ сдѣлокъ, знаменемъ «нравственной стихіи», едва ли не одни въ настоящее время не намѣрены ломать шалку передъ измѣнившимися обстоятельствами.

Глубокое значеніе первой большой комедіи Островскаго,

*) Некрасовъ въ „Сашѣ“.

съ такимъ несомнѣннымъ дарованіемъ разобранное Добролюбовымъ, заставило насъ подробно остановиться на его критикѣ, имѣвшей у насъ такое рѣшительное значеніе, представивъ провѣрку ея, а равно и заключающагося въ ней вопроса о «самодурствѣ», самую комедію Островскаго. Слѣдующія затѣмъ по времени сцены нашего комика: «Утро молодого человѣка» (1850 г.) и «Неожиданный случай» (1851 г.) не были разобраны знаменитымъ критикомъ, конечно, по той понятной причинѣ, что онѣ остаются со-всѣмъ въ сторонѣ отъ краеугольнаго для него самодурства. «Утро молодого человѣка» — своего рода *pendant* къ Гоголевскому «Утру дѣловаго человѣка». Если у Гоголя мы тутъ встрѣчаемся съ тѣмъ, что можно назвать дѣловымъ бездѣльемъ служилыхъ баръ, то Островскій рисуетъ намъ играющее въ цивилизацію и какъ будто бы даже литературничающее бездѣлье богатыхъ купчиковъ, прожигающихъ свое состояніе на модномъ комфортѣ, на угощеніи всяческихъ ами-кошоновъ, которыхъ они, соотвѣтственно такой кличкѣ, держать такъ, чтобы свинка отнюдь не вздумала взять да и положить у нихъ ноги на столъ (вспомнимъ, какъ Недопекинъ поддразниваетъ Лисовскаго, что не дастъ ему хорошаго вина, такъ какъ онъ такого «и съ роду не пиваль»). Представитель не модничашаго, не прогрессивнаго, а стараго консервативнаго купечества, дядя Недопекина, Смуровъ, является тутъ далеко не въ качествѣ самодура, а въ качествѣ представителя здраваго смысла и дѣльности. «Какъ же ему не быть образованнымъ, говоритъ онъ про своего племянника, изъ трактировъ не выходитъ, по роцамъ шампанское пьетъ». Обращаясь за тѣмъ къ важничающему передъ нимъ, сиволапымъ купцомъ, лакею Ивану, онъ рисуетъ намъ въ заключеніе близкую развязку Недопекинскаго житья такими характерными словами: «Ты скажи ему, чтобъ онъ нынче же къ матери пріѣхалъ, что дяденька, молъ, нарочно заѣзжалъ. Да ты скажи ему, что я самъ старухѣ-то скажу, чтобы она довѣренность-то уничтожила, да въ газетахъ публикуемъ, что долговъ за него не платимъ, тогда и

живи, какъ онъ хочетъ; ужь я ему ни слова не скажу. Мы ему хвостъ-то прижмемъ».

Сцены: «Неожиданный Случай», появившіяся въ Щепкинскомъ альманахѣ «Комета», не были включены въ «Полное собраніе сочиненій Островскаго», потому, можетъ быть, что критика, по свидѣтельству Ап. Григорьева, встрѣтила это небольшое произведеніе насмѣшками и пародіями за безцвѣтность, по ея мнѣнію, выведенныхъ характеровъ, за слабость пружинъ, двигающихъ ихъ отношенія между собою». По мнѣнію Григорьева, «въ переводѣ на прямой языкъ», критика «осердилась на то, что отношенія, сами по себѣ легкія, поэтъ очеркнулъ легко, характеры безосновные очертилъ въ ихъ безосновности — не выдумалъ гиперболическаго узла, не отнесся съ ядовитою насмѣшкою къ такимъ беззлобнымъ и невиннымъ существамъ, какъ Розовый и Дружининъ» *). Оба эти существа, какъ и третье дѣйствующее лицо—Софья Антоновна принадлежатъ такъ называемому свѣтскому кругу. Сцены эти не лишены своего рода психологическаго значенія. Это опять нѣчто въ родѣ маленькаго *pendant* (съ внутренней стороны) къ одному изъ Гоголевскихъ произведеній — къ «Женитьбѣ». Тамъ черезъ-чуръ рѣшительному пріятелю хочется, во что бы то ни стало, женить своего черезъ-чуръ нерѣшительнаго пріятеля, а тому удастся самымъ простымъ, но вмѣстѣ и оригинальнымъ, способомъ ускользнуть изъ его рукъ. Здѣсь пріятелю болѣе осмотрительному и сдержанному хотѣлось бы, напротивъ того, удержать отъ женитьбы такого пріятеля, которому, по его словамъ, «всѣ дѣроги; стулъ наряди въ женское платье, онъ и тутъ растаять готовъ». Выходить, однако же, такъ, что попечительный другъ, по слабодушію своему, сдается передъ простою неловкостью своего положенія у Софьи Антоновны (которой моментально становящейся женихомъ подлипала Розовый такъ-таки все и выдаетъ), а затѣмъ даже ѣдетъ, по ея порученію, за зеркаломъ и самъ же напрашивается въ шаферѣ къ

*) Сочиненія Ап. Григорьева, т. 1, стр. 116.

Розовому. Изъ нашего очерка содержанія этихъ сценъ, кажется, ясно, что и тутъ самодурство опять ни при чемъ.

Въ настоящемъ смыслѣ слова, мы не находимъ его и во второй большой комедіи Островскаго — «Бѣдной невѣстѣ» (1852), хотя Добролюбовъ и старался ее подвести подъ то же свое основное опредѣленіе. Ап. Григорьевъ былъ другого мнѣнія. «Воздухъ самодурства, по словамъ Добролюбова, повѣялъ и на мать Марьи Андреевны (бѣдной невѣсты), и она безъ пути, безъ разума распоряжается судьбою дочери, бранить, попрекаетъ ее, напоминаетъ ей долгъ послушанія матери и не выказываетъ никакихъ признаковъ того, что такое человѣческое чувство и живая личность человѣка. Все это—прямые и несомнѣнные признаки самодурной закалки, доказывающіе только, какъ она легко пристаётъ даже къ самымъ неспособнымъ. Для самодурства, какъ видно, нѣтъ ни пола, ни возраста, ни званія»... «Ея отношенія къ дочери глубоко безнравственны, продолжаетъ Добролюбовъ описывать Анну Петровну; она каждую минуту пилитъ Машеньку и доводитъ ее до страшнаго нервическаго раздраженія, до истерики, своими непрерывными жалобами и попреками: «я тебя растила, я тебя холила, а ты вотъ чѣмъ платишь!... Вѣдь у насъ ничего нѣтъ: куда я на старости дѣнусь, — въ кухарки мнѣ, что ли, идти?... Какова же эта мать, имѣющая до такой степени барышническій взглядъ на дочь!... Такая личность и такія отношенія должны возмущать душу»... «Но Анна Петровна, сознается критикъ, обезоруживаетъ насъ своимъ необычайнымъ добродушіемъ и недалостью» (Да, и ея добродушіе—не то, что «добродушіе» Большова!) Апполону Григорьеву незачѣмъ было и обезоруживать себя относительно Анны Петровны; онъ прямо утверждалъ, что вы «ни разу не негодуете на Анну Петровну—даже тогда, когда она попрекаетъ дочь въ неблагодарности, когда она настоятельно требуетъ, чтобы та шла замужъ за Беневоленскаго; жаль вамъ Марью Андреевну, да что же и старухѣ-то дѣлать? Женщина она слабая, сырая; кромѣ того, что ей втемяшилась въ голову *idea fixa*: какъ это

безъ мужчины въ домѣ?—и домъ-то еще у нея оттягиваютъ. Недалека она, это точно, что недалеко, да вѣдь она любитъ свою Машеньку; вѣдь въ концѣ она сама чувствуетъ, что чтѣ-то неладно: «Признаться сказать, скоренько дѣло-то сдѣлали; кто его знаетъ, въ него не влѣзешь» *). Однимъ словомъ, нѣтъ возможности сердиться читателю на бѣдную старуху, когда ни авторъ, ни сама Марья Андреевна на нее не сердятся **). Дѣйствительно, дочь даже сама говоритъ про нее: «мнѣ всегда тяжело, когда она сердится».—«Мнѣ кажется, что я буду счастлива», успокаиваетъ она мать.

Вся причина того, что одинъ критикъ возмущался Анной Петровной, а другой даже вовсе на нее не сердился—очевидно, въ томъ, что одному представлялось и въ ней ненавистное ему самодурство, другой же и вовсе его тутъ не видѣлъ.

Къ другу дома Анны Петровны, Платону Марковичу Добротворскому, и Добролюбовъ почему-то отнесся довольно снисходительно, называя его даже «добрымъ старичкомъ» (стр. 140). Чтѣ же касается Аполлона Григорьева, то онъ подробно разобралъ его типъ, говоря: «это ничего, что онъ поцѣлуетъ въ рукавъ Максима Дороеича Беневоленскаго; — это ничего, что онъ добродушно замѣтитъ, говоря о лошаdkѣ Максима Дороеича: «ахъ, проказникъ вы, проказникъ, Максимъ Дороеичъ! Да вѣдь чай, не купленная»—абсолютныхъ понятій о честности вы отъ него и не требуйте; — но вѣдь онъ трогательно привязанъ къ семьѣ своего благодѣтеля, онъ бѣгаетъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, отыскивая жениха Машѣ, онъ скажетъ ей отъ души по своему разумѣнiю доброе слово («Свистуны вѣдь они, матушка, никакой основательности нѣтъ. Не вѣрьте вы имъ. Нынче любятъ, а завтра разлюбятъ»). Онъ прежде всего заботится о тишинѣ и о мирѣ, но между тѣмъ, когда дѣло идетъ объ участи Маши, ко-

*) Т.-е. въ жениха.

**) Сочиненiя Ап. Григорьева, I, 67.

торая устроилась, по его мнѣнію, благополучно, онъ даже Беневоленскому, къ которому относится съ уваженіемъ и съ нѣкоторою лестью, скажетъ основательно, боясь за старыя его пашни: «что жъ вы, отецъ мой, у меня съ Марьей-то Андреевной дѣлаете? Вы этакъ ее у меня уморите сердечную... А ужъ вы, батюшка, эти глупости-то оставьте». Добрый, добрый старикъ, хоть и не далеко видить. Онъ совершенно подъ пару Аннѣ Петровнѣ, и правъ былъ авторъ, что къ нимъ обоимъ отнесся такъ человѣчно» (Соч., т. I, 68).

А между тѣмъ развѣ не возмутителенъ этотъ «добрый старичокъ», когда пишетъ Машиной матери, развѣ не возмутительна и эта мать, когда заставляетъ дочь читать себѣ вслухъ такое письмо: «Холостыхъ чиновниковъ для Марьи Андреевны достойныхъ нѣтъ; есть одинъ, но я сомнѣваюсь, чтобы онъ вамъ понравился, ибо очень великъ ростомъ—весьма много выше обыкновеннаго—и рябой. Но... оказался нравственности хорошей и непьющій, что, какъ извѣстно, вамъ весьма желательно. Не прикажете ли посмотрѣть въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, что и будетъ мною исполнено съ величайшимъ удовольствіемъ». — Да, это возмутительно; только *самодурство* ли тутъ, т.-е. простое ли тутъ желаніе на своемъ поставить: «я тебя родила, я тебя и сватаю»—то ли, словомъ, чѣмъ руководятся—Русаковъ на словахъ, а Гордѣй Торцовъ и на дѣлѣ?

Поищемъ отвѣта въ замѣчаніи самого Добролюбова о положеніи Марьи Андреевны, замѣчаніи, подрывающемъ основу его собственнаго взгляда на комедію. «Она—*бѣдная невѣста*, ей некуда дѣваться, нечего дѣлать, кромѣ какъ ждать выгоднаго жениха. Замужество—это ея должность, работа, карьера, назначеніе жизни. Какъ поденщикъ ищетъ работы, чиновникъ—мѣста, нищій—подающія, такъ дѣвушка должна искать жениха... Надъ этимъ смѣются современные либералы; но интересно бы знать—что же въ самомъ дѣлѣ станетъ у насъ дѣлать дѣвушка, не вышедшая замужъ?» Вопросъ этотъ относится еще къ порѣ,

предшествующей тѣмъ рьянымъ стремленіямъ къ женскому труду, къ женскому образованію, которыя стали было увѣнчиваться у насъ успѣхомъ, пока не споткнулись о нѣкоторыя препятствія. Но и при самомъ постоянномъ успѣхѣ этихъ стремленій упраздняется ли бѣдность—«не порокъ», какъ говорятъ одни, но и «не добродѣтель», какъ прибавляютъ другіе? И при прекрасномъ образованіи, и при упорной привычкѣ къ труду всегда ли оказывается достаточный заработокъ? Да и у насъ ли только не умѣютъ его добывать или же не находятъ его при всемъ умѣніи? Не такъ ли оно *вездѣ* при общихъ условіяхъ такъ туго поддающагося успѣхамъ цивилизаціи, а иной разъ еще и ухудшающагося съ ними, экономического строя? Вѣдь Марья Андреевна, послѣ долгой борьбы съ собой, рѣшается выйти замужъ по той же самой причинѣ, по которой сестра Родіона Романовича Раскольниковъ отдаетъ свою руку г. Лужину, такъ какъ онъ, *кажется*, человѣкъ хорошій. «И эта же Дунечка за это же *кажется* замужъ идетъ», говоритъ ей братъ студентъ «Не бывать тому», хорохорится онъ, но сейчасъ же себя и спрашиваетъ: «да что же ты-то сдѣлаешь, чтобы этому не бывать? Самъ же вѣдь пользуешься ихъ помощью (т. е. ея и матери, совсѣмъ ужъ не отличающейся никакимъ самодурствомъ). Между тѣмъ онъ очень хорошо понимаетъ, что такъ и «до Сонечкина жребія не далеко». — «Сонечка, вѣчная Сонечка! восклицаетъ онъ; Сонечка, пока свѣтъ стоитъ». Да, Сонечка — и въ образѣ Дунечки, и въ образѣ Марьи Андреевны, словомъ въ безчисленныхъ лицахъ, отдающихъ себя безъ любви, отдающихъ себя изъ нужды? Какъ угодно, а «Бѣдная невѣста» Островскаго переводитъ насъ изъ «темнаго царства» самодуровъ, въ то печальное царство «униженныхъ и оскорбленныхъ», область котораго ужъ рѣшительно распространяется на весь міръ.

Но въ «Бѣдной невѣстѣ» мы встрѣчаемъ еще и существо, окончательно приближающееся, по своему положенію, къ Сонечкѣ. Это та Дуня, которую, ради брака съ Марьей Андреевной, бросаетъ г. Беневоленскій. Добролю-

бовъ отнесся къ этой Дунѣ со всею полнотою сочувствія, — и вотъ едва-ли не самыя лучшія строки въ цѣломъ его разборѣ «Темнаго царства». По чудному замѣчанію нашего критика, «эта дѣвушка уже забрызгана грязью чужихъ пороковъ». Но подъ этою грязью, какъ онъ доказываетъ, въ ней скрывается золотое сердце. Пользуясь свадебной суматохой, она пришла взглянуть изъ толпы на невѣсту своего недавняго друга. «Хороша вѣдь, говоритъ она своей спутницѣ, ужь можно сказать, что хороша». Но эта красота разлучницы — хоть и невольной, а все же разлучницы — не разжигаетъ въ ней ревности. Напротивъ, она о ней же думаетъ, ее же жалѣя, говоритъ своему соколу: «только съумѣешь ли ты съ такою женой жить? Ты, смотри, не забуди чужого въку даромъ. Грѣхъ тебѣ будетъ. Остепенись, живи хорошенько. Это вѣдь не со мной: жили, жили, да и былъ таковъ». Замѣчая на глазахъ Дуни слезы, ея спутница Паша напоминаетъ ей: «а ты говорила, что тебѣ его жаль». — «Вѣдь я его любила когда-то, отвѣчаетъ Дуня... Что же, надо когда нибудь разставаться, не вѣкъ такъ жить? *Еще хорошо, что женится*; авось будетъ жить порядочно». Заботясь о своей невольной разлучницѣ, она такимъ образомъ заботится и о немъ, покидающемъ ее добровольно, послѣ того, какъ она, по ея же признанію, «немного отъ него добра видѣла, больше слезъ, а одного сраму что перенесла!» «Смотри же, живи хорошенько», — продолжаетъ Дуня, обращаясь къ нему. *Это вѣдь тебѣ на вѣкъ, не то, что я*.

«Большей чистоты нравственныхъ чувствъ, замѣтилъ Добролюбовъ, мы не видимъ ни въ одномъ лицѣ комедій Островскаго» (III, 148). На этотъ разъ мы вполне согласны съ критикомъ. Но вѣдь въ Дунѣ и сказалась вся полнота любящаго самозабвенія и самоотверженія — словомъ, того, что на языкѣ шестидесятыхъ годовъ обзывалось нерѣдко «приниженіемъ личности». Тутъ выступила наружу собственная душа Добролюбова, заговорившая своимъ природнымъ голосомъ, не направляемымъ уже никакою кружковою диктовкою, тутъ сказалась душа идеалиста по при-

родѣ, т.-е. и исповѣдника той «нравственной стихіи», которую только въ силу различныхъ недоразумѣній приходилось ему подчасъ заподозрѣвать въ какомъ-то сообщничествѣ со стихією полицейскою.

Въ оцѣнкѣ Дуни съ Добролюбовымъ сошелся и Ап. Григорьевъ, съ тою разницею, что послѣдній особенно налегаетъ на художественную полноту ея образа. «Не смотря на всю краткость двухъ сценъ, въ которыхъ она является, говоритъ Григорьевъ, къ ея личности нельзя прибавить ни одной черты; вся жизнь ея передъ вами, какъ на ладони. Напоминать черты Дуни, значить выписывать всё ея слова, всю сцену ея съ Беневоленскимъ, а равно и первую сцену съ Пашею, или по даннымъ, заключающимся въ этихъ сценахъ, писать исторію этой женщины... Всякій, кто и не знаетъ этого типа женщинъ, почувствуетъ невольно, что это такъ именно и должно сказаться — равно какъ и «адье мусье», брошенное на прощанье въ порывѣ какой-то размахистой удали завитого веревочкой горя»... (Соч. I, стр. 69—70).

Но едва ли не возможно дорисовать и дальнѣйшую исторію этой женщины съ золотымъ сердцемъ... Ей вѣдь, по всей вѣроятности, придется понести на себѣ еще новую, быть можетъ, уже и невылазную грязь всякихъ чужихъ грѣховъ, какъ ни много оказывается въ ней пока нравственнаго устоя... Беневоленскіе разныхъ видовъ не составляютъ же вѣдь какого-нибудь особеннаго исключенія, вѣдь имя же имъ: «легіонъ». И не ищите ихъ только въ той низменной средѣ чиновничества стараго покроя, которая способна и взятки брать. На взятки въ видѣ живого товара, на взиманіе того человѣкоубійственнаго процента, который такъ ужасалъ Раскольниковъ, способны вѣдь, да еще и какъ способны, и самые культурные люди. Это вѣдь для того, чтобъ «себя освѣжать», а потомъ съ обновленными силами еще вѣрнѣе служить различнымъ культурнымъ цѣлямъ! Многимъ изъ васъ, читатель, приходилось, быть можетъ, присутствовать на такой свадьбѣ, на которую глядѣлъ изъ толпы какой-нибудь мальчуганъ съ

полными слезъ глазами: когда-то онъ былъ сыномъ въ домѣ, а теперь будетъ развѣ какимъ нибудь любимчикомъ на посылушкахъ, а мать его обратится въ служанку, и будетъ, пожалуй, стараться насолить новой барынѣ, ничего не знавшей и ни въ чемъ неповинной, если только сама барыня, заранѣе знавшая все, не станетъ ее держать въ черномъ тѣлѣ... А назовите такихъ, можетъ быть, и очень образованныхъ, двухсемейниковъ *негодьями*, и они обидятся, какъ другіе обижаются какимъ нибудь выраженіемъ въ родѣ: «сволочи, живущей въ комфортѣ». Но кто увѣренъ въ точности этихъ выраженій, тотъ всегда ихъ будетъ употреблять.

Говорить ли о молодыхъ поклонникахъ Марьи Андреевны, Меричѣ и Милашинѣ? Ап. Григорьевъ находилъ ихъ только намѣченными, но не дорисованными. Намъ кажется, что они выставлены достаточно полно и ясно. Впрочемъ и Григорьевъ признавалъ, что «общій психологическій процессъ такихъ натуръ, какъ натура Мерича и Милашина, представленъ до того осязательно, что вы, принимая участіе въ судьбѣ Марьи Андреевны, негодуете на того и другого и презираете ихъ». Мы полагаемъ, что ихъ нельзя ставить на одну доску. Меричъ дѣйствительно только пользуется случаемъ ухаживать за бѣдною дѣвушкой безъ всякаго серьезнаго намѣренія на ней жениться. Но вѣдь Милашинъ совершенно искренно и тепло говорить ей въ рѣшительную для нея минуту: «Вы меня гдните!... Ну, такъ я вамъ докажу, что я не заслуживаю этого. Я, Марья Андреевна, не Меричъ! Я очень хорошо понимаю ваше положеніе! Выйти за Беневоленскаго! Какому нибудь скоту придетъ фантазія за васъ свататься, а вы должны идти за него! Нѣтъ, это невыносимо!... Я человѣкъ бѣдный, я, можетъ быть, самъ не знаю, чѣмъ содержать себя одного, не только съ женой; но я не сдѣлалъ бы такъ, какъ Меричъ, не уступилъ бы васъ на жертву Беневоленскому. Марья Андреевна! Я предлагаю вамъ свою руку; мнѣ хочется доказать вамъ, что я благородный человѣкъ». Не его вина, какъ не вина и Марьи

Андреевны, если ей приходится отвѣчать ему: «Беневоленскій человѣкъ съ состояніемъ, да и маменька хочетъ, чтобы я за него вышла; вотъ почему я предпочту Беневоленскаго... Не замѣтно, что я плакала? Мнѣ хочется показать маменькѣ, что я безъ всякаго усилія рѣшилась выйти замужъ. Пусть она будетъ весела и покойна, я возьму все на себя». Но вѣдь Милашинъ этимъ не успокаивается; онъ пристаётъ и къ Аннѣ Петровнѣ, спрашивая ее: «за что же должна погибнуть Марья Андреевна? За что же должна погибнуть? А за то, что она «бѣдная невѣста». Намъ окончательно кажется, что истинный смыслъ комедіи заключается въ самомъ ея заглавіи.

II.

„Не въ свои сани не садись“. — **„Бѣдность не порокъ“.** — **„Не такъ живи, какъ хочется“.**

Уже въ «Бѣдной Невѣстѣ», появившейся въ годъ смерти Гоголя, Островскій выступилъ на дорогу, независимую отъ его великаго учителя и сближавшую его съ такимъ, также вполне самостоятельнымъ преемникомъ Гоголя, какъ Достоевскій. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе оказывалось у Ап. Григорьева основаній для того, чтобы «и творчество, и строй отношеній къ жизни, и манеру изображенія, свойственные Островскому, считать совершенно различными отъ таковыхъ же Гоголя» (Соч. I, 475). Остальная критика, по его убѣжденію, заблуждалась, считая дѣятельность Островскаго только «логическимъ послѣдствіемъ дѣятельности Гоголя» (460). «Бѣдная критика!—восклицалъ Григорьевъ, вотъ именно въ этомъ-то, въ этой близости къ Гоголю, она тогда ошиблась и ошибается *даже до сего дне*; въ этомъ-то таился тогда и таится *даже до сего дне* источникъ всѣхъ ея недоразумѣній, натяжекъ и теорій» (472). Къ числу теоретическихъ натяжекъ относилъ онъ, и, по на-

шему, вполне справедливо, и подведение всего Островскаго подъ формулу «темнаго царства».

Извѣстно, что Добролюбовъ въ своей знаменитой статьѣ всячески втягиваль въ это царство и комедію «Не въ свои сани не садись» (1853 г.). «Есть, говорилъ Добролюбовъ, на Руси купецъ-самодуръ, добрый, честный и даже по своему умный,—но самодуръ. У него есть дочь, которая передъ нимъ безгласна и безправна, какъ всякая дочь передъ всякимъ самодуромъ. Не признавая ея правъ, какъ самостоятельной личности, ей и не дають ничего, что въ жизни можетъ ограждать личность; она необразована, у нея нѣтъ голоса даже въ домашнихъ дѣлахъ, нѣтъ привычки смотрѣть на людей своими глазами, нѣтъ даже и мысли о правѣ свободнаго выбора въ дѣлѣ сердца» (III, 75). Правда, критикъ счель-таки нужнымъ прибавить про Русакова. «Онъ не говоритъ просто: «такъ должно быть потому, что я такъ хочу»,—а старается отыскивать зоны для своихъ рѣшеній. Но этимъ и ограничивается то, что могъ онъ сохранить изъ добрыхъ качествъ своей натуры, далѣе начинаются пріобрѣтенія самодурства».

«Видно, что Русаковъ, поясняетъ критикъ, по мягкости своей природы, съ самаго начала кротко покорился существующему порядку, признавъ его законность; значить, не было нужды доказывать ему эту законность пинками и колотушками». Въ комедіи нѣтъ ничего, по чему бы могли мы судить о вѣрности или невѣрности этого заключенія о ходѣ развитія характера Русакова. Но типъ Русакова, въ его уже вполне опредѣлившихся формахъ, такъ ясенъ и полонъ въ комедіи, что мы можемъ ею провѣрить его характеристику у Добролюбова.

Русаковъ говоритъ Маломальскому: «ты знаешь, Дуня у меня одна... Одно утѣшеніе только и есть. Мнѣ не надо ни знатнаго, ни богатаго, а чтобы былъ добрый человѣкъ, да любилъ Дунюшку, а мнѣ бы любоваться на ихъ житье». Есть ли въ этихъ словахъ хотя что нибудь, смахивающее на самодура? Мы насмотрѣлись на представителей этого типа у Мельникова и могли убѣдиться въ томъ, какъ много

значить для них именно *выгодность* свадебной сдѣлки, и до какой степени счастье дочери рѣшительно тутъ ни причесть. Правда, на замѣчаніе Бородинна: «главная причина, какъ сама Авдотья Максимовна, это какъ имъ человѣкъ понравится», Русаковъ замѣчаетъ и даже съ сердцемъ: «врите вы оба! Статочное ли дѣло, чтобъ повѣрить дѣвкѣ, кто ей понравится!... Извѣстно, дѣло дѣвичье—глупое.... Дѣвку долго ли обмануть! Вѣтрогонъ какой нибудь, прости Господи, подвернется, подластится, ну, дѣвка и полюбитъ; такъ ее отдавать безъ толку?... Нѣтъ, это не порядокъ: пусть мнѣ человѣкъ понравится. Я не за того отдамъ, кого она полюбитъ, а за того, кого я люблю». Это, конечно, сказано у Русакова на основаніи теоріи самодурства. Но побужденіе у него все-таки вѣдь не власть, не своя рука владыка, а опасеніе, что дѣвушка, по неопытности, можетъ ошибиться. Добролюбовъ, признавая это, указывалъ на то, что вольно же было Русакову такъ вести свою дочь, что она выросла чуждою всякой самостоятельности, всякаго знанія жизни, а потому и способною на всякія увлеченія. «Дѣвушка развитая, говорилъ Добролюбовъ, и привыкшая къ обществу, не поддастся бы пошлой Аринѣ Ѳедотовнѣ и не плѣнилась бы пустоголовымъ Вихоревымъ» (86). Но развѣ и при самостоятельности характера, при полной развитости умственной дѣвушка не можетъ увлечься, вопреки всему, человѣкомъ, вполне ея недостойнымъ? Какъ бы въ такомъ случаѣ поступилъ самый образованный и въ тоже время самый гуманнѣйшій отецъ? Не счелъ ли бы онъ своимъ долгомъ всячески предостеречь свою дочь и не могъ ли бы онъ при этомъ, какъ живой человѣкъ, именно изъ любви къ ней, даже дойти до вспыльчивыхъ выходокъ? Конечно, истощивъ все свои убѣжденія, онъ бы не рѣшился поступить насильственно, т.-е. просто *запретить*. Но развѣ и Русаковъ, послѣ всѣхъ своихъ грозныхъ рѣчей, окончательно запрещаетъ? «Она будетъ любить всякаго мужа, говоритъ онъ; надо найти ей такого, чтобъ ее-то любилъ, да могъ бы понять, что это за душа.... Душа у нея Русская». Говоря это, онъ, вѣроятно припоминаетъ себѣ ея мать,

съ которою жилъ, по его словамъ, душа въ душу, и у которой, на его взглядъ, тоже, должно быть, душа была Русская». Мы удивляемся, какъ это критика не придралась и къ такому его выраженію, какъ она не попрекнула его кваснымъ патриотизмомъ, національной исключительностью и мало ли чѣмъ еще. Придралась же она къ словамъ Русакова про свою дочь: «она будетъ любить всякаго мужа», тогда какъ въ нихъ заключается только указаніе на ея любящую душу вообще, достойную такой же любящей души, а вовсе не на то, что она способна любить по командѣ. Любящею душою представляется старику и Бородкинъ, и чуткое сердце старика не ошибается въ немъ, какъ не ошибается въ другомъ смыслѣ и въ приглянувшемся дочкѣ Вихоревѣ. Русаковъ въ этомъ отношеніи гораздо проникательнѣе Потапа Максимыча (у Мельникова), хотя оба они одинаково обладают любящею душою и только съ виду представляются самодурами. Сама Авдотья Максимовна такъ же увѣрена въ своемъ отцѣ, какъ Настя въ Потапѣ Максимычѣ. «Вѣдь онъ добрый», говоритъ про него Настя.— «Я скажу ему, что не люблю Бородкина, говоритъ про отца Авдотья Максимовна; онъ сильно не заставитъ». Правда, на возраженіе Вихорева: «а какъ онъ этого не послушаетъ, что тогда?» она отвѣчаетъ: «я ужъ право не знаю, что мнѣ дѣлать съ этимъ дѣломъ, такая-то напасть на меня!» Добролюбовъ считаетъ такой отвѣтъ съ ея стороны *идіотскимъ* (81); намъ же думается, что онъ вытекаетъ изъ ея привязанности къ отцу, изъ опасенія огорчить того, кто такъ любитъ ее и въ кого она даже и въ чадѣ своей несчастной страсти не перестаетъ вѣрить. «Онъ меня любитъ, онъ мнѣ не откажетъ», повторяетъ Авдотья Максимовна при другомъ свиданіи съ Вихоревымъ. Только каково мнѣ просить его объ этомъ, какъ бы вы знали!»

Между тѣмъ, старикъ изъ короткаго разговора съ Вихоревымъ окончательно убѣждается въ томъ, что это за гусь. Разговоръ такъ и обрисовываетъ обоихъ. «Вы, вѣроятно, захотите дать ей нѣкоторое образованіе, говорить

Вихоревъ, показать ей людей... наконецъ, найти хорошую партію. А гдѣ вы это здѣсь найдете?»—«Да что жь? развѣ здѣсь звѣри живутъ? въ свою очередь спрашиваетъ старикъ. Чай, тоже люди.

Вихоревъ. Да развѣ здѣсь васъ могутъ оцѣнить, Максимъ Ѳедотычъ, развѣ могутъ! Чтѣ вы говорите!

Русаковъ. Да чтѣ насъ цѣнить-то! Намъ этого не нужно. Ну ихъ, совсѣмъ, и съ оцѣнкой-то! Былъ бы самъ по себѣ хорошъ, а то про меня чтѣ хошь говори».

Право, достаточно однихъ этихъ послѣднихъ словъ, чтобы ото всей души полюбить Русакова.

Свои продолжающіяся льстивыя выходки Вихоревъ заключаетъ словами: «мнѣ хочется породниться съ вами, Максимъ Ѳедотычъ... Ну, и чинъ у меня...

Русаковъ. Полноте, ваше благородіе, мы люди простые, ѣдимъ пряники не писанные, гдѣ намъ! Вѣдь насъ только за карманъ и уважаютъ.

Вихоревъ. Полноте, Максимъ Ѳедотычъ, чтѣ за идея!

Русаковъ. Право такъ, а то за чтѣ насъ любить-то?

Вихоревъ. За добрую душу.

Русаковъ. Такъ ли полно?

Вихоревъ. Я не понимаю, Максимъ Ѳедотычъ, у насъ какой-то странный разговоръ происходитъ.

Русаковъ. Не дѣло вы говорите. Вы люди благородные, ищите себѣ барышень... воспитанныхъ, а ужъ напихъ-то дуръ оставьте намъ; мы своимъ-то найдемъ жениховъ какихъ нибудь дешевенькихъ».

И вотъ послѣ такого-то многозначительнаго разговора ея отца съ этимъ яснымъ соколомъ, Дуня рѣшается наконецъ сказать отцу, что безъ Вихорева ей «не милъ бѣлый свѣтъ»! Тутъ же какъ нарочно подвертывается и глупая тетушка, которая-таки содѣйствовала своимъ вліяніемъ всему этому увлеченію. «У васъ вѣдь одна дочь-то, говоритъ она», и этимъ попрекомъ выводитъ старика изъ терпѣнія. «Ты, сестра, молчи,—это не твое дѣло, говоритъ онъ. Дуня, не дури! Не печаль отца на старости лѣтъ. Выкинь блажь-то изъ головы. Отецъ лучше:

тебя знаетъ, что дѣлаетъ. Ты думаешь, ему ты нужна? Ему деньги нужны, дура!» Это, конечно, не деликатно, какъ не деликатно и слѣдующее за тѣмъ обращеніе его опять къ сестрицѣ-совѣтчицѣ: «ты еще, дура, тутъ своими разговорами дѣвку съ толку сбиваешь, изъ ума выводишь. Отъ тебя-то вся и бѣда. Что у тебя вмѣсто головы-то надѣто? Кабы не твоя болтовня, смѣла-бъ она такъ съ отцомъ разговаривать?» Въ этихъ послѣднихъ словахъ — именно въ *словахъ* — опять самодурство во всемъ своемъ блескѣ. Но тотъ же старикъ, не много спустя, разжалобленный тѣмъ, что дочь не перестаетъ твердить: «онъ меня любить», совсѣмъ уже кротко ей возражаетъ: «охъ, Дунюшка, не вѣрится мнѣ. Ну, да вотъ мы это дѣло узнаемъ», надумывается онъ. «Дѣло-то простое. Я ему скажу, что за тобой ничего не дамъ; если любить, пускай такъ беретъ. Коли любить, возьметъ и такъ». — Вѣдь это совсѣмъ не то, что у Мельникова старикъ Масленниковъ, предлагающій себя въ женихи вмѣсто сына, но готовый и устраниваться, — только съ тѣмъ, чтобъ не дать сыну ничего, и тѣмъ самымъ рѣшающій дѣло въ свою пользу. Русаковъ заботится не о себѣ, а о своей дочери, когда придумываетъ такой вѣрный способъ испытанія чувствъ ея милаго дружка. Право, и самый образованный изъ добрыхъ отцовъ не поступилъ бы иначе въ подобномъ случаѣ.

Между тѣмъ критикъ отнесся къ этому поступку Русакова совсѣмъ произвольно: «Русаковъ, разжалобившись, говоритъ онъ, соглашается выдать ее за Вихорева (развѣ просто соглашается?) Зачѣмъ? Съ какой стати? Вѣдь онъ, повидимому, вполне убѣжденъ, что замужество за Вихоревымъ составитъ гибель его дочери.... За нѣсколько минутъ раньше.... онъ выказываетъ свою твердость (твердость? но вѣдь критикъ ее находилъ самодурствомъ), угрожая лишить дочь своего благословенія.... А тутъ вдругъ уступка? Чѣмъ она вызвана? Отчасти добротою сердца и отцовской любовью; но всего болѣе совершеннымъ отсутствіемъ прочныхъ основъ для принятаго имъ прежде рѣшенія» (?) (стр. 100).

Авдотья Максимовна, не смотря на то, что придумаль отецъ, просто уходитъ отъ него съ Вихоревымъ, и потомъ уже передаетъ ему отцовскія слова. «Да это онъ вретъ, онъ и денегъ дастъ», увѣряетъ Вихоревъ. «Ну нѣтъ, не знаю: онъ у насъ что сказалъ, то и свято. Опять же онъ на меня теперь въ сердцахъ, что я его не послушала: онъ ни за что не дастъ», говоритъ она и такимъ образомъ, по-видимому, сама же и выставляетъ отца настоящимъ самодуромъ. Но неужели же въ самомъ дѣлѣ этотъ его отказъ въ деньгахъ объясняется самодурствомъ?—Какъ предвидѣль старикъ, такъ оно и выходитъ: безъ денегъ она не нужна Вихореву. Узнавъ, что она ушла, не вникнувъ въ его совѣтъ, не воспользовавшись тѣмъ способомъ испытанія, который въ немъ заключался, старикъ не только огорченъ, но и обиженъ. Чтожь, неужели и въ этомъ чувствѣ обиды сказывается самодуръ? Неужели намъ приходится негодовать на него, а не сострадать ему, когда онъ въ слезахъ причитаетъ: «Дочка! не вѣкъ тебѣ будутъ радости. Вспомнишь ты и обо мнѣ. Кто тебя такъ любить будетъ, какъ я тебя любилъ? Поживи въ чужихъ людяхъ, узнаешь, что такое отецъ!... Диви-бы я съ нею строгъ былъ, или жалѣлъ для нея что? Я ли ее не любилъ, я ли ее не голубилъ?» Едва ли мы имѣемъ право негодовать на него даже и въ ту минуту, когда, при ея возвращеніи, онъ на первыхъ порахъ отъ нея отказывается. Вѣдь тутъ же еще и подвертывается Маломальскій съ извѣстіемъ, что онъ «остановилъ молодца». Русаковъ и не думаетъ даже воспользоваться мыслию Маломальскаго: «онъ примѣрно теперь осрамилъ дѣвушку.... ну, и женись, мы заставимъ». Такимъ способомъ прикрытія грѣха, какъ извѣстно, пользуются—безъ малѣйшей, конечно, заботы о томъ, какова-то предстоитъ впереди жизнь для той, чье положеніе этимъ способомъ поправляютъ *). Русаковъ далекъ отъ того, чтобы

*) Этотъ способъ употребляется у Островскаго Карпомъ Карпычемъ въ сценахъ „Не сошлась характерами“. „Третью племянницу такъ отдаю, говорить онъ. Я всей роднѣ благодѣтель“.

воспользоваться такимъ способомъ. «Да мнѣ его и даромъ не надо, говорить онъ, не то, что насильно заставить. Осрамилъ, ну что жъ, нашъ грѣхъ!... Да меня золотомъ осыпъ, я на него и глядѣть-то не хочу, не то, чтобъ въ зятя взять». На новые уговоры со стороны Маломальскаго, что «теперича... слухъ этотъ пойдетъ», старикъ по прежнему отвѣчаетъ: «что же дѣлать-то, согрѣшили. На себя пеняй». Онъ винить не ее одну, онъ винить и себя, всѣхъ ее окружающихъ, и кто знаетъ, что только ни проходитъ въ эту минуту черезъ его сѣдую голову? Это его «согрѣшили» въ своемъ родѣ напоминаетъ тотъ мірской поклонъ на всѣ стороны, съ какимъ преступникъ на лобномъ мѣстѣ обращается ко всѣмъ, говоря: «простите, православные»! Да, видно и у самого Русакова «душа-то Русская»!

Правъ ли, послѣ всего этого, критикъ, когда толкуетъ по своему и самый послѣдній поступокъ Русакова, то, что онъ, узнавъ о долгѣ въ гостинницу, оставшемся на Вихоревѣ, говоритъ Маломальскому: «ужъ я за него заплачу, только бы убирался поскорѣе». Правъ ли Добролюбовъ, когда говоритъ, что Русаковъ дѣлаетъ это «на радостяхъ, что урокъ не пропалъ даромъ для дочери и еще болѣе укрѣпилъ въ ней принципъ повиновенія старшимъ». Но критикъ еще прибавляетъ: «какъ видите, и тутъ сказывается самодурный обычай: на милость, дескать, нѣтъ образца; хочу—казню, хочу—милую... Никто мнѣ не указъ, ни даже самыя правила справедливости» (Ш, 84). Полагаемъ, что критикъ тутъ совсѣмъ не правъ, а вполнѣ правъ Ап. Григорьевъ, говоря: въ комедіи «Не въ свои сани не садись» — «никакими разсужденіями вы не добьетесь отъ массы ни пониманія вреда отъ самодурства почтеннаго Максима Фодотыча Русакова, ни сочувствія къ чему либо иному, кромѣ какъ къ положенію того же Русакова, къ простой и глубокой любви Бородкина и къ жестокому положенію бѣдной дѣвушки, увлеченной простотой своей любящей души, да совѣтами протестантки тетушки» (462). Протестанткою называетъ онъ эту послѣднюю, иронически становясь на

точку зрѣнія критики «Темнаго царства» (съ тою же ироніею называетъ онъ «протестанткой» и Липочку въ комедіи «Свои люди сочтемся»). Мы совершенно согласны съ Григорьевымъ и въ томъ, что масса въ этомъ случаѣ будетъ совершенно права.

Между тѣмъ, не менѣе строго, чѣмъ къ Русакову, критикъ «Темнаго царства» отнесся и къ его дочери, и къ вѣрнолюбящему ее Бородину. «Трудно представить болѣе жалкую дѣвушку, говорилъ Добролюбовъ. Въ сущности, она даже скорѣе комична, нежели жалка, такъ, какъ комична Софья Павловна съ своей любовью къ Молчалину... Но надъ Авдотьей Максимовной нельзя смѣяться: обстановка ея слишкомъ мрачна... Бѣдная дѣвушка, въ самомъ дѣлѣ, не виновата, что ее лишили всякой нравственной опоры внутри себя и воспитали только къ тому, чтобы вѣкъ ходить ей на привязи... Къ довершенію горя оказывается, что она еще и Бородину-то любитъ, что она съ нимъ бывало встрѣтится, такъ не наговорится... Да и теперь его жалѣетъ, но въ тоже время не можетъ никакъ оторваться отъ мысли о необычайной красотѣ Вихорева. Впрочемъ, она очень недовольна собой, и говоритъ: «На грѣхъ я его увидѣла». — Если во всемъ этомъ какъ будто бы проглядываетъ и нѣкоторая снисходительность къ Авдотѣ Максимовнѣ, то критикъ окончательно строгъ къ ней, когда говоритъ: «доброта, лишенная всякой способности возмущаться зломъ, и тупая покорность судьбѣ выражаются въ этихъ словахъ несчастной дѣвушки (сказанныхъ отказывающемуся отъ нея Вихореву): «Богъ васъ накажетъ за меня, а я вамъ зла не желаю. Найдите себѣ жену богатую да такую, чтобъ любила васъ такъ, какъ я; живите съ нею въ радости, а я дѣвушка простая, доживу какъ нибудь, скоротаю свой вѣкъ, въ четырехъ стѣнахъ сидя, проклинаяючи свою жизнь». И эта гуманно-патетическая тирада обращена къ Вихореву!» (83—84) Но не порицалъ же критикъ Дуню (въ «Бѣдной Невѣстѣ») за болѣе или менѣе сходное отношеніе ея къ Беневоленскому, который, конечно, не лучше Вихорева! Напротивъ критикъ

даже сочувственно относился къ Дунѣ. Откуда же такіе двойные вѣсы? Чего ради также критикъ называлъ Авдотью Максимовну *опозоренною*? (21, 27). Вѣдь это противорѣчить прямымъ ея словамъ Бородкину, сказаннымъ уже послѣ того, какъ она вернулась отъ Вихорева: «я честная дѣвушка, Иванъ Петровичъ,—я васъ обманывать не стану. Скажите вы это всѣмъ и тятенькѣ». Слова эти, какъ извѣстно, радостно поражаютъ ея отца и сразу заставляютъ его пожалѣть о сорвавшемся въ гнѣвѣ словѣ. Или критикъ имѣлъ какое-нибудь основаніе менѣе довѣрять искренности Авдотьи Максимовны, чѣмъ довѣрять ея отцу? Едва ли въ комедіи есть какое-нибудь основаніе для того, чтобы подозрѣвать ее во лжи.

Мы не видимъ также никакого основанія для того, чтобы видѣть со стороны Островскаго натяжку, когда Бородкинъ у него «объявляетъ желаніе взять за себя опозоренную дочь Русакова»? Правда, онъ рѣшается на это еще прежде, чѣмъ убѣдился изъ словъ Авдотьи Максимовны, что она «честная дѣвушка». Но онъ руководится тѣмъ, что «ее-жь обидѣли, да ее же и бранить. По крайней мѣрѣ она у насъ, говоритъ онъ, будетъ ласку видѣть, отъ меня и отъ маменьки. Что жъ такое, со всякимъ грѣхъ бываетъ. Не намъ судить!»—Критикъ, въ объясненіе своего взгляда, говорилъ: «во всей пьесѣ Бородкинъ выставляется благороднымъ и добрымъ по старинному; послѣдній же его поступокъ вовсе не въ духѣ того разряда людей, которыхъ представителемъ служить Бородкинъ. Но авторъ хотѣлъ приписать этому лицу всевозможныя добрыя качества, и въ числѣ ихъ приписалъ даже такое, отъ котораго настоящіе Бородкины, вѣроятно, отреклись бы съ ужасомъ». Но почему же такъ непременно? Самъ Бородкинъ не видитъ въ своемъ поступкѣ ничего особеннаго, — конечно, подъ вліяніемъ того, что онъ ее крѣпко любитъ. Онъ очень просто говоритъ о своемъ поступкѣ: «помилуйте, есть же во мнѣ какое-нибудь чувство; я вѣдь не звѣрь, и во мнѣ есть искра Божія!» Или, быть можетъ, подобной искры такъ ужъ вовсе не полагается людямъ «добрымъ по ста-

ринному»? Мы съ своей стороны полагаемъ, что она вполне возможна и у людей «старого покроя», какъ возможно съ другой стороны и ея отсутствіе у людей покроя новаго.

Добролюбовъ въ заключеніе своей критики замѣтилъ, что «Островскій, намѣренно или не намѣренно, или даже противъ воли, показалъ намъ, что, пока существуютъ самодурныя условія въ самой основѣ жизни, до тѣхъ поръ самыя добрыя и благородныя личности ничего хорошаго не въ состояніи сдѣлать» (89). Мы же напротивъ думаемъ, что комедія его, помимо какой-либо умысленной поучительности, силою заключающихся въ ней вещей свидѣтельствуетъ, что «искра Божія» можетъ разгораться въ человѣкѣ наперекоръ всякимъ самодурнымъ условіямъ жизни и доходить наконецъ до такой «смѣлости добра», которой критикъ совершенно напрасно не видитъ «даже въ лучшихъ натурахъ комедій Островскаго» (116). Мы положительно видимъ такую *смѣлость добра* въ Бородинѣ. Надѣмся ее показать и въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ ком. «Бѣдность не порокъ», какъ бы ни казалось это лицо непригляднымъ.

Что касается главнаго дѣйствующаго лица этой комедіи, Гордѣя Карповича Торцова, то Добролюбовъ, конечно, имѣлъ несомнѣнное право сказать, что это «уже самодуръ въ полномъ смыслѣ. Онъ и крутъ, и гордъ, и разсудка не имѣетъ, по отзыву жены его, Палагеи Егоровны. Цѣлый домъ дрожитъ передъ нимъ. Особенно грозенъ сдѣлался онъ съ тѣхъ поръ, какъ подружился съ Африканомъ Савичемъ Коршуновымъ и сталъ «перенимать новую моду». — Она, эта «новая мода», слышна и въ томъ, что сулитъ онъ дочери, выдавая ее за этого ненавистнаго ей вдовца: «ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. Въ Москвѣ будешь по-барски жить, въ каретахъ будешь ѣздить. Одно дѣло: ты будешь жить на виду, а не въ такой глуши; а другое дѣло—я такъ приказываю». Желая показать себя передъ будущимъ зятемъ, Гордѣй Карпычъ ему говоритъ: «въ другомъ мѣстѣ за столомъ-то прислуживаетъ молодець въ поддевкѣ, либо дѣвка, а у меня фицыянтъ въ нитя-

ныхъ перчаткахъ. Этотъ фицыянтъ, онъ ученый, изъ Москвы, онъ всѣ порядки знаетъ: гдѣ кому сѣсть, что дѣлать. А у другихъ что! Соберутся въ одну комнату, усядутся въ кружокъ, пѣсни запоютъ мужицкія. Оно, конечно, и весело, да я считаю такъ, что это низко, никакого тону нѣтъ». Жена его, какъ извѣстно, другого мнѣнія. «Люблю по старому, говоритъ она, да по нашему по Русскому. Вотъ мужъ у меня не любитъ, что дѣлать, характеромъ такой вышелъ. А я люблю, я веселая... да, чтобъ поподчивать, да чтобъ мнѣ пѣсни пѣли... да, въ родню свою: у насъ весь родъ веселый... пѣсельники...». «Теперь все ему наше Русское не мило, жалуется она Митѣ на мужа еще въ самомъ началѣ комедіи; ладитъ одно: хочю по нынѣшнему... Надѣнь, говоритъ, чепчикъ... Модное-то ваше, да нынѣшнее, говорю я ему, каждый день мѣняется, а русскій-то нашъ обычай испоконъ вѣка живеть». По претензіямъ на образованіе Гордѣй Карпычъ напоминаетъ Липочку Большову. Про нее, право, можно бы было сказать тоже, что говоритъ Добролюбовъ про Гордѣя Карпыча: «умѣеть извлечь изъ претензій на образованность только увеличеніе требованій и правъ своихъ, но никакъ не расширеніе своихъ собственныхъ обязанностей» (94). Въ этомъ отношеніи Торцовъ отчасти напоминаетъ нашихъ баръ XVIII ст., которые, нарядившись во Французскій кафтанъ, сочли себя имѣющими тѣмъ болѣе права выжимать сокъ изъ «подлага» народа.

Обращаясь къ тѣмъ, кому приходится терпѣть отъ самодурства Гордѣя Карпыча, Добролюбовъ справедливо, конечно, замѣтилъ: «и вѣдь если бы еще, въ самомъ дѣлѣ, сила неодолимая, натура высшаго разряда тяготѣла надъ этими несчастными! А то вовсе нѣтъ!... Гордѣй Карпычъ не только крайне ограниченъ въ своихъ понятіяхъ, но еще и трусливъ, и слабодушень. Это опять-таки неотъемлемое, неизбѣжное свойство самодурства. Самодуръ дуритъ, ломается, артачится, пока не встрѣчаетъ себѣ противодѣйствія, или пока противодѣйствіе робко и нерѣшительно. Но

у него нѣтъ такой точки опоры, которая могла бы поддержать его въ сердечной и продолжительной борьбѣ (97). Если вы хотите служить и вести дѣла честно, не бойтесь вступить въ серьёзный рѣшительный споръ съ самодурами, рѣшитесь заранѣе, что вы на полусловѣ не остановитесь и пойдете до конца, хотя бы отъ того угрожала вамъ дѣйствительная опасность—потерять мѣсто или лишиться какихъ нибудь милостей» (98). Все это прекрасно сказано и этимъ только указывается вообще на возможность не поддаваться средѣ. Но вѣдь и Митя не желалъ бы поддаться. Правда, Митѣ приходится только задаромъ хвалиться: «посажу ее въ саночки-самокаточки да и былъ таковъ! Не видать тогда ее старому, какъ ушей своихъ, а моей головѣ за одно ужъ погибать!»... Но если его слова непереходятъ въ дѣло, то едва ли это объясняется его *смирениемъ*, т.-е. уступчивою искательностью ради своихъ выгодъ. Вспомнимъ коротенькій, но содержательный разговоръ его съ Гордѣемъ Карпычемъ. «Ты бы вотъ сертучишко новенькій сшилъ, говорить ему Торцовъ. Вѣдь, къ намънаверхъ ходишь, гости бываютъ.... Срамъ! Куда деньги-то дѣваешь?»—Маменькѣ посылаю, потому она въ старости, ей негдѣ взять». — «Матери посылаешь! Ты себя-то бы образилъ прежде; матери-то не Богъ знаетъ, что нужно, не въ роскоши воспитана; чай, сама хлѣвы затворяла». — «Ужъ пуцай же лучше я буду терпѣть, да маменька, по крайности, ни въ чемъ не нуждается». — Вотъ почему Митя *только* говорить: «Эхъ, дайте душѣ просторъ — разгуляться хочетъ! По крайности, коли придется и въ отвѣтъ идти, такъ ужъ то буду знать, что потѣшился». Не одна своя голова у него на плечахъ, и вотъ онъ призадумывается надъ тѣмъ, въ чемъ заключается его собственное счастье. Но вѣдь это же и счастье другого существа, Любви Гордѣвны? Да, но онъ знаетъ ее: и счастье ей будетъ не въ счастье, если онъ увезетъ ее противъ отцовской воли. Она, въ самомъ дѣлѣ, сдается передъ самодурствомъ, хотя, кто знаетъ, все ли высказываетъ она на словахъ, не гнѣздится ли въ ея душѣ и затаенная мысль все о той же Митиной матери?

И ждала бы отъ нея, пожалуй, судя по своему Митѣ, всего добраго, да не бросить же Митѣ свою старушку, а чѣмъ-то имъ будетъ жить втроемъ? Старушка уже дряхла, какъ-то еще Митя себѣ отыщеть новое мѣсто при возможности стачки между купцами, а Люба-то вѣдь ничему не обучена; въ этомъ, разумѣется, она безгласная жертва самодурства, и мысль о трудѣ, вѣроятно, даже не приходитъ ей въ голову. Какъ бы то ни было, не мало разныхъ побужденій должно шевелиться у нея въ душѣ, не мало разныхъ мыслей проходить черезъ ея голову. Ап. Григорьевъ, умѣя глубоко заглядывать въ разнородный составъ человѣческой души, имѣлъ право сказать: «Любовь Гордѣевна — одинъ изъ прелестнѣйшихъ, хотя и слегка очерченныхъ женскихъ образовъ Островскаго, — не забитая личность, возбуждающая только сожалѣніе, а высокая личность, привлекающая все наше сочувствіе, какъ не забитыя личности ни Марья Андреевна» въ «Бѣдной Невѣстѣ», ни Пушкинская Татьяна, ни Лиза (въ Дворянскомъ гнѣздѣ) — «ваша Лиза», какъ выразился Григорьевъ, придавъ своей критикѣ форму письма къ Тургеневу). Быть, составляющій фонъ широкой картины, взять — на всякія глаза кромѣ глазъ теоріи — не сатирически, а поэтически, съ любовью, съ симпатіею очевидными, скажу больше — съ религіознымъ культомъ существенно народнаго». Да, быть тутъ взять, точно такъ-же, какъ Пушкинымъ, какъ Тургеневымъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы все въ этомъ быту представлялось поэту разумнымъ. Пушкинъ, конечно, былъ далекъ отъ того, чтобы проповѣдывать Русскимъ дѣвушкамъ необходимость, по просьбѣ матери, выходить непременно замужъ за старыхъ генераловъ. Тургеневъ былъ не менѣе далекъ отъ того, чтобы указывать Русскимъ дѣвушкамъ на тихое пристанище въ монастырскихъ стѣнахъ. Такъ и Островскій вовсе не рекомендуетъ прелестей брака со старымъ вдовцомъ, а только не караетъ своей Любви Гордѣевны за то, что она не бѣжитъ съ Митей, а въ грустномъ раз-

думы не знаетъ, что ей дѣлать? Какъ хорошъ, какъ много-содержателенъ ея короткій разговоръ съ Коршуновымъ.

«Вотъ что скажу вамъ, драгоценная моя барышня: молодые-то загуливать любятъ, веселости, да развлечения, да дебоши разные, а жена-то сиди дома, жди его до полуночи. А приѣдетъ-то пьяненькій, заломается, заважничаетъ. А старикъ-то все подлѣ жены такъ и будетъ сидѣть; умирать будетъ — прочь не отойдетъ....

— А васъ-то жена покойная любила?

«А вамъ сударыня на что это?

— Такъ, хотѣлось знать.

«Знать хотѣлось?... Нѣтъ, не любила, да и я не любилъ ее. Она и не стоила того, чтобъ ее любить-то. Я ее взялъ бѣдную, нищую, за красоту только за одну; все семейство призрѣлъ; спасъ отца изъ ямы; она у меня въ золотѣ ходила.

— Любви золотомъ не купишь.

«Люби не люби, да почаще взглядывай. Имъ, видишь ты, деньги нужны были, нечѣмъ было жить. Я давалъ, не отказывая, а мнѣ вотъ нужно, чтобъ меня любили. Что-жь, я воленъ этого требовать, или нѣтъ? Я вѣдь за то деньги платилъ. На меня грѣхъ пожаловаться: кого я полюблю, тому хорошо жить на свѣтѣ, а ужъ кого не полюблю, такъ не пеняй!»!

Отъ грозящей бѣдняжкѣ Любви Гордѣевнѣ золотой клѣтки спасаетъ ее близкій ей человекъ, но такой, на котораго ни она, ни Митя ужъ, конечно, не рассчитывали. У Мити, какъ у сказочнаго Иванушки, душа широкая. Мало у него за душой, а нѣтъ, нѣтъ да и дастъ гривенничекъ Любиму Карпычу Торцову, родному брату своего хозяина, который его не хочетъ и знать за пропащую его жизнь. Любимъ Карпычъ, не имѣющій даже своего угла, скажетъ Митѣ: «я ночевать къ тебѣ приду», и въ самомъ дѣлѣ придетъ, и ночуетъ. И вдругъ, безъ малѣйшаго расчета съ Митиной стороны, пригодился ему Любимъ Торцовъ, какъ Иванушкѣ пригодилась какая-то птица, которой птенчиковъ онъ пригрѣлъ.

А вѣдь безпутный человѣкъ Любимъ Карпычъ. Да, но онъ самъ больше всѣхъ и чувствуетъ свое безпутство, и вотъ этимъ-то въ самомъ корнѣ и отличается онъ отъ Африкана Карпыча, который когда-то точно также гулялъ, но котораго вывезло то, что онъ и надуть умѣлъ, и на надувательствѣ соорудилъ себѣ спасительную пристань, чтобы затѣмъ къ ней пристать и зажить уже степенно, но широко, зажить въ роскоши на томъ берегу, на который ему удалось-таки выплыть.

«Остался я послѣ отца, видишь ты, малъ-малехонекъ, съ Коломенскую версту, лѣтъ двадцати несмышленочекъ» — самъ на свой счетъ прохаживается Любимъ Карпычъ, исповѣдуясь Митѣ. «Въ головѣ-то, какъ въ пустомъ чердакѣ, вѣтеръ такъ и ходитъ. Раздѣлились мы съ братомъ: Себѣ онъ взялъ заведеніе, а мнѣ далъ деньгами, да билетами, да векселями. Ну, ужь какъ онъ тамъ раздѣлилъ — не наше дѣло, Богъ ему судья». Не желая судачить, обвинять другихъ, когда и самъ виноватъ, Любимъ Торцовъ не думаетъ о томъ, что у братца, когда онъ взялъ себѣ заведеніе, а ему отдалъ деньги, былъ, можетъ-быть, и расчетъ на то, что деньги легче спустить, а что заведеніе устойчивѣе. Есть вѣдь и такая черта въ людяхъ — она подмѣчена психологіею народныхъ сказокъ — что люди не терпятъ чужого счастья, чужого благосостоянія, что даже братъ способенъ бываетъ глядѣть на братнино счастье, какъ на какую-то помѣху своему собственному. «Вотъ я и поѣхалъ въ Москву по билетамъ деньги получать, — продолжаетъ Любимъ. Нельзя не ѣхать. Надо людей посмотреть, себя показать, високаго тону набратъ... Надобно до всего дойти! Первое дѣло, одѣлся франтомъ, знай, дескать, нашихъ! То-есть такого-то дурака разыгрываю, что на рѣдкость. Сейчасъ, разумѣется, по трактирамъ... «Шпилень зи полька, дайте еще бутылочку похолоднѣе». У него, видно, какъ и у брата Гордѣя, было своего рода тяготѣнье къ *цивилизации*. Но Гордѣй, разумѣется, оставался совершенно чуждъ той артистической жилки, которая сказывалась въ культурныхъ вождельнѣяхъ Любима. Вотъ

эта-то жилка, быть может, и содѣйствовала тому, чтобы не въ конецъ заглохло въ Любимѣ то, что называется «искрой Божіей». — «Я все трагедію ходилъ смотрѣть, говоритъ онъ, хотя и прибавляетъ, можетъ быть, и преувеличивая, въ порывѣ самоосужденія, будто «не помнить ничего, потому что больше все пьяный». «Такимъ-то побытомъ, доходить до развязки Любимъ, деньжонки всѣ я ухнулъ; что осталось, довѣрилъ пріятелю Африкану Коршунову на божбу, да на честное слово; съ нимъ же я пилъ да гулялъ, онъ же всему безпутству заводчикъ, главный заторщикъ изъ бражнаго, онъ же меня и надулъ, вывелъ на свѣжую воду. И сълъ я, какъ ракъ на мели..» Дѣло дошло до того, что хотъ петлю на шею. «Есть ремесло хорошее, по прежнему издѣвается надъ своимъ положеньемъ Любимъ, коммерція выгодная—воровать. Да не гожусь я на это дѣло — совѣсть есть, опять же и страшно: никто этой промышленности не одобряетъ». Сказалъ было словечко и въ свою пользу, да сейчасъ-же и оговаривается, будто скорѣе его удержали практическія соображенія. А вѣдь дѣло-то именно въ томъ, что совѣсть въ немъ не заснула, тогда какъ она спитъ и въ Коршуновѣ, и въ Африканѣ Карпычѣ. Не сдѣлавшись воромъ, сдѣлался бѣдняга Любимъ скоморохомъ. «Какъ пріѣдетъ, говоритъ онъ, особенно кто побогаче, выскочишь, сдѣлаешь колѣнце, ну и дасть, кто пятачекъ, кто гривну». Стыдно, однако, такъ жить. Не лучше ли взяться за трудъ?» — «Такъ ужъ рѣшился,—продолжаетъ онъ, сходить Богу помолиться да идти къ брату, пусть возьметъ хотъ въ дворники. Такъ и сдѣлалъ. «Вухъ ему въ ноги! Будь, говорю, вмѣсто отца! Жилъ такъ и такъ, теперь хочу за умъ взяться. А ты знаешь, какъ братъ меня принялъ? Ему, видишь, стыдно, что у него братъ такой. А ты поддержи меня, говорю ему, оправь, обласкай, я человекъ буду. Такъ нѣтъ, говоритъ, куда я тебя дѣну. Ко мнѣ гости хорошіе ѣздятъ, купцы богатые, дворяне; ты, говоритъ, съ меня голову снимешь». Ну, совершенно, какъ въ народныхъ сказкахъ. Только у Гордѣя проступаетъ и тутъ незнакомый имъ от-

тѣнокъ культурности. «По моимъ чувствамъ и понятіямъ. мнѣ бы совсѣмъ, говорить, не въ этомъ роду родиться, Я видишь, говорить, какъ живу: кто можетъ замѣтить, что у насъ тятенька мужикъ былъ». Въ этомъ смыслѣ Гордѣй напоминаетъ Алексѣя Лохматаго, только тотъ не сразу, а постепенно, все болѣе и болѣе скатываясь внизъ, по мѣрѣ того, какъ думаетъ подняться вверхъ, доходитъ до подобнаго презрѣнія къ своимъ, къ своему происхожденію. «Сразилъ онъ меня, какъ громомъ, говоритъ о братѣ Любимѣ. Съ этихъ-то словъ я опять сталъ зашибаться немного. Ну да, я думаю, Богъ съ нимъ, у него вотъ эта кость толста». Но дѣло не столько тутъ въ мѣднолобіи, сколько въ заспавшейся совѣсти. Впрочемъ, одно съ другимъ граничить.

Но вотъ, должно быть, провѣдалъ Любимъ, что у Гордѣя Карпыча уже и сговоръ съ Коршуновымъ. Жалость, должно быть, его разобрала, жалость къ племянницѣ, жалость къ Митѣ, смиренному въ самомъ хорошемъ смыслѣ, не важничающему съ бѣдняками и даже съ несчастными гулящими, доброму Митѣ. Впрочемъ, Любимъ еще заранѣе сказалъ послѣднему про Гордѣя Карпыча: «ну, да я съ нимъ штуку сдѣлаю; дуракамъ богатство—зло». И Любимъ Карпычъ, въ своемъ обычномъ забубенномъ костюмѣ, является вдругъ въ гостиной брата, не стыдясь его новой «небели» и его фицыянтовъ, да еще протягиваетъ руку Коршунову. «Я тебя, братецъ, помню, говоритъ тотъ, ты по городу ходилъ, по копѣчкѣ собиралъ». — «Ты помнишь, какъ я по копѣчкѣ собиралъ, а помнишь ли ты, какъ мы съ тобой погуливали, осеннія темныя ночи просиживали, изъ трактира въ погребокъ перепархивали? А не знаешь ли ты, кто меня разорилъ, съ сумой по міру пустилъ?» Но Любимъ Торцовъ на этомъ не останавливается. Когда Гордѣй, увидавъ его у себя, кричитъ ему: «что ты со мной дѣлаешь? вонъ сейчасъ», Любимъ и не думаетъ уходить, а преспокойно задаетъ Коршунову задачу: «отчего у осла длинныя уши», самъ же и рѣшая ее затѣмъ: «для того, чтобы всѣ знали, что онъ оселъ». Милому же братцу

Гордѣю Карпычу задаетъ онъ вопросъ: «честный ты купецъ, или нѣтъ? Коли ты честный, не водись съ безчестнымъ, не трись подлѣ сажи—самъ замараешься». Сколько ни уговариваютъ его, у Любима одинъ отвѣтъ: «не замолчу, теперь кровь заговорила!» Обращаясь къ входящимъ гостямъ, онъ обращается къ нимъ точно къ міру—народу: «послушайте, люди добрые! Обижаютъ Любима Торцова, гонять вонъ. А чѣмъ я не гость? За что меня гонять? (не даромъ онъ еще раньше спросилъ брата: «ты думаешь, пьянъ Любимъ Торцовъ? сознавая себя теперь трезвымъ, онъ сознаетъ въ себѣ человѣческое достоинство»). Я не чисто одѣтъ, такъ у меня на совѣсти чисто. Я не Коршуновъ: я бѣдныхъ не грабилъ, чужого вѣку не заѣдалъ, жены ревностію не замучилъ... Меня гонять, а онъ первый гость, его въ передній уголъ сажаютъ. Что жъ, ничего, ему другую жену дадутъ: братъ за него дочь отдаетъ!» И Любимъ вправѣ говорить о своей чистой совѣсти—по крайней мѣрѣ, сравнительно съ братомъ и его нареченнымъ зятемъ; онъ вредилъ и вредитъ лишь себѣ, *онъ чужого вѣку не заѣдалъ*. Напрасно Коршуновъ увѣряетъ: «это онъ по злобѣ на меня говорить спяну». — «Я тебѣ давно простилъ, спокойно отвѣчаетъ Любимъ Торцовъ. Я человѣкъ маленькій, червякъ ползущій, ничтожество изъ ничтожествъ! Ты другимъ-то зла не дѣлай», заключаетъ онъ, считая себя даже слишкомъ ничтожнымъ, чтобъ стоять за себя и мстить, но чувствуя себя «власть имущимъ», если онъ заступаетъ за другихъ, за безвинную жертву родного отца. Сознавая въ себѣ эту власть, онъ вдругъ нравственно вырастаетъ, онъ повелительно говоритъ, когда братъ приказываетъ его вывести: «не трогать!» — «Хорошо тому на свѣтѣ жить, у кого нѣтъ стыда въ глазахъ!» И видя, что все кругомъ, недоумѣвая, молчитъ, онъ уже со всею полнотою своего человѣческаго достоинства заключаетъ: «о люди, люди! Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше васъ! Вотъ теперь я самъ пойду: шире дорогу!» Если вѣрно, что отъ высокаго до смѣшного часто бываетъ всего одинъ шагъ, то тутъ выходитъ наоборотъ

что отъ смѣшнаго до высокаго тоже одинъ шагъ. Съ ка-кимъ-бы изумленіемъ ни восклицалъ про Островскаго по-койный Щербина: «зовуть тебя Шекспиромъ Русскимъ», но онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права обозвать нашего драматурга «гостинодворнымъ Коцебу». Смѣшное и высо-кое также жизненно-пограничны подчасъ у Островскаго, какъ и у самого Шекспира.

У Любима Торцова, по его словамъ, заговорила кровь. Но у него также заговорило и прирожденное человѣку чувство правды. Съ такою же смѣлостью далъ ему впо-слѣдствіи зазвучать Островскій — только на поприщѣ не-измѣримо-расширенномъ — зазвучать устами Минина:

Не самъ я говорилъ, кровь говорила.

Когда же вздумали ему пригрозить:

А скажутъ замолчать, такъ замолчишь.

Онъ съ невозмутимою увѣренностью отвѣтилъ:

Не замолчу. На то мяѣ данъ языкъ,
Чтобъ говорить,...

Во имя тѣхъ же державныхъ правъ человѣческаго язы-ка, какъ органа Божьей правды, заговорилъ и не позво-лилъ себя остановить и Любимъ Торцовъ.

Онъ заговорилъ безъ опредѣленнаго плана, безъ вѣрнаго расчета на то, чтобы, разобидѣвъ Коршунова, заставить его разобидѣть Торцова и такимъ образомъ стравить и затѣмъ развести двухъ стакнувшихся самодуровъ. Но такъ оно выходитъ на самомъ дѣлѣ — и въ этомъ глубокая пси-хологія нашей драмы (тутъ ужъ не скажешь: комедія). «Шалишь», говоритъ любезному тестюшкѣ Коршуновъ, «я даромъ себя обидѣть не позволю. Нѣтъ, ты теперь приди-ка ко-мнѣ, да мнѣ поклоняйся, чтобъ я дочь-то твою взялъ». Но вотъ тутъ-то коса и находитъ на камень. «Я къ тебѣ пойду кланяться?» гордо спрашиваетъ Гордѣй. «Пойдешь, я тебя знаю», отвѣчаетъ Коршуновъ. «Тебѣ нужно свадьбу сдѣлать, хоть въ петлю лѣзть, да только бѣ весь городъ

удивить, а жениховъ-то нѣтъ. Вотъ несчастье-то твое». Но это выходитъ уже черезъ край. «Опосля этого, когда ты такія слова говоришь» отрѣзаетъ Гордѣй Карповичъ, «я самъ тебя знать не хочу. Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого вздумается, за того и отдамъ! Съ деньгами, что я за ней дамъ, всякій человѣкъ будетъ». Тутъ, какъ разъ, входитъ Митя, и Гордѣй, расходившись, приговариваетъ: «вотъ за Митьку отдамъ!... Завтра же, да такую свадьбу задамъ, что ты не видывалъ: изъ Москвы музыкантсвъ выпишу, одинъ въ четырехъ каретахъ поѣду».

Разнаго рода критики, по замѣчанію Добролюбова, возстали на автора за произвольность развязки. «Внезапная перемена Гордѣя Карповича, его ссора съ Африканомъ Савичемъ и вниманіе къ требованіямъ Любима Торцова показались имъ неестественными.» Самъ Добролюбовъ справедливо выступилъ на защиту Островскому, замѣтивъ: «одинъ самодуръ говоритъ: ты не смѣешь этого сдѣлать!» а другой отвѣчаетъ: «нѣтъ смѣю». Тутъ споръ идетъ уже о томъ, кто кого передурить» (99, 101).

«За Митьку, да!» продолжаетъ Гордѣй хорохориться. «На зло ему, за Митрію отдамъ». Напрасно однакожь Митя, подъ влияніемъ внезапной радости, сейчасъ и принялъ эти слова за чистую монету. Да, напрасно онъ разчувствовался, говоря: «за чѣмъ же на зло, Гордѣй Карпычъ? Со зломъ такого дѣла не дѣлаютъ. Мнѣ на зло не надобно-съ. Лучше ужъ я всю жизнь буду мучиться. Коли ужъ есть ваша такая милость, такъ ужъ вы благословите насъ, какъ слѣдуетъ, по родительски, съ любовію.... Какъ любили мы другъ друга и даже до этого случая хотѣли вамъ повиниться... А ужъ я вамъ вмѣсто сына, то есть завсегда, всей душой-съ». Чуть было онъ этимъ не испортилъ всего дѣла. «Что, что всей душой?» Говоритъ Гордѣй Карпычъ. «Ты ужъ и радъ случаю! Да какъ ты смѣлъ подумать-то? Что она, ровня, что ль, тебѣ? Съ кѣмъ ты говоришь, вспомни!» Но не даромъ же раздалось смѣлое слово Любима Торцова. Много значить смѣлое слово, и не пропадаетъ

оно даромъ. Даетъ оно знать и другимъ, что нельзя молчать, подсказываетъ оно и другимъ, что грубая сила должна же сдаться передъ правдивымъ словомъ. Заговорила и безгласная, непрекословная Любовь Гордѣевна: «я, тятенька, вашей волѣ не перечила. Коли хотите моего счастья, отдайте меня за Митю». Заговорила и Пелагея Егоровна: «что ты, въ самомъ дѣлѣ, Гордѣй Карпычъ, капризничаешь, да!... Я было ужь обрадовалась, насилу-то отъ сердца отлегло, а ты опять за свое... То скажешь за одного, то за другого. Что она тебѣ, на мытарство, что ли, досталась?» Снова заговорилъ, выдвигаясь изъ толпы, бывшей свидѣтельницей всего предыдущаго, и Любимъ Карпычъ, заговорилъ ровнымъ, но проникающимъ въ душу голосомъ: «братъ, отдай Любушку за Митю». Ужь напрасно теперь Гордѣй Карпычъ думаетъ защититься отъ пересиливающихъ его—тѣмъ, что ссылается на конфузъ, до котораго его довелъ Любимъ. «А ты еще съ совѣтами лѣзешь», пытается онъ еще разъ отпихнуть его. Ужь пускай бы говорилъ человѣкъ, да не ты».—«Да ты поклонись Любиму Торцову въ ноги, что онъ тебя оконфузилъ-то», несдаваясь, по прежнему, властнымъ тономъ ему говорить Любимъ, а Пелагея Егоровна отъ всей полноты сердца подхватываетъ: «именно, Любимушка, надо тебѣ въ ноги поклониться... да... именно. Снялъ ты съ нашей души грѣхъ великій; не замолить бы намъ его».—«Что жь, я—извергъ, что ли какой въ своемъ семействѣ», начинается совѣтъ сдаваться Гордѣй Карпычъ. «Изъ этого вы ужь замѣчаете, сказано и у Добролюбова, что его начинаетъ пробивать великодушіе. Разъ ужь поставилъ на своемъ, прогнавъ Коршунова, и слѣдовательно самолюбіе его удовлетворено покамѣсть. Къ тому же онъ уже и утомленъ напряженіемъ, которое сдѣлалъ, и не въ состояніи теперь снова собрать ту-же энергію для другой борьбы. А тутъ вмѣстѣ съ кроткими мольбами жены допекаютъ его разсужденія и назойливыя просьбы брата Любима, который говоритъ съ нимъ смѣло и рѣшительно, безъ всякихъ умолчаній, подкрѣпляя просьбы свои доказательствами, взятыми изъ собственнаго опы-

та». (102). «Посмотри на меня» говоритъ онъ, «вотъ тебѣ примѣръ—Любимъ Торцовъ передъ тобой живой стоитъ. Онъ по этой дорожкѣ ходилъ, знаетъ какова она (т.-е. дорога богатства безъ руководящихъ правилъ.) И я былъ богатъ и славенъ, въ каретахъ ѣздилъ, такія штуки выкидывалъ, что тебѣ и въ голову не придетъ, а потомъ верхнимъ концомъ да внизъ». Но Гордѣй Карпычъ дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы отпихнуть его, говоря: «Ты мнѣ что ни говори, я тебя слушать не хочу, ты мнѣ врагъ на всю жизнь».—«Человѣкъ ты или звѣрь, окончательно напираетъ на него братъ; пожалѣй ты и Любима Торцова». Тутъ и колѣни невольно подкашиваются у Любима: онъ уже не бичуетъ и требуетъ, а слезно молить. Поднявшись на ту высоту человѣческаго достоинства, на которую вдругъ его подняло занятое имъ положеніе глашатая правды, онъ, оглядываясь на себя, въ ужасъ приходитъ отъ предстоящаго ему возврата на прежнюю низменную линію, и хватается за Митино счастье, какъ за единственный якорь и для своего спасенія. «Братъ, отдай Любушу за Митю», причитаетъ Любимъ, онъ мнѣ уголь дасть. Назябся ужъ я, наголодался. Лѣта мои прошли, тяжело ужъ мнѣ паясничать на морозѣ-то изъ-за куска хлѣба; хоть подъ старость-то да честно пожить. Вѣдь я народъ обманывалъ: просилъ милостыню, а самъ пропиывалъ. Мнѣ работишку дадутъ; у меня будетъ свой горшокъ щей». У меня, хочеть онъ сказать, будетъ то, чего ты не захотѣлъ мнѣ дать, какъ бы мало оно тебѣ ни стоило; такъ дай же хоть другому-то дать мнѣ, чего самъ не далъ. А вѣдь Митя дасть. «Что онъ бѣденъ-то? Эхъ, кабы я бѣденъ былъ, я бы человѣкъ былъ. Бѣдность не порокъ!» Тутъ только стоитъ еще подсказать Пелагеѣ Егоровнѣ: «неужели въ тебѣ чувства нѣтъ?»,—и Гордѣя уже прошибаетъ слеза. «А вы и въ самомъ дѣлѣ думали, что нѣтъ?» спрашиваетъ онъ, поднимая брата. Не знаю, какъ и въ голову вошла такая гнилая фантазія.» Благословляя дочь и Митю, онъ даже велитъ имъ сказать спасибо дядѣ Любиму Карпычу.

Драма кончается переходомъ опять въ комедію, благодаря развеселой выходкѣ Разлюляева, которую онъ какъ бы утѣшаетъ себя за то, что приходится уступить Митѣ Любовь Гордѣевну, любимую имъ въ тихомолку. «Это онъ правду говорить: пьянство не порокъ... то бишь бѣдность не порокъ... Вотъ всегда проврюсь!»

Но замѣчательно, что точно также провиралась и извѣстная часть публики. Раздавались въ ней и такіе голоса, будто бы Островскій въ своей комедіи представилъ нѣчто въ родѣ апопееозы разгула. Такое милое пониманіе дѣла, какъ старался показать Добролюбовъ, было своего рода отпоромъ тому диѳирамбу въ честь Любима Торцова, который напечатанъ былъ въ видѣ стиховъ въ «Москвитянинѣ» 1854 г.

Поэта образы живые
Высокій комикъ въ плоть облекъ...
Вотъ отчего теиерь впервые
По всѣмъ бѣжить единый токъ,
Вотъ отчего театра зала
Отъ верху до низу однимъ
Душевнымъ, искреннимъ, роднымъ
Восторгомъ вся затрепетала.
Любимъ Торцовъ предъ ней живой
Стоить съ поднятой головой,
Бурнусъ напяливъ обветшалый,
Съ растрепанною бородой,
Несчастный, пьяный, исхудалый,
Но съ Русской чистою душой.

Комедія ль въ немъ плачетъ передъ нами,
Трагедія ль хохочетъ вмѣстѣ съ нимъ,—
Не знаемъ мы, и вѣдать не хотимъ.
Скорѣй въ театр! Тамъ ломятся толпами...

.....
На сердцѣ тамъ тепло, тамъ вольно дышитъ грудь,
Любимъ Торцовъ душѣ тамъ прямо кажетъ путь.

Но если стихи эти (едва ли не Ап. Григорьева) нѣсколько туманны и нѣсколько странны, то скрывающаяся въ нихъ мысль уже совершенно ясно и отчетливо высказана въ

слѣдующихъ строкахъ—уже не стихотворца, а критика: «Любимъ Торцовъ возбуждаетъ глубокое сочувствіе не протестомъ своимъ, а могучестью натуры, соединенной съ высокимъ сознаниемъ долга, съ чувствомъ человѣческаго достоинства, уцѣлѣвшими и въ грязи, глубиною своего раскаянія, искреннею жаждою жить честно, по-божески, по-земски» *).

Да, отъ Любима Торцова, какъ и отъ Потапа Максимыча (у Мельникова), вѣтъ незаглушеннымъ торговой средой духомъ общины! Отсюда-то и возможность того сближенія съ Мининымъ, которое мы позволили себѣ выше.

Любиму Торцову, если вѣрить словамъ самого Гордѣя Карпыча, удалось довести брата до того, что онъ, разрѣшая жениться и своему племяннику Гуслину и предлагая всѣмъ просить у него, что нужно, становится «совсѣмъ другимъ человѣкомъ». Но Добролюбовъ не вѣрилъ подобному превращенію «расквасившагося» Гордѣя Карпыча. «Какой широкой размахъ великодушія, подумаешь! говорилъ онъ. Такъ и чуешь какого-то восточнаго султана, который говоритъ: все въ моей власти!.. Стоитъ мнѣ мигнуть, и съ тебя голову снимутъ; стоитъ сказать слово, и неслыханно роскошные дворцы вырастутъ для тебя изъ земли. Проси, чего хочешь. Полмира могу взять и подарить, кому хочу» (102—103). И Добролюбовъ, конечно, правъ въ своемъ недовѣрїи къ совершившемуся въ Гордѣя Карпычѣ перевороту. Вообще, гдѣ только дѣло касается прямого заправскаго самодурства, тамъ критика Добролюбова остается во всей своей силѣ.

Но онъ захотѣлъ подвести подъ ту же формулу самодурства и драму «Не такъ живи, какъ хочется» (1855 г.), — а съ этимъ едва ли опять можно согласиться. Передъ нами произведеніе, которое уже самъ авторъ называлъ «народной драмой», а не комедіей и время дѣйствія котораго онъ отодвинулъ въ конецъ XVIII столѣтія. Это не мѣшаетъ, конечно, драмѣ воспроизводить передъ нами и

*) Соч. Ап. Григорьева, I, 462.

нынѣшнія черты купеческаго быта. Самодурство, и теперь существующее, коренится въ прошломъ. Только хотѣли ли авторъ въ своей драмѣ указать намъ на историческіе его корни? Въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ комедіи, Петрѣ Ильичѣ, «мы видимъ, говорилъ Добролюбовъ, безотрадность и безвыходность того положенія, въ которое онъ самъ и всѣ, близко съ нимъ связанные, ввергнуты самодурнымъ бытомъ» (120). Но начнемъ съ отца Петра Ильича, зажиточнаго купца Ильи Ивановича. Даетъ ли намъ авторъ какое нибудь основаніе полагать, чтобы онъ, крутостію своего обращенія съ сыномъ сызмальства, довелъ его мало-по-малу до реакціи, сказавшейся въ бурномъ образѣ жизни? Мы видимъ Илью Ивановича уже старикомъ, отказавшимся отъ міра и его суеты. Но вѣдь самодурство, не смотря на это, должно бы было въ чемъ нибудь у него проглянуть, если бъ оно въ самомъ дѣлѣ за нимъ водилось. Когда сынъ съ женою перекоряются у него на глазахъ, онъ говоритъ имъ: «что вы, при мнѣ-то? Молчать!»—Далѣе, онъ заключаетъ свои увѣщанія Петру словами: «вотъ тебѣ—мой приказъ, родительскій приказъ грозный: опомнись, взгляни на себя!» Но вѣдь это-жь не что иное какъ, если можно такъ выразиться, народно обрядовыя формы родительской власти. Вообще старикъ говорить не о покорности себѣ самому, а объ обязательности закона, руководящихъ правилъ въ жизни. «Нешто я его такъ воспитывалъ?» спрашиваетъ онъ. «Извѣстно, по своей волѣ легче жить, чѣмъ по закону, говоритъ старикъ; да своя-то воля въ пропасть ведетъ. Доброму одна дорога, а развращенному десять. Узкій и прискорбный путь вводитъ въ животь, а широкій и пространнѣй вводитъ въ пагубу».... «Нешто я такъ жилъ, спрашиваетъ онъ. Молодъ, такъ и распутничать! Не для веселья мы на свѣтѣ-то живемъ. Не подъ старость, а съ молоду добрыми-то дѣлами запасаться. Ты оглянись на себя: дома ты не живешь, знаешься съ людьми нехорошими, жену обижаешь».... «Тебя нешто кто неволилъ ее брать?» еще раньше спрашивалъ онъ сына ради большаго вразумленія. «Самъ взялъ,

не спросясь ни у кого, украдучи взялъ, а теперь она виновата. Вотъ пословица-то сбывается: «Божье-то крѣпко, а вражье-то лѣпко».... «И говорить-то мнѣ тяжело, замѣчаетъ старикъ.... Кабы разумъ былъ, а безъ разуму и ученье не въ прокъ». На легкомысленное замѣчаніе Петра, что «на нѣтъ и суда нѣтъ», Илья Ивановичъ говоритъ: «а нѣтъ, такъ наберись у добрыхъ людей, да проси Бога, чтобъ далъ, а то какъ червь погибнешь». «Прощайте! заключаетъ старикъ. Коли будете жить хорошо, такъ приду о праздникѣ, а до тѣхъ поръ не ходите ко мнѣ, мнѣ и такъ суета надоѣла».... «Помни, Петръ! передъ твоими ногами бездна отверстая».... «Порадуй меня, Петръ!» — Это ли языкъ самодура?

Если въ чемъ и можно винить старика, то развѣ въ томъ, что онъ уже слишкомъ сторонится отъ своихъ отеческихъ обязанностей; высказался,—да и опять на покой. «Придешь къ вамъ на недѣлю-то, ровно въ омутъ», говоритъ онъ въ самомъ началѣ. «Я старый человекъ, мнѣ покой нуженъ, пора и свою душу вспомнить. Будетъ, пожилъ въ міру, всего насмотрѣлся, только дурного-то больше видѣлъ, чѣмъ хорошаго». Это отзывается какимъ-то религіознымъ покоелюбіемъ, заботливостью, главнымъ образомъ, о своей душѣ, — словомъ, тѣмъ византійствомъ, о которомъ такъ вѣрно отзывался Мельниковъ, указывая на его формалистическое бездушіе, на отсутствіе въ немъ дѣятельной любви. При подобномъ направленіи вѣры, безжизненномъ и формальномъ, и не оказывается настоящаго противовѣса страстямъ. Петръ Ильичъ вполнѣ предоставленъ на всю на ихъ волю. И окружающіе видятъ въ немъ какую-то стихійную силу, распоряжающуюся имъ на просторѣ. «За грѣхъ за какойнибудь наказанье экое Петру Ильичу, да за наше неумоленіе», говоритъ тетка Аѳимья. Въ увлеченіи такимъ фатализмомъ она говоритъ и его несчастной женѣ: «ты, видно, Даша, уже такая горькая зародилась, да вотъ и къ намъ-то несчастье принесла». Когда самъ Петръ говоритъ, точно будто бы слѣдуя какому-то дикому принципу: «мнѣ что за дѣло, какъ люди

жить; я живу, какъ мнѣ хочется», то это въ сущности означаетъ, что живетъ онъ, какъ живется его страстямъ, куда онъ его тянуть, въ томъ онъ и тонетъ, какъ въ омутѣ. Онъ—человѣкъ безудержа, пугающійся подчасъ самого себя, хотя и храбрится передъ отцомъ: «проживемъ какъ нибудь своимъ умомъ—не чужимъ». Женѣ онъ вѣдь самъ говоритъ: «не поминай лихомъ, добромъ нечѣмъ». А женился-то онъ на ней вѣдь добромъ, а не силою, т. е. не по приказу, не по родительской волѣ, а по своей собственной. Онъ рѣшился ее увести въ порывѣ страсти, и потомъ въ порывѣ такой-же страсти, только разомъ направившейся въ другую сторону, говоритъ Грушѣ: «скажи ты мнѣ теперь: загуби свою душу за меня! Загублю—глазомъ не сморгну». Когда Груша узнаетъ, что онъ женатъ и отталкиваетъ его, онъ хочетъ приворожить ее съ помощью Еремки, приворожить такъ, чтобъ «не она надъ нимъ, а онъ надъ нею куражился, какъ душѣ угодно». Но и въ этомъ не властолюбіе, а только безсиліе жить безъ той, къ кому его тянетъ страсть и кого онъ потому-то и рвется привязать къ себѣ. Вернувшись домой и грозя теткѣ убить, своими руками задушить жену, онъ вдругъ говоритъ: «Страшно мнѣ, страшно!» плачетъ и проситъ ту же тетку сѣсть съ нимъ, жалуясь, что его обижаютъ. «Самъ всему причиной, не на кого пенять», замѣчаетъ она. Но онъ и не споритъ: «я пьяница, говоритъ, я безумный, ну, убейте меня... Ну, убейте же, мнѣ легче будетъ. Кто меня пожалѣетъ, а вѣдь я человѣкъ тоже». А тамъ опять переходъ къ прежнему. «Гдѣ жена? подай, подай жену! она моя жена, она моя раба!» Но въ этомъ словѣ *раба* опять-таки сказывается не самодуръ, жаждущій власти, ради власти, а страстный человѣкъ, требующій того, чтобъ не стояла она ему поперекъ дороги, чтобъ сама же теперь пришла и подставила грудь подъ его ножъ. «Я ее по слѣду найду, приходитъ онъ въ изступленіе. Теперь зима, снѣгъ, по слѣду все видно, мѣсяць свѣтитъ все равно, что днемъ». Хочетъ бѣжать за ней, а самъ, между тѣмъ, садится. «Страшно мнѣ, страшно! Вотъ мятель поднялась...

Ужъ такъ и гудеть! Вонъ завыла... вонъ, вонъ собака завыла. Это онѣ на мою голову воють, моей гибели ждуть. Ну и что жь войте! Я проклятый человѣкъ... Я окаянный человѣкъ!» Онъ, яко бы жаждущій надъ другими власти, не имѣетъ ея и тѣни надъ самимъ собою; онъ—только боящійся самого себя и самъ себя презирающій, жалкій рабъ своей владычицы—страсти.

«Г. Островскій,—справедливо замѣтилъ критикъ «Русской Бесѣды»,—представилъ въ своей драмѣ страстность, какъ зло, воюющее противъ законнаго семейнаго начала, въ совершенную противоположность тѣмъ Западнымъ романамъ и повѣстямъ, гдѣ выводится, наоборотъ, законное начало, какъ зло, губящее свободу и красоту личной жизни». Критику въ свое время сильно досталось за это, особенно же за то, что говорилъ онъ въ своей статьѣ о романахъ Жюльъ Зандъ, разсматривая ихъ именно со стороны такъ называемаго «женскаго вопроса». Между тѣмъ, что касается собственно Островскаго, то критикъ, кажется, достаточно выяснилъ свою мысль въ дальнѣйшемъ ея изложеніи. «Въ этой драмѣ,—говорилъ онъ,—взяты мужъ съ женою, соединившіеся по страстной взаимной привязанности, которая заставила ихъ забыть важныя естественныя обязанности: они обвѣнчались тайкомъ отъ родителей, не испросивъ на то ихъ благословенія». Между тѣмъ, замѣтимъ мы отъ себя, ни изъ чего вѣдь не видно, чтобы родители имъ противодѣйствовали, самовластно распоряжались ихъ судьбою, словомъ самодурствовали и собственно этимъ и вызвали ихъ побѣгъ и бракъ въ тихомолку, не на людяхъ, безъ принесенья взаимныхъ обѣтовъ передъ міромъ-народомъ. «Но и послѣ своего соединенія,—продолжаетъ критикъ,—они не умѣли развитъ своихъ отношеній въ истинно супружескія, оставаясь и въ бракѣ страстными любовниками: тѣ же самыя побужденія, по которымъ они соединились, въ дальнѣйшемъ своемъ естественномъ развитіи привели ихъ къ разладу, который и данъ въ драмѣ исходною точкою дѣйствія» *).

*) „Русская Бесѣда“ 1856 г., I. Критика, стр. 93—94. Ст. Т. И. Филиппова.

хотѣлось, очевидно, указать на то, что настоящій бракъ долженъ основываться не на пылкомъ увлеченіи страстью, а на осмысленной, строго нравственной, глубокой и прочной взаимной привязанности. При такой-то привязанности, помимо всякихъ законовъ о нерасторжимости, бракъ и на самомъ дѣлѣ будетъ нерасторжимъ. Вотъ такой-то глубокой привязанности и не было между Петромъ и Дашей (по крайней мѣрѣ съ его стороны), а потому между ними и нѣтъ настоящаго брака. Такой привязанности, разумѣется, не оказывается и между Петромъ и Грушей, а потому, если бы даже, послѣ смерти жены, Петру и можно бы было обвѣнчаться съ Грушею, и между ними все-таки не было бы настоящаго брака—не было бы даже и въ случаѣ такого отличія его отъ брака съ Дашей, какъ существованье при немъ дѣтей. Да, настоящаго брака не было бы и тутъ, а были бы только несчастныя дѣти, которымъ пришлось бы только проклинать судьбу, если бы смерть не прибрала ихъ заранѣе. Да, но если настоящаго брака при страстно-быстромъ его происхожденіи существовать не можетъ, то не установится же онъ и вслѣдствіе того, что Даша, сама рѣшившаяся бѣжать отъ мужа къ родителямъ, возвращается ими мужу, такъ сказать, по принадлежности. Но старикъ Агафонъ, отецъ Даши, не принимаетъ этого въ толкъ, когда говоритъ: «какъ я возьму тебя къ себѣ? вѣдь онъ мужъ твой!... Ты думаешь, мнѣ тебя не жаль? Ну, вотъ всѣ вмѣстѣ и поплачемъ о твоёмъ горѣ—вотъ и вся наша помощь!». Что онъ дѣйствительно съ мягкимъ сердцемъ, на это авторъ указываетъ и теплыми словами его о своей лошаdkѣ: «отпрегъ, поставилъ на мѣсто, сѣнца далъ. Животинку-то жалѣть надо, вѣдь она не скажетъ». Ему ли же не пожалѣть своего дѣтища, которое сказало ему всю свою бѣду, чтобы дождаться отъ него подпоры. При своей добротѣ, онъ не отталкиваетъ ее за то, что она покинула своихъ родителей. «Я любовь къ ней имѣю,—говоритъ онъ,—потому одна, а кого любишь, того и простишь.... Я и врагу прощу, я никого не сужу. Да развѣ я одинъ судья-то? Богъ-то проститъ ли? Можетъ оттого и

съ мужемъ-то дурно живетъ, что родителей огорчила. Какъ знать?».—Старикъ, конечно, понимаетъ это въ смыслѣ религіознаго фатализма, но это можно бы понять и въ такомъ смыслѣ: не хватило семейнаго чувства въ одномъ отношеніи, можетъ и въ другомъ не хватить. И вѣдь тогда оно будетъ вѣрно. Но, какъ бы тамъ ни было, если ужъ не хватило, то не заведется же вдругъ теперь отъ такихъ логическихъ доводовъ: «отцы наши такъ жили, не жаловались—не роптали. Ужели мы умнѣе ихъ? Поѣдемъ къ мужу». Правда, водворивъ ее опять у него, старикъ прибѣгаетъ еще и къ такимъ доводамъ: «ну, ты его оставишь, бросишь, а онъ въ отчаяніе придетъ — кто тогда виноватъ будетъ, кто? Ну, а захвораетъ онъ, кто за нимъ уходить. А застанетъ его смертный часъ, захочетъ онъ съ тобой проститься, а ты по гордости ушла отъ него». Старикъ, видимо, хочетъ возбудить въ ней сознанье обязанностей относительно мужа, каковъ бы онъ ни былъ, милъ онъ еще ей хоть немного, или ужъ и совсѣмъ не милъ. Но на все это, конечно, отвѣты не трудны. Въ отчаяніе придетъ? да вѣдь онъ ужъ въ отчаяніи, и именно оттого, что она тутъ. Захвораетъ? но вѣдь ея-то ухода за собою онъ и не захочетъ. Застигнетъ его смертный часъ?—можно простить его и заочно, можно молиться и за умершаго. Не скорѣе ли, именно оставивъ его теперь, она и дастъ ему прийти въ себя, о ней же современемъ вспомнить, къ ней же прийти съ повинной? Лучше развѣ, что онъ теперь гонится за ней съ ножомъ, и готовъ дойти до послѣдняго отчаянія — стать убійцею? Мы думаемъ даже, что и въ простомъ народѣ нашлись бы родители, способные взять это въ толкъ и принять къ себѣ снова дочь—хотя бы на время. Конечно, вполне возможны въ народѣ и такіе, какъ Агафонъ со своей Степанидой, и авторъ во всякомъ случаѣ правъ. Только дѣло тутъ вовсе не въ самодурствѣ: родители Даши совсѣмъ не похожи на самодуровъ. Все дѣло тутъ въ несообразности этихъ добрыхъ людей, держащихся не за духъ, а за букву закона.

Драма однакожь кончается счастливо, но изъ этого

еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы ею,—какъ выразился критикъ «Русской Бесѣды», — оправдались совѣты Дашина отца. Самъ же онъ находитъ, что въ развязкѣ «Островскій показалъ свою обычную слабость; онъ не умѣетъ никогда свести своего дѣйствія къ круглому заключенію, которое удовлетворило бы чувство читателя. Такъ случилось и здѣсь: доведя дѣйствіе до самой крайней точки драматическаго возвышенія, онъ круто повернулъ его въ противную сторону и привелъ читателя туда, куда тотъ и не думалъ попасть» *). Мы не можемъ признать, чтобы развязки и вообще не удавались Островскому, мы находимъ, на примѣръ (вопреки критику «Русской Бесѣды»), что въ комедіи «Бѣдность не порокъ» развязка не случайна, а исполнена психологической правды. Но, что касается нашей драмы, то развязка въ ней совершенно случайная. «Взялъ я тутъ, пьяный-то, ножикъ, да и иду будто за ней... Мерещатся мнѣ разныя диковины да люди какіе-то незнакомые, я за ними... я за ними... Спрашиваю, гдѣ жена? Они смѣются, да куда-то показываютъ. Я все шелъ, шелъ.... вдругъ гдѣ-то въ колоколъ.... Я только что поднялъ руку, гляжу—я на самомъ-то юру Москвы рѣки стою надъ прорубемъ». Мы далеки отъ того, чтобы принимать этотъ колокольный звонъ такъ непосредственно, въ смыслѣ мѣди звенящей, какъ выставляется онъ у Добролюбова (24, 120, 150). Мы помнимъ, что значить въ народной поэзіи *звоны колокольные*, отмѣненные въ Кіевѣ идолищемъ. Они служатъ символомъ Христіанства, той его внутренней силы, которая освобождаетъ человѣка отъ ига страстей. Въ такомъ то смыслѣ подѣйствовало колокольный звонъ и на Петра Ильича—въ смыслѣ уже не обрядоваго только, но и жизненнаго значенія христіанства. «Жизнь-то моя, говоритъ онъ, прошлая-то, распутная-то, вся вотъ какъ на ладонкѣ предо мной. Вспомнилъ я тутъ и батюшкины слова, что хожу я, злодѣй, надъ пропастью. Вотъ они — правдивыя-то слова. Такъ оно и

*) „Р. Бесѣда“ 1856 г. I, критика, стр. 95.

вышло! Ужь не забыть мнѣ этой ночи, кажется, до самаго гроба.... Помогите мнѣ, добрые люди, замолить этотъ грѣхъ».

Благо, конечно, Петру, что звонъ этотъ раздался такъ кстати. Но вѣдь онъ могъ бы и не раздаться во время. Могъ бы вѣдь Петръ Ильичъ и оступитья въ пропасть, могъ бы очутиться въ ней и въ другомъ смыслѣ,—настигнувъ жену и убивъ ее; а вѣдь, если бы родители взяли ее къ себѣ, и Груша, узнавшая все про него, окончательно прогнала его отъ себя (вѣдь она же къ замужеству стремилась, а оно съ Петромъ невозможно), то онъ бы, вѣроятно, пришелъ наконецъ въ себя и не подвергаясь ужасному искушенію — стать убійцей жены. Агафонъ, стало быть, только пользуется счастливымъ случаемъ, чтобы получить право сказать: «что, дочка, говорилъ я тебѣ?».

Но къ чему же драмѣ дано заглавіе: «Не такъ живи какъ хочется»? Конечно къ тому, что бы напоминалась и вторая половина пословицы: «а какъ Богъ велить». Смыслъ драмы, разумѣется, все-таки тотъ, что прямая жизнь—это жизнь не по произволу страстей, а подъ наитіемъ нравственнаго закона.

По выполненію драма эта слабѣе предыдущихъ. Многое въ ней только намѣчено, недодѣлано, и правъ былъ Ап. Григорьевъ, называя ее «набросаннымъ очеркомъ широкой народной драмы» (стр. 463).

III.

„Доходное мѣсто“. — **„Въ чужомъ пиру похмѣлье“.** — **„Не сошлись характерами“.** — **„Бальзаминовская трилогія“.**

«Бываютъ въ «темномъ царствѣ» и такіе случаи, что неразумные бѣдняки женятся на бѣдныхъ дѣвушкахъ,—говорилъ Добролюбовъ. И тутъ-то начинается адъ кромѣшный! Адъ этотъ хорошо изображенъ Островскимъ въ

«Доходномъ мѣстѣ» (1857); (143). Что тутъ дѣйствительно своего рода адъ, объ этомъ мы спорить не будемъ. Но чтобы и тутъ мы имѣли дѣло собственно съ самодурствомъ, это другой вопросъ, хотя бы даже и Ап. Григорьевъ относилъ эту комедію къ тѣмъ произведеніямъ Островскаго, многими сторонами которыхъ онъ какъ будто вызвалъ теорію о «Темномъ царствѣ» (466).

«Читатели,—продолжалъ Добролюбовъ,—конечно, помнить исторію молодого Жадова, который, будучи племянникомъ важной особы, раздражаетъ дядю своимъ либерализмомъ и лишается его благосклонности, а потомъ, женившись на хорошенькой и доброй, но бѣдной и глупой Полинѣ, и потерявши нѣсколько времени нужду и упреки жены, приходитъ опять къ дядѣ —уже просить доходнаго мѣста. Изложеніе семейныхъ отношеній и указаніе ихъ вліянія на общественную дѣятельность представляется намъ лучшею стороною этой комедіи». Мы съ этимъ вполне согласны; но въ чемъ же заключаются эти семейныя отношенія и ихъ вліяніе на общественную дѣятельность? Дядя Жадова, Вышневицкій, человѣкъ, достигшій «степеней извѣстныхъ», думалъ, женившись уже одряхлѣвшимъ старикомъ, привязать къ себѣ молодую жену великолѣпною отдѣлкою дома, постройкою дачи и такимъ множествомъ брилліантовъ, которымъ она могла бы затмить любую купчиху. Онъ зашелъ такъ далеко, что, ради всего этого, «рискнулъ, по его собственному выраженію, болѣе, нежели позволяло благоразуміе». Жена, въ отвѣтъ на его напоминанія о подобныхъ, принесенныхъ для нея, жертвахъ, проситъ его «не дѣлать ея участницею его поступковъ, если они не совсѣмъ честны». Въ своемъ обращеніи съ нею онъ вовсе не самодурствуетъ, онъ готовъ даже за ней ухаживать, рассчитывая только на то, что «долгъ платежомъ красенъ». Онъ принадлежитъ къ тому великому множеству пріобрѣтателей любви за деньги всякими незаконными и законными средствами, во всякихъ незаконныхъ и законныхъ формахъ, которыми полнится не только невѣжественный и грубый, но и просвѣщенный и деликатный

міръ. Онъ—одинъ изъ представителей того «дряхлаго любодѣйства» подъ фирмою брака, которое бичевалось когда-то поэтомъ Бенедиктовымъ, и не думавшимъ при этомъ о самодурствѣ. «Оглянись вокругъ себя,—говоритъ Вышневскій Жадову:—какая умная дѣвушка задумается выйти замужъ за богатаго старика, или урода? Какая мать усомнится выдать дочь такимъ образомъ, даже противъ ея воли, считая слезы своей дочери за глупость, за ребячество, и благодаря Бога, что онъ послалъ ея Машенькѣ или Аннушкѣ такое счастье. Каждая мать напередъ увѣрена, что дочь послѣ будетъ благодарить ее». Такая маменькина практическая философія, пожалуй, и отзывается «всею родительскою волею», но вѣдь въ основѣ тутъ не самое удовольствіе отъ ея проявленія, а ложное понятіе о счастьи—счастьи той же самой дочери. Да и сколько наконецъ такихъ дочерей, которыя, даже и при образованіи, легко поддаются внушеніямъ маменьки, а подчасъ и по собственной волѣ выходятъ за какую-нибудь руину, подталкиваемая иногда нуждою, иногда же и безъ особенной нужды разсчетомъ на особенный комфортъ при надеждѣ на скорую смерть супруга и близость полученія безъ него его хорошей пенсіи. Вышневская, правда, вышла за своего мужа не по собственной волѣ. «Вы видѣли,—говоритъ она ему,—мое отвращеніе къ вамъ, и, несмотря на это, вы, все-таки, купили меня за деньги у моихъ родственниковъ, какъ покупаютъ невольницъ въ Турціи». «Вы,—продолжаетъ она,—свою покупку—не скажу: освятили,—нѣтъ, а закрыли, замаскировали бракомъ. Иначе нельзя было; мои родные не согласились бы, а для васъ все равно». Она, какъ выходитъ изъ этого, только при узаконенной формѣ сожителства, таже Шиллеровская Леди Мильфордъ, которой пришлось выбирать одно изъ двухъ—или броситься въ воду, или сдаться на предложенія герцога. Это, говоря другими словами, все таже «Сонечка, вѣчная Сонечка, пока свѣтъ стоитъ», Сонечка, положительно выходящая за предѣлы нашего «темнаго царства», возможная при всевозможныхъ усовершенствованныхъ формахъ быта и

при всякихъ степеняхъ образованія. Вышневецкой, совершенно подобной леди Мильфордъ, только поставленной въ менѣе важную сферу, приходится затѣмъ говорить своему щедрому обожателю: «что со мной было потомъ, когда я узнала, что даже деньги, которыя вы мнѣ дарите — не ваши, что онѣ пріобрѣтены не честно» (Шиллеровскій герцогъ пріобрѣталъ ихъ продажею рекрутовъ, Вышневецкій менѣе челоуѣко-убійственнымъ, но также нечистымъ способомъ).

Ну, а каковы же тѣ семейныя отношенія, въ какія вступаетъ Жадовъ? Ужь съ его то стороны не имѣется и малѣйшаго стремленія къ подкупу, какъ и малѣйшей на то возможности. Мать дѣйствительно желаетъ сбыть съ рукъ своихъ дочекъ, но онѣ вѣдь и сами совершенно входятъ во вкусъ ея родительскихъ наставленій: «мужьямъ потачки не давайте, такъ ихъ поминутно и точите, чтобы деньги добывали; а то облѣнятся, потомъ сами плакать будете... Вамъ теперь, дѣвушкамъ, еще всего сказать нельзя; коли случится что, пріѣзжайте прямо ко мнѣ, у меня всегда для васъ пріемъ, никогда запрету нѣтъ». Она далека отъ того, чтобы, по самодурному обычаю «темнаго царства», проповѣдывать полнѣйшую подчиненность мужу. «Развѣ онѣ у меня такъ жили, — попрекаетъ она Жадова. У меня порядокъ, у меня чистота. Средства мои самыя ничтожныя, а все-таки онѣ жили какъ герцогини, въ самомъ невинномъ состояніи; гдѣ ходъ въ кухню не знали... только и занимались, какъ слѣдуетъ барышнямъ, разговоромъ объ чувствахъ и предметахъ самыхъ облагороженныхъ». «Плачь, плачь, несчастная жертва!» обращается она къ Полиѣ, считая ее несчастною въ замужествѣ съ Жадовымъ. Такъ ли говорятъ въ «темномъ царствѣ»? — Все тутъ, пожалуй, и не менѣе мерзко, не уже въ другомъ родѣ.

Вліяніе такихъ семейныхъ отношеній на общественную дѣятельность, разумѣется, самое пагубное. Вышневецкая стала отрещиваться отъ щедрыхъ приношеній своего старика, но онъ уже успѣлъ приплатить за нихъ тою

цѣною, ради которой приходится ему наконецъ свалиться со своей высоты. Жадова требуетъ приношеній отъ своего молодого мужа, и онъ, уступая ей, идетъ искать себѣ доходаго мѣста. Такъ ли, ради того-ли кривятъ совѣстью въ темномъ царствѣ? Вѣдь тамъ мошенничаютъ просто ради себя, ради набиванія своей мошны, а если иногда и ссылаются на выходъ замужъ какой нибудь дочки, то потому, что обрядъ, такъ сказать, требуетъ приданого и на него по крайней мѣрѣ изыскиваются экстренныя средства.

«Любопытна—продолжаетъ Добролюбовъ,—внутренняя, душевная сторона жизни этихъ людей, которыхъ мы официально такъ презираемъ и клеймимъ названіями крючкотворцевъ и взяточниковъ. Здѣсь въ полной силѣ выразилось одно изъ главныхъ свойствъ таланта Островскаго—умѣнье заглянуть въ душу человѣка и изобразить его человѣческую сторону независимо отъ его оффиціального положенія... Благодаршіе и особаго рода совѣстливость взяточниковъ рисуются нѣсколькими бѣглыми чертами еще въ «Бѣдной Невѣстѣ» въ лицѣ добряка Добротворскаго. Но въ «Доходномъ Мѣстѣ» черты эти гораздо ярче въ Юсовѣ и Бѣлогубовѣ. Лица эти прямо наводятъ насъ на мысль, что всѣ ихъ беззаконія — чисто-слѣдствія ложнаго ихъ положенія въ обществѣ и ложныхъ понятій, приобретенныхъ вслѣдствіе фальшивости положенія. А ложное положеніе ихъ есть опять-таки послѣдствіе одной общей причины всѣхъ гадостей «темнаго царства»—самодурства». Что касается Юсова, то онъ дѣйствительно даже добродушно наивенъ въ минуту своего маленькаго трактирнаго разгула съ Бѣлогубовымъ, когда пускается въ плясъ и говоритъ: «мнѣ можно плясать. Я все въ жизни сдѣлалъ, что предписано человѣку. У меня душа спокойна, сзади ноша не тянетъ, семейство обеспечилъ—мнѣ теперь можно плясать. Я теперь только радуюсь на Божій міръ! Птичку увижу, и на ту радуюсь, цвѣтокъ увижу, и на него радуюсь... Я хоть на площади передъ всѣмъ народомъ буду плясать. Мимоходящіе скажутъ: «сей человѣкъ пляшетъ, должно быть, душу имѣетъ чисту!» И пойдетъ всякій по

своему дѣлу». Только не достааетъ того, чтобы онъ уподобилъ свою веселость библейскому плясанію передъ ковчегомъ завѣта. Но вѣдь черты такой же добродушной наивности можно бы отыскать и у Гоголевскихъ «крючкотворцевъ и взяточниковъ». Это объясняется узостью ихъ кругозора, тѣмъ, что въ сознаніи своихъ обязанностей они рѣшительно не идутъ далѣе *семьи*, что общество для нихъ совершенно не существуетъ. Потому-то мы и назвали (въ особой статьѣ) міръ этихъ «крючкотворцевъ и взяточниковъ» міромъ «отрозненной личности». Но міръ этотъ все же отличенъ отъ міра самодуровъ, въ которомъ власть становится пріятною уже сама по себѣ, какъ *власть*. Для Гоголевскихъ героевъ, какъ и для тѣхъ, которыхъ вывелъ Островскій въ «Доходномъ Мѣстѣ», она прежде всего «прикладная сила», надежное средство для доставленія имъ и ихъ близкимъ всякихъ жизненныхъ благъ.

«Гордости во мнѣ нѣтъ.—говоритъ Юсовъ,— гордость ослѣпляетъ. Мнѣ хотъ мужикъ, я съ нимъ, какъ съ своимъ братомъ... все равно, ближній... По службѣ нельзя... особенно верхоглядовъ не люблю, нынѣшнихъ образованныхъ-то». Они не любы ему особенно потому, что скорѣе другихъ способны приглядываться къ дѣламъ начальства и опѣнивать эти дѣла, что ихъ труднѣе привести къ той безгласной субординаціи, которая нужна тутъ не столько сама по себѣ, ради доставляемаго начальству удовольствія, сколько ради удерживанія этимъ способомъ отъ всякаго разсужденія о начальствѣ. Впрочемъ Юсовъ, если вѣрить его словамъ, держитъ въ особаго рода субординаціи и своего генерала: «весь въ моихъ рукахъ,—говоритъ онъ,— что я скажу, то и будетъ». Но и такая, такъ сказать, моральная власть надъ начальствомъ, мила ему не сама по себѣ, а ради прикладныхъ цѣлей, опирается же эта власть, какъ и у Гоголевскихъ героевъ, на томъ, что «рука руку моетъ», да еще и на томъ, что Юсовъ великій дѣлецъ, а его генералъ, при всей своей «геніальности», «въ законѣ не совѣмъ твердъ, изъ другого вѣдомства». Юсовъ, стало быть, много значитъ у Вышневецкаго по той же са-

мой причинѣ, по какой Фамусовъ въ свое время нуждался въ Молчалинѣ: и старый подчиненный Вышневекаго и молодой подчиненный Фамусова держатся тѣмъ, что они «дѣловыи».

Добролюбовъ въ своемъ разборѣ «Доходнаго мѣста» такимъ образомъ опредѣляетъ систему господствующаго, по его мнѣнію, и тутъ самодурства: «будь хоть семи пядей во лбу, но если вамъ не нравится, то останется въ ничтожествѣ; и самъ виноватъ, зачѣмъ не умѣлъ заслужить вашей милости» (146). На самомъ же дѣлѣ, въ основаніи тутъ вовсе не голый произволъ съ его причудами, съ возможностью безпричиннаго перехода отъ гнѣва къ милости, какъ то бываетъ въ царствѣ истаго самодурства. Тутъ въ основѣ всего — прикладныя цѣли. Нравится тотъ, кто не можетъ мѣшать ихъ осуществленію, кто напротивъ изъ кожи лѣзетъ, чтобы помочь начальству, и самъ, конечно, расчитывая при этомъ на выгоду. Люди «семи пядей» не удобны тѣмъ, что не ограничиваются одною «дѣловитостью», а идутъ гораздо дальше ея, что у нихъ есть тотъ «главный умъ», который не позволяетъ имъ потакать всякаго рода «дѣлишкамъ», что они обладаютъ нравственною чистоплотностью.

Но что же такое Жадовъ? въ самомъ ли дѣлѣ онъ человекъ «семи пядей», потому-то и противный Вышневескимъ и Юсовымъ, своего рода Чацкій, потому-то и объявляемый сумасшедшимъ, что слишкомъ въ немъ много того ума, который въ житейскихъ дѣлахъ причиняетъ горе? Мы ставимъ такой вопросъ, считая миръ Вишневецкихъ и Юсовыхъ не чѣмъ инымъ, какъ міромъ Фамусовыхъ и Молчаливыхъ. Жадовъ, какъ и Чацкій, является въ этомъ, конечно, «темномъ», но не прямо самодурномъ, мірѣ представителемъ образованія. Только Жадовъ уже черезъ-чуръ простодушный его представитель, это какалято наивная институтка во фракѣ. Онъ точно будто затѣмъ и выставленъ, что бы воздержать отъ тѣхъ слишкомъ большихъ надеждъ собственно на образованіе, которыя сказывались, какъ мы видѣли, и у Добролюбова. «Не

вѣрю я вамъ», говоритъ онъ, наслушавшись дядюшкиныхъ рѣчей о непрактичности тѣхъ «завиральныхъ» идей, которыя вынесъ Жадовъ изъ университета. «Не хочу вѣрить тому, что общество такъ развратно». «Неужели это правда?» спрашиваетъ онъ дядю и во время его разсказа про людей практическихъ, пренебрегающихъ общественнымъ мнѣніемъ, и получаетъ лаконическій отвѣтъ: «поживи, такъ узнаешь». «Для чего же насъ учили,—спрашиваетъ онъ того же дядюшку,—для чего же въ насъ развивали такія понятія, которыхъ нельзя выговорить вслухъ безъ того, чтобы вы не обвинили въ глупости или дерзости». Для чего же въ самомъ дѣлѣ его учили, если онъ остался такимъ ребенкомъ, не вѣдающимъ общественнаго зла? Для чего же его учили, если его все же смущаютъ обвиненія въ глупости или дерзости со стороны такого лица, какъ Вышневскій? Другими словами: для чего же его учили, если онъ ищетъ себѣ покровителя въ такомъ человѣкѣ, пользуясь близкимъ родствомъ съ нимъ и рассчитывая, стало быть, на предполагаемую въ немъ Фамусовскую готовность «порадѣть родному человѣчку». Вѣдь Жадовъ не въ силу только дальнѣйшихъ тяжелыхъ обстоятельствъ видитъ себя вынужденнымъ обратиться къ дядюшкѣ; вѣдь онъ уже въ самомъ началѣ комедіи взываетъ къ его протекціи: «Я получаю очень мало жалованья, мнѣ нечѣмъ жить. Теперь есть ваканція; позвольте мнѣ занять ее, я женюсь». Вѣдь онъ тѣмъ самымъ какъ бы прямо напрашивается на такой отвѣтъ, съ основательностью котораго долженъ бы въ сущности согласиться: «ты мой родственникъ, сочтутъ лицепріятіемъ». Вышневскій, конечно, только замаскировываетъ этимъ тѣ другіе резоны, по которымъ онъ не хочетъ пристроить къ себѣ Жадова; но онъ замаскировываетъ ихъ очень ловко, такъ какъ Жадовъ, если бы онъ дѣйствительно не даромъ учился университетской мудрости, не могъ бы, конечно, искать себѣ мѣста у дяди. Съ другой же стороны, одно то, что онъ сразу рѣшился на такой шагъ, давало бы дядюшкѣ достаточное основаніе не считать племянничка такимъ опаснымъ человѣкомъ.

«Ты во мнѣ ищешь, значить рано или поздно ты совѣмъ сдашься передъ требованіями жизни со всею своею отвлеченною университетскою мудростью», могъ бы тутъ же сообразить дядя. Онъ могъ бы въ самомъ дѣлѣ не дожидаться пятаго акта, а въ самомъ началѣ сказать про Жадова: «Вотъ они герои-то! Молодой человекъ, который кричалъ на всѣхъ перекресткахъ про взяточниковъ, — говорилъ о какомъ-то новомъ поколѣніи. идетъ къ намъ же просить доходнаго мѣста, чтобы брать взятки». Если подъ конецъ Жадовъ дѣлаетъ болѣе рѣшительный шагъ по практическому пути, говоря о мѣстѣ, гдѣ бы онъ могъ «пріобрѣсть что нибудь» и разумѣя подъ пріобрѣтеніемъ, пожалуй, и прямо взятки, то вѣдь и въ самомъ началѣ онъ уже становится на тотъ же путь, не гнушаясь исканіемъ у взяточника мѣста, хотя бы такое исканіе и не мѣшало ему высоко держать голову и воображать себя непреклонно честнымъ. Вышло ли оно такъ невольно, безъ умысла автора, или же Островскій и хотѣлъ намъ выставить Жадова съ самаго начала уже сдающимся и затѣмъ только воображающимъ себя жертвою обстоятельствъ, съ которыми онъ будто бы долго боролся? Трудно дать на это положительный отвѣтъ, и такая неясность составляетъ, конечно, слабую сторону комедіи. Въ жизни же, разумѣется, исполнѣ возможно — и, попытавшись въ самомъ дѣлѣ постоять за принципъ, измѣнить ему при первой встрѣчѣ съ враждебными обстоятельствами, и, только воображая себя послѣдователемъ принципа, съ первыхъ же шаговъ на жизненномъ поприщѣ дѣйствовать ему вопреки. То и другое исполнѣ возможно и при значительной степени образованія, но при недостаточномъ развитіи силы воли или же полномъ ея недостаткѣ. Точно также возможно и при образованіи такое ребяческое увлеченіе страстью, какое мы видимъ у Жадова относительно его, вѣроятно, красивой, но пренебрежимо-шей Полины. И этимъ, замѣтимъ мы, обращаясь назадъ, кидается свѣтъ и на то увлеченіе смазливимъ, но пренебрежимымъ Вихоревымъ, какое видѣли мы со стороны Авдотьи Максимовны. Вѣдь если можетъ ребячески увлекаться мо-

лодой человѣкъ, вскормленный университетской наукой, то, чтобы объяснить ребяческое увлеченіе необразованной дѣвушки, вовсе не приходится указывать на отсутствіе самостоятельности, на неумѣнье собой владѣть и вѣрно судить о людяхъ, какъ на послѣдствія самодурнаго гнета. Какъ бы то ни было, увлеченіе Жадова, конечно, вполне возможно, но громко свидѣтельствуетъ о томъ, что подобныя увлеченія, не предотвращаемыя образованіемъ, прямо мѣшаютъ общественному служенію. Вѣдь ради своей Полины Жадовъ и идетъ, еще будучи женихомъ, къ Вышневному, чтобы указать ему на открывшуюся ваканцію, и даже не сознаетъ, что тутъ уже становится искателемъ протекціи у вліятельнаго и далеко не безрѣшнаго родственника, т.-е. тутъ уже дѣлаетъ подлость. Женитьба съ послѣдовавшими за нею попреками молодой жены, требующей того, чего не позволяютъ Жадову его средства, заставляетъ его опять пойти къ дядѣ и уже прямо указать ему на такое мѣсто, на которомъ можно бы было пріобрѣсть что нибудь, т.-е. женитьба доводитъ его до рѣшительнаго паденія. Послѣ этого по-неволѣ приходится согласиться со словами его пріятеля Мыкина: «и тебѣ надобно было жениться! Нашему брату жениться не слѣдъ. Гдѣ ужъ намъ, голякамъ! Сытъ, прикрытъ чѣмъ нибудь отъ вліянія стихій, и довольно. Знаешь пословицу: одна голова не бѣдна, а хоть и бѣдна, такъ одна». Въ словахъ этихъ такой же точно смыслъ, какъ и въ обращеніи Пушкина къ придирчивому цензору, ссылающемуся на то, что у него семья:

Жена и дѣти, другъ, большое зло,
Отъ нихъ все скверное у насъ произошло.

Да, но какъ же тутъ быть? Съ одной стороны, при необдуманномъ бракѣ, перспектива если не непременно разгула съ горя (не всѣ же оказываются и до того ничтожными, подобно Жадову), то перехода на соблазнительную дорогу такъ называемой практичности;—съ другой, при отреченіи отъ брака, перспектива соблазновъ слу-

чайной, такъ сказать, воровской любви, перспектива сдѣлаться причастнымъ той человѣкоубійственной жертвѣ, которая называется «Сонечкой, вѣчною Сонечкой»! Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, сьумѣвъ отказаться отъ одного, сьумѣтъ отказаться и отъ другого? Вѣдь и тутъ опять рѣшительно не поможетъ никакое образование. *Сьумѣть* это, вѣдь значитъ тутъ—*совладать* съ этимъ; тутъ нужна *сила воли*. А откуда набраться ея, если, во имя «последняго слова науки», насъ увѣряютъ, что и воли то вовсе нѣтъ, т.-е. что воля вовсе не зависитъ отъ самого человѣка? Но вѣдь при такомъ, пожалуй, и исполнѣ логичномъ выводѣ изъ всякихъ положительныхъ данныхъ, *жить нельзя*, т.-е. нельзя по-человѣчески жить, а остается только погрязнуть въ Обломовщинѣ, или въ Жадовщинѣ. «Отъ равнодушія не далеко до порока», вѣрно замѣчаетъ Жадовъ. Но равнодушіе неизбѣжно, если никто изъ насъ не отвѣтственъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Да, и столько же неизбѣженъ и порокъ, если мы заранѣе будемъ увѣрены въ такой его неизбѣжности. Вотъ такимъ-то образомъ и выходитъ, что Жадовъ, говорившій сьумѣвшему отлично устроить себя передъ бракомъ съ Юлинькой Бѣлогубову: «не пара мы», точно будто старается дать ему право сказать: «нѣтъ, пара»!—Вся разница между ними въ томъ, что Бѣлогубовъ и на словахъ исповѣдуетъ то, что проявляетъ на дѣлѣ, а Жадовъ умѣетъ произносить такія громкія фразы: «борьба трудна и часто пагубна, но тѣмъ больше славы для избранныхъ: на нихъ благословеніе потомства; безъ нихъ ложь, зло, насиліе выросли бы до того, что закрыли бы отъ людей свѣтъ солнечный». — И онъ разсыпаетъ этотъ свой бисеръ передъ Полиною, для того, чтобы она сказала ему: «ты,—сумасшедшій, право, сумасшедшій!»—Вѣрнѣе бы было, конечно, сказать ему: «ты болтунъ, право, болтунъ», сказать даже и послѣ его заключительныхъ словъ: «я буду ждать того времени, когда взяточникъ будетъ бояться суда общественнаго больше, чѣмъ уголовнаго».

Изъ міра «взяточниковъ и крючкотворцевъ», міра Гого-

левскаго, только освѣщеннаго у Островскаго значительно иначе, чѣмъ у Гоголя, мы снова переходимъ въ міръ самодуровъ, касаясь небольшой комедіи: «Въ чужомъ пиру похмѣлье». Нигдѣ, по мнѣнію Добролюбова, «безсилъе и внутреннее ничтожество самодурства не выдается съ такою поразительною яркостью», какъ именно тутъ. «Тутъ, по его же словамъ, есть все: и грубость, и отсутствіе честности, и трусость, и порывы великодушія—и все это покрыто тупоумною глупостью»... Такая глупость положительно невозможна въ мірѣ «крючкотворцевъ и взяточниковъ». Мы считаемъ ее, впрочемъ, не совсѣмъ возможною и въ мірѣ самодуровъ, и полагаемъ, что Островскій дошелъ тутъ, какъ доходилъ иногда и Гоголь, до карриатуры. Обрисовавъ Тита Титыча Брускова, какъ грознаго владыку въ своей семьѣ, Аграфена Платоновна, квартирная хозяйка учителя Иванова, дорисовываетъ его такими чертами: «Насчетъ плутовства—онъ, точно, старикъ хитрый, но хоть и плутовать, а человѣкъ темный. Онъ только въ своемъ семействѣ свирѣпъ, а то съ нимъ что хочешь дѣлай,—дуракъ дуракомъ: на пустомъ спугнуть можно»... «И дѣйствительно, замѣтилъ Добролюбовъ, изъ пьесы оказывается, что всѣ слова Аграфены Платоновны справедливы. Она же сама, ни съ того, ни съ сего, беретъ съ Брускова, зашедшаго на квартиру Ивановыхъ, тысячу цѣлковыхъ за росписку, въ которой сынъ его, Андрей Титычъ, обѣщается жениться на дочери Иванова. Росписка эта и сама по себѣ ничего не значитъ (хотя, прибавимъ мы, и писана на гербовой бумагѣ), да Ивановъ съ дочерью и не знаютъ о ней и претензіи никакой не имѣютъ; все это сама хозяйка устраиваетъ, желая ихъ облагодѣтельствовать... Но Брусковъ, какъ темный человѣкъ, вполяхъ освоившійся съ обычаями «темнаго царства», не входитъ ни въ какія соображенія. Во-первыхъ онъ всегда готовъ къ тому, что его обмануть, такъ какъ онъ самъ готовъ обмануть всякаго. Поэтому, прочитавъ бумажку, показанную ему Аграфеной Платоновной, онъ преспокойно замѣчаетъ: «это, то есть, на счетъ грабежу. Ну, народецъ!»

Затѣмъ, какъ извѣстно, онъ соглашается стать жертвою этого грабежа, повѣривъ на слово Аграфенѣ Платоновнѣ, что ему-же тутъ можетъ предстоять и судебная расправа, а онъ боится суда, зная за собою разнаго рода грѣшки. Мы думаемъ однако, что, какъ онъ ни глупъ, а, по самой своей профессіи, заставлявшей его вести дѣла, онъ никакъ не можетъ повѣрить въ силу такой нелѣпой росписки, хотя бы она и была написана на гербовой бумагѣ, заплатить за нее деньги и затѣмъ, въ утѣшенье себѣ, усѣсться у Аграфены Платоновны, чтобы хоть «поругаться за свои деньги», да еще заявить и такую претензію: «вы меня хоть поподчуйте чѣмъ за мои деньги». Но вѣдь дѣло и этимъ не ограничивается. Выпроваживаемый не одною Аграфеною Платоновной, но и самимъ расхोдившимся Ивановымъ, онъ унимаетъ его, говоря: «я вѣдь ничего, я такъ—шучу съ тобой.. выпьемъ вмѣстѣ,—пріятели будемъ, что ссориться-то». Когда же Ивановъ не унимается, а входитъ только въ пуцій азартъ, Титъ Титычъ и самъ опять начинаетъ ругаться, замѣтивъ Иванову: «ишь ты какой сердитый». Все это, по нашему мнѣнію, совершенно неправдоподобно, хотя и можетъ смѣшить такихъ зрителей, которые ходятъ въ театръ собственно ради смѣха. Совсѣмъ другое дѣло, когда онъ, придя въ себя, велитъ Захару Захарычу, пьянчужкѣ приказному, «писать такое прошеніе, что-бы троихъ человекъ въ Сибирь сослать по этому прошенію» (т. е. Иванова съ дочерью и квартирную ихъ хозяйку). «Я, говоритъ, такъ хочу и никакихъ денегъ для этого не пожалѣю». Тутъ передъ нами дѣйствительный самодуръ, самоувѣренно сознающій ту власть, которая заключается въ его деньгахъ. Но вотъ приходитъ къ нему самъ Ивановъ, узнавшій между тѣмъ все дѣло, приноситъ деньги, взятыя Аграфеною Платоновной, и проситъ назадъ росписку. «Деньги! ты деньги принесъ? вопрошаетъ въ недоумѣнны Титъ Титычъ. Что за диковина такая. Деньги назадъ принесъ!» И, мѣря чужіе поступки на свой аршинъ, обращается къ своему приказному: «Захарычъ, какъ ты думаешь, взять деньги, али нѣтъ? Обману нѣтъ-ли?» За-

харычъ находить возможнымъ взять деньги, но не совѣтуетъ отдавать росписку, и Тить Титычъ отказывается это сдѣлать. «Онъ, должно быть, для того деньги-то и принесъ, разсуждаетъ нашъ самодуръ, чтобы росписку выручить, а потомъ за нее вдвое заломить. Ему мало показалось. Надувательная система». Но несчастный Ивановъ, которому и въ самомъ дѣлѣ тутъ вышло «похмѣлье въ чужомъ пиру», совсѣмъ растерявшись послѣ того, какъ отдалъ деньги впередъ, объясняется совершенно чисто-сердечно: «нѣтъ, я потому деньги принесъ, что намъ чужихъ не надобно... мы живемъ бѣдно, мы живемъ своими трудами... мы смирно живемъ. Я вамъ еще денегъ привесу, сколько у меня есть... Я достану, заработаю». То бросаюсь на Тита Титыча, то становясь передъ нимъ на колѣни, добрый отецъ, готовый на все, чтобы спасти только доброе имя своей дочери, жалобно причитаетъ: «отдайте, отдайте! Я не выйду безъ этого! Какъ мнѣ показать глаза дочери! Это сдѣлала глупая хозяйка. Развѣ моя Лиза можетъ? Она плачетъ теперь... Да чтò я говорю! Гдѣ я говорю объ ней! Я съ ума сойду!» Кого не разжалобить, кого наконецъ и не вразумить такой голосъ? Имъ разжалоблены не только причастный этому дѣлу молодой Брусковъ, но и его мать. Этимъ голосомъ наконецъ вразумленъ и старикъ Брусковъ. Онъ догадывается наконецъ, что «это хозяйка обработала.» Но, вразумленный, онъ и разжалобленъ въ свою очередь, только, какъ и подобаетъ въ подобныхъ случаяхъ истому самодуру, пытается щегольнуть способностью и свеликодушничать, говоря: «я не въ тебя», отдавая наконецъ росписку. Тутъ опять, оставляя карриатуру, Островскій переходитъ въ такой драматизмъ, которымъ искупаются недостатки комедіи. Намъ кажется, что Добролюбовъ совершенно напрасно пытался подвести подъ огульную глупость этой исторіи и самого Иванова. Если только допустить, что такая росписка могла быть взята (а Добролюбовъ допускаетъ это), то Ивановъ и могъ поступить только такъ, какъ въ самомъ дѣлѣ и поступилъ. Добролюбовъ же удивлялся тому, что Ивановъ,

убиваясь, «требовалъ даже не уничтоженія росписки, а ея возвращенія, что ему вовсе не нужно, и только возбуждаетъ справедливыя подозрѣннiя въ Брусковъ». Между тѣмъ Иванову именно и нужно возвращенiе росписки, нужно для того, чтобы самому ее разорвать и имѣть возможность сказать дочери, что онъ разорвалъ ее своими руками. Даже самъ Титъ Титычъ къ концу этой сцены, (а ею кончается и комедiя), подъ влiянiемъ охватившей его жалости, до известной степени просвѣтляется и смысломъ, говоря: «деньги и все это—тлѣнъ, металлъ звенящiй! Помремъ—все останется». Ставъ-же на дорогу великодушничанья, онъ, въ силу косности, и далѣе идетъ по ней, давая сыну 150.000 и приказывая ему: «поѣзжай къ учителю, проси, чтобы дочь отдалъ за тебя. Онъ человѣкъ хорошiй». Оставаясь однако же истымъ самодуромъ, старикъ не можетъ при этомъ не выразиться и такъ: «мое слово законъ». Онъ не можетъ не думать, что слово его—законъ, не только для его сына, но и для учителя. «Какъ онъ смѣетъ не отдать, когда я этого желаю», говоритъ Брусковъ, впрочемъ, какъ будто одумавшись, сейчасъ-же и прибавляетъ: «если онъ не отдастъ за тебя, ты лучше мнѣ и на глаза не показывайся». Въ этомъ, конечно, опять нѣтъ логики—но вѣдь онъ-же и остается самодуромъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя (1863) Островскiй вернулся къ тѣмъ же Брусковымъ — отцу и сыну—въ сценахъ изъ Московской жизни, озаглавленныхъ «Тяжелые дни». Андрей Титычъ является тутъ передъ нами все еще холостымъ, изъ чего и можно заключить (что, впрочемъ, и безъ того было ясно), что у Ивановыхъ онъ получилъ отказъ. «Тяжелые дни» выпадаютъ тутъ на долю самого Тита Титыча. Сынъ его Андрей Титычъ рассказываетъ занимающемуся частными дѣлами чиновнику Досужеву: «маменька послали къ тятенькѣ, они теперь въ судѣ по дѣлу, такъ чтобы домой вмѣстѣ. А то, пожалуй, уѣдутъ куда съ судейскимъ да и загуляютъ... Къ тому же нынче маменька не пускали тятеньку въ судъ, потому нынче по недѣльникъ — тяжелый день, а маменька этому очень

вѣруютъ; ну, а тятенька-то не послушались, такъ маменька еще больше боятся». На повѣрку выходитъ, что маменька боялась не даромъ. Тятенька не только загуляли, но еще и барина прибили—барина, по выраженію Андрея Титыча, настоящаго. Дѣло въ томъ, что «тятенька въ Марьиной рощѣ встрѣтили знакомую компанію, челоѣвка четыре подрядчиковъ: какіе то могоарычи запиваютъ. Тутъ ужъ и пошло! Шенпанскаго сразу ящикъ потребовали; цыганокъ пѣть заставили». И это бы еще ничего, только вздумалось кому-то изъ судейскихъ предложить качать тятеньку. «Качали, качали, да и уронили.. Ушибить-то не ушибли, только ужъ очень тятенька въ сердце вошли»... Вотъ тутъ какой-то, втершійся въ компанію, баринъ и наскочилъ на тятеньку подъ пьяную руку, «а тятенька, ужъ извѣстно, много разговаривать не стануть; должно быть, его раза два и ударили». Въ результатѣ оказалось, что обиженный запросилъ за безчестье ни больше, ни меньше, какъ триста тысячъ. Конечно, почему и не запросить, съѣхать вѣдь можно всегда и на малое. Все зависитъ отъ того челоѣвка, который поведетъ дѣло. Только Титъ Титычъ, не сдержавъ своего сердца ретиваго, прогналъ отъ себя преемника Захара Захарыча, новаго своего приказнаго, Мудрова, за то, что тотъ запросилъ за веденіе дѣла пять тысячъ. Вотъ тутъ и пригодился знакомый его сынку Досужевъ. Сцена переговоровъ съ нимъ выставляетъ намъ самодурство уже во всей его несомнѣнной, неописанной красотѣ. «Зачѣмъ же ты и стряпчій, говорить ему Титъ Титычъ, коли ты не можешь оправить челоѣвка? А ты такую клязу напиши, чтобъ я былъ не виноватъ ни въ чемъ». А Досужевъ все-таки указываетъ ему на необходимость помириться. «Да ты съ кѣмъ говоришь, возражаетъ Титъ Титычъ. Учитъ, чтѣ ли, ты меня пришелъ у меня-то въ домъ? Хочу буянить, и буяню; нешто ты мнѣ заказать смѣешь? Вотъ я ужъ Андрюшкѣ задамъ, чтобъ онъ этакихъ стрекулистовъ ко мнѣ не водилъ». Но сколько ни хорохорься Титъ Титычъ: «я тебя и знать не хочу», Досужевъ преспокойно ему отвѣ-

чаеть: «радъ бы не хотѣтъ, да нельзя. . Перцовъ даль подписку, что дѣло съ тобой прекращаетъ и подписку эту отдалъ мнѣ. Теперь я, что хочу, то съ тобой и сдѣлаю. Захочу, отдамъ ее тебѣ, и дѣло кончено; а не захочу, подадимъ на тебя завтра прошеніе и упрячемъ тебя въ смирительный». Дѣлать нечего, приходится—ладить «А ты имѣй сколько нибудь совѣсти, говорить Досужеву старый самодуръ, не грабь меня. Грабить-то не хорошо». Но выходитъ, что Досужевъ вовсе и не намѣренъ его грабить. «Во первыхъ, говоритъ онъ, сто цѣлковыхъ Перцову за обиду». — «Это ничего. Это по чести, недорого! сознается Тить Титычъ и даже съ удовольствіемъ замѣчаетъ»: «Это и въ другой разъ, коли случится». Но что же потребуетъ Досужевъ самому себѣ? «Мнѣ много надобно» пугаетъ онъ Тита Титыча, а сѣзжаетъ на то, чтобы онъ поскорѣ женилъ сына на Кругловой. Тить Титычъ опять за свое—какъ это смѣютъ ему указывать? Но и Досужевъ вѣдь за свое же: «надо сейчасъ къ полицмейстеру ѣхать». Приходится самодуру сдаваться — сдаваться, да не сознаваться. «Ты не подумай, говоритъ онъ, что это я тебя послушалъ! Это я самъ. А если бъ не самъ, и никто бъ меня на свѣтѣ... Слышишь ты, я самъ... Я хочу, чтобъ Андрюшка женился на Кругловой, такъ тому и быть. Никто мнѣ ни указывать, ни приказывать не смѣетъ. Что хочу, то у себя дома и дѣлаю».

А Андрюшка тому и радъ. Наконецъ-то послалъ ему Богъ такого радѣтеля. А было вѣдь такъ, что отецъ то велитъ ему жениться на Кругловой, хотя она и совѣмъ не богата, то опять развелитъ, говоря: «этакое несчастіе въ домѣ, а ты женишься». Только при помощи Досужева и вышли наконецъ для Андрюши легкими тяжелые отцовскіе дни.

Едва ли въ какой другой изъ своихъ комедій Островскій до такой степени уличилъ во всей его безшабашной пошлости настоящее самодурство.

Но вотъ передъ нами тѣ картины Московской жизни, которыя озаглавлены: «Не сошлись характерами» (1858).

Тутъ мы видимъ уже столкновение купеческаго и чиновничьяго міровъ, столкновение, развязывающееся далеко не къ выгодѣ послѣдняго — при всей его относительной цивилизованности. Сыну прожившагося старика въ большихъ чинахъ, благовоспитанному и безусловно одѣвающимуся Полю, нужно жениться, для поправленія своихъ дѣлъ, на богатой вдовѣ—купчихѣ. И онъ благополучно женится. Зато, когда онъ въ первый разъ проситъ у жены, для поправленія своихъ дѣлъ, пять тысячъ, то выходитъ у него по пословицѣ: первый блинъ да комомъ. Жена уѣзжаетъ къ папенькѣ, а ему оставляетъ письмо съ отказомъ и съ такой философіей: «что я буду значить, когда у меня не будетъ денегъ?—тогда я ничего не буду значить. Когда у меня не будетъ денегъ—я кого полюблю, а меня, напротивъ того, не будутъ любить. А когда у меня будутъ деньги, — я кого полюблю, и меня будутъ любить, и мы будемъ счастливы». Такая философія уже заранѣе сложилась въ головѣ у Серафимы Карповны и удостоилась одобренія ея родителя, который, каковъ онъ тамъ ни будь, а все же гораздо путнѣе Поля. Этотъ послѣдній весь выражается въ обращеніи къ своей мамашѣ: «позвольте, тата, поблагодарить васъ за двѣ вещи: во-первыхъ, за то, что вы промотали мое состояніе, а во-вторыхъ, за то, что воспитали меня такъ, что я (никуда не пожусь».

Съ Полею же, только самага мелкаго сорта, встрѣчаемся мы и въ лицѣ Бальзамина, жизнь котораго воспроизведена Островскимъ въ цѣлой комической трилогіи: «Свадебный сонъ до обѣда» (1857), «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» (1860) и «За чѣмъ пойдешь, то и найдешь» (1860).

Бальзаминъ, какъ тотъ же Полю, только совѣмъ уже безъ изящества, весь вылился въ своихъ словахъ: «не отъ зависти я хочу жениться на богатой, а отъ того, что у меня благородныя чувства. Развѣ можно съ облагороженными понятіями въ бѣдности жить? А коли я не могу никакими средствами достать себѣ денегъ, значить, я дол-

жанъ жениться на богатой». Онъ даже придаетъ своимъ вожделѣніямъ видъ какой-то не то общественной, не то государственной философіи: «какая это обида, что все на свѣтѣ такъ не хорошо заведено! Богатый женится на богатой, бѣдный—на бѣдной. Есть ли въ этомъ какая справедливость? Одно только притѣсненіе для бѣдныхъ людей. Еслибъ бѣ я былъ царь, я бы издалъ такой законъ, чтобъ богатый женился на бѣдной, а бѣдный на богатой: а кто не послушается, тому смертная казнь»*). Между тѣмъ, онъ непроходимо глупъ, гораздо глупѣе Андрюши Брускова, который, конечно, тоже не изъ умныхъ, если подписывается подъ извѣстною намъ подсунутою ему роспискою, не понимая, что этимъ ставитъ въ ложное положеніе любимую имъ дѣвушку. Если Андрюша, при всей своей недалекости, жалуется: «учиться захотѣлъ, такъ и то не велѣли», то вѣдь и Бальзаминовъ жалуется на «недостатки въ себѣ, въ образованіи». Съ Полемъ сближаетъ Бальзамина ихъ принадлежность не къ купеческому міру, а къ міру такъ называемыхъ *господь* (хотя Бальзаминовъ если и *господинъ*, то очень ужъ мелкой сошки). Оба же они сближаются съ Андрюшей Брусковымъ общимъ положеніемъ сватающихся горе-богатырей. Но Бальзаминовъ богатырь изъ наиболѣе трусоватыхъ. Онъ боится какъ задорной ладони, такъ и цѣпныхъ собакъ на невѣстивыхъ дворахъ. Чтобы себѣ придать куражу, онъ готовъ бы, однако, поступить въ военную службу, говоря: «сколько бы я ни прослужилъ, вѣдь у меня такъ же время-то идетъ, зато офицеръ. А теперь что я? Чинъ у меня маленькій, притомъ же я человѣкъ робкій, живемъ мы въ сторонѣ необразованной, шутки здѣсь все такія неприличныя, да и насмѣшки.... А вы только представьте, маменька: вдругъ я офицеръ, иду по улицѣ смѣло; ужъ тогда смѣло буду ходить; вдругъ вижу—сидитъ барышня у окна, я поправляю усы»....

Первый романъ Бальзамина, чиновника 25 лѣтъ, разыгрывается въ домѣ купеческой вдовы Ничкиной, за

*) „Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь“, картина 1, явл. 4-ое.

семнадцатилѣтнею дочкой которой, Капочкой, онъ ухаживаетъ, при содѣйствіи свахи Красавиной, проходящей черезъ всю трилогію. Красавина умѣетъ занимать Ничкину слухами о царѣ Фараонѣ, который «сталъ по ночамъ изъ моря выходить, и съ войскомъ покажется, и опять уйдетъ», а равно и о той «кометѣ-ли, планидѣ-ли», про которую «ученые разсчитали по цифрамъ, въ какой день и въ какомъ часу она на землю сядетъ». Между такими то разговорами, она нѣтъ, нѣтъ да и завернетъ словцо про Бальзамина. И романъ увѣнчался бы счастливой развязкой, если бы не принесло невѣстина дядю, Неуѣденова. Не даромъ уже при одномъ его появленіи Капочка говоритъ: «теперь все въ домѣ на Русскій манеръ пойдетъ. Ахъ, я чувствую свою судьбу; разстроить онъ маменьку. Ну, какъ да онъ научить маменьку отдать мевя за купца съ бородой! Тогда я умру отъ любви». (Видно, Капочка такая же цивилизованная, какъ Липочка Большова). Неуѣденовъ—это такой же представитель совсѣмъ ужь не самодурства, а *дѣльности*, какъ Смуровъ въ «Утрѣ молодого человѣка». Онъ великолѣпнѣйшимъ образомъ отбояриваетъ глупаго жениха съ его карманными вождедѣніями. Когда Бальзаминовъ говоритъ о людяхъ, которымъ «въ мечтахъ все представляется богатство, и даже во снѣ снится», Неуѣденовъ замѣчаетъ: «а по моему—такому человѣку, который не умѣетъ достать ничего, не то, что въ богатствѣ жить, а и вовсе жить незачѣмъ».—«Куда же ихъ дѣвать-то?» простодушно спрашиваетъ маменька Бальзамина. — «Въ черную работу, землю копать, отвѣчаетъ Неуѣденовъ. Это дѣло всякій умѣетъ. Сколько выработалъ, столько и денегъ бери».—«Я вотъ за сестру теперь очень опасуюсь, начинаетъ онъ уже отъ себя;—подвернется ей фертикъ въ фраккѣ съ пуговками, или какой съ эполетками, а она съ дуру-то и обрадуется, какъ ни вѣсть какому счастью. Дочь-то отдастъ—нужды нѣтъ, а вотъ денегъ-то жалко», заключаетъ онъ,—повидимому, совсѣмъ безсердечно. Но приглядитесь внимательнѣе, и Неуѣденовъ окажется правъ. «Коли счастье, говоритъ онъ, сколько наша братія, по своей глупости,

денегъ раздала за дочерьюми разнымъ аферистамъ, такъ право сердце повернется. Что добра-то бы можно на эти деньги сдѣлать. Боже мой! Эти деньги, я такъ считаю, у общества украдены». Дядюшкины выходки приводятъ наконецъ въ негодованіе Капочку: «вы, дяденька, оттого такъ разсуждаете, говорить она, что вы необразованы». «Именно, мой другъ, необразованы, преспокойно отвѣчаетъ дядя. Не одна ты это говоришь. Вотъ и тѣ голые-то, которыхъ мы одѣвали, да обували, да на безпутную ихъ жизнь деньги даемъ, тоже насъ необразованными зовутъ. Имъ бы только отъ насъ деньги-то взять, а родни-то хоть вѣкъ не видать». Тутъ даже и г-жа Бальзаминава видитъ, что имъ остается только поворотить оглобли. «Послѣ такихъ словъ, говорить она, намъ съ тобой, Миша, кажется, здѣсь нечего дѣлать». — «Да, похоже на то, подтверждаетъ Неуѣденовъ. На ворѣ-то, вѣдь, шапка горитъ». — «Я этихъ словъ, маменька, на свой счетъ не принимаю», замѣчаетъ Миша, и спрашивается на прямое уже поясненіе со стороны Неуѣденова: «нѣтъ, я на вашъ счетъ. Вотъ маменька-то ваша поумнѣе—сейчасъ поняла». Такимъ-то образомъ все это сватовство и оказывается только «Свадебнымъ сномъ до бѣды».

Но Миша не унываетъ. Въ новой комедіи («Свои собаки грызутся»), онъ начинаетъ ухаживать за 30-ти лѣтнею купеческою вдовою, Антрыгиною, которую сваха Красавина обрисовываетъ такимъ образомъ: «ходить это по комнатамъ, размахиваетъ руками. Никого, говорить, я не боюсь, что хочу, то и творю; нѣтъ, говорить, надо мной старшихъ!» — «Да и точно, поясняетъ сваха, кого ей бояться? Ни мужа у нея, ни отца; одна какъ есть. Да и сторона же у нихъ такая глухая. — Можно самодурствовать вволю, благо мошна туга, а мужчины надъ нею нѣтъ. Бальзаминовъ какъ разъ по ней: будетъ, въ качествѣ мужа, тише воды, ниже травы. Одна бѣда—ей приглянулся уже сослуживецъ его, Устрашимовъ. Но онъ человѣкъ фатальный. — Во вторникъ, рассказываетъ Антрыгина своей пріятельницѣ Піоновой; ѣду это я мимо Чистыхъ Прудовъ,

вдругъ вижу—этотъ господинъ идетъ подь ручку съ какой-то дамой, садятся на лавочку и такъ это горячо разговариваютъ.... Во всѣхъ членахъ трясеніе сдѣлалось.... Сейчасъ же не велѣла его пускать и писемъ отъ него принимать». Вотъ тутъ-то она и поваживаетъ посѣщать себя Бальзаминава и тѣмъ самымъ надоумливаетъ Устрашимова: что какъ да вдругъ прозѣваешь такой лакомый кусочекъ? А Бальзаминовъ увѣренъ, между тѣмъ, въ успѣхѣхъ вплоть до того злополучнаго дня, когда, приходя, по обыкновенію, къ Антрыгиной, находить у нея Устрашимова. «Какъ же-съ, вѣдь вы поссорились, недоумѣваетъ онъ». «Они поссорились, они и помирились, поясняетъ Пюнова.... свои собаки грызутся, чужая не приставай».

Но вѣдь существуетъ и такая пословица: «за чѣмъ пойдешь, то и найдешь», и мораль ея точнѣйшимъ образомъ оправдывается, на счастье Бальзаминову. Повадился онъ, было, ходить опять въ купеческій домъ, гдѣ, по словамъ кухарки Матрены, «живутъ двѣ сестры—обѣ дѣвки, ужь въ лѣтахъ. Только выходу имъ никакого нѣтъ; сидятъ на верху у себя взаперти, все одно подь замкомъ».... «Такой приказъ отъ братьевъ, поясняетъ она, —очень на мужчинъ безстыжи». Бальзаминовъ посѣщаетъ ихъ домъ не одинъ, а подь охраною своего новаго пріятеля, Чебакова, офицера въ отставкѣ. По порученію Чебакова, онъ даже переодѣвается башмачникомъ и передаетъ записочки отъ него одной изъ сестеръ — въ надеждѣ, что другая доставится ужь ему самому (а которую ни взять, ему все равно). «Онъ мнѣ что-то, Анфиса, гнусненькъ кажется, говоритъ про него сестра Раиса. —Зачѣмъ же ты съ нимъ кокетничаешь?» — Отъ тоски. Все-таки развлеченіе». — Это «развлеченіе» окончилось бы тѣмъ, что Бальзаминовъ остался бы опять въ дуракахъ. Къ счастью, сваха Красавина, такъ неудачно служившая ему до сихъ поръ, подыскала для Бальзаминова купеческую вдову Бѣлотѣлову, не особенно молодую, лѣтъ такъ 36-ти, зато очень полную, и съ большимъ капиталомъ. Какъ разъ кстати Баль-

заминовъ, испугавшись, какъ бы не накрыли его въ своемъ саду Раисины и Анфисины суровые братцы, переѣзжаетъ черезъ заборъ и неожиданно-негаданно попадаетъ въ сосѣдній садъ Бѣлотѣловой. Новый романъ завязывается самымъ непринужденнымъ способомъ. «Скучно одной-то ничего не дѣлать, а вмѣстѣ веселѣе», говоритъ Бѣлотѣлова. — «Какъ же можно, гораздо веселѣе, отвѣчаетъ Бальзаминовъ». — Вы хотите вмѣстѣ? — «Даже за счастье почту-сь». — «Я очень добрая, я всему вѣрю, такъ ужъ вы меня не обманите». — Какъ же это можно-сь, я за низость считаю обманывать. — «Ну, хорошо, вы меня любите, и я васъ буду»... — Покорнѣйше благодарю-сь. Позвольте ручку поцаловать!» Къ обоюдному удовольствію ничтѣ не мѣшаетъ и благополучной развязкѣ. «Пословица-то говорить, что дуракамъ счастье, замѣчаетъ Бальзаминава. Ну, вотъ намъ счастье и вышло. За умомъ не гонись, лишь бы счастье было. Съ деньгами-то мы и безъ ума проживемъ». И Миша вполне согласенъ съ такой философіей. «На чтѣ мнѣ теперь умъ? поддакиваетъ онъ мамашѣ. А давеча, маменька, обидно было, какъ денегъ-то вѣтъ, да и ума то нѣтъ, говорятъ. А теперь пускай говорятъ, что дуракъ: мнѣ все одно».

Такъ-то, наконецъ, и увѣнчались успѣхомъ Бальзаминоскія похождения. Умѣлъ не унывать добрый молодецъ, проявилъ замѣчательное упорство въ достиженіи своей цѣли, и, наконецъ, достигъ. Всѣмъ бы и во всякомъ бы дѣлѣ проявлять такую настойчивость!

Согласитесь, читатель, что тутъ передъ нами не самоурство, да и не просто глупость; вѣдь мать не умѣетъ цѣнить Бальзаминава. Онъ не дуракъ, а своего рода герой — герой идеальной, торжествующей пошлости. Мы переносимся тутъ съ Островскимъ въ тотъ специально-Гоголевскій міръ, на который указывалъ Пушкинъ.

IV.

„Воспитанница“.—„Гроза“.

«Между этими произведеніями, появившимися одно за другимъ (1859 и 1860 г.г.) существуетъ и внутренняя связь. Она сказывается въ нѣкоторомъ сходствѣ главныхъ женскихъ характеровъ: Нади—въ первомъ наброскѣ, не названномъ у Островскаго не только комедіей или драмой, но даже сценами*), и Катерины—во второмъ произведеніи, относящемся у нашего автора къ самымъ глубоко обдуманнѣмъ и художественно-обработаннымъ драмамъ. Какъ Надя, такъ и Катерина—несомнѣнныя жертвы прямого, настоящаго самодурства, связаннаго въ «Воспитанницѣ» съ крѣпостнымъ барствомъ, а въ «Грозѣ» опять съ купеческимъ бытомъ, этою излюбленною областію Островскаго.

«Надя—говорилъ Добролюбовъ—живетъ въ домѣ Улабенковой, этого безобразнаго самодура въ женскомъ платьѣ, —и все должно пропасть для нея. Лицо Улабенковой замѣчательно, какъ примѣръ того, что значитъ самодурство, перенесенное изъ кушечскаго дома въ другую сферу. Здѣсь оно могучѣе, вліяніе его обширнѣе, и потому оно еще отвратительнѣе. Купецъ ограничиваетъ свое самодурство упражненіями надъ домашними да надъ близкими людьми; но въ обществѣ онъ не можетъ дурить, потому что, какъ мы видѣли, онъ, въ качествѣ самодура, трусливъ и слабодушенъ передъ всякимъ независимымъ человѣкомъ. Ужъ на что Титъ Титычъ Брусковъ—и тотъ не посмѣлъ очень вольничать надъ Ивановымъ... Кругъ дѣйствія Улабенковой довольно великъ. Во-первыхъ—у нея домашнихъ очень много—воспитанницы, приживалки, ключницы, горничныя, служители... Потомъ у ней есть крестьяне. Кромѣ

*) Такъ оно въ полномъ собраніи сочиненіи. Но въ „Библіотекѣ для чтенія“, гдѣ первоначально появилась „Воспитанница“ произведеніе это названо: „сцены изъ деревенской жизни“, на обложкѣ же журнала даже: „комедія“.

того, она представляет сильное лицо въ цѣломъ околоткѣ и имѣетъ вліяніе. Она и чужія свадьбы насильно устраиваетъ, и на мѣста опредѣляетъ, и отъ суда спасаетъ». На то она и барыня стараго покроя, пользующаяся, по своему независимому положенію, по своимъ средствамъ и, наконецъ, по своей властной смѣлости большимъ вѣсомъ среди окружающихъ ее своихъ же братьевъ дворянъ и потакающихъ имъ всякаго рода служилыхъ людей. Она вѣдь одна изъ тѣхъ маленькихъ государынь, какими воображали себя въ свое золотое время богатыя помѣщицы, подобно тому, какъ помѣщики воображали себя своего рода сказочными царьками—т.-е. тѣми *вольными*, для себя только существующими, *человѣками*, какими являются сказочные цари. «Всѣ это знаютъ, благодѣтельница, не даромъ говоритъ Улабенковой льстивая и въ то же время ехидная приживалка Василиса Перегриновна,—что вы, если захотите, можете изъ грязи человѣка сдѣлать; а не захотите, такъ будь хоть семь пядей во лбу,—такъ въ ничтожествѣ и пропадетъ. Самъ виноватъ, отчего не умѣлъ заслужить». «Весь цинизмъ самодурной морали и логики, по справедливому замѣчанію Добролюбова, выраженъ здѣсь очень рельефно». Да вѣдь именно на почвѣ крѣпостного барства и достигалъ этотъ цинизмъ до своего настоящаго апогея. «Нѣтъ никакихъ правъ, кромѣ милости самодура,—продолжалъ характеризовать этотъ цинизмъ Добролюбовъ.— никакихъ нравственныхъ правилъ, кромѣ угожденія его волѣ... Такимъ образомъ вопросы о законности ставятся тутъ съ безстыдною прямою: законъ есть не что иное, какъ воля самодура, и всѣ должны ей подчиняться, а онъ не долженъ стѣсняться ничѣмъ». Все это совершенно вѣрно. Но весь этотъ барскій цинизмъ самодурства крѣпостной поры отошелъ уже, слава Богу, въ область прошлаго, и «Воспитанница» является въ своемъ родѣ историческою картинкою.

«Вы,—говоритъ Улабенкова своимъ воспитанницамъ— жили у меня въ богатствѣ и роскоши и ничего не дѣлали; теперь ты выходишь за бѣднаго, и живи всю жизнь въ

бѣдности, и работай, и свой долгъ исполняй. И позабудь, говорить, какъ ты у меня жила, потому что *не для тебя я это дѣлала, я себя только тѣшила*, а ты не смѣй никогда о такой жизни и думать, и всегда ты помни свое ничтожество и изъ какого ты званія». И не подумайте, замѣтилъ по этому поводу Добролюбовъ,—что это говорится со злобою или съ сарказмомъ; вовсе нѣтъ—это отъ полноты души, отъ искренняго убѣжденія Улабенковой» (стр. 124—127). Но вѣдь, можно сказать, это стало и искреннимъ убѣжденіемъ ея дворовыхъ людей. Вспомните съ 'какимъ, чуть ли не увлеченіемъ рассказываетъ объ этомъ Потапычъ. Но вѣдь съ такимъ же точно увлеченіемъ относится онъ и къ безграничнымъ правамъ своего барчука, молокососа Леонида.

«Да чтожь, сударь, говорить онъ ему, маменька ваша обыкновенно должны строгость соблюдать, потому какъ онѣ дамы. А вамъ чтѣ на нихъ смотрѣть (т.-е. не на маменьку, а на оберегаемыхъ ея до замужества воспитанницъ)! Вы сами по себѣ должны поступать, какъ всѣ молодые господа поступаютъ. Ужь вамъ порядку этого терять не должно. Что жъ вамъ отъ другихъ-то отставать! Это будетъ къ стыду вашему». Но вѣдь точно такую же вѣрно-преданною потакательницею оказывается относительно этого восемнадцатилѣтняго шалопая и ключница Гавриловна. Ему, видите, скучно, потому, что и доучиться-то чему-нибудь было лѣнь, потому что никакое дѣло и никакая умственная пища для него не существуетъ. «Ну ужъ какъ, чай, не скучать?—холопски поддакиваетъ Гавриловна. Ишь вѣдь у насъ точно монастырь. Ну, а вы, извѣстное дѣло, молодой человекъ, и позабавились бы чѣмъ-нибудь, да нельзя. Не велико веселье-то утокъ стрѣлять». И вѣдь Гавриловна, если угодно, говоритъ это тоже отъ «полноты души, отъ искренняго убѣжденія». Она становится даже въ своемъ родѣ права, когда замѣчаетъ, что «гдѣ больше строгости, тамъ и грѣха больше». Строгостью, т.-е. постояннымъ надсматриваньемъ, конечно, ничего не возьмешь. Улабенкова думаетъ охранить своихъ воспитанницъ,

этотъ, если такъ можно выразиться, свадебный товаръ, отъ своего Леонида, этого «ангельчика», этой «невинности», по льстиво-ехидному выраженію Василисы Перегриновны, а также, быть можетъ, и своего Леонида отъ этихъ воспитанницъ, но ни то, ни другое не удается. Она и не думаетъ о томъ, чтобы доставить имъ и ему такое содержаніе для жизни, такую опору въ дѣятельности, въ опредѣленномъ и удовлетворяющемъ лучшія стороны человѣка призванію, которая спасала бы отъ случайныхъ и преждевременныхъ увлеченій. Къ тому же сама она подаетъ имъ собою, т.-е. безцѣльностью и бессмысленностью своей собственной жизни, самый ненаставительный примѣръ, и доходитъ въ своей барской безсознательной скукѣ и въ своемъ барскомъ «все позволено» до того, что на глазахъ у своего восемнадцатилѣтняго юнца держать другого юнца — слугу-любимца, котораго рядить и всячески балуетъ на потѣху своей отвратительной старческой страстности. Вотъ сыночекъ у нея и выходитъ такимъ, что всего вѣрнѣе самъ опредѣляетъ себя, говоря: «какой я дрянной, негодный мальчишка». Добролюбовъ былъ къ нему все же понисходительнѣе.

«Леонидъ, говорилъ онъ, мальчикъ 18 лѣтъ, не злой и не совсѣмъ глупый; характеръ его еще не сложился (мы, съ своей стороны, думаемъ, что онъ и никогда не сложится). Но посмотрите, какія у него замашки, какъ онъ уже испорченъ въ корнѣ, и какъ все окружающее способствуетъ его дальнѣйшему развращенію, какъ все вырабатываетъ изъ него отвратительнѣйшаго самодура. Одни разговоры съ Потапычемъ чего стоятъ! Онъ замѣчаетъ Потапычу, озирая имѣнье: «вѣдь это все мое будетъ». И Потапычъ отвѣчаетъ: «все, сударь, ваше, и мы ваши будемъ... Какъ, значить, при баринѣ, при покойникѣ, такъ все равно и вамъ должны...» Затѣмъ Леонидъ объясняетъ, что онъ служить не намѣренъ, потому что тамъ еще писать заставить. Потапычъ и на это свою рѣчь держать: «и нѣтъ, сударь, зачѣмъ же вамъ самимъ дѣло дѣлать! Ужь это не порядокъ! Вамъ такую службу найдутъ, самую бар-

ственную, великатную; работать будутъ приказные, а вы будете надъ ними надо всѣми начальникомъ. А чины уже сами собой пойдутъ» (130). И тутъ опять передъ нами картинка историческаго содержанія.

Улабенкова и Леонидъ—это Простакова и Митрофанъ послѣднихъ временъ крѣпостнаго права. Простакова и Митрофанъ уже значительно полированные, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе отвратительные*). Ни за Простаковой, ни за Митрофаномъ не водится амуровъ. Улабенкова, пользуясь своею властью, выбрала себѣ смазливаго мальчишку изъ своихъ крѣпостныхъ, обязанныхъ удовлетворять всему, даже и старческому сладострастію барыни. Леонидъ, очевидно, на дорогѣ къ тому, чтобы въ самомъ непродолжительномъ времени создать себѣ цѣлый маленькій гаремъ изъ дворовыхъ дѣвушекъ, благо и онѣ обязаны удовлетворять всему, даже и султанскимъ наклонностямъ мальчишки, вовсе не заботящагося о своемъ развитіи умственномъ, зато обладающаго полнымъ досугомъ, чтобы потакать своему преждевременному, бездѣльнымъ ускоряемому, физическому развитію. Онъ смазливый мальчишка, и это, конечно, содѣйствуетъ его успѣху, но будь онъ хоть уродъ, хоть жалкій наслѣдникъ ужасныхъ недуговъ цѣлаго развратнаго поколѣнія, нашатавашагося по разнымъ Парижамъ, онъ могъ бы рассчитывать на такое же безпрекословное повиновеніе своей волѣ. На то вѣдь и существовало помѣщичье, не ограничиваемое даже никакими опасеніями огласки—современной или исторической—вполнѣ уже безшабашное «le roi s'amuse».

Но мы далеки отъ того, чтобы считать Леонида только жертвой среды, жертвой вполнѣ безсильной противъ ея вліянія. Если мы говорили выше, что не всѣ же въ средѣ иной, все же менѣе гнусной, но тоже очень отталкивающей, средѣ самодурства купческаго, становятся Большовыми,

*) Что Леонидъ сильно напоминаетъ Митрофана, это замѣтилъ уже г. Ахшарумовъ въ своей статьѣ о „Воспитанницѣ“ (въ сборникѣ „Весна“ 1859 г.). Онъ же называетъ Леонида „дурачкомъ“.

Подхалюзиными и Липочками, то такъ же точно не всѣ же и подѣ вліяніемъ помѣщичьяго самодурства становились непремѣнно Леонидами. Были же и такіе, которые, не обладая никакими геніальными способностями, ни даже особенною силою воли, просто вслѣдствіе добрыхъ инстинктовъ своей природы, подѣ впечатлѣніями своей среды все болѣе и болѣе исполнялись отвращенія къ ея мерзостямъ. Островскій вполне сознавалъ это, а потому и осудилъ Леонида его же собственными словами: «какой я дрянной, негодный мальчишка».

Общею жертвой Улабенковой и ея сына является Надя. По справедливому замѣчанію Добролюбова», она не приучена къ тому, чтобы сохранять власть надъ собою и остаться вѣрною своимъ понятіямъ изъ внутренняго убѣжденія въ ихъ правотѣ и силѣ; у нея скромность и честность имѣютъ прямую цѣль — сохранить себя для замужества... Но естественное чувство ея внезапно оскорбляется приказаніемъ идти за пьянаго и грязнаго негодяя... Прежде она мечтала, какъ будетъ сидѣть съ учениками, — словно княжна какая, словно у ней каждый день праздникъ; — какъ она будетъ жить замужемъ, словно въ раю, словно гордась чѣмъ-то... А теперь у нея другія мысли; она подавлена самодурствомъ, да и впереди ничего не видитъ, кромѣ того же самодурства: «какъ подумаешь — говорить она, — что станетъ этотъ безобразный человѣкъ издѣваться надъ тобой, да ломаться, да свою власть показывать, загубить онъ твой вѣкъ ни за что... Не живя, ты съ нимъ состаришься... Такъ уже право молодой баринъ лучше»...

Этотъ молодой баринъ на первыхъ порахъ какъ будто спасаетъ ее отъ безобразнаго Неглигентова, который самъ, въ пьяномъ видѣ, проболтался ему о будущемъ бракѣ съ нею. «Мнѣ, мамаша, жалко ее», говоритъ онъ Улабенковой, — и Улабенкова прогоняетъ Неглигентова — не потому, чтобы и ей было жалко Надю, а потому, что Неглигентовъ осмѣлился пьяный появиться у нея въ саду да еще плясать. Онъ, стало быть, зазнался, оказался не толь-

ко посаженнымъ за столъ, но и положившимъ ноги на столъ, неблагодарнымъ животнымъ, — вотъ за это и гонять его со двора, но гонять только до поры до времени. Леониду жаль Надю, но не по безкорыстному чувству человѣколюбія; она приглянулась ему самому, хотя онъ, конечно, далекъ отъ какихъ-либо серьезныхъ намѣреній въ будущемъ. Онъ не даромъ полюбопытствовалъ узнать, влюблена ли она въ кого нибудь. На ея отвѣтъ: «ни въ кого я не влюблена-съ», онъ съ большою радостью (какъ значитъ въ скобкахъ) ей говоритъ: «полюби меня!» Ея вторичный отвѣтъ: «насильно сердце заставить нельзя-съ» его, конечно, не останавливаетъ. И онъ вѣдь достигаетъ своей цѣли. Съ перваго взгляда можетъ, пожалуй, показаться страннымъ, что онъ достигаетъ цѣли вслѣдъ за тѣмъ, какъ прогнали съ двора Неглигентова. Но не можетъ же Надя думать, что, избавивъ ее почти-что случайно отъ безобразнаго жениха, самъ онъ имѣетъ на нее серьезные виды: она же, наконецъ, считаетъ его мальчикомъ. Да, но вѣдь Надя не можетъ же также быть увѣрена въ томъ, что вмѣсто прогнаннаго Неглигентова не явится вдругъ какой нибудь другой Неглигентовъ, который будетъ уже осторожнѣе и котораго не прогонять. Рано или поздно, ей все-таки придется выйти замужъ, потому что «холостая жизнь ужасно портитъ молодыхъ людей» и что барынѣ захочется, посредствомъ своей воспитанницы, спасти отъ такой порчи какого-нибудь молодого человѣка. А не то, пожалуй, ее упекутъ и за дряхлаго старика, потому что барынѣ, изъ человѣколюбія, захочется приставить къ нему нянькою Надю. И тутъ вѣдь Надѣ напрасно пришлось-бы спрашивать свою благодѣтельницу: «чѣмъ же я вамъ теперь, сударыня, не угодила, что вы меня хотите за старика отдать?» У Улабенковой, разумѣется, будетъ все тотъ же отвѣтъ: «я съ молодю привыкла, чтобъ cadaго моего слова слушались» *). Впереди все равно не предстоитъ ни-

*) Г. Ахшарумовъ въ своей статьѣ замѣтилъ, что у Улабенковой просто „развѣтая страсть къ сводничеству“.

чего хорошаго. Вотъ Надя и приходитъ къ тому, что говоритъ Лизѣ: «куда страхъ, куда стыдъ дѣвался, не знаю. Хоть день, да мой, думаю, а тамъ что будетъ, то будетъ, ничего я и знать не хочу!» Отдавшись съ отчаянья хорошенькому барчуку, она доходитъ затѣмъ до какого-то упоенія имъ, говоря: «я не тужу, а вы тужите, какой добренькій!.. Не ушла бы я отъ васъ, да нечего дѣлать: не своя воля». Но слишкомъ ужъ поздно она отъ него уходитъ. Все подглядѣла ехидная Перегриновна, и все-то она передала, да еще съ такими видоизмѣненіями: «и какъ это видно было, что онъ, по своей непорочности, старается ее оттолкнуть отъ себя, а она все хватаетъ его за шею, лобзаетъ и соблазняетъ». Дорого обходится Надѣ вечерокъ въ саду съ этимъ добренькимъ бариномъ. Ставъ, безъ строго опредѣленнаго умысла, виновникомъ избавленія ея отъ Неглигентова, онъ же и становится теперь, опять безъ опредѣленнаго умысла, причиной того, что Улабенкова говоритъ Надѣ: «я должна тебя отдать замужъ. Послать въ городъ и сказать Неглигентову, что я отдаю Надежду за него и чтобы свадьба была скорѣе, какъ можно». Что же добренькій баринъ? Ему и хотѣлось бы уговорить маменьку, да и сама Василиса Перегриновна, которую, должно быть, отчасти пробрала и жалость, подаетъ ему такой совѣтъ: «благодѣтельница наша обидѣлись очень на Гришку, что онъ не ночевалъ дома, пришелъ пьяный, да еще и прощенья не попросилъ, ручку не поцѣловалъ. Отъ этого огорченія онѣ и больны-то сдѣлались. Ужъ Надеждѣ-то такъ подъ сердитую руку попалось (Этимъ, можетъ быть, Перегриновна убаюкиваетъ свою пробудившуюся совѣсть). Теперь наша благодѣтельница и изъ комнаты не выйдетъ и никого къ себѣ не пуститъ, пока этотъ противный Гришка прощенья просить не будетъ... Вотъ теперь, баринъ нашъ хорошій, не угодно ли вамъ будетъ поклониться (въ этомъ выраженіи сказалось опять обычное въ ней ехидство), чтобы онъ поскорѣе шель у маменьки прощенья просить». Не скажи она—«не угодно ли вамъ поклониться», а скажи: «не угодно ли вамъ при-

казать» или чтонибудь подобное, и Леонидъ бы, можетъ быть, подался на это. Но Перегриновна—умышленно, или неумышленно—затронула въ немъ барчука.—и дѣлу конецъ! «Ну ужь это ему много чести будетъ», прямо отдѣливается Леонидъ, хотя ему все еще жаль Надю. «Что же теперь дѣлать-то?», спрашиваетъ онъ безпомощно и растерянно, и вызываетъ убійственную отвѣдь Нади: «да что вы хлопочете-то! Ничего вѣдь вы сдѣлать не можете: ужь оставьте лучше! Вы же теперь скоро уѣдете въ Петербургъ; веселитесь себѣ; что вамъ о такихъ пустякахъ думать, себя беспокоить!» Страшнымъ трагизмомъ звучитъ дальнѣйшій непродолжительный ихъ разговоръ, трагизмомъ, тѣмъ болѣе понимающимъ, что все тутъ такъ просто, такъ естественно!

«Да вѣдь мнѣ тебя жалко», какъ-то по попугайски твердитъ свое Леонидъ.—«Не жалѣйте, пожалуйста! Я сама, какъ сумасшедшая, на бѣду лѣзла, не спросясь ума-разума».—Какъ же ты теперь думаешь?—«А ужь это мое дѣло».—Да вѣдь тебѣ будетъ очень тяжело.—«Вамъ-то что за дѣло! Вамъ зато весело будетъ».—«Да зачѣмъ же ты такъ говоришь?»—«Зачѣмъ, что вы мальчикъ еще. Оставьте!»—«Да вѣдь онъ пьяный, скверный такой! — «Ахъ, Боже мой! Ужь уѣхали бы вы лучше куданибудь съ глазъ долой».—А въ самомъ дѣлѣ, я лучше уѣду къ сосѣдямъ на недѣлю».—

Но онъ все-таки продолжаетъ увѣрять, что ему ее жалко. И все-таки уѣзжаетъ, не смотря на ея послѣднія слова: «не хватить моего терпѣнья, такъ прудъ-то у насъ недалеко!»

Авторъ, какъ извѣстно, опустил занавѣсъ, не давъ намъ узнать, въ самомъ ли дѣлѣ она кончить съ собою такимъ образомъ, или же, покорившись своей судьбѣ, погрязнетъ въ такомъ омутѣ, какъ бракъ съ Неглигентовымъ.

Не такъ оно въ «Грозѣ». Тамъ все досказывается до конца, до конца трагическаго.—Разборъ «Грозы», какъ извѣстно, особенно удался Добролюбову, вызвавъ у него

цѣлую большую статью подъ заглавіемъ: «Лучь свѣта въ темномъ царствѣ». Критикъ тутъ оказался въ своей сферѣ, такъ какъ нигдѣ, можетъ быть, темное царство со своимъ самодурствомъ не выставлено въ такомъ ужасающемъ и отталкивающимъ видѣ, какъ именно въ этомъ произведеніи Островскаго. «Люди, которыхъ вы здѣсь видите, говорилъ Добролюбовъ, живутъ въ благословенныхъ мѣстахъ: городъ стоитъ на берегу Волги, весь въ зелени; съ крутыхъ береговъ видны далекія пространства, покрытыя селеньями и нивами»... Но какъ же живутъ эти люди? «Ихъ жизнь, продолжалъ онъ, течетъ такъ ровно и мирно, никакіе интересы міра ихъ не тревожатъ, потому что не доходятъ до нихъ; царства могутъ рушиться, новыя страны открываться, лицо земли можетъ измѣняться, какъ ему угодно, міръ можетъ начать новую жизнь на новыхъ началахъ,—обитатели города Калинова будутъ себѣ существовать по прежнему въ полнѣйшемъ невѣдѣніи объ остальномъ мірѣ» (III, 523).—Да, они совершенно отрѣзанный ломоть,—отрѣзанный ломоть въ пространствѣ, отрѣзанный ломоть и во времени. Они, повидимому, въ самомъ дѣлѣ не ощущаютъ никакой связи даже съ остальною землею Русскою, какъ не ощущаютъ и малѣйшей связи съ ея прошлымъ, съ ея исторіей. Они живутъ по старинному, косо, но старина въ ихъ *сознаніи* не существуетъ, она не существуетъ въ немъ, какъ *исторія*, какъ завѣтъ и преданіе *всей земли*. Да и въ настоящемъ-то, въ неподвижномъ ихъ настоящемъ, они и въ своемъ-то городѣ совершенно между собою разъединены, разрознены. Они сходятся по торговымъ дѣламъ, сходятся на гулянья, но у нихъ нѣтъ ничего общаго, они разсыпаются, какъ песчинки въ кучѣ. Таково торговое населеніе города, соблюдающее только свои личные интересы, т.-е. каждый свои по пословицѣ: «каждый для себя, а Богъ за всѣхъ». Впрочемъ они и Бога-то воображаютъ себѣ по своему же образу и подобію. Онъ, по ихъ понятію, за того, кто лучше съумѣетъ его замолить, склонить къ себѣ пудовыми свѣчами да вкладами. Передъ нами вѣдь городъ еще той поры, ко-

торую живописаль Гоголь, городъ съ городничимъ, только съ такимъ, который весь въ рукахъ у какого нибудь богатѣйшаго купца—самодура. Заикнулся, было, городничій Дикому: «разсчитывай ты мужиковъ хорошенько! Каждый день ко мнѣ съ жалобой ходятъ!» А тотъ себѣ и въ усъ не дуетъ. Треплетъ городничаго по плечу, да говоритъ: «стоитъ ли, ваше высокоблагородіе, намъ съ вами о такихъ пустякахъ разговаривать! Много у меня въ годъ-то мужиковъ перебиваетъ; вы то поймите, недоплачу я имъ по какой нибудь копѣйкѣ на человѣка, а у меня изъ этого тысячи составляются, такъ оно мнѣ и хорошо». Попробуй заикнуться о томъ же самомъ батюшка на духу,—и ему будетъ такой же, только видоизмѣненный, отвѣтъ: «изъ тѣхъ тысячъ, батюшка, я вѣдь малую-то толику вамъ-же въ храмъ принесу». Вспомнимъ разсказъ Дикого про его говѣнье, соблюдаемое имъ изъ года въ годъ съ величайшею обрядовою точностію и при настоящемъ, хотя, вѣроятно, и не очень-то голодномъ постѣ. «А тутъ налегкая, сознается онъ Кабанихѣ, и подсуны мужичонка: за деньгами пришелъ, дрова возилъ. И принесло же его на грѣхъ-то въ такое время. Согрѣшилъ-таки; изругалъ, такъ изругалъ, что лучше требовать нельзя, чуть не прибилъ. Вотъ оно какое сердце-то у меня!» Правда, спохватился Дикой—не такая пора, вѣдь передъ исповѣдью, Божій страхъ пробралъ. «Истинно тебѣ говорю, сознается онъ, мужику въ ноги кланялся. Вотъ до чего меня сердце доводитъ: тутъ на дворѣ, въ грязи, ему и кланялся; при всѣхъ ему кланялся». Ну, точно такъ, какъ Владиміръ въ былинахъ, когда подошла бѣда неминуемая, бьетъ челою до сырой земли мужику Ильѣ Муромцу. Но что же? отъисповѣдается Дикой, причастится, и перестанетъ опять, впредь до слѣдующаго говѣнья, хотя сколько нибудь сдерживать свое сердце ретивое. Да онъ, вѣроятно, и на духу будетъ говорить тоже самое, что говоритъ Кабанихѣ. «Что жъ ты мнѣ прикажешь съ собой дѣлать?.. Вѣдь ужъ знаю я, что надо отдать, а все добромъ не могу. Другъ ты мнѣ, и я тебѣ долженъ отдать, а приди ты у меня просить—обругаю. Я

отдамъ, отдамъ, а обругаю. Потому только и зайкнись мнѣ о деньгахъ, у меня всю нутреннюю разжигать станеть; всю нутреннюю вотъ разжигаетъ, да и только; ну и въ тѣ поры ни за что обругаю человѣка». Ради той же своей «разжигаемой нутренней» обрываетъ онъ и мѣщанина Кулигина, честнаго и добраго человѣка, потому, что онъ заводитъ съ нимъ рѣчь о томъ, какъ бы хорошо было солнечные часы устроить «на пользу общую»,—да и стоило бы не дорого: какихъ нибудь рублей десять. «А, можетъ, ты украсть хочешь, кто тебя знаетъ», обрѣзываетъ Дикой, да еще и сердится, что Кулигинъ этимъ обиженъ. «Хочу такъ думать о тебѣ, такъ и думаю. Для другихъ ты честный человѣкъ, а я думаю, что ты разбойникъ, вотъ и все... Говорю, что разбойникъ, и конецъ! Что-жь ты, судиться, что ли, со мной будешь! Такъ ты знай, что ты червякъ. Захочу—помилую, захочу—раздавлю». Но Кулигинъ и не отрицаетъ его силы, онъ находитъ только, что ей надо бы поискать хорошаго примѣненія. Онъ готовъ, пожалуй, признать за Дикимъ и власть, но вѣдь власть-то, по мнѣнью Кулигина, есть прикладная сила. «Была бъ только воля на доброе дѣло» говоритъ онъ Дикому. Вотъ хоть бы теперь то возьмемъ: у насъ грозы частыя, а не заводимъ мы громовыхъ отводовъ». Но на это у Дикого отвѣтъ короткий: «все суета!» А 'суета потому, что «гроза-то намъ въ наказаніе посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами, да рожнами какими-то, прости Господи, обороняться». Напрасно Кулигинъ ссылается на Державина:

Я тѣломъ въ прахъ ислѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю!

За эти слова, по мнѣнью Дикого, надо Кулигина къ городничему, и тотъ ему задасть! Городничій, видите, самому-то Дикому задать не можетъ, за то, что онъ обсчитываетъ рабочихъ, а можетъ задать «червяку», позволяющему себѣ отъ грозы защититься, кары Божьей «не чувствовать». Вотъ Дикой такъ *чувствуетъ*—это, должно быть, видно по его образу дѣйствию...

Такому «червяку», какъ Кулигинъ, Дикіе проповѣдуютъ всегдашнее *смиреніе*, сами же они развѣ разъ въ годъ соблюдаютъ его, да и то чисто обрядовымъ образомъ. Но случается и такъ, что находятъ у нихъ коса на камень. Вспомнимъ встрѣчу Дикого съ Кабанихой, спрашивающей кума, отчего онъ такъ поздно бродить? «А кто-жь мнѣ запретить!»—Кто запретить? вопрошаетъ она въ отвѣтъ. Кому нужно.—«Ну, и значить, нечего разговаривать. Чтò я, подѣ началомъ, чтò ль, у кого? Ты еще чтò тутъ! Какого еще тутъ чорта водянаго!»—Ну, ты не очень горло-то распускай, огрызается Кабанова. Ты найди подешевле меня. А я тебѣ—дорога».

И подумаешь, на чемъ опирается сила и власть этихъ, точно будто державныхъ, то ссорящихся, то дружелюбствующихъ, сосѣдей?—На ихъ деньгахъ!

Кабанова, замѣчая, что Дикой хмѣленъ, совѣтуетъ ему идти домой. «А коли я не хочу домой-то», спрашиваетъ онъ.—Отчего же это? въ свою очередь спрашиваетъ она. «А потому, что у меня тамъ война идетъ».—Да кому-жь тамъ воевать-то? Вѣдь ты одинъ только тамъ воинъ-то и есть.—«Ну такъ что же, что я воинъ? Ну, что жь изъ этого?»—Чтò? Ничего. А и честь-то не велика, потому что воюешь-то ты всю жизнь съ бабами. (Кабаниха отзывается такъ о своихъ же сестрахъ, не считая себя, въ качествѣ матерой вдовы, «государыни матушки», въ числѣ бабъ). «Ну, значить, онѣ и должны мнѣ покориться, отвѣчаетъ Дикой. А то я, чтò ли, покоряться стану!»—Ужь не мало я дивлюсь на тебя: сколько у тебя народу въ домѣ, а на тебя на одного угодить не могутъ».

А между тѣмъ и на нее самое никто точно такъ же угодить не можетъ. И она точно такъ же воюетъ съ безоружными или, лучше сказать, поѣдомъ ѣсть всѣхъ въ домѣ (на то вѣдь она и *баба*, хотя и не сознаетъ себя ею). Кабаниха, какъ и всѣ люди такого покроя, отлично видитъ въ другихъ то, чего не видитъ въ самой себѣ. Въ этомъ вѣдь тоже одинъ изъ признаковъ самодурства.

Въ томъ, что темное царство тутъ раздѣляется, что

одинъ самодуръ идетъ иногда на другого, конечно, еще мало спасенія. Признаки спасенія скорѣе тутъ въ томъ, что гроза начинается собираться на самодуровъ со стороны, снизу. Важны въ этомъ отношеніи слова Кудряша, конторщика у Дикого, мѣщанину Шапкину: «четверомъ этакъ, пятеромъ въ переулкѣ гдѣнибудь поговорили бы съ нимъ съ глазу на глазъ, такъ онъ бы шелковый сдѣлался. А про нашу науку-то и не пикнулъ бы никому, только бы ходилъ, да оглядывался». А Кудряшъ такъ смѣлъ, потому что чувствуетъ свою силу. На слова Шапкина: «не даромъ онъ хотѣлъ тебя въ солдаты-то отдать», Кудряшъ замѣчаетъ: «хотѣлъ, да не отдалъ.... Не отдастъ онъ меня: онъ чуетъ носомъ-то своимъ, что я свою голову дешево не продамъ. Это онъ вамъ страшень-то, а я съ нимъ разговаривать умѣю.... Я грубіянь считаясь, за что жъ онъ меня держитъ? Стало быть, я ему нуженъ. Ну, значить, я его и не боюсь, а пущай же онъ меня боится». Впрочемъ, и Кудряши еще не тѣ люди, которые бы служили провозвѣстниками новой, дѣйствительно человѣческой жизни. Они могутъ задать острастку самодурамъ, острастку, важную тѣмъ, что она идетъ не отъ равныхъ имъ, а отъ стоящихъ подъ ними; но и въ немъ нѣтъ единственной настоящей и силы и власти—силы и власти нравственной. И онъ не держитъ себя самъ въ уздѣ, да и не хочетъ держать, точно такъ же, какъ они, если хвалится; «жаль, что дочери-то у него (т.-е. у Дикого) подростки, большихъ-то ни одной нѣтъ».—А то что бы? спрашиваетъ его Шапкинъ.—«Я-бъ его уважилъ. Больно лихъ я на дѣвокъ-то!» Но вѣдь это та же лихость, что и у Дикихъ. Нѣтъ, не людямъ такой похвалы, не потакателямъ своихъ стихійныхъ страстей, совладать съ насиліемъ! Они совладаютъ съ его прежними представителями, но въ лицѣ своемъ явятъ свѣту новыхъ.

Настоящіе признаки будущей, въ самомъ дѣлѣ человѣческой жизни, скорѣе въ Кулигиныхъ. Они не только «поначитались Ломоносова», знаютъ, что онъ «былъ мудрецъ, испытатель природы», они знаютъ и то, что онъ

«тоже изъ нашего изъпростаго званія», т.-е. они знаютъ, что можетъ же проложить себѣ путь, несмотря ни на что, настоящая духовная сила. Упорно, настойчиво, порываются они къ свѣту, они жаждутъ его нетолько для себя, но и для другихъ. Взглядъ ихъ на природу и ея явленія свѣтлый. «Каждая теперь травка, говоритъ онъ, каждый цвѣтокъ радуется, а мы прячемся... Гроза убьетъ! Не гроза это, а благодать!... Сѣверное сіяніе загорится, любоваться бы надо, да дивиться премудрости.... А вы ужащаетесь, да придумываете: къ войнѣ это, или къ мору.... Изъ всего-то вы себѣ пугаль надѣлали». Онъ жаждетъ освободить людей отъ пугаль. Въ его душѣ пробудилось нетолько сознаніе своихъ личныхъ правъ, но и сознаніе общей пользы. Онъ способенъ даже сдержанно относиться къ Дикому, чтобы добиться отъ него хоть чего нибудь на общую пользу. Вспомнимъ, какъ сочувственно коснулся Кулигина Ап. Григорьевъ. Добролюбовъ почти вовсе его не коснулся.

Онъ замѣтилъ, впрочемъ, что «не даромъ Кабанова замѣчаетъ о Кулигинѣ»: вотъ времена-то пришли, какіе учителя проявились. Коли старикъ такъ рассуждаетъ, чего ужъ отъ молодыхъ-то требовать!» И Кабанова, продолжалъ онъ, очень серьезно огорчается будущностью старыхъ порядковъ, съ которыми она вѣкъ изжила.... Точно послѣдніе язычники передъ силою Христіанства, поникаютъ и стираются похождения Самодуровъ, застигнутыя ходомъ новой жизни....» (530). «Оттого-то такъ и печальна Кабанова, отъ того-то такъ и бѣшенъ Дикой: они до послѣдняго момента не хотѣли укоротить своихъ широкихъ замашекъ, и теперь находятся въ положеніи богатаго купца наканунѣ банкротства.... Поправить свои дѣла они ужъ и не рассчитываютъ; но они знаютъ, что ихъ своевольство будетъ имѣть еще довольно простора до тѣхъ поръ, пока всѣ будутъ робѣть передъ ними; и вотъ почему они такъ упорны, такъ высокомерны, такъ грозны даже въ послѣднія минуты, которыхъ уже немного осталось имъ, какъ они сами чувствуютъ. Чѣмъ ме-

нѣе чувствуютъ они дѣйствительной силы, тѣмъ сильнѣе поражаетъ ихъ вліяніе свободнаго здраваго смысла, доказывающее имъ, что они лишены всякой разумной опоры, тѣмъ наглѣе и безумнѣе отрицаютъ они всякія требованія разума, ставя себя и свой произволъ на ихъ мѣсто». (532—533). Это такъ же прекрасно и такъ же вѣрно замѣчено, какъ и то, что «если въ темномъ царствѣ заявляются преспокойно самыя нелогичныя взгляды и понятія, то секретъ подобнаго равнодушія къ логикѣ заключается, прежде всего, въ отсутствіи всякой логичности въ жизненныхъ отношеніяхъ» (526).

Мы согласны съ знаменитымъ критикомъ и въ томъ, что, если «Гроза» «есть самое рѣшительное произведеніе Островскаго», если «взаимныя отношенія самодурства и безгласности доведены въ ней до самыхъ трагическихъ послѣдствій», то есть въ ней съ другой стороны даже что-то освѣжающее и ободряющее, «т.-е. фонъ пьесы, обнаруживающій шаткость и близкій конецъ самодурства» (мы бы прибавили отъ себя: самодурства того *старого покроя*, съ какимъ и имѣетъ тутъ дѣло Островскій). Но мы не можемъ согласиться съ критикомъ въ одномъ,—будто «самый характеръ Катерины, рисующійся на этомъ фонѣ, тоже вѣетъ на насъ новою жизнью, которая открывается намъ въ самой ея гибели» *). (536).

Какъ ни сочувственна, какъ ни поэтична, какъ ни глубока и прекрасна, по основамъ своей души, Катерина, мы не видимъ въ ней никакихъ признаковъ новой жизни, ничего возрождающаго и освободительнаго въ ея гибели. На нашъ взглядъ она въ своей трагической смерти вовсе не побѣдительница этого темнаго царства, а только одна изъ наиболѣе трогających, наиболѣе привлекающихъ наше сочувствіе, жертвъ его **).

*) Съ этимъ взглядомъ въ сущности не соглашается и г. Скабичевскій въ своей статьѣ: „Женщины въ пьесахъ А. Н. Островскаго“ (Сѣв. Вѣстникъ 1887 г. Августъ, стр. 175).

**) Подъ сильнымъ обаяніемъ Катерины находился въ Добролюбовскія времена и покойный С. С. Дудышкинъ. „На самой, говорилъ онъ, бесплод-

Добролюбовъ съ видимою любовью прослѣдилъ развитіе характера Катерины, начиная съ ея собственнаго разсказа о своемъ дѣтствѣ: «въ домѣ ея матери, поясняяль онъ, было тоже, что у Кабановыхъ—ходили въ церковь, шили золотомъ по бархату, слушали разсказы странницъ, обѣдали, гуляли по саду, опять бесѣдовали съ богомолками и сами молились... Выслушавъ разсказъ Катерины, Варвара, сестра ея мужа, съ удивленіемъ замѣчаетъ: «да вѣдь и у насъ то же самое». Но разница опредѣляется Катериною очень быстро въ пяти словахъ: «да здѣсь все какъ будто изъ подъ неволи!» И дальнѣйшій ея характеръ показываетъ, что во всей этой внѣшности, которая такъ обыденна у насъ повсюду, Катерина умѣла находить свой особенный смыслъ, примѣнять ее къ своимъ потребностямъ и стремленіямъ, пока не налегла на нее тяжелая рука Кабанихи. Катерина вовсе не принадлежитъ къ буйнымъ характерамъ, никогда не довольнымъ, любящимъ разрушать, во что бы то ни стало. Напротивъ, это характеръ по преимуществу созидающій, любящій, идеальный.... Грубые суевѣрные разсказы и безмысленныя бредни странницъ превращаются у нея въ золотые, поэтическіе сны воображенія, не устрашающіе, а ясные, добрые.» Но ей вѣдь, быть можетъ, приходилось слушать не только такихъ странницъ, какъ выведенная въ «Грозѣ» Оеклуша; дома ей, можетъ быть, приходилось сталкиваться и съ такими, какія выведены у Тургенева въ «Живыхъ Мощахъ», гдѣ имъ приписывается такое возбудительное вліяніе на широкое сердце Лукерьи. «Иной разъ, бывало,—цитуетъ Катерину нашъ критикъ,—рано утромъ въ садъ уйду, еще только солнышко восходитъ,—упаду на колѣни, молюсь и плачу, и сама

ной, казалось бы, для поэзія почвѣ выросла самая прекрасная сторона души человѣческой; мизернѣйшій изъ мизерныхъ городковъ Русскихъ, въ которомъ мы съ вами не искали ничего, кромѣ плохихъ баранокъ и загнанныхъ почтовыхъ лошадей, нашли мы городомъ полнымъ жизни и страсти; на сухой почвѣ старинныхъ преданій, извѣденныхъ формалисткой, мы нашли полные жизни побѣги и чувства и страсти". („Отеч. Записки“ 1860 г. Январь).

не знаю, о чемъ молюсь и о чемъ плачу; такъ меня и найдутъ. И объ чемъ я молилась тогда, чего прошу,—не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно». То, что выслушивала она, можетъ быть, отъ странницъ не такого безтолковаго покроя, какъ Феклуша, выслушивала о чужой бѣдѣ и нуждѣ, о бѣдѣ и нуждѣ отдаленной, но человѣчески близкой, должно быть, не такъ глубоко западало ей въ душу, какъ такіе рассказы западали въ душу Лукерьи, которая въ своей крестьянской долѣ не имѣла основанія сказать про себя, что ей ничего ненадобно, всего у нея довольно. По всей вѣроятности, въ истинный смыслъ того, что долетало до Катерины и сказывалось, при ея бывшемъ довольствѣ, только въ бессознательной молитвѣ о чемъ-то еще иномъ, она вникла только тогда, когда довольство для нея кончилось, когда она очутилась въ чужой семьѣ, у неласковой, вѣчно ворчливой свекрови, вникла и стала наконецъ сознательно чутка и къ чужому горю. Но и тутъ она откликается на него не безъ примѣси того эгоизма, который, при всей ея добротѣ, остается ей присущимъ. «Вотъ что сдѣлаю, — говоритъ она уже у Кабанихи, уже наиспытавшись своей новой горемычной доли и вызваннаго ею соблазна:—я начну работу какуюнибудь по обѣщанію; пойду въ гостиный дворъ, куплю холста, да и буду шить бѣлье, а потомъ раздамъ бѣднымъ. *Они за меня Богу помолятъ*». И позже, въ самую роковую минуту жизни, въ заботѣ ея о чужомъ горѣ слышится все та же утилитарная складка. «Поѣдешь ты дорогой, — говоритъ она Борису, — ни одного ты нищаго такъ не пропускай, всякому подай, да прикажи, *чтобъ молились за мою грѣшную душу*». Вотъ въ томъ-то, можетъ быть, и одна изъ главныхъ бѣдъ Катерины, что, при своей любящей душѣ, она неспособна найти для нея широкаго простора, который открывается только въ такой отзывчивости на все человѣческое, какая сказывается у Тургеневской Лукерьи, находящей себѣ въ этой отзывчивости изцѣленіе и отъ душевной утраты, и отъ медленнаго убійственнаго недуга. Послѣ такого довольства

въ своей семьѣ (при той нѣгѣ и холѣ, которая за-
ставляетъ предполагать въ ея родителяхъ людей добрыхъ)
въ силу, надо думать, просватанія на всей на родитель-
ской волѣ, безъ всякаго спроса у нея самой, по тому заве-
денному обычаю, въ которомъ тѣ же родители, надо ду-
мать, не выглядѣли никакого противорѣчія съ тѣмъ, какъ
относились они до тѣхъ поръ къ своей дочери, — Кате-
рина, вдругъ попадаетъ подъ гнетъ свекрови, — гнетъ, подъ
которымъ изнываетъ и ея слабодушный и недалекій мужъ.
«Въ прежнее время, — замѣтилъ Добрюбовъ, ея сердце было
слишкомъ полно мечтами, она не обращала вниманія на
молодыхъ людей, которые на нее заглядывались, а только
смѣялась. Выходя замужъ за Тихона Кабанова, она и
его не любила, она еще и не понимала этого чувства;
сказали ей, что всякой дѣвушкѣ надо замужъ выходить,
показали Тихона, какъ будущаго мужа, она и пошла за
него, оставаясь совершенно индифферентною къ этому
шагу... Ей нѣтъ особенной охоты выходить замужъ, но
нѣтъ и отвращенія отъ замужества; нѣтъ въ ней любви
къ Тихону, но нѣтъ любви и ни къ кому другому. Ей
все равно покамѣсть, вотъ почему она и позволяетъ дѣ-
лать съ собою, что угодно»... Но, и очутившись какимъ-то
неожиданнымъ образомъ замужемъ, Катерина могла бы
найтись въ своемъ положеніи, въ ней бы могло пробудить-
ся и дѣйствительно уже пробуждалось чувство привя-
занности къ мужу. Но вотъ тутъ-то и стала между ними
злая свекровь, въ своихъ бездушныхъ заботахъ о соблю-
деніи ими формальныхъ обязанностей, становящаяся на-
стоящею ихъ разлучницею. «Еще въ первой сценѣ по-
явленія семейства Кабановыхъ на бульварѣ, говоритъ До-
брюбовъ, мы видимъ, каково положеніе Катерины между
мужемъ и свекровью. Кабаниха ругаетъ сына, что жена
его не боится; онъ рѣшается возразить:» да зачѣмъ же
ей бояться? — Съ меня и того довольно, что она меня
любитъ». Старуха тотчасъ же вскидывается на него:
«Какъ, зачѣмъ бояться?.. Да ты рехнулся, что ли? Тебя
не станетъ бояться, меня и подавно: какой же это поря-

докъ-то въ домѣ будетъ! Вѣдь ты, чай, съ ней въ законѣ живешь»... «Подъ такими началами, разумѣется, чувство любви въ Катеринѣ не находитъ простора и прячется внутрь ея, сказываясь только по временамъ судорожными порывами. Но и этими порывами мужъ не умѣетъ пользоваться: онъ слишкомъ забить, чтобы понять силу ея страстнаго томленія. «Не разберу я тебя, Катя, говорить онъ ей, то отъ тебя слова не добьешься, не то, что ласки, а то сама лѣзешь».—Еще хуже, прибавимъ мы отъ себя, если въ минуту такого порыва придется Катеринѣ попасть на глаза свекрови. «Что на шею виснешь, безстыдница? закричить она: въ ноги кланяйся!»—Когда Тихонъ собирается ѣхать въ Москву, Катерина Христомъ Богомъ умоляетъ его не уѣзжать, чуя въ себѣ всю неотразимость чувства, которое, не находя себѣ исхода въ ту сторону, которая представляется законною и ей самой, неминуемо готова направиться въ другую, хотя бы и по собственному ея пониманію незаконную. А онъ, въ отвѣтъ на этотъ жалобный кличъ утопающаго, хватающагося и за соломинку, холодно отвѣчаетъ: «Нельзя, Катя. Коли маменька посылаетъ, какъ же я не поѣду». На самомъ же дѣлѣ имъ управляетъ еще и другое. Вѣдь онъ, по вѣрному замѣчанію Добролюбова, «съ безстыднѣйшимъ цинизмомъ» говоритъ женѣ, когда она упрашиваетъ его взять и ее съ собою: «съ этакой-то неволи отъ какой хочешь красавицы жены убѣжишь! Ты подумай то, какой ни на есть, а я все-таки мужчина,— всю жизнь вотъ такъ жить, какъ ты видишь, такъ убѣжишь и отъ жены!»—Какъ же мнѣ любить-то тебя», невольно вырывается тутъ у жены, когда ты такія слова говоришь». Но онъ все-таки уѣзжаетъ, а по возвращеніи своемъ все съ тѣмъ же цинизмомъ сознается Кулигину: «ужь очень радъ, что на волю то вырвался. И всю дорогу пилъ, и въ Москвѣ все пилъ; такъ это кучу, что на-поди! Такъ, чтобъ ужь на цѣлый годъ отгуляться». А между тѣмъ, чуть успѣлъ онъ уѣхать, свекровь ужь накидывается на нее: «ты вотъ похвалялялась, что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то.

Другая хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воетъ, лежитъ на крыльцѣ; а тебѣ видно ничего». — Не къ чему! Да и не умѣю, въ цѣломудріи своего оскорбленнаго чувства отвѣчаетъ она. Что народъ-то смѣшить! — «Хитрость-то невеликая, продолжаетъ свое Кабанова. Кабы любила, такъ бы выучилась. Коли порядкомъ не умѣешь, ты хоть бы примѣръ-то этотъ сдѣлала; все-таки пристойнѣе, а то, видно, на словахъ-то только. Ну, я Богу молиться пойду, не мѣшайте мнѣ». — Этимъ дается Катеринѣ уже самый рѣшительный толчокъ въ ту сторону, куда ее давно уже тянетъ неудовлетворенное чувство. А тутъ еще золовка Варвара объявляетъ матери: «я со двора пойду», и та же мамаша ей отвѣчаетъ: «а мнѣ чтó! Поди! Гуляй, пока твоя пора придетъ. Еще на-сидишься». Но Катерина уже слишкомъ хорошо знаетъ, чтó у Варвары значитъ гулять, и въ словахъ Кабанихи ей, надо думать, слышится своего рода цинизмъ — все при томъ же обрядовомъ формализмѣ, въ настоящемъ случаѣ раздѣляющемъ жизнь на веселую и не веселую половины.

Оставшись одна, Катерина задумчиво говорить: «ну, теперь тишина у насъ въ домѣ воцарится! Ахъ, какая скука! Хоть бы дѣти чьинибудь! Эко горе! Дѣтокъ-то у меня нѣтъ: все бы я сидѣла съ ними да забавляла ихъ. Люблю очень съ дѣтьми разговаривать — ангелы вѣдь это». Да, если бы у нея былъ ребенокъ, она бы, быть можетъ, и не рѣшилась на роковой шагъ. «Хоть бы чьинибудь дѣти» говоритъ она, готовая, надо думать, взять какогонибудь чужого ребенка и способная, разумѣется, всею душою привязаться къ нему. Но развѣ Кабаниха это позволить? — Въмѣсто дѣтей, этихъ «ангеловъ», возлѣ нея искусительница — эта Варвара, сестра Тихона, которой сама мамаша разрѣшаетъ гулять, пока ея пора не пришла. И гуляетъ же Варвара, пользуясь тѣмъ, что Кудряшъ, по его выраженію, «лихъ на дѣвокъ». Варварѣ и жаль Катерину, и, надо думать, хотѣлось бы ее сманить на свой разухабистый путь, по другому, менѣе благородному по-

бужденію. Видя со стороны ея жалость, Катерина тепло и довѣрчиво относится къ ней (надо же кому нибудь до-вѣрять, передъ кѣмъ нибудь изливать свое чувство). «Отчего люди не летаютъ!» вырывается у Катерины въ разговорѣ съ ней, а Варвара недоумѣваетъ: «я не понимаю, что ты говоришь». — «Я говорю, отчего люди не летаютъ такъ, какъ птицы? Знаешь, мнѣ иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горѣ, такъ тебя и тянетъ летать. Вотъ такъ бы разбѣжалась, подняла руки и полетѣла. Попробовать нешто теперь». И при этомъ она хочетъ бѣжать. Да и слово *полетѣ* тутъ на самомъ дѣлѣ только отзвукъ той мечтательности, которая водилась за нею въ родительскомъ домѣ. Теперь для Катерины это выраженіе уже вовсе не означаетъ того, что означаетъ оно на устахъ у Тургеневской Аси. Катеринѣ на самомъ дѣлѣ просто хочется теперь именно *убѣжать*, убѣжать отъ того, что ее окружаетъ. Варвара не понимаетъ ее сначала только ради непозабытыхъ особенностей ея прежняго языка. Все становится тутъ же яснымъ Варварѣ, когда Катерина начинаетъ говорить съ ней такимъ образомъ: «ночью, Варя, не спится мнѣ, все мерещится шепотъ какой-то: кто-то такъ ласково говоритъ со мной, точно голубить меня, точно голубь воркуетъ. Ужь не снятся мнѣ, Варя, какъ прежде, райскія деревья да горы, а точно меня кто-то обнимаетъ такъ горячо, горячо, и ведетъ меня куда-то, и я иду за нимъ, иду...» Но вѣдь этотъ образъ, представляющійся ей въ сновидѣніи, уже принялъ для нея опредѣленные очертанія въ живомъ лицѣ. Ей на самомъ дѣлѣ было бы съ кѣмъ бѣжать, — тѣмъ болѣе, что и того препятствія нѣтъ, какимъ въ подобномъ случаѣ являются дѣти... А бѣжать такъ хочется, бѣжать отъ этихъ обидъ, отъ этого пиленья свекровью, отъ попрековъ мужа, что мать «за нее его поѣдомъ ѣсть». А Катерина вѣдь исповѣдуется той же Варварѣ: «такая ужь я зародилась горячая! Я еще лѣтъ шести была, не больше, такъ что сдѣлала! Обидѣли меня чѣмъ-то дома, а дѣло было къ вечеру, ужь темно, я выбѣжала на Волгу, сѣла

въ лодку, да и отпихнула ее отъ берега. На другое утро ужь нашли, версть за десять»!

«Какова въ колыбелку, такова и въ могилку», могла бы она сказать про себя, она, готовая даже до срока, по собственной волѣ, въ могилку лечь, только бы не жить въ неволѣ. Да она вѣдь тутъ же и говоритъ Варѣ: «ужь коли очень мнѣ здѣсь опостынетъ, такъ не удержатъ меня никакою силой. Въ окно брошусь, въ Волгу кинусь. Не хочу здѣсь жить, такъ не стану, хоть ты меня рѣжь!» Варварѣ дѣло представляется просто, она мѣрится на свой аршинъ. Узнавъ отъ Катерины про Бориса, она совѣтуетъ ей только «не проговориться какъ-нибудь». «Обманывать-то я не умѣю; скрыть-то ничего не могу». — «И я не обманщица была, поучаетъ ее своимъ примѣромъ Варвара, да выучилась, когда нужно стало... По моему, дѣлай, чтѣ хочешь, только бы шито да крыто было». — Не хочу я такъ, стоитъ еще на своемъ Катерина. Да и чтѣ хорошаго! Ужь я лучше буду терпѣть, пока терпится. Но ей въ сущности уже совсѣмъ не терпится, ей здѣсь совсѣмъ уже опостыло. И вотъ при всей своей правдивости, послѣ того, какъ мужъ, несмотря на всѣ ея просьбы, самъ уѣзжаетъ, а ее не беретъ съ собой, она уже не думаетъ отказываться отъ того ключа, который ей подложила Варвара, утачивъ его у Кабанихи. «Въ неволѣ-то кому весело» — вотъ чтѣ пересиливаетъ въ ея душѣ всякія встрѣчныя колебанія и сомнѣнія. Добролюбовъ видѣлъ въ ней «возмужалое, изъ глубины всего организма возникающее требованіе права и простора жизни». А между тѣмъ сама Катерина, выйдя на свиданье съ Борисомъ, говоритъ ему: «нѣтъ у меня воли. Кабы была у меня своя воля, не пошла бы я къ тебѣ». Она называетъ его своимъ врагомъ, она говоритъ ему: «поди прочь, окаянный чловѣкъ!» Вѣдь для него, потому что теперь «вся его воля надъ ней», она и обычной своей прямотѣ, своей правдивости измѣнила, она вышла къ нему тайкомъ, съ украденнымъ ключомъ, съ тѣмъ, чтобы и потомъ нѣсколько дней таиться и скрытничать, пока опять не возьметъ въ ней верхъ ея

обычная прямота и она во всемъ не сознается. Теперь «его воля надъ ней», и вотъ она говоритъ въ какомъ-то неодолимомъ чадѣ: «погуляемъ, а тамъ»... А тамъ оказывается, что и онъ отъ нея уѣзжаетъ. Напрасно она молить его, какъ молила мужа: «возьми меня съ собой отсюда!» И у него такой же отвѣтъ: «нельзя мнѣ, Катя, не по своей волѣ я ѣду: дядя посылаетъ, ужь и лошади готовы»... Дядя посылаетъ, а отъ дяди зависитъ лишить и его, и его сестру наслѣдства... Вѣдь это, пожалуй, будетъ еще по-красивѣе тѣхъ резоновъ, какіе приводилъ ей мужъ. «Тяжело тебѣ, Катя?» спрашиваетъ онъ, прямо напоминая Леонида съ его бесплодною жалостью къ Надѣ. Разница въ томъ, что Надя иронически относится къ своему мальчишкѣ, совѣтуя ему поскорѣе уѣхать, чтобы развлечься, а Катерина до конца остается въ такомъ чадѣ, что и на бесплодное восклицаніе Бориса: «Эхъ, кабы сила!» отвѣчаетъ страстнымъ воплемъ: «дай поглядѣть на тебя въ послѣдній разъ». Она совсѣмъ даже его не винить, не намекаетъ ему на то, что Волга близко, а онъ уже самъ говоритъ себѣ: «только одного и надо у Бога просить, чтобы она умерла поскорѣе, чтобы ей не мучиться долго»!

Добролюбовъ упоминаетъ о томъ, что даже Кудряшъ, этотъ *esprit fort* своей среды, говоритъ про отношенія Бориса къ Катеринѣ: «это дѣло бросить надо», и говоритъ, надо замѣтить, еще во-время. Критикъ къ этому прибавляетъ: «все противъ Катерины». Мы же думаемъ въ этомъ случаѣ, что Кудряшъ, несмотря «на свое удалство и нѣкоторое безчинство», скорѣе былъ за нее. Критикъ впрочемъ и самъ былъ очень невыгоднаго мнѣнія о Борисѣ, когда замѣтилъ: «надо отказаться отъ излишнихъ надеждъ на племянниковъ, ожидающихъ наслѣдства, хотя бы они и были образованы до нельзя». И такому-то племяннику, приносящему свое чувство въ жертву наслѣдству, отдаетъ себя Катерина, да еще винить не его, а себя, говоря: «Э, что меня жалѣть, никто не виновать,— сама на то пошла. (Тоже говорила и Надя своему Лео-

виду). Не жалѣй, губи меня! Пусть всѣ знаютъ, пусть всѣ видятъ, что я дѣлаю... Коли я для тебя грѣха не побоялась, побоюсь ли я людского суда?»

«Все противъ Катерины, говорилъ Добролюбовъ, даже ея собственныя понятія о добрѣ и злѣ». Да, и въ этихъ ея понятіяхъ—тѣмъ оно ужаснѣе для нея—не одна только дань предразсудкамъ, но и добрыя стороны ея души. Въ душѣ ея—не одно сознаніе своихъ попираемыхъ правъ, но и сознаніе свой отвѣтственности, то сознанье своей отвѣтственности, безъ котораго нельзя быть *человѣкомъ* (самодуры его не знаютъ). Знакомые съ судьбой Катерины, мы не можемъ ее винить, но мы тѣмъ болѣе должны сострадать ей, чувствуя весь ужасъ ея внутренней раздвоенности. При живомъ сознаньи *грѣха*, она, подобно Надѣ, идетъ туда, гдѣ написано: «хоть день, да мой», идетъ, чтобы затѣмъ привести въ исполненіе то, о чемъ, можетъ быть, только поговорила Надя. Ея религіозность, не удержавшая ее отъ того, въ чемъ она видитъ, и справедливо, полнѣйшую утрату собственной воли, не удерживаетъ ее и отъ самоубійства; да, потому, что это религія страха, поддерживаемая картиною страшнаго суда и впечатлѣніями грозы. Для Катерины, при всѣхъ ея добрыхъ качествахъ, какъ и для всѣхъ, выведенныхъ въ драмѣ, за исключеніемъ одного Кулигина, не существуетъ та религія любви, которая поддерживаетъ насъ во всякомъ положеніи—тѣмъ, что указываетъ намъ исходъ въ братскомъ общеніи съ той великой Божьей семьей, которая называется *человѣчествомъ*. Мы видѣли, что порывъ къ такому общенію проглядываетъ въ Катеринѣ, но принимаетъ себялюбивый оттѣнокъ, лишаящій его всей его прелести. Будь въ ней вѣра иного закала, настоящая, дѣятельная, растворенная любовью, вѣра, и она бы бѣжала отъ своей обстановки, бѣжала бы точно такъ-же, но не для того, чтобы броситься въ объятія какому нибудь Борису, а чтобы отдать себя, такъ или иначе, братьямъ-людямъ. Но еслибы это было невозможно, если бы ее силой вернули въ эту семью, которая, на самомъ дѣлѣ, не есть семья, она бы

пожалуй, бросилась прямо въ Волгу, но всетаки избѣжала бы того омута, который открылся ей въ объятіяхъ чело-вѣка, сейчасъ-же ее и бросающаго. Вѣдь въ этихъ-то объятіяхъ, именно въ нихъ-то, совсѣмъ нѣтъ той освобо-дительной силы, какую обладаетъ тутъ Волга, освобожда-ющая, по крайней мѣрѣ, отъ самой жизни; въ объятіяхъ Бо-риса, этого племянника, ищущаго наслѣдства, какъ то ясно понимаетъ и сама Катерина, — только неволя, только запо-лоненіе стихійною страстью. Отдаться во власть этой страсти можно было только съ отчаянья, и Катерина могла бы повторить слова Нади: «будь жизнь получше, не по-шла бы я ночью въ садъ». Но странное дѣло: наша кри-тика, покаравшая Татьяну за то, что она въ Москвѣ не пошла за Онѣгинымъ (хотя она тутъ уже совсѣмъ не вѣ-рять Онѣгину), превознесла Катерину за то, что она по-шла за Борисомъ (хотя сама же критика объявила его «ищущимъ наслѣдства племянникомъ»). Если бы такія воззрѣнія проводились какимъ нибудь Русскимъ Жоржъ Зандомъ, т.-е., хотя и подъ мужскимъ псевдонимомъ, но писательницей, то это все же не получило бы того подо-зрительнаго оттѣнка, какой получаютъ подобные взгляды подъ перомъ писателей. Вѣдь по-неволѣ покажется, что это *oratio pro domo sua* — заинтересованная защита своихъ мужскихъ выгодъ и преимуществъ. Но вѣдь Добролю-бовъ-то, какъ извѣстно, въ жизни своей былъ далекъ отъ того, чтобы вызывать подобныя подозрѣнія. Не да-ромъ же сказано надъ его могилой Некрасовымъ:

Сознательно мірскія наслажденья
Ты отвергалъ, ты чистоту хранилъ,
Ты жадѣ сердца не далъ утоленья,
Какъ женщину, ты родину любилъ...

Для Добролюбова, стало быть, апофеозъ страсти могъ быть только теоріей. А между тѣмъ, до какого паѳоса до-шелъ онъ у него въ словахъ: «Островскій почувствовалъ, что не отвлеченныя вѣрованія, а жизненные факты управ-ляютъ челоуѣкомъ, что не образъ мыслей, не принципы,

а натура нужна для проявленія сильнаго и крѣпкаго характера, и онъ умѣлъ создать такое лицо, которое служитъ представителемъ великой народной идеи, не нося великихъ идей ни на языкѣ, ни въ головѣ, самоотверженно идетъ до конца въ неравной борьбѣ и гибнетъ, вовсе не обрекая себя на высокое самоотверженіе». (556—557).

Но есть ли на самомъ дѣлѣ *самоотверженіе* въ томъ, что она отказывается отъ жизни, когда жизнь ей вполне опостыла? Мы понимаемъ, что въ самоубійствѣ возможно и самоотверженіе—если мы лишаемъ себя жизни, ради другихъ, ради общества. Но думала ли, могла ли даже Катерина думать, что она своимъ поступкомъ подѣйствуетъ на темное царство, заставивъ его содрогнуться и хоть въ чемъ нибудь измѣниться? Если бы оно могло быть такъ, то мы бы въ самомъ дѣлѣ признали Катерину свѣтлымъ лучомъ, провозвѣстницею новаго, возрождающаго начала. Но оно вѣдь не такъ. Споконъ вѣка существовали Катерины, кидающіяся съ отчаянія въ омутъ страсти, а затѣмъ и въ воду, а темное царство стоитъ себѣ да стоитъ на своихъ отвратительныхъ и нелѣпныхъ, но страшно живучихъ основахъ. Чтобы подкопаться подъ эти основы, нужны тѣ въ самомъ дѣлѣ крѣпкіе люди, которыми управляетъ не одна натура, хотя бы и добрая, а именно образъ мыслей, принципы, люди, которымъ бы эти принципы и образъ мыслей, конечно, живительные, возрождающіе по своимъ основамъ, давали силу на настоящее самоотверженіе, состоящее въ томъ, чтобы жертвовать жизнью не только тогда, когда она опостыла, но и тогда, когда она намъ мила, кромѣ того—жертвовать ею и не переставая жить, но живя «не какъ хочется, а какъ Богъ велитъ».

Добролюбовъ превозносилъ въ «Грозѣ» то, что «натура замѣняетъ здѣсь и соображенія разсудка, и требованія чувства и воображенія: все это сливается въ общемъ чувствѣ организма, требующаго себѣ воздуха, пищи, свободы» (544). Въ такомъ «чувствѣ организма», доводящемъ Катерину до самоубійства, онъ видѣлъ «страшный вызовъ»

самодурной силѣ» (567). Въ тоже время онъ иронически относился къ «высокимъ ораторамъ правды, претендующимъ на отреченіе отъ себя для великой идеи», весьма часто оканчивающимъ полнымъ отступленіемъ отъ своего служенія, говоря, что борьба со зломъ еще слишкомъ безнадежна, что она повела бы только къ напрасной гибели и проч. Мы вполне согласны на иронію по адресу *такихъ* ораторовъ. Мы даже совсѣмъ несогласны съ снисходительною оговоркою о нихъ Добролюбова: «они справедливы и нельзя ихъ упрекать въ малодушіи (по нашему— и можно, и должно). Но, во всякомъ случаѣ, совершенно вѣрно опять прибавилъ Добролюбовъ, нельзя не видѣть въ этомъ, что «идея», которой они хотятъ служить, составляетъ для нихъ что-то внѣшнее, безъ чего они могутъ обойтись, что они умѣютъ очень хорошо отдѣлать отъ своихъ личныхъ, прямыхъ потребностей». Вотъ въ томъ-то и дѣло, и потому-то эти люди и малодушны, что они не хотятъ вполне отдаться никакой *великой* идеѣ (нашъ критикъ сказалъ бы: *не могутъ*, мы умышленно говоримъ: *не хотятъ*). А между тѣмъ, для того, чтобы совладать съ окружающимъ зломъ, мало отдаться своей, хотя бы и доброй, натурѣ, а надо всецѣло отдаться *идеѣ*, или, пожалуй, надо, *чтобы идея стала для насъ натурою*, чтобы вся сила нашей страсти всецѣло поглощена была *ею* одною, что-бы все личное, стремящееся только къ *нашему* счастью, *нашему* наслажденію, для насъ совершенно не существовало. Если такъ, то свѣтлымъ лучомъ въ «Грозѣ» могъ бы представиться развѣ Кулигинъ. Есть въ немъ, хотя бы и въ слабой степени, что то въ самомъ дѣлѣ не унывающее и не сдающееся совершенно, не въ *личномъ*, а въ болѣе широкомъ смыслѣ, что то не останавливающееся и передъ тѣмъ, что «одинъ въ полѣ не воинъ». И что же? Заведись только не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ «богоспаемыхъ градахъ» точно также только по одному унывающему, не сдающемуся человѣку, и вотъ ужъ въ итогѣ оказалось бы цѣлыхъ десять библейскихъ праведниковъ на *темное царство*. И это, разумѣется, не особенно

угрожающій вызовъ ему, но все же болѣе угрожающій, чѣмъ увлеченіе Борисомъ и гибель въ Волгѣ Катерины, милой, несчастной, мы готовы даже сказать, неповинной, но все же далекой отъ того, чтобы быть провозвѣстницею освобожденья и возрождающей правды!

V.

„Старый другъ лучше новыхъ двухъ“.—„Грѣхъ да бѣда, на кого не живеть“.—„Шутники“.—На бойкомъ мѣстѣ“.—„Пучина“.

Передъ нами цѣлый рядъ произведеній Островскаго, въ которыхъ, если и замѣшано самодурство, то уже совершенно эпизодически. Въ картинѣ Московской жизни, озаглавленной «Старый другъ лучше новыхъ двухъ» (1860), мы снова встрѣчаемся съ брачнымъ вопросомъ, рѣшаемымъ тугъ такъ же пошло и низменно, какъ въ Гоголевской «Женитьбѣ». Мѣщанка по сословію, портниха по профессіи, напѣвающая, сидя за работой, какіе-то допотопные романсы, Олинька спитъ и видитъ, какъ бы ей выйти замужъ, да непременно за благороднаго. «А то такъ и не надо», отрѣзываетъ она. «Вѣдь я, маменька, буду барыня хоть куда!» мечтаетъ Олинька. Мать согласна, но замѣчаетъ насчетъ приглянувшагося ей, служащаго въ судѣ. Васютина: «охъ какъ пусть малой-то!» А Олинька, не смотря на это, утверждаетъ: «все-таки лучше мастерового». Это не мѣшаетъ ей, конечно, имѣть виды и на доходы своего будущаго муженька. Яблочко не далеко откатывается отъ яблоньки, а житейская мудрость Оленькиной мамы вся такъ и выкладывается на видѣ въ замѣчаніи ея дворянкѣ-сплетницѣ, Пульхеріи Андреевнѣ: «вамъ грѣхъ на мужа жаловаться, онъ у васъ добычникъ хорошій». Бѣда въ томъ, что будущій Олинькинъ «добычникъ» готовъ улизнуть изъ ея рукъ, не смотря на свои отношенія къ ней, завязавшіяся не со вчерашняго дня.

Онъ чувствуетъ себя виноватымъ передъ своею мамашей въ томъ, что становится уже на дорожку своего отца— по временамъ запиваетъ, не выдерживая того соблазна, какой представляется ему со стороны его мелкихъ кліентовъ—купцовъ съ деньжонками, обращающихся къ нему по своимъ дѣлишкамъ. Мамаша рассчитываетъ на исправительное дѣйствіе брачныхъ узъ, завязываемыхъ съ «порядочнымъ семействомъ». Ей, по замѣчанью Пульхеріи Андреевны, такое счастье, что «сыну невѣсту нашла, и съ крестьянами, видите ли, и образованную», хотя «крестьянъ-то и всего тринадцать душъ» (картина написана ваканунтѣ отмѣны крѣпостного права). Чтобы успокоить мамашу, Прохоръ Гаврилычъ Васютинъ рѣшается—если не на тысячѣ (какъ Калиновичъ у Писемскаго), то хоть на тринадцати душахъ, и въ жертву этому браку принести свою Олиньку. Къ счастью послѣдней, въ «порядочномъ» домѣ обратили вниманіе не на несовсѣмъ то порядочное поведеніе жениха, а тутъ еще и подслуживающаяся Олинькиной матери, Пульхерія Андреевна (въ сущности ей бы только посплетничать) умѣетъ нѣсколькими рѣшительными штрихами дорисовать картину образа жизни Васютина. Такимъ-то вотъ образомъ онъ и возвращается къ своей Олинькѣ, умѣющей, купно съ мамашей, окончательно упрочить его теперь за собой выдумкой, будто у нея есть въ виду другой женихъ, а потому Васютинъ и долженъ поспѣшить со своимъ окончательнымъ рѣшеніемъ. Онъ бѣжитъ къ мамашѣ, получаетъ ея согласіе, и Олинькино дѣло увѣнчивается успѣхомъ. По пятамъ за Васютинымъ является и его кліентъ-купецъ съ обѣщаніями: «мы здѣсь гнѣздышко соведемъ! Только вы, хозяйшка, на счетъ провіанта не безпокойтесь на будущее время — это ужъ моя забота. Я къ вамъ завтрашняго числа за разъ побольше привезу, чтобъ надолго хватило». Чего же еще? Олинька и считаетъ себя вполне счастливою, прочитывая своему суженому такую мораль: «положимъ, что ты женился бы на ней, чтожь бы вышло изъ этого хорошаго? Если у нея вольный духъ, такъ она

смѣялась бы надъ тобой, да любовника завела, а если смиренная, такъ усохла бы, глядя на тебя. А вѣдь ужъ я-то тебя знаю; жизнью своей безобразной ты меня не удивишь! Я тебя остановить умѣю, и гостей твоихъ знаю, какъ принимать, да еще и вкусу тебя научу, какъ одѣваться и какъ вести себя благороднѣй. А ты было меня совсѣмъ бросить хотѣлъ! Ну, какой же ты человѣкъ послѣ этого». Самой себѣ Олинъка никакой морали не читаетъ. Ждетъ, надо думать, чтобъ жизнь ей мораль прочла.

Драма «Грѣхъ да бѣда»,—одно изъ крупныхъ произведеній Островскаго, хотя замыселъ тутъ, какъ и въ «Не такъ живи какъ хочется», выше выполненія. Кромѣ такого случайнаго сходства, есть между обѣими драмами и другое соотношеніе. Петру, измѣняющему женѣ, соответствуетъ Татьяна Краснова, измѣняющая мужу. Но Петръ чуть было не дошелъ до трагической развязки, чтобы только освободиться отъ стоящей поперекъ дороги жены. Красновъ же до такой развязки доходить, совершая свой самосудъ надъ тою, кого онъ страстно любить, но кто не вѣренъ ему. Еще болѣе существенная разница въ томъ, что бракъ Петра произошелъ по взаимной страсти между нимъ и женой, тогда какъ Красновъ, влюбившись, не встрѣтилъ отказа собственно потому, что Татьянѣ хотѣлось, такъ или иначе, пристроиться. Зналъ ли онъ, что она идетъ за него только по разсудку, или она умѣла такъ притвориться, что онъ повѣрилъ ея любви, это остается не совсѣмъ яснымъ и должно быть отнесено къ недостаткамъ драмы. По общимъ чертамъ своего характера, Татьяна вполне способна на притворство, особенно при сильномъ вліяніи на нее сестры, старой дѣвы себѣ на умѣ. Обѣимъ жилось хорошо, пока въ живыхъ оставалась ихъ благодѣтельница, мать того молодого Бабаева, который интересовался Татьяной и готовъ завести съ ней «легонькую интрижку», несмотря на ея замужество, просто потому, что въ уѣзномъ городишкѣ, въ которомъ онъ остановился, скука, а онъ позабылъ взять съ собою книжекъ, т.-е. какихъ нибудь легкихъ романовъ. Къ иному чтенію онъ едва ли иривыкъ,

если вѣрно то, о чемъ напоминаетъ ему дѣвица Жмигулина: «ваша мамаша бывало даже не любила, когда кто задумается, или книжку читаетъ». Эта его мамаша, должно быть, оказывала свои благодѣянія такъ-же бессмысленно и себѣ на потѣху, какъ и Улабенкова. Она развивала въ благодѣтельствованныхъ барскіе вкусы и вовсе не заботилась о соотвѣтствующемъ устройствѣ ихъ будущности. Оставшись, послѣ смерти благодѣтельницы, на рукахъ у папаши съ его тридцатирублевою пенсіей, пришлось поскорѣе пристроиться, не очень-то вдаваясь въ разборъ какъ своихъ собственныхъ чувствъ, такъ и свойствъ и положенія жениха. «Совсѣмъ, совсѣмъ не такого я Танѣ счастья ожидала, говоритъ про сестру дѣвица Жмигулина. Судя по красотѣ ея, да по тому, какіе люди на нее заглядывались, ей бы въ каретѣ ѣздить. А теперь вотъ пришлось чуть не изъ-за куска хлѣба за мужика идти, да передъ людьми за него стыдъ терпѣть». Дѣвица Жмигулина говоритъ такъ не кому другому, какъ Бабаеву, очевидно, рассчитывая разжечь въ немъ воспоминанья о Татьянѣ и достигнуть «ѣзды въ каретѣ», хотя бы и не законнымъ образомъ. При этомъ она, должно быть, рассчитываетъ на простоту «мужика», какъ называетъ она своего зятя лавочника. Онъ и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ простой, т.-е. безъ всякихъ хитростей, человѣкъ очень добрый, прямой и въ то же время, несмотря на то, что «мужикъ», даже очень деликатный въ обращеніи съ женою, терпѣливый и уступчивый, благодаря той своего рода тонкости, которая заставляетъ его вникнуть въ положеніе жены. До чего онъ не самодуръ, это видно изъ его словъ сестрѣ своей, Курициной: «я долженъ быть имъ, супругѣ моей, благодаренъ, что онѣ при всей своей красотѣ и образованіи, полюбили меня, мужика. Допрежъ того, я на васъ былъ работникъ, а теперь на нихъ вѣчный работникъ. Околѣю на работѣ, а для нихъ всякое удовольствіе сдѣлаю. Я долженъ у нихъ ножки цаловать». Онъ совсѣмъ не то, что женатый на сестрѣ его Курицынѣ, хвастающійся передъ нимъ вотъ чѣмъ: «слушай, до чего

я Ульяну доводилъ, до какой точки. Бывало у насъ промежь себя, промежь знакомыхъ, или сродственниковъ, за споромъ дѣло станеть, чья жена обходительнѣе. Я всѣхъ къ себѣ на домъ веду, сяду на лавку, вотъ такъ-то ногу выставлю и сейчасъ говорю женѣ: «чего моя нога хочеть»? А она понимаетъ, потому обучена этому: ну, и значить сейчасъ въ ноги мнѣ». Не смотря на такіе уроки, Красновъ становится крутъ только послѣ того, какъ жена, подстрекаемая сестрой, стала просто его дразнить Бабаевымъ: «мы съ сестрой общали бывать у него и даже сегодня хотѣли идти». Да и тутъ-то крутость является у него не сразу. Онъ и тутъ начинаетъ довольно мягко, спрашивая жену: «должны вы меня уважить, или нѣтъ?»— Чтò это вы какую власть вдругъ забрали, отвѣчаетъ она, думая его этимъ сконфузить. Да вы и не воображайте, чтобы мы васъ послушались—этому не бывать!» Въ сущности тутъ ему-то и приходится освобождаться изъ-подъ ея фѣрулы, говоря ей наконецъ настойчиво: «какъ такъ не бывать? Нѣтъ, ужь коли я чтò говорю, такъ это такъ точно и будетъ. Я говорю дѣло и вамъ на пользу-сь, потому самому я вамъ строго и приказываю». Онъ такимъ образомъ даже считаетъ нужнымъ прямо указать на то, что тутъ не его произволь или прихоть, а ея же польза, — и онъ, вѣдь, правъ, потому что «ѣзда въ каретахъ» по милости г. Бабаева,—всего на какихъ нибудь четыре дня, пока у этого яснаго сокола нѣтъ съ собою романовъ, и онъ отъ скуки самъ непрочь сотворить романъ. Расходившись, Красновъ даже два раза стучить по столу кулакомъ. Когда же Татьяна, опять желая его сконфузить, замѣчаетъ ему, что этакъ онъ, пожалуй, и драться начнетъ, Красновъ, снова овладѣвая собой, сдержанно говорить ей: «Ошиблись. Никогда вы отъ меня не дождетесь! Я васъ столько люблю, что на нынѣшній разъ даже вашъ капризь уважу»... «Кажется, у насъ дѣло на ладъ пойдетъ, говоритъ онъ, оставшись одинъ. Онѣ были маленько избалованы, въ такомъ случаѣ для нихъ строгость не мѣшаетъ. Стерпится, слюбится. А тамъ, какъ баринъ

уѣдетъ, можно и опять лаской; такъ наша размолвка и забудется. Оно точно, что я за эти полчаса, когда онѣ у барина будутъ, кажется, ничего бы на свѣтѣ не взялъ; да что-жь дѣлать, сразу круто нельзя—вовсе отъ себя оттолкнешь»... «Ну да чтожь вѣдь, давно знакомы, можетъ такъ что!» старается онъ окончательно себя успокоить. А въ сердцѣ что-то такъ и бунтуетъ. «Татьяна Даниловна, обращается къ ней заглазно Красновъ; сохнулъ я по тебѣ, пока не взялъ за себя; вотъ и взялъ, да все сердце не на мѣстѣ. Не загуби ты парня! Грѣхъ тебѣ будетъ!» Дѣло въ томъ, что онъ, по его собственнымъ словамъ, человѣкъ горячій. Когда жена возразила ему на это: «отчего же вы мнѣ прежде не сказали о своемъ характерѣ, я бы за васъ и не пошла», то онъ оправдывается очень просто и искренно: «коли горячій человѣкъ, такъ въ этомъ ничего худого нѣтъ-съ. Стало быть, онъ до всякаго дѣла горячъ, и до работы, и любить можетъ лучше, потому больше другихъ чувства имѣеть». Вся вина его въ томъ, что онъ въ свое время не попытался измѣрить степень того чувства, какое есть въ ней, и убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли оно существуетъ въ ней, въ какой бы то ни было степени, по отношенію къ нему. На сколько Татьяна обрисована у Островскаго, а обрисована-то она, по нашему мнѣнію, не достаточно полно, у нея и вообще глубокаго чувства нѣтъ; ей не то, чтобы ужъ очень былъ милъ Бабаевъ, а ей скучно, не по себѣ, не достаточно комфортабельно въ новой ея обстановкѣ, хотя, по собственному ея признанію Бабаеву, она «сама замужъ шла, никто не неволилъ». Все дѣло въ томъ, что мужъ, по ея словамъ, «грубый, неотесанный, ласки медвѣжьи! Сидитъ, ломается, какъ мужикъ. А тутъ еще притворяйся передъ нимъ, потрафляй ему; противность какая!» На самомъ же дѣлѣ, ей не въ диковину притворяться, а онъ, по своей прямотѣ, не замѣчаетъ притворства. Когда сестрица-наставница увѣряетъ его: «она бы и хотѣла вамъ свою любовь высказать, да отъ робости не можетъ», онъ чисто-сердечнѣйшимъ образомъ говоритъ: «чего меня робѣть-съ,

я такой же человекъ, какъ и всѣ... Ужь вы сдѣлайте такое ваше одолженіе, вы впередъ меня не бойтесь. Меня совѣсть зазреть. Чтѣ я за пугало?» Онъ, очевидно, неизмѣримо выше г. Бабаева, и только неразвитость самой Тани (при всемъ ея, такъ называемомъ, «образованіи») мѣшаетъ ей оцѣнить въ немъ именно тонкость его чувствъ, при всей, можетъ быть, внѣшней грубости, или, лучше сказать, невоздѣланности его натуры. Взаимныя ихъ отношенія отлично понимаетъ Аюня, братъ Краснова, болѣзненный, но сердечный юноша. «Братъ нешто слѣпъ? говоритъ онъ. Такъ ли она его любитъ, какъ онъ ее? Стоитъ ли она его? Зачѣмъ же онъ передъ ними рабствуетъ? Мнѣ обидно, что онъ рабствуетъ. Хуже, чтѣ ли, онъ ихъ съ сестрой? Жену-то въ домъ приводятъ работницу, а она сидитъ, сложа руки, братъ одинъ работаетъ да ухаживаетъ за ними. Мнѣ его жаль».

На замѣчаніе добраго дѣдушки Архипа: «по чѣмъ ты знаешь, можетъ, братъ самъ не хочетъ, чтобъ она работала», Аюня очень здраво отвѣчаетъ: «а коль не работаетъ, такъ и не величайся. Вышла замужъ за мѣщанина, такая же мѣщанка стала, какъ и мы. Чтѣ-жъ мы, проклятые, чтѣ-ли, какіе, прости Господи? У насъ тоже и общество есть, подати платимъ, повинности всякія несемъ. Братъ потомъ да горбомъ деньги-то достаетъ, да въ общество несетъ. Сидѣла бы дома въ дѣвкахъ, да и барствовала... Братъ ей платки да платья шолковые даритъ, а онъ съ сестрой промежъ себя смѣются, дуракомъ его называютъ». Аюня положительно правъ. Танѣ съ сестрой противно, что онѣ попали въ такую среду, по грубымъ понятіямъ которой не полагается барствовать, вотъ ихъ и тянетъ къ Бабаеву, въ замужествѣ съ которымъ, если бы оно состоялось, Танѣ можно бы было жить не по-мѣщански. Ей, какъ и Олинкѣ, въ недавно нами разобранной картинѣ Московской жизни, хотѣлось бы непременно за благороднаго, а не за мастераго, — между тѣмъ, суженымъ ея, какъ на грѣхъ, оказался лавочникъ. Самъ Красновъ, сколько бы ни защищалъ онъ жену отъ родныхъ,

въ сущности понимаетъ, что они правы, но хотѣлъ бы увѣрить себя, что оно не такъ. Онъ видитъ, что жена пренебрегаетъ его «мужицкимъ» бытомъ и предпочитаетъ ему утонченный Бабаевскій свычай-обычай! Этимъ только усиливается въ немъ то чувство ревности, котораго онъ и совѣстится, и боится, но подъ власть котораго все болѣе и болѣе попадаетъ. Когда сестра указываетъ ему на отношенія Тани къ Бабаеву, онъ восклицаетъ: «ты какое слово сказала-то! Коли повѣрить тебѣ, что-жь тогда дѣлать? Ну, скажи! Одна у меня радость, одно утѣшеніе, и я его долженъ рѣшиться. Легко это, а? легко? Я не каменный какой, чтобъ на такія женины дѣла сквозъ пальцы смотрѣлъ! Меня слово-то твое дурацкое только за ухо задѣло, и то во мнѣ все сердце перевернулось. А повѣрь я тебѣ, такъ вѣдь, чего Боже сохрани, долго ли до грѣха-то! За себя поручиться нельзя: каковъ часъ выдетъ. Пожалуй, дьяволъ подъ руку-то толкнетъ». За «дурацкое» слово сестры онъ выгоняетъ ее отъ себя вмѣстѣ съ ея мужемъ; за такія же «дурацкія» сужденія брата Аѳони не разъ давно уже отъ него доставалось этому преданному ему всею душою, горячему юношѣ. И вотъ, на повѣрку выходитъ, что слова ихъ совсѣмъ не «дурацкія». Такъ выходитъ оно, совсѣмъ уже для него неожиданно, послѣ того, какъ онъ, повидимому, навсегда объяснился и помирился съ женой при посредствѣ самого, сдавагося передъ ея хитростью, дѣдушки Архипа. Она сама увѣряла мужа, что любить его, сама къ нему ластилась, — и тотчасъ же послѣ этого, воспользовавшись его отлучкою, спящею ушла отъ него къ Бабаеву. Онъ для нея съ ближайшими родными поссорился, онъ стоялъ за нее горою, а она надъ нимъ такъ натѣшила, такъ его провела и оставила въ дуракахъ передъ тѣми, кого онъ винилъ за ихъ, по его словамъ, дурацкія подозрѣнія и предостереженія.

А они тутъ всѣ на лицо, они неотразимо доказываютъ ему, что были правы, и ей остается только при всѣхъ сознаться: «не любила я васъ никогда и теперь не люблю». «Ты говоришь, отвѣчаетъ онъ, что не любишь меня и не

любила, а я, видишь ты, по городу ходилъ да ломался, что меня барышня любить распрекрасная!» Вотъ слова, по которымъ можно догадываться, что она и передъ бракомъ его обманула, притворилась къ нему привязанною. «На комъ мнѣ этотъ стыдъ теперь взять?» спрашиваетъ несчастный, разумѣя тутъ стыдъ обманутыхъ чувствъ, стыдъ очевидной несправедливости къ другимъ,—все изъ-за нея же, обманщицы, стыдъ предпочтенья ему, сиволапому мужику, потѣшающагося надъ нимъ, да и надъ нею, барина. А тутъ еще подъ руку подвертывается ему ножъ, да Аеоня, оказавшійся во всемъ правымъ, ему наговариваетъ: «Къ барину уйдетъ. Я слышалъ, какъ они сговоривались уѣхать въ деревню». На бѣду же тутъ надъ нимъ такъ и не раздается того колокольнаго звона, который на краю подобной же пропасти удержалъ Петра. Но вѣдь Петръ собирался порѣшить съ женою, повинною только въ томъ, что она являлась помѣхой ему при его новой страсти, а Красновъ глядитъ на себя, какъ на законнаго судью жены, которая его обманула? Да, положенія ихъ разныя, но убійство—всегда убійство—по крайней мѣрѣ съ той точки зрѣнія, съ которой сказано: «ни права, ни крива, не убивайте и не повелѣвайте убить». Совершить убійство, хотя бы и надъ виновнымъ, хотя бы и не самосудомъ, а законнымъ судомъ,—значитъ свалиться въ ту нравственную пропасть, отъ которой удерживаетъ человѣка Христіанская правда. Никто не напомнилъ о ней Краснову, пока еще было время, и слишкомъ поздно раздается надъ нимъ не колокольный звонъ, но слова старика Архипа: «что ты сдѣлалъ, кто тебѣ волю далъ? Нешто она передъ тобой однимъ виновата? Она прежде всего передъ Богомъ виновата, а ты гордый, самовольный человѣкъ, ты самъ своимъ судомъ судить захотѣлъ. Не захотѣлъ ты подождать милосерднаго суда Божьяго, такъ и самъ ступай теперь на судъ человѣческій! Вяжите его!»—Но Красновъ вѣдь и самъ уже кричалъ: «Вяжите меня! Я ее убилъ». — Но какъ бы ни былъ верховенъ тотъ человѣческій судъ, на который готовъ идти самъ Борисъ, предупреждая дѣда

Архипа, поднялась ли бы у насъ рука на этотъ самый человѣческій судъ, если бы онъ, устами еще не существовавшихъ у насъ тогда присяжныхъ, вынесъ въ такомъ случаѣ оправдательный приговоръ? Или, по крайней мѣрѣ, рѣшились ли бы мы видѣть въ такой мягкости приговора не что иное, какъ стачку какихъ-нибудь самодуровъ? Полагаемъ, что нѣтъ, и что и Божескій судъ оказался бы снисходительнымъ къ такой человѣческой снисходительности. Вѣдь для такихъ, какъ Красновъ — въ сознаньи того, до чего онъ дошелъ, и заключается казнь, ужаснѣйшая изъ казней!

Изъ городка, въ которомъ разыгралась передъ нами такая трагедія, Островскій снова переноситъ насъ въ свою излюбленную бѣлокаменную—въ тѣхъ «картинахъ изъ Московской жизни», которымъ заглавіе «Шутники» (1864 г.). Тутъ мы возвращаемся на почву «Бѣдной Невѣсты», снова попадаемъ въ міръ маленькихъ людей, унижаемыхъ и оскорбляемыхъ суровою своею долею. Какихъ-только шутокъ ни приходилось выносить на своемъ вѣку старику Оброшенову, чтобы какъ-нибудь пробиться съ своими двумя дочерьми. Давно онъ привыкъ къ тому, чтобы не обижаться ничѣмъ, потому что вѣдь у «благодѣтелей» такой нравъ: они «не любятъ, когда обижаются». И вотъ доходить, наконецъ, до того, что «шутятъ» со старикомъ и такіе дрянные мальчишки, одѣтые по послѣдней модѣ, какъ Недоносковъ и Недоростковъ. Чтобы отбить, просто ради потѣхи, у Вѣрочки Оброшеновой бѣднаго, но милаго ей жениха, они, подпоивъ, везутъ его къ болѣе подходящей невѣстѣ, оказывающейся на повѣрку переодѣтою горничной. Мало того: издѣваясь надъ старикомъ Оброшеновымъ, ищущимъ денегъ, чтобы выручить изъ бѣды того же бѣдняка-жениха Вѣрочки, спустившаго съ рукъ чужія деньги, они подбрасываютъ старику денежное письмо на 60,000. Оброшеновъ, поднявъ его на улицѣ, приходитъ въ восторгъ, воображая, что ему, какъ нашедшему и объявившему о находкѣ, достанется третья часть,—приходитъ въ восторгъ, чтобъ найти въ конвертѣ ни больше, ни меньше,

какъ безграмотную записку: «не ганись за чужимъ да-бромъ». Но такая ли еще *шутка* предстоитъ старику! «Что за безчестье, говорить ему купецъ Хрюковъ, что дочь твоя будетъ жить въ моемъ домѣ». (Онъ подразумѣваетъ старшую Анну Павловну). Развѣ только скажутъ, что она любовница моя. Такъ и то не бѣда. Всякій умный человѣкъ разсудить, что она это отъ бѣдности».

Заговорило отцовское сердце. «Молчи! задущу! закричалъ онъ. Ты думалъ, что я шутъ! Ну да, я шутъ и есть, только за дочерей убью, всякаго убью!» Старикъ даже хватается при этомъ за стулъ и только по уходѣ Хрюкова вспоминаетъ, сколько денегъ онъ ему долженъ. «Пугнулъ я его, а теперь ужъ и самому страшно, сознается Оброшеновъ. Кругомъ я обязанъ человѣку, пропасть долженъ, и вдругъ выгнать изъ дому, убить хотѣлъ. Кого? благодѣтеля своего». — «Онъ, папенька стоилъ этого», оправдываетъ отца Анна Павловна. «Стоилъ-то стоилъ, соглашается старикъ. Его-бъ отсюда не въ дверь, а въ окно надо было проводить! Да вотъ то-то, Аннушка, душа-то у меня коротка. Давеча погорячился, поступилъ съ нимъ, какъ слѣдуетъ благородному человѣку, а теперь вотъ и струсилъ. Бѣдность-то насъ изуродовала». А на повѣрку выходитъ, что Хрюковъ — все же лучше, чѣмъ можно было подумать. Онъ только придалъ дѣлу игривый оборотъ, а намѣренія у него, какъ оказывается, были серьезныя. «Будь тверже, Аннушка, будь тверже! говорить Оброшеновъ. Хрюковъ просить руки твоей и двадцать тысячъ на приданое даетъ. Падайте! обращается онъ къ меньшей дочери и къ ея злосчастному жениху. Аннушка! Падаемъ, падаемъ къ ногамъ твоимъ». И онъ, въ самомъ дѣлѣ, готовъ упасть передъ дочерью на колѣни. «И вы думаете, что я откажусь? говоритъ она, удерживая его. Вы боитесь, папенька? Нѣтъ. Вы больны, вы стары: вамъ нуженъ покой. А вы для насъ работаете, убиваете послѣднія силы... Я буду имѣть возможность ходить за вами, покоить васъ, баловать, какъ малаго ребенка... И вы подумали, что я откажусь отъ этого. И ее, мою ку-

клу, продолжаетъ она, обнимая сестру Вѣрочку, я могу рядить, во что мнѣ захочется, доставлять ей удовольствія... И я откажусь! Папенька, что вы! Я умереть для васъ готова, только бы вы были счастливы». Да вѣдь умереть было бы едва ли не легче, чѣмъ выйти замужъ за 60-лѣтняго скомидома, думавшаго сперва заманить ее къ себѣ въ «экономки». Но вѣдь смертью своею она бы не достигла для отца и для сестры того, чего достигаетъ такую жизнь. «А что-жь онъ давеча-то говорилъ: въ экономки?» простодушно спрашиваетъ Вѣрочка. «Да, да, отвѣчаетъ старикъ. Я его бранилъ за это. Ужасъ, какъ бранилъ! А онъ говоритъ: я шутилъ, я только испытать хотѣлъ. Я, говоритъ, уже давно жениться задумалъ за непочтеніе дѣтей. И много невѣсть смотрѣлъ, да все не по сердцу; а твоя по сердцу пришла». У Хрюкова, такимъ образомъ, оказывается еще и особый фортель: возводя Анну Павловну въ санъ жены, онъ еще и дѣтямъ задаетъ острастку. Этимъ, конечно, дорисовывается картина семейнаго счастья, предстоящаго Аннѣ Павловнѣ. «Пусть не сердится; я шутилъ», сказалъ о ней Хрюковъ, а Вѣрочка спрашиваетъ: «что это съ нами все путяты?» Анна Павловна сейчасъ же находится: «а вотъ, Вѣрочка, будемъ жить богато, да весело, а главное, не будемъ ни въ комъ нуждаться, такъ перестанутъ надъ нами шутить». Къ ней присоединяется и умиленный отецъ, подтверждая: «перестанутъ, милыя мои, родныя мои, перестанутъ!» Но Вѣрочкинъ вопросъ, разумѣется, сохраняетъ свою силу — уже отъ того, что счастье «ни въ комъ не нуждаться», повидимому, улыбающееся самоотверженной Аннѣ Павловнѣ, достается ужъ слишкомъ дорогою цѣною. Найдись у нея братъ, въ родѣ Родіона Романовича Раскольникова — онъ бы непременно замѣтилъ: «вѣдь этакъ и отъ Сонечкина жребія не далеко!» Но многіе зрители, надо думать, расходятся изъ театра послѣ «Путниковъ» въ самомъ легкомъ и благодушномъ настроеніи, думая: вотъ и спасибо автору, — такъ хорошо все устроилъ, — не то, что въ какихъ нибудь раздирательныхъ трагедіяхъ!

Вовсе не «раздирательнымъ» образомъ оканчивается у Островскаго и «Пучина» (1865 г.), въ свою очередь очень скромно отнесенная напимъ драматургомъ просто къ «сценамъ изъ Московской жизни». А вѣдь тутъ передъ нами проходитъ цѣлый человѣческій вѣкъ. Въ первой сценѣ застаемъ мы главныхъ дѣйствующихъ лицъ юношами, только что сошедшими съ учебной скамьи; въ послѣдней— зрѣлыхъ лѣтъ людьми, прошколенными опытомъ жизни. Время дѣйствія—«около 30 лѣтъ назадъ», т.-е. въ совсѣмъ еще дореформенную пору, ту пору, когда на Московской сценѣ давалась «Жизнь игрока» съ Мочаловымъ, о которомъ и говорится въ первомъ явленіи. Да и «Пучина» есть своего рода «жизнь игрока», только выставленная безъ мелодраматизма. Игрокъ тутъ—Кисельниковъ, студентъ не изъ «кончалыхъ» (выраженіе чиновника Переяркова), т.-е. не изъ окончившихъ курсъ, а изъ отставшихъ отъ университета, отставшихъ ради того, чтобы пуститься въ ту азартную игру, которая называется семейнымъ счастьемъ. Встрѣчающіеся ему товарищи только что не напоминаютъ ему пословицу: «не хочу учиться, хочу жениться». Прежде же всего, говорятъ они ему, нужны средства. Но онъ своего рода идеалистъ: есть свой домикъ, есть своихъ тысячъ семь, да тестевыхъ тысячъ шесть обѣщано; а главное, чтó ему нравится въ семействѣ тестя, это «патріархальность». Напрасно его «кончалой» товарищъ Погуляевъ, узнавъ, что Кисельниковъ еще имѣетъ въ виду дать всѣ деньжонки въ оборотъ тестю, а самъ будетъ трудиться, служить, покачиваетъ головой: «а много ли ты получишь-то, не конча курса, не имѣя чина... Выведутся дѣти, будетъ нужда-то подталкивать, сдѣлаешься неразборчивъ въ средствахъ, руку крючкомъ согнешь. Ахъ, скверно». Самъ Погуляевъ собирается идти по стопамъ своего отца, быть учителемъ, т.-е., какъ это представляется чиновнику Переяркову, «ребятишекъ сѣчь». По мнѣнію Турунтаева, отставнаго военнаго, лучше поступить въ военную службу, получить роту, нажать денегъ, да крестьянъ купить — «свои рабы будутъ». Познакомившись съ

этими пріятелями той «патріархальной семьи», въ которую вступаетъ Кисельниковъ, мы тутъ-же знакомимся и съ его невѣстою, и ея мамашей. Онъ какъ на ладони въ тѣхъ словахъ, которыми дается отвѣтъ на вопросъ Погуляева Глафирѣ: «вы очень любите своего жениха?» «А ты скажи, диктуетъ ей мамаша: «столько молъ люблю, сколько мнѣ слѣдуетъ». «Вы про любовь-то напрасно, поясняетъ мамаша уже отъ себя. Она этого ничего понимать не можетъ, потому что было мое такое воспитаніе».—«А какъ же замужъ выходить безъ любви? Развѣ можно?» спрашиваетъ Погуляевъ. «Такъ было согласіе мое и родителя ея, вотъ и выходитъ», отрѣзаетъ Боровцова. А Кисельниковъ тутъ же еще и мечтаетъ о «тихихъ семейныхъ удовольствіяхъ».—«Да какая-жъ это семейная жизнь, думается Погуляеву. Это невѣжество—и больше ничего... Загуляй лучше... это еще можетъ тебя спасти. Напьешься, проспишься, а женишься, ужъ не воротишь!» Но Кисельниковъ не слѣдуетъ такому совѣту.

Во второй сценѣ открывается передъ нами картина его семейнаго счастья (семь лѣтъ спустя). Мы на именинахъ у его благовѣрной супруги. «Лизанька, плюнь на отца,—говоритъ она своей дочкѣ. Скажи: «папка дуракъ». И Лизанька въ точности выполняетъ то и другое. «Заплачь, Лизанька, заплачь, продолжаетъ милая маменька. Громче плачь, душенька! Пусть всѣ услышатъ, какъ отецъ надъ вами тиранствуетъ». Но тутъ же, ни съ того, ни съ сего, принимается она муштроватъ ту же самую дочку. «Да что же ты нейдешь, мерзкая дѣвчонка! Какъ примусь я тебя колотить». — Это ангельскую-то душку, замѣчаетъ Кисельниковъ.—«А тебѣ что за дѣло, продолжаетъ свое мамаша. Моя дочь, я ее выходила, а не ты. Вотъ на зло же тебѣ прибью въ дѣтской. Вотъ ты и знай». А все дѣло въ томъ, что «зачѣмъ же онъ ее бралъ изъ богатаго дома, коли у него денегъ нѣтъ», она «къ такой жизни не привыкла». Вотъ картина семьи, срисованная съ той поры, когда еще и не особенно заботились о женскомъ образованіи, которое, говорятъ, подор-

вало у насъ семью. Но вотъ и теща съ тестюшкой. «Ужь ты до женнинаго приданого добрался, жалуется теща, намекая на золоженныя имъ серьги и не заикаясь о томъ, что тесть такъ хорошо пустиль въ оборотъ его деньги, что ничего другого и не остается дѣлать. А тесть еще приступаетъ къ нему съ вопросами: Ты въ какомъ судѣ служишь? Кто у васъ просители?.. Заломилъ ты много съ купца, поясняетъ онъ, купецъ упирается; ты его къ себѣ позови, да угости хорошенько; выйдетъ жена твоя въ шелку да въ бархатѣ, такъ онъ сейчасъ и догадается, что тебѣ мало взять нельзя». Напрасно Кисельниковъ отвѣчаетъ на это: «грабителемъ будутъ звать». — «А тебѣ что за дѣло; пуцай зовуть! и не думаетъ смущаться тестюшка. Ты живи для семьи — вотъ здѣсь ты будь хорошъ и честенъ, а съ другими прочими воюй, какъ на войнѣ. Что удалось схватить, и тащи домой, наполняй и укрывай свою хижину». Боровцовъ однакожь не прочь позволить ему подумать и не объ одной семьѣ. «У тебя семья сыта, ты бѣдному можешь помочь отъ своихъ доходовъ; онъ за тебя Бога умолитъ». Тутъ, впрочемъ, то-же «христіанское милосердіе», та-же «религіозность», дальше которой, какъ видѣли мы, не идетъ и столь симпатичная, во многомъ, Катерина (въ «Грозѣ»): такова уже себялюбивая закваска въ этомъ патріархальномъ быту—съ тою его «святыней семьи», которой, говорятъ, такъ угрожаетъ женское образованіе. Это вѣдь—картинка изъ той поры, когда ради жены и дѣтей, ради ихъ довольства позволяли себѣ всевозможныя скверны въ гражданскомъ смыслѣ, и Боровцовъ не безъ основанія замѣчаетъ: «я, можетъ быть, не одинъ разъ видѣлъ такихъ-то людей, что не берутъ взятокъ... такъ ужъ они и живутъ, какъ монахи».

Сюда же, на этотъ «семейный праздникъ» къ Кисельникову, неожиданно попадаетъ и вернувшійся изъ за границы (куда онъ ѣздилъ со своимъ воспитанникомъ), когда-то предостерегавшій его отъ «семьи», Погуляевъ. Видя, какъ Глафира пристаётъ къ мужу съ ромомъ, который необходимъ для ея папаши и котораго ей купить не на

что, Погуляевъ отдаѣтъ старому товарищу послѣднія свои деньги: «я-то какъ-нибудь добуду».

Слѣдующая сцена разыгрывается передъ нами пять лѣтъ спустя. Тутъ, такъ сказать, въ уменьшеномъ видѣ повторяется въ лицѣ Боровцова Большевъ съ его банкротствомъ. «Что у васъ за несчастье! Ни пожара, ни пропажи не было. Зажали деньги-то, папенька», говоритъ ему, не смотря на свою смиренность, Кисельниковъ. «Пожалуйте хоть внучать-то, вѣдь больные лежатъ» (жена уже померла—тятенька пожалѣлъ денегъ на доктора). А самъ между тѣмъ подписываетъ бумажку, поданную ему тестемъ: «признаю его невинно упавшимъ и искъ свой по роспискѣ въ 5000 ассигнаціями и претензію о домѣ симъ совершенно и навсегда прекращаю». — «Молодецъ, похваливаетъ его Боровцовъ, видно, что-любишь тестя. Я думалъ, что и ты тоже заломилъ (т.е. какъ другіе кредиторы), такъ приготовилъ было тысчонки двѣ и съ собой захватилъ: «заткнуть моль ему ротъ-то, чтобъ не шибко кричалъ». Теперь тестюшка ограничивается тѣмъ, что оставляетъ зятю немного мелочи—дѣткамъ на лакомство, а зять хватается за голову, причитая: «мнѣ бы самому людей грабить, да васъ, дѣтки, кормить—меня бы и люди простили, и Богъ простилъ; а я вмѣстѣ, за-одно съ грабителями, васъ же ограбилъ». Изъ словъ этихъ видно, что тестюшка, хотя и раззорился, но зато возымѣлъ на зятя «нравственное вліяніе». А тутъ еще подвертывается и родная его мать съ такою же моралью: «бери взятки... я за тебя, Кирюша, Бога умолю». Мораль тутъ немедленно дѣйствуетъ. Взявъ съ какого-то господина три тысячи, Кисельниковъ «портить» для него, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, какой-то документъ, а господинъ этотъ говоритъ ему: «ты мнѣ за три тысячи полтора ста тысячъ продалъ... Пойдетъ слѣдствіе о подлогѣ... Въ Сибирь-то пойдешь все-таки ты, а не мы».

Послѣдняя сцена—еще пять лѣтъ спустя. И зять, и тесть раззорены до тла. У зятя въ 39 лѣтъ что-то въ родѣ разжиженія мозга. Лиза, когда-то, по требованію мамыши,

плевавшая на отца, теперь барышня 17 лѣтъ. Она — изъ тѣхъ добрыхъ натуръ, которыхъ окончательно не испортишь дурнымъ воспитаніемъ. Но маменькина закваска все-таки въ ней слышна. «Я дѣвушка молодая, говоритъ она, а взгляните, что на мнѣ! Мнѣ стыдно на улицу выйти. Я не хочу рядиться, мнѣ хоть бѣдное платье, да чтобъ оно было чисто, ново, по мнѣ сшито. Я хороша собой, молода, — это ужь, вѣдь, мое; мнѣ хочется, чтобъ и люди видѣли, что я хорошенькая; а у меня сердце замираетъ, какъ я начну надѣвать эти лохмотья; я только себя уродую». Понятно, чѣмъ она рискуетъ. «Вотъ нынче, сейчасъ, какіе-то господа подхватили ее на бульварѣ подъ руки; она такъ испугалась, что и слова не вымолвить, а они идутъ, пѣсенки распѣваютъ, да на всѣхъ посматриваютъ. Хорошо, что я подѣхалъ». Такъ рассказываетъ выручившій ее изъ бѣды Погуляевъ, не воображавшій, что это дочь его бывшего товарища. Но вѣдь самъ, обратившійся въ идиотизмъ, папаша готовитъ для Лизы другую «встрѣчу». — «Ты, говоритъ, въ канурѣ живешь, передаетъ онъ слова богатаго сосѣда, и дочь, говоритъ, держишь въ собачьей канурѣ... Вотъ, говоритъ, ей флигель — хорошій, хорошій...» Лиза, недавно увѣряла, что она не боится работы, но тутъ же и оговорила, что если работа ей опостылѣетъ, то она ее броситъ. Выслушавъ отца, она говоритъ бабушкѣ про сосѣда съ флигелемъ: «я ему давно нравлюсь». «Да вѣдь онъ женатый, у него жена въ Петербургѣ», поясняетъ Анна Устиновна. «Ну, такъ чтожъ, что женатый, говоритъ Лиза. Эхъ, бабушка! Ужъ не пришло ли вамъ въ голову-то, что онъ жениться на мнѣ хочетъ! У него, говорятъ, сто тысячъ дохода. При такихъ деньгахъ все купить можно». И Лиза уже почти готова идти, идти вслѣдъ за отцомъ, и не понимающимъ хорошенько, что такое онъ дѣлаетъ. А бабушка и удерживаетъ, и говоритъ: «стара я, кости мои покоя хотятъ; теплую бы мнѣ комнату, да уходъ бы за мной. Да на тебя-то бы поглядѣла, на нарядную, да на богатую. Охъ, да не слушай ты меня, старую, не слушай». Что же дѣлать Лизѣ? «Стою я

надъ пропастью, говорить она, удержаться мнѣ не зачтѣ. Охъ, спасите меня, люди добрые». Спасителемъ отъ прямо уже Сонечкина жребія, является опять тотъ же Погуляевъ. «Что лучше, стыдъ, или нужда? спрашиваетъ его Лиза. «Не думайте ни о томъ, ни о другомъ, отвѣчаетъ онъ, а пойдите замужъ за меня». Онъ не видитъ въ этомъ, конечно, никакого подвига съ своей стороны, и слишкомъ хорошо понимаетъ, что о любви ея къ нему не можетъ еще быть и рѣчи. «Сдѣлайте такъ, чтобъ я васъ полюбила», говоритъ она ему, соглашаясь. «Любите бабушку, продолжаетъ она, да не попрекайте насъ бѣдностью».... Онъ находитъ, что это не трудно. Но она ждетъ отъ него и большаго, она хочетъ, чтобъ онъ ее «выучилъ такой работѣ, за которую много денегъ даютъ». — «Да зачѣмъ вамъ теперь?» спрашиваетъ Погуляевъ. «А зачѣмъ, чтобъ помогать бѣднымъ дѣвушкамъ, отвѣчаетъ Лиза. Много ихъ въ такомъ положеніи, въ какомъ я была». Одинъ изъ послѣднихъ критиковъ Островскаго замѣтилъ: «выше, святѣ этихъ словъ вы не услышите во всѣхъ десяти томахъ сочиненій Островскаго ни отъ одной изъ 44 героинь его»^{*)}. Слова Лизы дѣйствительно прекрасны.

Замыселъ «Пучины» глубокъ. Жаль, что она осталась только наброскомъ (эскизомъ). Эту «Пучину» можно бы также назвать «Семьею», такъ какъ тутъ передъ нами, въ самомъ дѣлѣ *семья* той благословенной поры, когда нашему благосостоянію еще не угрожали ни какія-нибудь женскія гимназій, ни, тѣмъ еще менѣе, высшіе курсы.

Комедія: «На бойкомъ мѣстѣ» опять насъ отодвигаетъ назадъ—лѣтъ за сорокъ. Мы тутъ на постояломъ дворѣ, котораго хозяинъ не по имени только, но и въ самомъ дѣлѣ Безсудный. Ради наживы онъ и отъ прямого грабежа не прочь, и сестру готовъ въ оборотъ пустить, и женѣ позволяетъ любезничать съ проѣзжающими (хотя и ревнивъ при этомъ). Къ числу его завсегдателей принадлежитъ купеческій сынокъ Непутевый, требующій отъ своего при-

^{*)} Г. Скабичевскій въ Сѣверномъ Вѣстникѣ за Августъ 1887 г.

кащика Сени, чтобы онъ становился передъ нимъ во фронтъ, и кричащій на постояломъ дворѣ: «кто здѣсь смѣетъ важничать, окромѣ меня! Я деньги плачу». Тотъ же милый юноша, подѣзжая къ сестрѣ Безсуднаго, Аннушкѣ, говоритъ: «тѣшь мой обычай. Аль ты моего ндраву не знаешь! Я въ Курчавинѣ, бывало, запрягу дѣвокъ въ сани лѣтомъ, да и ѣзжу по деревнѣ. Ты знай обхождение купеческое». Вотъ въ какой средѣ вращается Аннушка. Но она уже совсѣмъ изъ тѣхъ, которыхъ никакая среда не испортитъ. Островскій и любить, и умѣетъ выставить силу нравственнаго устоя. Аннушка уже въ самомъ началѣ коротко и ясно говоритъ брату: «у тебя стыда нѣтъ, а у меня есть».—«Анна!! Ты смотри, не разбуди во мнѣ бѣса! отвѣчаетъ братъ. Во мнѣ ихъ сотня сидитъ; какъ начнутъ по моимъ жиламъ ходить, въ тѣ поры у меня расправа ножевая». Отвѣтъ Аннушки оцять-таки коротокъ и ясенъ: «такъ ужь убилъ бы ты меня скорѣе, коли тебѣ кровь-то человѣческую все равно, что воду лить».

Живя въ настоящемъ омутѣ, она устояла. Не только по-человѣчески полюбивъ молодого помѣщика, Миловидова, она и въ немъ, и въ крѣпостномъ баринѣ, съумѣла пробудить къ себѣ, мужичкѣ, настоящую человѣческую любовь. «Ужъ ты знаешь, какой я ходокъ, говоритъ онъ своему пріятелю. А тутъ вдругъ осѣчка: встрѣчаю такую дѣвушку, что и подойти нельзя, держать себя строго... Такъ я какъ завлекся, влюбился, какъ мальчишка. Жениться хотѣлъ... Начали меня усовѣщивать, невѣсть разныхъ подставлять»... Ни что на него не дѣйствовало, да подѣйствовала напраслина, пущенная въ ходъ ея золовкой, которой приглянулся тотъ же Миловидовъ. Аннушка еще не знаетъ объ этой клеветѣ, но ясно видитъ, что Евгенія отбила у нея друга милаго. «За что меня обижаютъ, говоритъ она ему, отстраняясь отъ его неумѣстныхъ обятій. Любите другую, а меня отъ скуки цаловать хотите! Чтожъ я такое для васъ? Какъ-же мнѣ о себѣ думать? Вѣдь это вы мнѣ ножъ въ сердце!» Ужасная мысль ше-

вельнулась у нея въ головѣ. «Самое себя мнѣ страшно, говорить она. Зажгу, зажгу домъ. Пусть сгорятъ оба и я съ ними». Но не напрасно ей себя страшно: этотъ страхъ спасаетъ ее. Надъ злобою вскорѣ торжествуетъ жалость. «Зачѣмъ мнѣ его жаль стало? сперва какъ будто стыдится она своей жалости. Чтѣ за глупое сердце дѣвичье! Развѣ онъ не злодѣй мой! А ее убила бы, змѣю лютую! Братецъ, убей ее, убей ее! А онъ пусть живетъ. Чтѣ я такое, чтобъ изъ-за меня ему умирать! Зачѣмъ мѣшаю ему», задается она опять новымъ вопросомъ, вопросомъ, указывающимъ ей совершенно новый выходъ. «Зачѣмъ на свѣтѣ живу, себя мучаю! Она намъ помѣха, говорятъ. Помѣха я имъ! Ну что-жь? Гдѣ это у брата было.... Боже мой! Я не живая, у меня сердца нѣтъ, я не чувствую; я помѣха только. Ну что-жь? Ну пусть живутъ безъ помѣхи!... Гдѣ это у брата было спрятано».... И она добирается до того, чтѣ спрятано, принимаетъ, какъ думается ей, отраву. Изъ комедіи мы совсѣмъ уже переходимъ въ трагедію, но авторъ однакоже заключаетъ благополучной развязкой. Отрава оказывается только дурманомъ, — «питьемъ забывающимъ», которымъ, когда было надобно, Безсудный угощалъ своихъ посѣтителей. Аннушка остается въ живыхъ, напраслина, взведенная на нее, выходитъ наружу, Миловидовъ рѣшается жениться на ней, добродѣтель торжествуетъ, а зло наказано тѣмъ, что обличено. Скажемъ ли мы, что такая развязка не составляетъ необходимости, что это какъ будто затасканная, натянутая мораль? Но вѣдь если въ жизни могъ тутъ послѣдовать конецъ трагическій, то могъ точно также послѣдовать и благополучный. Авторъ воленъ въ своемъ выборѣ. Прекрасный характеръ Аннушки ни мало не потерпѣлъ отъ счастливой рзвязки.

VI.

Бозьма Захарьичъ Мининъ-Сухоружъ.

Уже въ нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ произведеній Островскій изображалъ намъ не современность, а время за 30, за 40 лѣтъ назадъ. Въ «Нетакъ живи, какъ хочется» время дѣйствія было даже перенесено имъ въ XVIII ст. Онъ пытался такимъ образомъ становиться на почву прошлаго, почву историческую. Онъ окончательно сталъ на нее въ своей драматической хроникѣ: «Мининъ» (1862 г.). Соответственно содержанію, тутъ и внѣшняя форма удаляетъ насъ отъ будничной жизни. Произведеніе это, какъ извѣстно, въ стихахъ и стихахъ прекрасныхъ, мѣстами только чередующихся съ прозаическою рѣчью (какъ у Шекспира и въ «Годуновѣ» Пушкина). Нашему драматургу видимо хотѣлось отдохнуть душою, отвернуться отъ пошлости, грязи и самодурства, и перенестись на ту здоровую почву, слабые отголоски которой, однакоже, сказывались по временамъ и въ прежнихъ его произведеніяхъ. Это та почва общинная, земская, которая не поглощаетъ личности, не подавляетъ ея, а только не даетъ ей уродливо развиваться, доходить до безобразнаго самовольничанья. Мининъ, какимъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, рѣшился выставить его Островскій, самъ вполне сознаетъ, какая почва его возростила. Говорить же онъ:

Я къ дѣлу земскому рожденъ. Я выросъ
 На площади между народныхъ сходовъ.
 Я равно плакалъ о народномъ горѣ,
 И, не по лѣтамъ, тяжесть земской службы
 Я на плечахъ носилъ своей охотой.
 Соблазну власти я не поддавался;
 И, какъ насѣдка бережетъ цыплятъ,
 Такъ я берегъ отъ властныхъ и богатыхъ
 Молодшую обидимую братью.

Потому-то Минина и не жалуютъ эти властные и богатые, потому-то не жалуютъ его и служилые, и приказ-

ные люди, потому-то они и считают его даже вреднымъ и опаснымъ человѣкомъ, его, только и думающаго о томъ, какъ бы земскими силами снова соорудить разпатавшуюся и рассыпавшуюся государственную храмину. Стряпчій Биркинъ даже подвергаетъ Минина скрытому надзору, о чемъ и говорить дьяку Семенову:

Я сторожа къ нему приставилъ, знаешь,
Павлушку; онъ хоть зайца сослѣдить;
Волкъ травленый, отъ петли увернулся.
Онъ изъ дьячковъ изъ бѣглыхъ, былъ въ подъячихъ,
Проворовался въ чемъ-то; присудили
Его повѣсить, и онъ задалъ тягу:
Теперь веревки, какъ огня, боится.

Семеновъ пытается придать такому отзыву болѣе удоб-
ный оборотъ, замѣчая, что Павлушка, быть можетъ, «и
не своей виной въ бѣду попался». Но Биркинъ говорить
на это совершенно невозмутимо:

.... Мнѣ какое дѣло?
Хоть висѣльникъ, да только бы служилъ.

Такими соображеніями руководствуются въ разныя
времена и въ разныхъ странахъ. Вѣдь и Робеспьеръ, ког-
да ему говорили о гнусностяхъ одного изъ его клеветовъ,
невозмутимѣйшимъ образомъ повторялъ: «с'est un bon patriote». Терроръ снизу и терроръ сверху нерѣдко сходятся
въ своихъ основныхъ приемахъ. Нашъ Биркинъ, конечно,
не террористъ, но онъ изъ тѣхъ рыболововъ въ мутной
водѣ, какіе всегда заводятся во время террора или смуты.
Вспомнимъ, что онъ говорить Семенову:

Вѣдь Нижній — ключъ всей Волги; за него бы
Король Жигмонтъ иль Владиславъ царевичъ
Намъ дорогую цѣну заплатили,
Кабы привести къ присягѣ.

Понятно, что Мининъ, который противъ этого непре-
мѣнно возстанетъ, по мнѣнію Биркиныхъ, только «заводить

смуту». Да и какъ же этого ни сказать, если, по словамъ того же Биркина,

.... Всегда толпою
За нимъ народъ валить, все шепчуть что-то
И по ночамъ собираются къ нему.

Семеновъ болѣе выгоднаго мнѣнія о Мининѣ, хотя и согласенъ, что

Онъ боекъ на языкъ, упрямъ и дерзокъ,
Въ дѣла мѣшается, за всѣхъ заступникъ...

На замѣчаніе Биркина:

Я нелюблю, кто бойко говорить...

Семеновъ уже прямо поддакиваетъ:

Я не ему чета, молчать заставляю.

Тутъ оба собесѣдника уже окончательно сходятся между собою, и Биркинъ имѣетъ полнѣйшее право сказать во множественномъ числѣ:

На то мы власти, чтобы насъ боялись,
Мы черный людъ, какъ стадо, бережемъ,
Какъ стадо, долженъ онъ повиноваться.

На бѣду, народъ въ Нижнемъ не такъ-то податливъ. — Тотъ же Биркинъ о немъ отзывается:

.... Ужь народецъ
У васъ на Волгѣ! Нечего сказать!
Новгородскимъ духомъ такъ и пахнетъ.

Т. е., на самомъ дѣлѣ, не собственно Новгородскимъ, а тѣмъ стариннымъ обще-Русскимъ духомъ, который коренится въ вѣчевой порѣ. Патріархъ Гермогенъ другого мнѣнія объ этомъ духѣ, сохранившемся еще на Волгѣ. Недаромъ Мининъ передаетъ его слова:

Спасенье Русское придетъ огъ Волги:
Хорошій, говорятъ, и чистый край!
Снеси ты имъ мое благословенье.

Самъ Мининъ строже относится къ своимъ землякамъ; онъ ближе стоитъ къ нимъ и въ горькомъ раздумьи спрашиваетъ:

Кто на Руси за правду ополчится?
Кто чистъ предъ Богомъ? Только чистый можетъ
Святое дѣло честно совершить.

Вся забота Минина въ томъ, чтобы отыскать вполне чистыхъ людей, чтобы, подготовившись къ дѣлу постомъ и молитвою, общими силами дѣйствовать на остальныхъ, пробуждая и въ нихъ не въ конецъ загложія, лучшія стороны ихъ природы. Но вѣдь это-то и представляется чѣмъ-то непозволительнымъ такимъ «оберегателямъ чернаго люда» какъ Семеновъ и Биркинъ. Семеновъ прямо даже говоритъ Минину:

Вѣдь ты еще не воевода! Скажутъ,
Чтобъ говорилъ — такъ говори, что хочешь;
А скажутъ: замолчи! такъ замолчишь.

Но Минину, какъ онъ самъ на себя смотритъ, давно уже сказано, чтобы онъ говорилъ, сказано Тѣмъ, кто создалъ его не безсловеснымъ, Тѣмъ, кто надѣлилъ его даромъ слова. Опираясь на велѣніе свыше, на самую верховную силу, самую верховную власть, онъ безстрашно и самоувѣренно отвѣчаетъ:

Не замолчу. На то мнѣ данъ языкъ,
Чтобъ говорить. И говорить я буду
По улицамъ, на площади, въ избѣ,
И пробуждать, какъ колоколъ воскресный,
Уснувшія сердца. Вы подождите,
Я зазвоню не такъ. Не хочешь слушать,
Я не неволю: не любо—не слушай;
А замолчать меня заставить трудно.
Я не свои вамъ рѣчи говорилъ:
Великій господинъ нашъ, патріархъ,
Того же просить. Пусть насъ Богъ разсудитъ,
Кто правъ, кто виноватъ.

Мининъ, пользующій свободой, и Гермогенъ, не сдающийся и въ заточеніи, говорятъ потому, что не го-

ворить не могутъ. Мининъ даже не отвѣчаетъ за свои слова, за что либо крайнее въ нихъ или кому нибудь лично обидное. Онъ объясняется передъ тѣми же «оберегателями» народа:

Не помню я, что говорилъ; быть можетъ,
Кого обидѣлъ словомъ. Не вините:
Не самъ я говорилъ, кровь говорила.

Кровь говорила вѣдь въ немъ не ради какой нибудь личной обиды; она говорила въ немъ потому, что сердце у него наболѣло отъ общей бѣды, отъ народнаго горя.

Этимъ-то горемъ пропитано у него каждое слово, живопишущее то, что дѣлается на Руси:

Поймають, силой приведутъ къ присягѣ
Кривить душой, крестъ вору цѣловать.
Да и не счесть всѣхъ дьявольскихъ насилій,
И мукъ непереносныхъ не изчислить!
И все безропотно и терпѣливо
Народъ несетъ, какъ будто ждетъ чего-то.

Ждетъ онъ, этотъ многострадальный народъ, ждетъ не дождется избавителя отъ величайшей изъ бѣдъ—отъ грозящаго ему нравственнаго исхуданія, отъ заплоненія его развратомъ. Прислушиваясь къ народной заунылой пѣснѣ, Мининъ хотѣлъ бы собрать всѣ слезы съ матушки широкой Руси, и говорить:

Пусть всѣ онѣ въ одну сольются пѣсню,
И рвутъ мнѣ сердце, душу жгутъ огнемъ
И слабый духъ на подвигъ утверждаютъ.
О, Господа! Благослови меня!
Я чувствую невѣдомыя силы,
Готовъ одинъ поднять всю Русь на плечи...

Мининъ сознаетъ, что имъ управляетъ такая сила, передъ которою все должно будетъ, наконецъ, сдаться. Сколько бы ни останавливали его, сколько бы ни заподозрѣвали его намѣренія и ни проповѣдывали ему смиреніе, осторожность или благоразуміе, а онъ все свое:

Мнѣ ждаты нельзя. Мнѣ Богъ велѣлъ иди.
Смотрите на меня! Теперь не свой я,
А Божій. Не пойдетъ никто, одинъ
Пойду. На перепутьяхъ буду кликать
Товарищей. Въ себѣ не воленъ я.

Завѣтная мысль ему не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью. Онъ не знаетъ, не помнитъ, спалъ онъ или не спалъ, когда предсталъ ему мужъ въ одѣяніи схимника

И рекъ: „Кузьма! Иди спасать Москву!
Буди уснувшихъ!“

То былъ голосъ съ того свѣта, голосъ той же церкви, —не воинствующей еще въ лицѣ моримаго голодомъ, но не понижающаго духомъ Гермогена, а церкви торжествующей, церкви небесной,—то былъ голосъ того, кто когда-то благо-словилъ на святую брань Донского, чья духовная сила преодолѣла все и окрылила Русскую рать на побѣду, за-висѣвшую отъ общаго настроенія, а не отъ личныхъ ка-чествъ вождя. Не успѣлъ упомянуть о своемъ видѣніи Мининъ, какъ доходить до него вѣсть:

Гонцы отъ Троицы живоначалной,
Отъ Сергія угодника пришли.

Мининъ.

Отъ Сергія угодника? И старецъ,
Явившійся мнѣ грѣшному, былъ Сергій.

.

Теперь въ послѣдній разъ, друзья, пойду я
Боярамъ, воеводамъ поклониться.
Молитесь Богу, чтобъ смягчилъ онъ сердце
Властителей, смирилъ гордыню ихъ,
Чтобы помогъ мнѣ двинуть кроткимъ словомъ
На дѣло Божье сильныхъ на землѣ.

Мининъ почти постоянно, въ теченіи пяти дѣйствій, является *дѣйствующимъ* у Островскаго, дѣйствующимъ своимъ несмолкающимъ словомъ, но вѣдь такое слово есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *дѣло*. Сколько бы ни говорили о преобладающемъ въ драмѣ лиризмѣ, объ однообразіи большихъ рѣчей и монологовъ Минина, но въ ней есть свой

драматизмъ: онъ заключается въ медленномъ, но вѣрномъ дѣйствіи его упорнаго слова на все окружающее. Передъ нимъ, какъ дѣйствительно «власть имущимъ», склоняется наконецъ и тотъ самый Семеновъ, который напрасно рассчитывалъ на иного рода власть, чтобы заставить замолчать Минина. Семеновъ обращается къ Нижегородскому воеводѣ Алябьеву со словами, въ которыхъ прямо говорить вдохновитель Мининъ. Но воевода не поддается увѣщаніямъ стать во главѣ Нижегородской рати. «Я не пойду, усталъ»,—вотъ его отвѣтъ. Онъ ссылается на неудачу прежнихъ предпріятій и объясняетъ это волею Божьею. У Минина другое на то объясненіе. Оно—въ недостаткѣ у властныхъ людей усердія, доброй воли, любви къ погибающему отечеству.

Что за корысть великимъ воеводамъ
 За насъ, за маленькихъ людей, сражаться,
 За дѣло земское стоять до смерти!
 Имъ хочется пожить да погулять!
 Имъ хорошо вездѣ. Съ царемъ повздорилъ,
 Такъ въ Тушино—тамъ чинъ дадутъ боярскій;
 Повздорилъ тамъ, опять къ царю съ повинной:
 Царь милостивъ, простить; а то такъ въ Польшу.

Единственное, на что сдается, наконецъ, воевода Алябьевъ, это—приказъ кликнуть кличъ для сбора приношеній на ратное дѣло. Тѣ, которыхъ давно уже одушевилъ Мининъ, заранѣе одушевили на сборъ и другихъ. У нихъ ужь положено было пожертвовать третью деньгу. Раздался было и громкій протестъ со стороны скопидама Лыткина, ссылающагося на то, что нельзя же не дѣлать различія между семейнымъ и одинокимъ. Но міру такихъ отговорокъ не принимать стать. «Ты для себя для одного, что ли, жить хочешь?» спрашиваетъ его честный старикъ Аксеновъ. Такъ ступай въ лѣсъ, да и живи себѣ. Съ людьми живешь, такъ и слушай, что міръ говоритъ. Больше міру не будешь! Міръ никто не судить, одинъ Богъ. Велитъ міръ, такъ и все отнимуть». И этотъ мірской голосъ находитъ себѣ поддержку въ мірѣ-народѣ. «Какъ сказано, такъ

и будетъ, говоритъ Темкинъ, на томъ всѣхъ и станемъ.»—
«Всѣ, всѣ!» Раздается съ разныхъ сторонъ. Даже оказы-
вающийся тутъ же на площади Нѣмецъ соглашается дать
на общее дѣло. Почва для всенароднаго клича такимъ об-
разомъ подготовлена. Съ разсвѣтомъ зазвонили въ Ниж-
немъ въ большой колоколь, и сталь отовсюду стекаться
народъ православный. Тутъ и самому воеводѣ приходится
утирать себѣ слезы. А Лыткину, по его словамъ, «сдуру
втемяшилось, что всполохъ. Велѣлъ домашнимъ всю рух-
лядь, что есть, волочь въ городъ на спѣхъ». А народъ
понялъ такъ, что это его приношеніе. Приходится скопи-
дому отстаивать свои пожитки, но ихъ ему не отдають
иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы онъ деньгами выплатилъ,
«какъ на міру рѣшили». Приходится Лыткину раскошели-
ваться и въ утѣшеніе себѣ жаловаться на грабежъ. «Не-
воля заставляеть, самъ доводишь», говорятъ ему. Въ этомъ
голосѣ такъ и слышится Илья Муромецъ, требующій у
калики тяжеловѣсной его клюки подорожной, пропадающей
задаромъ въ его рукахъ, и грозящій каликѣ: «добромъ не
дашь—силою возьму»,—потому что клюка та понадоби-
лась для расправы съ Идолицемъ. Подобно той клюкѣ,
теперь нужны матеріальныя средства для отпора врагу, и
вотъ ихъ силой берутъ у того, кто ихъ не даетъ добромъ.
Знать, мірской-то духъ далекъ отъ той хитрости, что
прозывается въ наше время «непротивленіемъ злу». Самъ
Мининъ, по преимуществу дѣйствующій убѣжденіемъ, вы-
нужденъ дѣйствовать и иначе—забираниемъ власти въ
руки, не ради ея самой, а ради того дѣла, которому она
послужить въ его рукахъ. Минину приходится вдругъ
разочароваться, почти отчаяться. Вспомнимъ его слова:

Давно-ль тотъ день, когда бѣжалъ толпами
Народъ на площадь, отдавалъ копѣйки
Последнія и мѣдные кресты?
А что теперь? Хоть плачь, хоть распинайся—
И денежки не вымолишь: забыли,
Что жень, дѣтей хотѣли заложить.
Всѣ приуныли. Только бѣдняки

И веселы; а тѣ, что побогаче,
Какъ туча черная, всё почернѣли.
Разстаться жаль съ добромъ....

Онъ видитъ, что они колеблются, исполняясь къ тому же и ненавистью къ нему, точно онъ «о себѣ, а не о земскомъ дѣлѣ радѣеть». Эта ихъ личная ненависть, понимаетъ онъ, можетъ повредить всему дѣлу. Послушай, говоритъ онъ Аксенову,

Послалъ выборныхъ, просить велѣли
На воеводство князи. Князь Дмитрій
Михайловичъ ихъ спросить: „кто блюсти
И ратнымъ раздавать казну приставленъ?“
Меня не назовуть, гляди, другого
Когонибудь. Все прахомъ и пойдетъ.

Вотъ Мининъ и не смотритъ на то, что даже Аксеновъ винить его въ гордости, не смотритъ, какъ не смотрѣлъ на Семенова, подозрѣвавшаго его въ корыстолюбіи. Когда, направленные къ нему Пожарскимъ, земскіе люди ударяютъ ему челомъ, чтобы онъ согласился блюсти казну, онъ, не довѣряя прочности ихъ рѣшенія, упорно отказывается и говоритъ по уходѣ ихъ:

Теперь зовутъ меня, а я нейду,
И не пойду служить, пока весь Нижній
Въ моихъ рукахъ не будетъ поголовно
Со всѣмъ народомъ и со всѣмъ добромъ.

И онъ, въ самомъ дѣлѣ, даетъ свое согласіе лишь тогда, когда и Нижегородцы соглашаются на такую запись:

„И быти намъ Кузьмѣ послушнымъ,
И не противиться ему ни въ чемъ!
На жалованье ратнымъ людямъ деньги
Имать у насъ у всѣхъ безпрекословно!
А не достанетъ денегъ, животовъ;
А животовъ не станеть, женъ съ дѣтьми
Имать у насъ и отдавать въ закладъ.

Только при такомъ уже не переубѣжденіи, а прямо пересиливаніи общественнаго зла и считаетъ онъ дѣло прочнымъ.

Еще такъ недавно корившій его въ гордости старикъ Аксеновъ именно тутъ-то и преклоняется передъ чистотой его побужденій и передъ силою его воли, говоря за всѣхъ:

Давно стоятъ земля, а не бывало
Такого на святой Руси,
И небывалую ты служишь службу.
Прими жь такое званіе отъ насъ,
Какого дѣды наши не слышали
И внуки не услышатъ, и зовись
Ты выборнымъ всей Русскою землею.

Принимая такое званіе, Мининъ имѣетъ полное право сказать, что онъ и теперь, какъ всегда, не поддается «соблазну власти». Да, онъ имѣетъ полное право сказать:

Я не свое хотѣнье исполняю,
А волю, заповѣданную свыше.

Оглядываясь вокругъ себя, любуясь на дѣло своихъ непреклонныхъ рукъ, онъ замѣчаетъ не даромъ, что «въ немъ растетъ душа».

Не только склоняя на жертву, но и вымогая ее у другихъ, Мининъ не можетъ остановиться и передъ какимъ нибудь колебаньемъ въ своей семьѣ, не можетъ не дать и тутъ полного хода своей непреклонной силѣ и власти. Онъ велитъ нести все, что у него есть, велитъ даже «у святыхъ иконъ взять взаймы»,—и жена, безпрекословно повинувшись ему, говоритъ:

... Я все въ ларецъ поклала,
Не думавши, взяла и принесла.
Ты дума крѣпкая, Кузьма Захарьичъ,
Ты слово твердое, такъ что намъ думать!

Вотъ какое возвышенное значеніе получаетъ, движимая великою общественною идеею, та грозная власть домовладыки, которой отвратительное перерожденіе видѣли мы у

того же Островскаго въ лицѣ различныхъ Гордѣй Карпычей и Титъ Титычей. Не оказывается ли послѣ этого, что не чѣмъ инымъ, какъ утратою земскихъ преданій, всякихъ отзвуковъ общиннаго начала, и объясняется появленіе и развитіе въ купеческой средѣ того зла, которое называется самодурствомъ. Если же такъ, то не ясно ли, въ чемъ должны заключаться и настоящія средства противъ него?

Но вотъ передъ нами въ той же драмѣ и лишившаяся своего домовладыки молодая вдова. Не стало у нея «мужа и господина», какъ она выражается, осталось у нея на рукахъ его имѣнье-богачество, но она не копить его для того, чтобы добыть себѣ такую приманкою суженаго, который бы оказался у нея въ рукахъ, не думаетъ основать на деньгахъ какой либо, перетянутой на женскую сторону, самодовлѣющей власти. Далеко за предѣлы своего собственнаго дома выходитъ и ея кругозоръ, и она ощущаетъ свою неразрывную связь со всѣмъ человѣческимъ міромъ. Раздавала она свое имѣніе, раздавала, и все не могла раздать. Вотъ ея слова, обращенныя къ Нижегородцамъ:

.... Все прибавлялось—

То долгъ несутъ, то кортому съ угодій.

И не внуши вамъ Богъ такого дѣла,

Ни въ жизнь бы мнѣ не разсчитаться съ долгомъ.

Она считаетъ долгомъ доставшееся ей наслѣдство, потому что видитъ въ немъ чужое добро (сама она мало съ собою принесла въ домъ).

Тутъ много тысячъ. Сыпьте, не считайте!

На добряя дѣла, на обиходъ

Еще немного у меня осталось.

Коли нужда вамъ будетъ, такъ возьмете.

А мнѣ на что! Съ меня и такъ довольно,

Однихъ угодій хватить на прожитокъ.

Ея широкому женскому сердцу достается пристыдить тѣхъ, замкнувшихся въ себѣ, богачей, которымъ приходится такъ солонъ Мининъ. А между тѣмъ, вѣдь въ ней

шевелится и личное чувство любви, но она не даетъ ему разгорѣться; оно невольно улегается въ ней передъ общей бѣдой, передъ все перевѣшивающею заботой о томъ, какъ бы выручить изъ нея землю Русскую. Напрасно желающій быть ея суженымъ домогается отъ нея, чтобы она, по крайней мѣрѣ, дала ему слово передъ выступленіемъ его въ походъ. Островскій точно будто и самъ счелъ совершенно не нужнымъ, даже прямо не подходящимъ, развитіе какого нибудь романа въ подобнаго рода исторической драмѣ. «Богъ дастъ, вернешься», говоритъ Писпѣлову Марѣя Борисовна. «Какъ же, дожидайся!» отвѣчаетъ онъ обиженнымъ тономъ.

Скорѣе голову свою положишь.

— „А голову положишь, нешто худо!“

Невольно пристыжая его, говоритъ она:

Что мученикъ, что на войнѣ убитый,—

Вѣдь, все равно. Куда ты угодись,

Пойми? Намъ не бывать тамъ, гдѣ ты будешь.

Этотъ взглядъ ея—тотъ же мірской взглядъ, который побудилъ Новгородскаго лѣтописца отнести и къ Западнымъ крестоносцамъ, какъ къ «святымъ мученикамъ».

Такимъ образомъ эта нѣжная женская душа, не поддающаяся соблазну личной любви (въ такую минуту это прямо соблазнъ), не поддается и тому умственному соблазну, въ силу котораго и къ подобнаго рода священной войнѣ готовы бывають иные примѣнять пословицу: «худой миръ лучше хорошей брани». И отъ того, и отъ другаго соблазна ограждаетъ Марѣю Борисовну причастность ея тому разширенному кругозору, какой открывается передъ нею ея участіемъ въ общей, въ народной жизни.

Въ ряды «святыхъ мучениковъ», какими представляются Марѣѣ Борисовнѣ Божьи воины (такъ называетъ ихъ въ эпилогѣ народъ), поступаетъ, наконецъ, и *юродивый*—этотъ вполне народный типъ, прекрасно воспроизведенный Островскимъ, типъ представитель той особой напряженности душевныхъ силъ, которая сказывается тутъ при полнѣйшей,

повидимому, слабости или даже непробужденности силы умственной. Сперва отдавъ всё свои «копѣчки», юридическій выбѣгаетъ подъ конецъ драмы вооруженный, и его прощаніемъ съ міромъ-народомъ и заканчивается драма. Не даромъ давно уже видѣлась ему «длинная дорога: встанетъ, такъ до неба достанетъ», не даромъ давно собирался онъ въ этотъ путь дороженьку не одинъ, а предвидѣль, что вмѣстѣ съ нимъ будетъ «много--много». Не даромъ видѣлись ему въ концѣ этой дороги

Обители, соборы, много храмовъ,
 Стѣна высокая, дворцы, палаты...
 Все по горамъ сады, на цѣрквахъ главы,
 Все золотыя. Вотъ одна всёхъ выше
 На солнышкѣ играетъ голова,
 Рѣка, какъ лента, вьется... Кремль! Москва!

VII.

„Воевода“. — „Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“. — „Тушино“.

Отъ драматической хроники въ Шекспировскомъ родѣ Островскій снова обратился къ комедіи—только не въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, а въ томъ особенномъ, въ какомъ оно употреблялось иногда и великимъ Англійскимъ драматургомъ. Тутъ далеко не одинъ комизмъ, тутъ есть и не мало бьющаго по сердечнымъ струнамъ, а дѣйствіе отодвинуто тутъ въ отдаленное прошлое — въ половину XVII столѣтія. Мы разумѣемъ «Воеводу или сонъ на Волгѣ», комедію въ пяти дѣйствіяхъ съ прологомъ, въ стихахъ, воспроизводящую передъ нами тѣ-же двѣ стихіи Русской жизни, служилую или приказную и земскую, соотношеніе которыхъ такъ широко указано въ «Минивѣ».

Время дѣйствія въ «Воеводѣ»—это то время, когда окончательно возстановилась изъ развалинъ и окрѣпла на

прежнихъ своихъ основахъ государственная хранина, распатавшаяся въ смутную пору. На повѣрку выходитъ, что, по прежнему считающіе [себя ея единственною опорю, служилые люди ничему-то въ эту пору не научились. Вотъ какимъ образомъ описываютъ своего воеводу жители того большого города на Волгѣ, который служить въ нашей комедіи мѣстомъ дѣйствія:

Не до воровъ ему, поминки любить....
И сысканныхъ-то въ люди распускаеть,
Берегъ на нихъ и сто рублевъ, и больше.
— А я скажу, что воевода сыщикъ
— Лихой у насъ. Онъ дѣвокъ на посадѣ,
— Да по клѣтямъ добро какъ разъ разыщеть,
— Не утаишь...

Воевода, въ самомъ дѣлѣ, живетъ, какъ Турецкій паша. Такъ, онъ забралъ къ себѣ въ домъ молодую женщину, мужа которой довелъ своими прижимками до того, что тотъ ушелъ въ вольницу, а самъ на старости лѣтъ, защекотавъ до смерти двухъ своихъ прежнихъ женъ, собирается снова жениться, выбирая изъ двухъ сестеръ совсѣмъ молоденькую и хорошенькую. Отъ общаго недовольства у воеводы есть такой надежный столбъ, какъ стрѣleckій сотникъ Баимъ, которому онъ говоритъ:

Пошарь-ко тамъ съ своими молодцами,
Не сыщешь ли кого изъ крикуновъ.
Да не зѣвай! Того, Бавмъ, не бойся,
Что въ виноватыхъ правый попадется:
Невиновать—укажетъ виноватыхъ.

Понятно, что, при такихъ порядкахъ, народнымъ сочувствіемъ пользуется та Волжская вольница, въ которую, вслѣдъ за другими, ушелъ и прижатый воеводой Дубровинъ (вѣдь изъ той же гулящей вольницы вышелъ въ свое время и Ермакъ Тимофеевичъ). Недаромъ посадскій Тыра такимъ образомъ защищаетъ Дубровина, ограбившаго, какъ про него бають, казну:

Ты бай, не бай— не наше это дѣло.
Казну разбилъ, казна про то и сыщеть:
А ты не лай разбойникомъ напрасно,
А называй удалымъ молодцомъ.

Недаромъ и самъ Дубровинъ говоритъ старику Немѣянову, совѣтующему связать его:

.... Эхъ, дѣдушка. за что же?
Ты пожалѣй меня! Связать не долго;
Вязать—вяжи, да послѣ не тужи.
Я самъ даюсъ; одинъ—не ратникъ въ полѣ
И дерево одно—не темный лѣсъ.

Онъ теперъ одинъ, потому что, оставивъ своихъ товарищей, прокрался въ городъ, чтобы узнать про жену. «Меня въ тюрьму», продолжаетъ онъ,

.... А сколько насъ на волѣ
Останется, ты всѣхъ не перевяжешь;
А у тебя домишко на посадѣ,
Чай бережешь отъ красныхъ пѣтуховъ?

И никто не выдаетъ Дубровина, не только изъ страха «краснаго пѣтуха», но и по болѣе благороднымъ побужденіямъ, побужденіямъ, вытекающимъ изъ духа общины.

Кромѣ ухода въ вольницу, есть и еще одинъ путь, уже совершенно законный, противъ воеводскихъ порядковъ. Объ этомъ пути вспоминаетъ посадскій Смирной:

.... Терпѣнья намъ не стало!
Чему ни быть, а надоть челобитье
Царю писать.

Правда, на замѣчаніе старосты, что давно уже объ этомъ разговоръ, а дѣла нѣтъ, тотъ же Смирной замѣчаетъ:

.... Москва намъ дорога,
Дойметъ тебя Московской волокитой.

Но, не смотря ни на что, къ челобитной все-таки прибѣгаютъ. Для подачи ея рассчитываютъ, и не даромъ, на бывшаго губного старосту Бастрюкова, рассчитываютъ, говоря:

Онъ намъ родной, мы сами выбирали,
А воеводъ не вѣсть откуда шлютъ.

Это тотъ самый Бастрюковъ, котораго, по мнѣнію воеводы,

Унять давно пора. Зазнался больно,
На шею сѣлъ... Плутамъ заступникъ,
Оберегатель земскій. Двумъ медвѣдямъ
Не жить въ одной берлогѣ.

Воеводѣ и въ другомъ, чисто уже личномъ, смыслѣ, приходится очутиться въ одной берлогѣ — съ сыномъ Бастрюкова, которому давно приглянулась младшая дочь богатаго посадскаго Власа Дюжого, требуемая воеводою себѣ въ замужство вмѣсто старшей, предназначенной воеводѣ ея родителями. Воевода накрываетъ молодого Бастрюкова какъ разъ въ минуту задуманнаго имъ похищенія Марьи Власьевны. Но Бастрюковъ, разумѣется, не оставляетъ своего молодецкаго замысла. Онъ сходится еще и съ удалымъ Дубровинымъ, а тотъ призываетъ на помощь колдуна Мизгиря. Нельзя, кажется, не замѣтить, что, рассчитывая на суевѣріе воеводы, что вполне понятно, наши заговорщики рассчитываютъ и на его круглую глупость, а это далеко не такъ понятно. Мы не можемъ не видѣть слабой стороны комедіи въ томъ, что воевода, зная уже о намѣреніяхъ молодого Бастрюкова, уже накрывъ его разъ, такъ безоглядно сдается на совѣтъ Мизгиря:

Въ отъѣздъ тебѣ изъ города дня на два,
А не уѣдешь, ничего не будетъ.
Вся сила въ томъ. Пускай она тоскуетъ
И сохнетъ по тебѣ. Какъ меду выпьетъ,
Сейчасъ тоска ее обметъ, станеть
Всѣхъ спрашивать: да скоро-ль онъ пріѣдетъ,
Мой милъ сердечный другъ?

Медъ, о которомъ говоритъ колдунъ, наговоренный медъ, но вѣдь для дѣйствія его на дѣвушку, посредствомъ наговоренной на медъ тоски, воеводѣ не представляется ни малѣйшей надобности удалаться. Не менѣе страннымъ представляется и то, что у Бастрюкова съ его молодцами не хватаетъ умѣнья похитить Марью Власьевну поскорѣе и

что воевода, недоумленный привидѣвшимся ему во время его странствія сномъ, возвращается какъ разъ во-время, чтобы снова накрыть похитителей. Все это какъ-то совсѣмъ неестественно, а равно и черезъ-чуръ уже близко къ дѣйствительности, неестественно близко, тотъ сонъ, въ которомъ онъ видитъ и Бастрюкова-отца, подающаго на него челобитную въ Москвѣ, и Бастрюкова-сына, нападающаго со своими молодцами на тѣ хоромы, въ которыхъ заперта у него Марья Власьевна. Недостатки комедіи выкупаются такими отдѣльными сценами (совсѣмъ уже не комическими), какъ между Дубровинымъ и пустынникомъ, Дубровинымъ и его женою (съ которою встрѣчается онъ у воеводы, принимая участіе въ похищеніи Марьи Власьевны).

Пустынникъ олицетворяетъ собою ту стихію древне-Русскаго общества, которая, при своемъ пассивномъ пониманіи Христіанства, исповѣдывала своего рода «непротивленіе злу». Онъ говоритъ Дубровину:

Мнѣ жаль тебя. Мы оба бѣглецы.
Ты зломъ за зло, обидой за обиду
Грѣховному и суетному міру
Воздать желашь; я молюсь о немъ.
Не обнажай меча! Мечомъ погибнетъ
Извлекшій мечъ. Живи со мной въ пещерѣ;
Ко мнѣ и звѣрь безтрепетно приходитъ,
А отъ тебя и человѣкъ со страхомъ
Огходитъ прочь.

Дубровинъ начинаетъ каяться, но кончаетъ тѣмъ, что оправдываетъ себя, говоря:

Мой норовъ крутъ, душа моя не тернить,
Когда большой молодшаго обидить,
Подвластнаго гнететь да давить властный.

У пустынника, разумѣется, и на это есть возраженія:

У властныхъ власть идетъ отъ Бога. Кто же
Тебѣ дозволялъ стать надъ властью?

Дубровицъ.

Сердце

Ретивое, что бьется—не уймется.
 Не правый судъ царить на бѣломъ свѣтѣ,
 Въ овечьемъ стадѣ волки пастухами;
 Кто жь застоитъ за бѣдныхъ, беззащитныхъ?
 Не мы, такъ кто-жь? Нѣтъ власти,—есть охота.

Но онъ самъ понимаетъ, что тѣ, съ которыми онъ по неволѣ сошелся, не ему чета:

По локоть

Въ крови ихъ руки, головы похмѣльны,
 Я имъ не ровня; я затѣмъ и съ визу
 Привольнаго поближе къ дому приплылъ,
 Чтобъ бросить ихъ и сѣсть опять въ посадѣ,
 Лишь даль бы Богъ—смѣнился воевода.

Онъ рассчитываетъ на то, что только бы была возможность вернуться въ тотъ кругъ, изъ котораго выжилъ его Шалыгинъ,—

Посадскіе не выдадутъ, подъячихъ
 Купить не дорого. А тамъ годочекъ,
 Другой пройдетъ, доводчиковъ не бойся.
 Живешь по тиху, такъ въ разбоѣ старомъ
 Судить заказано, oprичъ убойства.
 А я не лгу: я рукъ не кровянилъ.

Его такъ и тянетъ домой, въ общество, завѣты котораго перенесъ онъ въ самую вольницу, въ семью, которая есть у него въ настоящемъ смыслѣ. Между тѣмъ какъ Шалыгины защекочиваютъ собственныхъ женъ и располагаютъ чужими, проявляя самое безшабашное самодурство, Дубровицъ—прямой семьянинъ и жена его остается ему вѣрна, не смотря ни на что. Ихъ союзъ основанъ на настоящей, на твердой и прочной любви, и если бы не злые Шалыгины, была бы у нихъ всегда «тишь, да гладь—Божья благодать». Свиданіе Дубровина со своею Оленушкой обдаетъ васъ дѣйствительнымъ лучомъ свѣта. На просьбу жены сказать ей по правдѣ, не промѣнивалъ ли онъ ее тамъ на сторонѣ на кого нибудь, онъ чистосердечно ей отвѣчаетъ:

Въ сиротской нашей долѣ
До ласки ли, Олена? А взгрустнется,
Бывало, мнѣ,—присядешь, горько всплакнешь.
Придетъ ко мнѣ, бывало, пожалѣеть,
Приластится, лицо и руки лижетъ
Мой вѣрный песь, лохматая собака...

Олена.

Такъ прогони жь свою собаку, злую
Разлучницу. Возьми меня. Собакой
Служить тебѣ я буду, злое горе
Съ тобой дѣлать; въ глаза глядѣть и плакать,
И ластиться.

Но у него, въ свою очередь, являются совершенно невольными и, пожалуй, еще болѣе понятными подозрѣніями. Она успокаиваетъ его:

Романушко, не думай! Воевода
И плакаль-то, и шуткой-то стращаль,
Я напрямикъ ему сказала: руки,
Моль, наложу, отстань. Три дня не ѣла,
Голодной смертью помереть хотѣла,
И унялся...

Прекрасна также въ сценѣ остановки воеводы, на перепутьи, въ изобѣ, противоположность между его тревожнымъ сномъ и безмятежнымъ покоемъ крестьянскаго младенца, убаюкиваемого старухою:

Баю, баю, миль внученочекъ!
Ты спи-усни, крестьянскій сынъ!
Нась Богъ забылъ, царь не милуетъ,
Люди бросили, людямъ отдали,
Намъ во людяхъ жить, на людей служить.
На людей людямъ приворавливать.

.
Баю—баю, миль внученочекъ!
Ты спи-усни, крестьянскій сынъ!
Ты спи, поколь изживемъ бѣду,
Изживемъ бѣду, пронесеть грозу,
Пронесеть грозу, горе минетъся,
Поколь Богъ простить, царь сжалится.

Долго, слишком долго пришлось дожидаться того цѣлому ряду крестьянскихъ поколѣній! Правду говорила воеводѣ старуха, что

И правнукъ, и внуки
Прарправнуковъ Егорья помнить будутъ.

Но надъ тѣми своими «сиретами», которые печаловались ему на этого воеводу, царь вскорѣ сжалился. Напрасно еще во время поспѣваетъ Шалыгинъ домой, чтобы опять накрыть похитителей Марьи Власьевны, напрасно собирается онъ зачекотать свою невѣсту, какъ зачекоталъ въ свое время двухъ женъ: Бастрюковъ-отецъ тутъ какъ тутъ, чтобы объявить ему, что, по царскому указу, на мѣсто его присланъ Левонъ Поджарый. Приходится старому грѣховоднику сдаться. Между тѣмъ, Дубровина берутъ на поруки его посадскіе. Все такимъ образомъ устраивается пока совсѣмъ хорошо и Бастрюкову приходится праздновать нравственную побѣду, говоря Шалыгину:

Мнѣ Богъ съ тобой, свою бы я обиду
Тебѣ простилъ; да ты весь міръ обидѣлъ.
Ты, зная, забылъ, что съ міромъ не поспоришь,
Что міръ вздохнетъ, такъ до царя доидежь.

Да, вздохнулъ этотъ міръ во дни Минина, и сдалась передъ этимъ вздохомъ народнымъ иноземная сила въ Кремлѣ, и не посмѣлъ король Сигизмундъ ни самъ усеѣться на Русскій престолъ, ни послать на него своего королевича; вздохнулъ міръ-народъ, и на вздохъ его явился новый, своей Русской крови, царскій домъ и нашелъ онъ себѣ опору твердую въ томъ же міръ-народѣ. Но по прежнему не хотѣли знать этого мірскаго вздоха всякіе служилые да приказные, извѣрился въ нихъ совсѣмъ міръ-народъ, и радость его о томъ, что царь внялъ его глубокому вздоху, сейчасъ же и омрачается невольнымъ раздумьемъ о вновь назначенномъ воеводѣ:

Ну, старый плохъ, каковъ-то новый будетъ?
— Да надо быть, такой же, коль не хуже!

Послѣ своей бытовой комедіи изъ XVII в. Островскій возвращается опять на чисто-историческую почву въ своей драматической хроникѣ въ двухъ частяхъ: «Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій» (1867 г.) За нею послѣдовало «Тушино» (въ томъ же году). Нарисовавъ намъ конецъ нашей смутной поры въ своемъ «Мининѣ», онъ обратился затѣмъ къ ея первой порѣ и къ порѣ ея разгара. Смуту не даромъ считаютъ особенно драматическою эпохою въ нашей исторіи. Съ легкой руки Пушкина, воспроизводили ея начало и ея конецъ Кукольникъ, Геденовъ, Константинъ Аксаковъ, Хомяковъ, Чаевъ и, позже всѣхъ, уже послѣ Островскаго, гр. Голенищевъ-Кутузовъ. Къ великой чести Островскаго, онъ со всею силою своего таланта далъ почувствовать въ своихъ драмахъ изъ этой поры все значеніе той народной стихіи, которая недостаточно выступаетъ впередъ у Пушкина, глубоко сознавалась, конечно, Хомяковымъ и К. Аксаковымъ, но не вполне далась имъ въ своемъ драматическомъ воспроизведеніи.

Конечно, уже Пушкинъ въ «Борисѣ Годуновѣ» далъ почувствовать, что Самозванецъ оказывался сильнымъ

Не войскомъ, нѣтъ, не Польскою помощью,
А мнѣніемъ, да — мнѣніемъ народнымъ.

Недаромъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ говорить у него про народъ:

.... Попробуй Самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Ну, и пойдетъ потѣха.

Глубокаго смысла, конечно, исполнено въ концѣ драмы и то «безмолвіе народа», которое сулитъ Самозванцу недоброе. Зато прямая причина гибели Годунова, коренившаяся тоже въ настроеніи народномъ, показана Пушкинымъ далеко не ясно. Что же касается гениальнаго Пушкинскаго намека на будущую гибель Самозванца, то для оправданія его нужна была цѣлая новая драма, такъ и не написан-

ная Пушкинымъ. Съ нею-то, съ этою дальнѣйшею драмою Самозванца, и встрѣчаемся мы у Островскаго. Мы видимъ его тутъ уже на престолѣ и убѣждаемся въ искренности его прекрасныхъ правительственныхъ намѣреній. Онъ вѣдь съ истиннымъ увлеченіемъ говоритъ Басманову:

Вездѣ, во всемъ вы властвуете страхомъ:
Вы женъ своихъ любите васъ приучали
Побоями и страхомъ; ваши дѣти
Отъ страха глазъ поднять на васъ не смѣютъ;
Отъ страха пахарь пашеть ваше поле,
Идетъ отъ страха воинъ на войну,
Ведеть его подъ страхомъ воевода,
Со страхомъ вашъ посолъ посольство править;
Отъ страха вы молчите въ думѣ царской.
Отцы мои и дѣды, государи,
Въ ордѣ Татарской, за широкой Волгой,
По ханскимъ ставкамъ страха набирались
И страхомъ править у Татаръ учились.
Другое средство лучше и надежнѣй—
Щедротами и милостью царить.

Говоря о «предкахъ», Самозванецъ, можно сказать, чистосердечно увлекается мыслью, что онъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ ихъ потомокъ. Ему, очевидно, втолковано, что онъ настоящій царевичъ. Соединяя въ своемъ пониманіи названаго Дмитрія ту историческую догадку, которая видитъ въ немъ орудіе извѣстной боярской партіи, уже выросившей его въ потребныхъ для того понятіяхъ, съ тѣмъ едвали уже не безспорнымъ историческимъ мнѣніемъ, по которому Самозванецъ является орудіемъ Польско-іезуитской интриги, Островскій не рѣшился, однакоже, выставить его вполнѣ убѣжденнымъ въ своемъ царскомъ происхожденіи. Такимъ оказывается онъ, какъ извѣстно, въ неоконченной трагедіи великаго Нѣмецкаго поэта, весь психологическій интересъ которой и сосредоточивается въ томъ, что, уже достигая своей цѣли, Дмитрій неожиданно разувѣряется въ томъ, во что онъ такъ твердо вѣрилъ— въ самомъ себѣ («Demetrius» Шиллера). Но и у Остров-

скаго онъ, при своей увлекающейся натурѣ, по временамъ почти готовъ вѣрить тому, чтѣ ему издавна втолковано. Припомнимъ его обращеніе къ Грозному:

Отецъ названный! Я себя не знаю,
Младенчества не помню. Царскимъ сыномъ
Я назвался не самъ; твой бояре
Давно меня царевичемъ назвали
И, съ торжествомъ и злымъ смѣхомъ, въ Польшу
На береженье отдали. Не самъ я
На Русь пошелъ; на смѣну Годунова
Давно зоветь меня твоя столица,
Давно идетъ по всей Россіи шепоть,
Что Дмитрій живъ....

... Какъ сонъ припоминаю,
Что въ дѣтствѣ я былъ вспыльчивъ какъ огонь;
И здѣсь, въ Москвѣ, въ большомъ дому боярскомъ,
Шептали мнѣ, что я въ отца родился
И радостно во мнѣ играло сердце.
Такъ кто же я? Ну, если я не Дмитрій,
То сынъ любви, иль прихоти царицы...
Я чувствую, что не простая кровь
Течетъ во мнѣ....

... Счастливыи Самозванецъ
И царствъ твоихъ невольный похититель,
Я не возьму тиранскихъ правъ твоихъ—
Губить и мучить. Я себѣ оставлю
Одно святое право всѣхъ владыкъ—
Прощать и миловать.

Онъ, стало быть, является у Островскаго не искателемъ приключеній, не ловцомъ рыбы въ мутной водѣ; онъ увлекается мыслию о тѣхъ благахъ, которыя онъ можетъ доставить Русской землѣ, пользуясь доставшеюся ему властію. Да, но онъ смотритъ на себя, какъ на какой-то добровольный источникъ благодѣяній, онъ составилъ себѣ, не безъ вліянія иноземцевъ, самое темное понятіе объ отечественномъ строѣ жизни, и онъ не чуетъ того народнаго возрѣнія на власть, въ силу котораго она является *службою* землѣ; не чуетъ, что тиранскій образъ дѣйствій Грознаго не былъ его государевымъ *правомъ*, что сыну

предстояло бы, просто, не мечтая о благодареніяхъ, за-
гладить передъ народомъ грѣхи отца. Правда, Димитрій вспо-
минаетъ о народѣ, какъ о сознательной силѣ, обращается
къ его голосу, къ его суду, когда ему предстоитъ расправа
съ Шуйскимъ. Но это отъ того, что ему бы только свалить
съ самого себя тяжелое дѣло расправы съ личными вра-
гами. Островскій выставилъ его самоувѣренно великодуш-
нымъ до легкомыслія, такъ что Самозванецъ напоминаетъ
у него Сарданапала въ извѣстной трагедіи Байрона. Но
онъ напоминаетъ Сарданапала и въ другомъ отношеніи—
тѣмъ, что, при всей своей добрѣ и великодушіи къ вра-
гамъ, онъ, такъ сказать, слишкомъ добръ и къ самому себѣ,
слишкомъ самъ себѣ потакаетъ. При этомъ онъ уже ни
мало не думаетъ о народномъ мнѣніи, о народномъ судѣ
надъ собою, и вотъ ему приходится выслушать отъ дьяка
Осипова такія смѣлыя укоризны:

Какой ты царь! Тебѣ-ль управить царствомъ,
Когда собой управить ты не въ силахъ!
Какой ты царь! Ты самъ въ оковахъ рабства.

Но этотъ дьякъ,—онъ вѣдь, хотя и приказный чело-
вѣкъ,—въ этомъ случаѣ прямой представитель народнаго
мнѣнія. Онъ открыто высказывается передъ Димитріемъ,
не вынося и хозяйничанья въ Москвѣ Поляковъ съ ихъ
очевиднымъ презрѣніемъ къ Русскому народу, и явнаго
нарушенія Самозванцемъ народныхъ обычаевъ, открытаго
вызова съ его стороны религіозному чувству народа. На
спросъ Димитрія, чего онъ хочетъ, кѣмъ обиженъ, Осиповъ
прямо отвѣчаетъ: «тобою».

Димитрій.

Не знаю, чѣмъ и какъ я могъ напрасно
Тебя обидѣть, добрый человѣкъ.

Осиповъ.

А тѣмъ, что ты въ святыхъ стѣнахъ кремлевскихъ,
Среди церквей вертепъ грѣху поставилъ....

.

Святую тишь молитвы православныхъ
Нарушилъ ты гудѣньемъ Мусикійскимъ...

Гдѣ я молюсь, предъ чѣмъ благоговѣю,
Куда вступаю съ трепетомъ священнымъ,
Туда со мной Литвинъ и Ляхъ съ руганьемъ
И мерзостнымъ кощунствомъ вмѣстѣ входятъ.

Осиповъ при этомъ очень хорошо понимаетъ, чѣмъ онъ можетъ полатиться. Онъ говоритъ:

Я смерти жду. Постомъ и покаяньемъ
Я оградилъ себя отъ страха смерти,
И, причастясь святыхъ Христовыхъ тайнъ,
Пришелъ къ тебѣ изъ Божьей церкви прямо
Принять изъ рукъ твоихъ вѣнецъ страдальца,
Съ которымъ я на небеса предстану.

Димитрію, закричавшему было: казнить! но сейчасъ же и отмѣняющему такое рѣшеніе, остается только со-знаться, что «твердый, какъ желѣзо, безжалостенъ къ себѣ народъ Московскій».

Но это вовсе не внушаетъ ему уваженія къ народу, а только заставляетъ Димитрія заключить о народѣ, что

Онъ милостей не цѣнить и не стоять.

Шуйскій, этотъ «лукавый царедворецъ», какъ его называлъ Пушкинъ, но царедворецъ, пролагающій себѣ дорогу къ царству, искусно пользуется у Островскаго легкомыслиемъ Самозванца и только подстрекаетъ его на то, на чемъ онъ себѣ сломить шею. Напрасно предостерегаетъ Димитрія дѣйствительно вѣрный ему Басмановъ, говоря ему:

Бояръ пронырство

Невѣдомо тебѣ,—ты съ нами не жилъ.
Грозна была онала государей,
Родителей твоихъ, и Годунова;
Но еслибъ знать ты могъ бояръ крамольныхъ
Всѣ помыслы, ты казнямъ бы Ивана
Не подвиглся. Въ самой преесподней,
На самомъ днѣ клокочущаго ада
Не выковать такихъ сѣтей, какими
Они тебя и Русь опутать могутъ.

Голосъ Басманова вполнѣ въ этомъ вторить народному голосу, который выражается тутъ и краткими словами юродиваго: «бояринъ — Татаринъ». Тому же юродивому принадлежатъ въ драмѣ и другія слова: «казакъ — Полякъ!» Вѣрность и этого замѣчанія юродиваго (въ томъ смыслѣ, что казаки дѣйствовали тутъ за одно съ Поляками) подтверждается кое-чѣмъ уже и въ этой драматической хроникѣ; еще же болѣе очевидною становится она въ «Тушинѣ».

Но и бояре могли бы быть прозваны Поляками—въ смыслѣ дѣйствовавшихъ во многомъ съ ними за одно. Только то, что свело нашихъ бояръ съ панами, то и разводитъ ихъ съ ними. «Оно-бъ не худо, говоритъ Голицынъ,

Шляхетскія намъ вольности имѣть;
Да вотъ бѣда—панъ Юрій Мнишекъ сядетъ
На насъ на всѣхъ, между царемъ и нами».

Они не на шутку задѣты, когда Димитрій говоритъ боярамъ:

Не забудьте,
Что Польскіе паны не вамъ чета.

Рѣшеніе ихъ коротко. Оно высказывается тѣмъ же Голицынымъ:

Пора ужъ намъ почетъ, боярамъ, видѣты
Мы выберемъ себѣ царя межъ нами,
Боярскаго царя.

А Татищевъ поясняетъ это тѣмъ, что

Боярами стоитъ земля отъ вѣка.

Шуйскій идетъ еще далѣе, говоря:

Боярство—Русь великая, а земство
Идетъ туда, куда ведутъ бояре.
Народъ возьметъ, что мы ему дадимъ.
И будетъ знать, что мы ему велимъ.

Шуйскій считаетъ себя и своихъ «Борисовыми учениками», т. е. прошколенными опытомъ времени Бориса и Грознаго. «Насъ не проведешь!» похваляется онъ, прибавляя:

По выбору и ложь, и правда служить
У насъ въ рукахъ орудиємъ для блага
Народнаго. Нужна народу правда—
И мы даемъ ее; мы правду прячемъ,
Когда обманъ народу во спасенье.
Мы лжемъ ему: и мрутъ, и оживаютъ
По нашей волѣ люди; по базарамъ
Молва пройдетъ о знаменьяхъ чудесныхъ.
Убогіе, блаженныя пророчать,
Застонетъ камень, дерево заплачетъ,
Изъ нѣдръ земли послышатся глаголы,
И наша ложь въ народѣ будетъ правдой,
Въ хронографы за правду перейдетъ.

На повѣрку же выходитъ, что они еще далеко не прошколены жизнью, такъ-таки ничему и не выучились. Шуйскій думаетъ помыкать народомъ, направляя его, какъ тупую, грубую силу, противъ Самозванца. Но вѣдь и какойнибудь калачникъ, которымъ онъ при этомъ пользуется, исполненъ самосознанія, когда останавливаетъ десятскаго, накинувшагося на того старика, который доказываетъ, что настоящій царевичъ давно убитъ.

Ты лѣтъ не чтишь, ты, съ дуру, поднялъ руки
На старика сѣдого! Ну, такъ стой же.
Учтивости я выучу тебя.

Десятскій.

Ты что шумишь? Ты самъ-то что за птица?

Калачникъ.

Что я-то?! Я—не сыщикъ, не доносчикъ;
Я—весь народъ Московскій; вотъ—кто я!
Ты радуйся, что мы покуда тихи.
Берись за умъ, одну съ народомъ пѣсню
Затягивай! А то бѣды дождешься...

Шуйскому удается, воспользовавшись легкомысленными ошибками Самозванца, вызвать противъ него возстаніе.

Приговоренный уже было къ казни, но помилованный, Осиповъ, не смотря на то, величается надъ Самозванцемъ, говоря:

Проспался-ль ты, безвременный царекъ!
Пооди сюда! Покайся предъ народомъ!

Но Димитрій въ эту минуту даже готовъ на то. Въ немъ проснулись въ роковой часъ лучшія стороны его природы и онъ говоритъ Шуйскому:

Поѣдемъ къ народу,
На Лобное, къ мятежникамъ твоимъ!
Я не боюсь, я правъ; пускай разсудятъ
Меня съ тобой! И отдаюсь на волю
Народную... Боишь-я ты, не смѣешь
Своей души народу обнажить?
Я все скажу! И пусть народъ узнаетъ,
Что я честнѣй тебя...

Уже слишкомъ поздно, конечно,—участь Самозванца рѣшена. Но вы чувствуете, что и Шуйскому не усидѣть на своемъ самозданномъ престолѣ.

Бояре, ради собственныхъ выгодъ содѣйствующіе ему, чтобы взять съ него запись, огранивающую его въ ихъ пользу, въ тоже самое время и завидуютъ-то ему, и презираютъ-то его глубоко. Вотъ какъ описываетъ Шуйскаго Куракинъ:

Что ни начини, все свято у него!
Завѣдомо мошенничать сберется,
Иль видимую пакость поновить,
А самъ, гляди, выдыхаетъ съ постной рожей
И говорить: „свято- дѣю, братцы!“

Чисто личными побужденіями, конечно, руководствуется въ своемъ осужденіи и Голицынъ. Это не мѣшаетъ ему проговориться словомъ глубокой правды — вѣрно указать на то, чего именно не достаетъ Шуйскому для прочности его власти. Вотъ слова Голицына, которыми и заканчивается его хроника:

Крамольшикъ онъ отъ головы до пятокъ!
Бояриномъ ему-бъ и оставаться.
Крамольнику не слѣдь короноваться.
Крамолой сълъ Борисъ, а Дмитрій силой:
Обоимъ тронъ Московскій былъ могилой.
Для Шуйскаго примѣровъ недовольно;
Онъ хочеть сѣсть на царство самовольно—
Не царствовать ему! На тронъ свободный
Садится лишь избранникъ всенародный.

Мы снова встрѣчаемся съ Василиемъ Шуйскимъ въ новой драматической хроникѣ Островскаго: «Тушино». Изъ собственной его рѣчи видно, что престолъ уже сильно колеблется подъ нимъ. Онъ причитаетъ жалобно:

Моя судьба—мудреная загадка.
Отъ плахи я перешагнулъ на тронъ,
На грозномъ тронѣ я сижу безъ власти!
Безъ власти царь Московскій! Это дѣло
Не слыхано! Орлу парять высоко
Безъ крыль нельзя! А я орель безъ крыльевъ.
.
Не страшень врагъ! Пошли Творецъ небсенный,
Мнѣ равнаго и честнаго врага!
Ведуть войну цари съ царями, идутъ
На честный бой пытать и гнѣвъ и милость
Твою, Господь! И ты даешь побѣду
Достойному, а гордаго смиряешь.
А я борюсь, а я воюю, Боже!
Съ холопями, съ ворами, съ бѣглецами!
Обругано твое святое имя,
Обругано помазанье твое!

Но Шуйскій все-таки не понимаетъ, отчего оно такъ, чего именно не достаетъ ему, чтобы считать себя на престолѣ прочнымъ.

Между тѣмъ тамъ, въ Тушинѣ — воображаетъ себя возсѣдающимъ на томъ же престолѣ другой, какъ его называли, «царикъ», также самозванно воспользовавшійся именемъ Дмитрія, какъ и тотъ, кого свергъ Василий Ивановичъ Шуйскій.

У него ли, казалось бы, не житье! Оно вѣдь не только краснорѣчиво, но и въ своемъ родѣ вполне вѣрно описывается Саблуковымъ:

Тамъ всѣ равны; живутъ по Божью слову,
Боярину большому, дворянину
И ратнику простому честь одна.

.
А если ты давишнюю обиду,
Хоть за десять годовъ, желаешь вспомнить
И выместить—охотники сберутся,
Товарищи, и вольною толпою
Пойдутъ съ тобой обидчика искать
На днѣ морскомъ, лишь покажи дорогу.

Но тотъ, кто даруетъ подобную волю всякому, кто захочетъ ему служить, самъ не имѣетъ никакой воли: онъ весь въ рукахъ у Рожинскихъ и у Салѣгъ, которые, чуя онъ, должно быть и сами погубятъ его—тѣмъ, что рассчитываютъ только на приманку къ нему вольною волею да разливаннымъ моремъ, а позабываютъ о томъ, что есть же въ народѣ потребность и не въ такой безшабашной волѣ, потребность правды Божьей и возможной только подъ ея сѣнью настоящей человѣческой свободы. Новый названный Дмитрій самъ приходитъ въ ужасъ отъ того, что

Идетъ громить Салѣга
Великую святыню православныхъ,
Святой оплотъ поборниковъ Христовыхъ.
.
Мы, Русскіе, святыню почитаемъ

увѣряетъ онъ, и тутъ же, немного погодя, даетъ приказанье идти на осаду Троице-Сергіевой Лавры, отдаетъ приказанье, и тутъ же приходитъ въ ужасъ, что не только между иноземцами и иновѣрцами, но и между Русскими, православными, находятся такіе, какъ М. Редриковъ, который съ полнѣйшимъ спокойствіемъ говоритъ про своего царя:

Служа ему, мы грабить
И разорять въ Московскомъ государствѣ
Всѣ города у Шуйскаго должны.
А Сергіевъ, иной ли городъ грабить,
Намъ все одно....

Тутъ ужь именно выходитъ по словамъ юродиваго въ предыдущей хроникѣ: «казакъ—Полякъ». Т.-е. тутъ можно было бы также сказать: «Русакъ—Полякъ».

Сапѣга вѣдь не даромъ говоритъ про Редрикова: «такихъ то мнѣ и нужно». Правда, мы снова встрѣчаемся съ Редриковымъ уже подъ самыми стѣнами Троицкой обители, но ему вмѣстѣ съ Донскимъ атаманомъ Епифанцемъ становится жутко. «Угодники Господни, говоритъ Епифанецъ

Монастырю дають святую помощь;
Мы съ музыкой идемъ, съ гудѣнемъ, звономъ,
Пьянехоньки, а тамъ святые старцы,
Молитвою укрѣплены, постомъ,
И ратники съ благословеньемъ Божиимъ
Отпоръ дають подъ звономъ колокольнымъ...
Немного тутъ возьмешь! Сбираться на Донъ,
Домой идти покаяться скорѣе,
Замалывать свои грѣхи, покуда живъ.
Вѣдь есть одно у насъ святое дѣло—
Крушить Татаръ Ногайскихъ: мало намъ!

Для Епифанца спасеніе въ томъ, чтобы вернуться къ своему казачеству въ его настоящемъ, исторически законенномъ смыслѣ—въ смыслѣ обороны родной земли отъ ея издавнихъ враговъ—степняковъ. Редрикову пришлось бы вернуться въ безыдейную среду тѣхъ баръ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и служилые люди, вернуться къ отцу, направлявшему его къ царю Василю Ивановичу, а онъ пошелъ служить царю, потому что не все ли равно, кому ни служить — только бы хорошенько выслужиться да добыть побольше простора своей рукѣ владыкѣ! Но и въ Редриковѣ, всегда остававшемся въ сторонѣ отъ какой либо бытовой общины, премелькнуло сознание тѣхъ особыхъ, высшихъ связей, о которыхъ напоминала и бар-

ству, и служилому люду церковная община. «По волѣ царской, говорить онъ,

Стоимъ мы зѣсь; да, видно, Богъ не хочетъ
Въ раззоръ отдать святыни монастырской.
За разъ бы взять и разговоръ короткій,
Покаялся бѣ ужъ послѣ за одно
За все грѣхи. А годъ бороться съ Богомъ
И каждый день, вставая и ложась,
На тѣ жь кресты молиться, по которымъ
Изъ пушекъ бьемъ; сшибать колокола
И съ музыкой ходить противъ святыни,—
Разбойникамъ быть мало—окаленнымъ
Быть надобно.

Редриковъ радъ радехонекъ идти изъ подъ Троицы къ Ростову. Но на это оказываются у него и особенныя основанія—опять совершенно личнаго свойства; тутъ замѣшаны тѣ же невысокія побужденія, которыя и привели его въ Тушино. Съ самымъ страстнымъ жаромъ говорить онъ:

Давно я жду отрады, добираюсь
До города Ростова. Ну, Безпута,
Ты жечь и грабить лютъ; тебя беру я
Въ товарищи. Ростовскимъ воеводой
Обижень я, пойдемъ считаться съ нимъ!

Онъ не знаетъ еще—но вѣдь это его бы не остановило—что тамъ предстоитъ ему встрѣча съ младшимъ братомъ, оказывающимся ни больше, ни меньше, какъ зятемъ Ростовскаго воеводы. Николая Редрикова точно также тянуло въ Ростовъ и онъ радъ былъ порученью туда отъ царя Василія Шуйскаго; его тянула туда не ненависть, а любовь, любовь, столь же личная, столь же неумѣстная въ такую годину общаго испытанія, какъ и всякое другое личное чувство. Этотъ восемнадцатилѣтній смазливый мальчишка, весь уходящій въ свою преждевременную страсть къ такой же смазливой дѣвчонкѣ, производитъ, по крайней мѣрѣ на насъ, какое-то отвратительное впечатлѣніе. Совершенно неожиданно и незаслуженно достается этому

шалопая геройская смерть въ тѣхъ стѣнахъ, въ которыхъ защищается онъ со своимъ тестемъ отъ нападенія Тушинцевъ. Но этой смерти предшествуетъ убіеніе имъ родного брата, который спасалъ отъ товарища своего Безпуты жену Николая Редрикова и, неузнанный, былъ имъ принятъ за намѣревающагося ее похитить. Хроника заканчивается словами старика Редрикова, которому остается только погибнуть въ горящихъ развалинахъ вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ и его женою. «И я за вами» говоритъ онъ.

Зачѣмъ мнѣ жить? Что видѣть? Святотатство,
Грабежъ церквей! Мученье беззащитныхъ!
Дѣвицъ и жевъ позоръ! И поруганье
Святыею и иноческимъ чиномъ!
Дѣтей—убійць своихъ отцовъ сѣдыхъ!
всѣ лютои ужасной той години,
Предсказанной пророками издревле,
Когда идетъ съ ножомъ на брата братъ!

VIII.

„Василиса Мелентьева“.

Отъ смутной поры Островскій обратился еще далѣе назадъ, ко временамъ Грознаго, съ которымъ покойный Н. И. Костомаровъ не даромъ связывалъ внутреннее зло, бывшее причиною смуты. Мы разумѣемъ лживость. «Сѣмена этого порока, говорилъ Костомаровъ, существовали издавна, но были въ громадномъ размѣрѣ воспитаны и развиты эпохою царствованія Грознаго, который самъ былъ олицетворенная ложь. Создавши опричнину, Иванъ вооружилъ Русскихъ людей однихъ противъ другихъ, указалъ имъ путь искать милостей или спасенія въ гибели своихъ ближнихъ, казнями за явно вымышленныя преступленія приучилъ къ ложнымъ доносамъ, и, совершая для одной потѣхи безчеловѣчныя злодѣянія, воспиталъ въ окружающей его средѣ безсердечіе и жестокость. Изчезло уваже-

ніе къ правдѣ и нравственности, послѣ того какъ царь, который, по народному идеалу, долженъ быть блюстителемъ и того, и другого, устраивалъ въ виду своихъ подданныхъ такія зрѣлища, какъ травля невинныхъ людей медвѣдями, или всенародныя истязанія обнаженныхъ дѣвушекъ, и въ тоже время соблюдалъ самыя строгія правила монашествующаго благочестія. Въ минуту собственной опасности всякій человѣкъ естественно думаетъ только о себѣ; но когда такія минуты для Русскихъ продолжались цѣлыя десятилѣтія, понятно, что должно было вырости поколѣніе своекорыстныхъ и жестокосердыхъ себялюбцевъ, у которыхъ всѣ помыслы, всѣ стремленія клонились только къ собственной охранѣ, поколѣніе, для котораго, при наружномъ соблюденіи обычныхъ формъ благочестія, законности и нравственности, не оставалось никакой внутренней правды... Тяжелыя болѣзни людскихъ обществъ, подобно физическимъ, излѣчиваются нескоро, особенно, когда дальнѣйшія условія жизни способствуютъ не прекращенію, а продолженію болѣзненнаго состоянія; только этимъ объясняются тѣ ужасныя явленія смутнаго времени, которыя, можно сказать, были выступленіемъ въ наружу испорченныхъ соковъ, накопившихся въ старинную эпоху Ивановыхъ мучительствъ» *).

Эпохѣ Грознаго, какъ и смутной порѣ, приходилось неоднократно становиться предметомъ драматическаго воспроизведенія. (Стоитъ вспомнить бар. Розена, Мея, А. К. Толстого). У Островскаго относится къ ней трагедія «Василиса Мелентьева», по силѣ драматизма превосходящая соотвѣтственные труды его предшественниковъ, а также и его собственныя драматическія хроники. Немногими, но выдающимися чертами выказываютъ тутъ себя предшественники тѣхъ бояръ, коихъ видѣли мы въ его хроникахъ. Въ лицѣ Морозова и Воротынскаго они исполнены того самосознанія, котораго нельзя не назвать въ самомъ

*) Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, отд. I, стр. 565.

дѣлѣ благороднымъ. «Мы, говорить Морозовъ, князьямъ Московскимъ

Не слугами, совѣтчиками были:
Боярами князя держали землю,
Боярами творили судъ и правду,
Съ боярами сидѣли о дѣлахъ.
.
Не рабски мы служили, доброхотно,
И отъѣзжать была намъ вольнымъ воля—
Вотъ старые порядки наши! Царь
Не любить ихъ, ну, значить, не по праву
Ему и мы. Ему холопы нужны!»

Негодую на кн. Курбскаго за то, что онъ только подводитъ другихъ, раздражая Грознаго изъ-за угла, кн. Воротынскій видитъ главный корень зла въ совѣтчикѣ царскомъ Малютѣ и, въ пылу негодованія, громко говорить боярамъ:

Коль итъ стыда у васъ, князей природныхъ,
Передъ Малютой рабски унижаться,
Коль вамъ ума и словъ не достаетъ
И смѣлости заговорить въ защиту
Головъ своихъ и чести,—Воротынскій
На царскій судъ Малюту позоветъ,
И передъ трономъ грознаго владыки
Тягаться стануть о боярской чести:
Сѣдой старикъ, израненный врагами,
Въ бронѣ стальной и княжескомъ шеломѣ
И злой бѣсоугодникъ въ черной рясѣ
Съ боярской кровью на рукахъ!..

Но что же! Когда Малюта, предупредивъ Воротынскаго, взвелъ на него поклепъ въ измѣнѣ и волшебствѣ, за то, что Воротынскій одинъ изъ всѣхъ бояръ не удостоилъ Малюту поклона, только у Морозова и хватаетъ духу выступить передъ Грознымъ на защиту Воротынскаго; всѣ же остальные бояре, при одной угрозѣ царя отказаться отъ власти, падаютъ на колѣни и вопіютъ:

Казни, кого желаешь! мы слагаемъ
Всѣ головы у ногъ твоихъ. Отказомъ

Отъ царскаго престола не губи
Рабовъ твоихъ, сиротъ безвинныхъ!

Чувствуя себя сильнымъ отъ ихъ разъединенія, Грозный, совершенно согласно съ духомъ его писемъ къ Курбскому, не противопоставляетъ боярскимъ вождедѣнїямъ и затѣямъ никакой идеи; онъ уже вполнѣ порвалъ съ тѣми преданїями земской Руси, которыя проявили свою силу во времена Сильвестровскїя и Адашевскїя; онъ не ищетъ никакой другой опоры, кромѣ той самодовлѣющей власти, которая и внушаетъ ему слова:

На свѣтъ нѣтъ славнѣ насъ, владыкъ,
Отъ Августа мы родъ ведемъ. Извѣчный
Я государь—произволенъ Божьимъ,
Не человѣческой мятежной волей!

Онъ не соглашается отпустить царевича Феодора на королевство, считая его слишкомъ слабымъ, чтобы обуздать многомятежный духъ пановъ и рыцарства. Онъ рассчитываетъ самъ принять Польскую корону, онъ мечтаетъ даже о власти въ цѣломъ Славянскомъ мїрѣ, опять-таки безъ малѣйшей опоры въ идеѣ, противоположной панству и рыцарству, вполнѣ полагаясь на власть, понимаемую въ чисто Византійскомъ смыслѣ, въ смыслѣ ея обожествленія, постановленія ея въ уровень съ властью небесною.

Да будетъ
Единое стадо и единый пастырь,
Единый Господь на вышнихъ небесахъ,
Единый царь во всѣхъ земляхъ Славянскихъ!

При такомъ самообожествленїи, онъ далекъ отъ того, чтобы требовать отъ себя и божественнаго совершенства, хотя на это-то и дается человѣку право словами Спасителя: «будите убо вы совершенни, яко же совершенъ есть отецъ вашъ небесный». Онъ живетъ на всей волѣ своихъ страстей, онъ прямо говоритъ Василисѣ Мелентьевой:

Я человекъ, я рабъ грѣха и плоти.
Ты, грѣшница съ лукавыми глазами,

Съ манищимъ смѣхомъ на устахъ открытыхъ,
Чего боишься? Я тебя не на духъ
Зову къ себѣ! За блудное житье
Эпитимья не наложу тяжелой.
Не постникъ я! Подвижниковъ смиренныхъ
Постомъ и бдѣньемъ испигая лица
Вамъ, грѣшнымъ бабамъ, видѣть тяжело;
Я тоже слабъ своей грѣховной волей
И ежечасно помысломъ не чистъ,
И разговоромъ срамнымъ согрѣшаю,
Какъ вы же, бабы молодья—
Тебѣ бояться нечего меня.

Тутъ, въ подобныхъ дѣлахъ, ему даже нравится смѣлость въ обращеніи съ нимъ; при подобнаго рода смѣлости ему «веселѣе». Царица для него слишкомъ скромна, боязлива. Къ тому же онъ, можетъ быть, и чувствуетъ остаткомъ совѣсти то, что она говоритъ на-единѣ съ собою:

Придешь къ царю съ слезами и любовью;
Отъ царскихъ рукъ людскою пахнетъ кровью.

Ему, разумѣется, ни почемъ измѣнить царицѣ, на томъ одномъ основаніи, что она «съ тѣла спала», а онъ «не любить худыхъ». Но еще болѣе улыбается ему мысль возвести Василису прямо въ царицы. Онъ чувствуетъ, что ужь она-то не станетъ въ немъ шевелить ничего похожего на совѣсть, что, поблажая ему, она не станетъ «тушить его гнѣвъ», а «будетъ скорѣе его разжигать». Устранить тихую, но и смѣлую вмѣстѣ съ тѣмъ царицу, смѣлую въ самомъ неприятномъ для него смыслѣ—въ смыслѣ ходатайства за опальныхъ бояръ, Грозному ни по чемъ. На то у него и есть тутъ «песъ», какимъ величаетъ себя самъ Малюта, внушающій и другимъ боярамъ, что они только «псы государевы». Малюта умѣетъ возбудить въ Грозномъ къ постылой ужь царицѣ особаго рода ревность—тѣмъ, что, еще и не думая быть царицею, она любила, будто бы, человѣка, котораго и на свѣтѣ-то уже нѣтъ, сына только что казненнаго, по навѣтамъ того же Малюты, кн.

Воротынскаго. Грозный и въ этомъ готовъ видѣть все ту же измѣну себѣ, то же нарушеніе своихъ правъ. Свидѣтелемъ противъ царицы является человекъ, готовый на все, ради выгоды продавшій свою душу Малютѣ. Онъ, что называется, «изъ молодыхъ, да ранній». Его-то, благодѣтельствовавнанаго тѣмъ самымъ Воротынскимъ, котораго считала своимъ названнымъ отцомъ и царица, его-то, Андрея Колычева, а вовсе не молодого Воротынскаго, и любила когда-то она, чистосердечно и сознающаяся царю въ этомъ. Колычева спасаетъ, должно быть, то, что онъ любимецъ Малюты и что чистосердечная нота прозвучала царю въ его словахъ:

Не мало вина на мнѣ передъ тобою
И передъ Господомъ грѣховъ великихъ,—
За тѣ казни, а этой нѣтъ вины.

Грозный отнимаетъ отъ ноги Колычева свой востроконечный посохъ, уже занесенный имъ на нее. Онъ не чувствуетъ, что, въ самомъ дѣлѣ не любя царицу, Колычевъ страстно любить ту, которой *теперь* быть царицей,—Василису Мелентьеву, а такимъ образомъ прямо становится соперникомъ царскимъ. Но участь прежней царицы уже рѣшена. Не позволяя женѣ и въ прошедшемъ того, что позволяетъ самому себѣ въ настоящемъ, карая ее и за *мысли*, при полнѣйшемъ разрѣшеніи самому себѣ на *дѣла*, Грозный является перенесеннымъ на историческую почву старымъ излюбленнымъ типомъ Островскаго, тѣмъ типомъ, съ которымъ по преимуществу и имѣлъ дѣло Добролюбовъ. Но есть, однако, и большая разница въ этомъ видоизмѣненіи типа на исторической почвѣ. Вспомнимъ, что Грозный говоритъ:

.... Да, она виновна, знаю.
Державный Генрихъ, Аглицкій король,
Отецъ сестры моей Елизаветы,
Двухъ королевъ казнилъ. У насъ другіе
Обычаи. Заговарятъ въ народѣ,
Митрополитъ что скажетъ....

Это, конечно, въ теченіе всей трагедіи единственный признакъ сознанія своей отвѣтственности въ Грозномъ, признакъ, усмотрѣнный въ немъ Островскимъ, и ярко отличающій его отъ тѣхъ самовластныхъ людей, какіе являлись передъ нами въ комедіяхъ Островскаго... Тѣ ни какой уже отвѣтственности не знаютъ.

Но хотя Грозный, по словамъ Василисы, «не далъ воли своимъ рукамъ, не уходилъ костью плаксивую царю Анну», Василиса вѣрно рассчитываетъ на то, что онъ будетъ радъ, если мѣсто для нея, Василисы, освободится какимъ нибудь другимъ способомъ. Не кто другой, какъ она сама, беретъ на себя самозванную казнь надъ царией-разлучницей, стоящей поперекъ дороги ея властолюбію. Исполнителемъ же этой казни выбираетъ она того самаго Колычева, котораго дѣлаетъ ей подневольнымъ безумная его страсть къ ней. Только что пощаженный царемъ, онъ, въ пылу этой страсти, рѣшается отнести царицѣ кубокъ съ ядомъ, не потому, чтобы думалъ этимъ выслужиться передъ царемъ, какъ человѣкъ, угадавшій его желанія, а потому, что Василиса втолковала ему, будто царь, по устраненіи постылой жены, добудетъ себѣ другую, милую; она же, Василиса, освобожденная тѣмъ отъ его непрощенной ласки, достанется Колычеву. Василиса, правда, говоритъ ему, будто бы такъ приказалъ Милота, но на этотъ разъ имъ руководить не тотъ холодный расчетъ выслуживающагося человѣка, который притупилъ въ немъ лучшія свойства молодости, а та, единственно и уцѣлѣвшая въ немъ отъ молодости, горячая страсть, которая такъ и слышится въ его словахъ Василисы:

Запомни ты! Свершивши это дѣло
Грѣховное, я буду господиномъ,
А ты моей рабой. Заставлю я
Не ласкою, а грознымъ словомъ тѣшить
Любовь мою и норозъ молодецкій—
Женой возьму къ себѣ, въ свой домъ....

Царица устранена, но не для кого либо другого, какъ именно для Василисы, которой нужна не любовь безза-

вѣтно отдавапгагося ей юноши, а тѣ стариковскія ласки, которыя доставляютъ ей положеніе царицы. Колычеву пришлось бы стать потайнымъ соперникомъ Грознаго, на что уже, разумѣется, не въ силахъ его подтолкнуть никакая молодость, и на что тѣмъ еще менѣе подастся она сама. Отъ самой же Василисы и узнавая, для *кого* имъ устранена прежняя царица (онъ, впрочемъ, не былъ въ силахъ не проговориться ей, что въ кубкѣ ядъ, но она его все-таки выпила);—узнавая это отъ самой Василисы, Колычевъ оказывается такимъ образомъ ничѣмъ не вознагражденною жертвою угрызений совѣсти. Зато Грозный достигаетъ цѣли, избавляясь на этотъ разъ и отъ нихъ, такъ какъ и не думаетъ добираться до того, какимъ образомъ устранена прежняя царица. Одна бѣда, — Василиса своимъ бредомъ о бывшей царицѣ напоминаетъ и ему самому про тѣ тѣни, которыя такъ часто ему мерещатся. Въ томъ же бреду она даже прямо говоритъ царю про преслѣдующую ее тѣнь:

Вольно же ей въ полночный часъ являться!
Ужь это мнѣ, помидуй, не подь силу.
Туть женскихъ силъ не хватить. Ты скажи мнѣ:
Къ тебѣ *они* приходятъ ночью?

ЦАРЬ.

Кто?

Василиса.

Убитые тобою: князь Владиміръ,
Михайло Воротынскій, Евдокія.

ЦАРЬ (встаетъ въ испугѣ, оглядывается
посторонамъ)

Молчи, языкъ тебѣ я вырву. Къ ночи
Заводишь ты такую рѣчь. Навличешь!
Храни Господь! Надъ нами крестна сила
Великая! Чуръ! Наше мѣсто свято!
Безумная! Да развѣ я убійца?
Я судія; по данной Богомъ власти,
Караю злыхъ, крамольныхъ, лиходѣевъ,
И жалую покорныхъ вѣрныхъ слугъ

Объясненія съ Василисой, которая не хочетъ уходить къ себѣ въ опочивальню, и требуетъ, чтобы царь сидѣлъ тутъ до свѣту съ ней, приводятъ уже къ тому, что Грозный хватается за свой ножъ. Но Василиса его поражаетъ тѣмъ, что ни мало его не боится. Этимъ отчасти пробуждаются въ немъ тѣ, еще не вовсе заглушія, человѣческія чувства, пробужденіе которыхъ мы замѣчали и у нѣкоторыхъ типическихъ героевъ комедій Островскаго. Когда Василиса тутъ же и укладывается спать, требуя, чтобы царь покрылъ ей ноги своимъ кафтаномъ, онъ уже окончательно озадаченъ, говоря:

... Да ты въ умѣ ли?
Иль хочешь ты, чтобъ свѣтъ перемѣнился,
Чтобъ къ ястребу сгертятнаку подь крылья
Безъ страха жалась кроткая голубка?
Чтобъ онъ своимъ кривымъ кровавымъ влювомъ
Ей перушки любовно разбиралъ.

А между тѣмъ онъ исполняетъ ея желаніе; она засыпаетъ, а онъ съ какою-то странною нѣжностью останавливается надъ ней, говоря:

... Ну, спи, Господь съ тобой!
.
Ты, глухая, отъ соннаго мечтанья,
Отъ темноты пустой, отъ мертвецовъ,
Незлюбивыхъ, безкровныхъ, безтѣлесныхъ
Ко мнѣ бѣжишь искать защиты, къ звѣрю,
Къ мучителю! Кругомъ меня трепещутъ
Всѣ близкіе—всѣ ненавистью дышать,
Злорадно ждуть и крестятся тихонько
Въ моемъ дворцѣ, въ углахъ, моимъ иконамъ,
Чтобъ старья, дрожащія, больныя,
Державныя окостенѣли руки,
Которыя держали въ смертномъ страхѣ
Злодѣйскія, крамольныя ихъ души....
.
Люби меня, и лаской молодою
Напомни мнѣ жену мою Настасью!
Люби меня, и въ сердцѣ оскотѣломъ
Богъ дастъ опять откликнется былосъ,
Забытое и излитое счастье.

Но ему ли мечтать о счастья — о единственномъ настоящемъ, о чистомъ душевномъ счастье? Нѣтъ, двери этого рая навсегда заграждены для него огненнымъ мечомъ херувима. Она бѣжала къ нему подъ крыло только потому, что слишкомъ истомилась отъ своихъ страшныхъ грезъ. А затѣмъ онъ ей дорогъ, какъ царь, во власти котораго сдѣлать ее царицей. Она вѣдь такъ и говоритъ ему:

Повластвовать хочу, повеличаться.
Хоть девъ, да мой, а тамъ хоть умереть.
И умереть-то хорошо царицей.

Да ей и приходится умереть—даже ранѣе, чѣмъ она могла бы подумать. Уста ея, въ присутствіи стоящаго надъ нею все въ томъ же обаяніи царя, невольно шепчутъ любимое имя—не его, разумѣется, имя, а имя Андрея. Колычевъ между тѣмъ тутъ какъ тутъ со своимъ Малютою. Онъ, разумѣется, понимаетъ, что, коль скоро произнесено ею его имя, ему уже не снести своей головы. И вотъ онъ—все равно погибать!—совершаетъ на глазахъ у царя свою страшную мечь—самосудъ надъ Мелентьевой. Царь, повидимому, доволенъ, онъ говоритъ:

Вотъ славно, вотъ спасибо!
Андрюшка, ты слуга хорошій! Только
Ты старому мнѣ въ слуги не годишься:
Не даромъ же тобою бабы бредать.

.
А женскій родъ по заячьи трусливъ,
По кошечьи блудливъ.—Возьми, Малюта,
И прибережь Андрюшку Колычева
Отъ нашихъ глазъ куда нибудь подальше...
Хоть въ тотъ же гробъ, гдѣ Василиса будетъ!

Это та-же ужасающая иронія Грознаго, которой исполнена и народная пѣсня, и Лермонтовская пѣсня о купцѣ Калашниковѣ. Этимъ и кончается драма, почему-то не названная у Островскаго трагедіей. Не трудно замѣтить, что въ ней уже вполне сказывается смута нравственная, рано или поздно долженствовавшая произвести и смуту политическую, разшатать государство въ самыхъ его осно-

ваніяхъ, такъ разшатать, что единственнымъ для него спасеніемъ могли оставаться только тѣ земскіе устои Руси, преимущественно отдаленныхъ ея концовъ, куда не успѣла проникнуть зараза окончательнаго развращенія, да тѣ устои церковные, въ которыхъ сказывался еще несдающійся духъ митрополита Филиппа.

«Василисой Мелентьевой» заканчивается у Островскаго рядъ историческихъ произведеній большого размѣра и величаваго пошиба. Попытки возвращенія на историческую почву и на почву народныхъ преданій и быта встрѣчаются, правда, у него и позже, но главнымъ образомъ съ этихъ поръ онъ опять посвящаетъ свои силы драматическому воспроизведенію современнаго общества.

IX.

„На всякаго мудреца довольно простоты“. — **„Горячее сердце“.** — **„Вѣшенныя деньги“.** — **Не все коту масляница“.** — **„Лѣсъ“.**

Вернувшись къ своему преобладающему роду, Островскій въ томъ же 1868 г. пишетъ большую пяти-актную комедію: «На всякаго мудреца довольно простоты». Она произвела не особенно благоприятное впечатлѣніе, а у одного изъ почтенныхъ провинціальныхъ литературныхъ дѣятелей (Г. Г-скаго въ Нижнемъ Новгородѣ) вызвала даже такую замѣтку, въ которой указывалось на положительный упадокъ таланта Островскаго. Объясняется это, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что пошибъ этой комедіи отзывается нѣсколько Щедринымъ; но что хорошо въ сатирѣ, то не совсѣмъ умѣстно въ комедіи. Кое-что отзывается тутъ если не карриатурой, то шаржемъ. Странное впечатлѣніе производитъ тутъ и самая неопредѣленность мѣста дѣйствія. Оно, судя по содержанію, не въ провинціи, а въ какомъ-то, такъ сказать, столичномъ городѣ

Глуновъ. Время дѣйствія также не указано, но по содержанию ясно, что это—шестидесятые года, когда озлобленные и простоватые консерваторы сталкивались съ немнѣе простоватыми либералами, понимавшими однако, что съ либерализмомъ, пожалуй, и на службѣ-то дальше уйдешь; когда вокругъ тѣхъ и другихъ увивались, смотря по надобности, различные ловцы рыбы въ мутной водѣ. Вотъ такой-то ловець и выведенъ передъ нами въ лицѣ Глумова—этого «мудреца», недоучившагося нигдѣ, но не лишеннаго извѣстныхъ способностей, умѣющаго и говорить, и даже писать, и рассчитывающаго составить себѣ карьеру посредствомъ служебнаго искательства и выгодной брачной аферы. Милая маменька Глумова, строчащая, по его предписанію, письма со сплетнями про его соперника, вотъ какимъ образомъ характеризуетъ дѣтство своего сына: «Тихій, такой тихій былъ, что удивленіе. Ужь никогда, бывало, не забудеть у отца, или у матери ручку поцѣловать; у всѣхъ бабушекъ, у всѣхъ тетушекъ разцѣлуетъ ручки. Даже, бывало, запрещаешь ему—подумають, что варочно научили; такъ потихоньку, чтобъ никто не видалъ, подойдетъ и поцѣлуетъ. А то одинъ разъ, было ему пять лѣтъ, вотъ удивилъ то онъ насъ всѣхъ! Приходить по утру и говорить: «какой я видѣлъ сонъ! Слетаютъ ко мнѣ, къ кроваткѣ, ангелы и говорятъ: люби папашу и мамашу и во всемъ слушайся! А какъ вырастешь большой, люби своихъ начальниковъ. Я имъ сказалъ: ангелы! я буду всѣхъ слушаться». Удивилъ онъ насъ, ужъ такъ обрадовалъ, что и сказать нельзя. Такимъ образомъ рекомендуетъ его маменька дядюшкѣ Мамаеву, съ которымъ этотъ послушный духовидецъ ухитряется устроить себѣ яко бы неожиданную встрѣчу, чтобы не возбудить въ старикѣ опасенія какого либо посягательства на его родственннй карманъ. Милый молодой человекъ ухаживаетъ вслѣдъ за тѣмъ за г-жею Мамаевою—даже прямо съ разрѣшенія самого дядюшки, который находитъ, что свой человекъ въ такой роли будетъ все-таки надежнѣе чужого. Дѣло въ томъ, что Глумову нужна протекція—не

только дядюшкина, но и тетюшкина. Дядюшка—консерваторъ и друзья его, понятнымъ образомъ, консерваторы, у тетюшки же имѣются связи и съ однимъ изъ выдающихся либераловъ. Дядюшка исповѣдуются передъ племянникомъ уже при первомъ своемъ знакомствѣ съ нимъ (у него же на квартирѣ, куда этого дядю, любителя подыскивать себѣ новыя помѣщенія, завезъ какъ бы невзначай слуга его, подкупленный Глузовымъ). «Отчего нынче прислуга нехорошая? говорить разболтавшійся старикъ. «Оттого, что свободна отъ обязанности выслушивать поученія. Прежде, бывало, я у своихъ подданныхъ *) во всякую малость входилъ. Всѣхъ поучалъ отъ мала до велика. Часа по два каждому наставленія читалъ; бывало, въ самыя высшія сферы мышленія заберешься, а онъ стоитъ передъ тобой, постепенно до чувства доходить, одними вздохами, бывало, онъ у меня истомится. И ему на пользу, и мнѣ благородное занятіе. А нынче, послѣ всего этого... Вы понимаете, послѣ чего?» И читатель, конечно, хорошо пойметъ это характерное: «послѣ чего?» Таковъ же и пріятель Мамаева, старикъ Крутицкій, — «очень важный господинъ». — Мамаевъ раскрываетъ передъ нимъ свою душу, говоря: «да, мы куда-то идемъ, куда-то ведутъ насъ; но ни мы не знаемъ, куда, ни тѣ, которые ведутъ насъ. И чѣмъ все это кончится?» — Я, знаете ли, смотрю на все это, какъ на легкомысленную пробу, отвѣчаетъ Крутицкій, и особенно дурного ничего не вижу. Нашъ вѣкъ по преимуществу легкомысленный. Все молодо, неопытно, дай то попробую, другое попробую, то передѣлаю, другое перемѣню. Перемѣнять легко. Вотъ возьму да поставлю всю мебель вверхъ ногами, вотъ и перемѣна. Но гдѣ же, я васъ спрашиваю, вѣковая мудрость, вѣковая опытность, которая поставила мебель именно на ноги?» — Онъ, по его словамъ, не видитъ во всемъ этомъ «ничего особенно дурного», а между тѣмъ у него

*) Очевидно, у бывшихъ вѣрнопостныхъ.

сложился въ головѣ прожектъ противъ «всего этого», редакцію котораго поручаетъ онъ такому владѣющему перомъ, какъ Глумовъ. Тотъ прежде всего предлагаетъ слово *прожектъ* замѣнить другимъ—*трактатъ*. «Прожектъ, поясняетъ онъ ему, когда что нибудь предлагается новое; у вашего превосходительства, напротивъ, все новое отвергается... и совершенно справедливо, ваше превосходительство».—Соглашаясь на «трактатъ», Крутицкій доволенъ и самымъ изложеніемъ своихъ мыслей у Глумова. «Любопытствую знать, говоритъ онъ, какъ вы начинаете экспликацію моей главной цѣли. «Артикуль 1. Всякая реформа вредна уже по своей сущности. Что заключаетъ въ себѣ реформа? Реформа заключаетъ въ себѣ два дѣйствія: 1) отміну стараго и 2) поставленіе на мѣсто онаго чего либо новаго. Какое изъ сихъ дѣйствій вредно? И то и другое одинаково: 1) отменяя старое, мы даемъ просторъ опасной пытливости ума проникать причины, почему то или другое отменяется, и составлять таковыя умозаключенія: отменяется нѣчто непригодное; такое-то учрежденіе отменяется, значить, оно непригодно. А сего быть не должно, ибо симъ возбуждается свободомысліе и дѣлается какъ бы вызовъ обсуждать то, что обсужденію не подлежитъ». «Складно, толково», рѣшаетъ Крутицкій. Понятно, что онъ очень доволенъ Глумовымъ, такъ прекрасно приложившимъ свою руку къ его трактату, а Глумовъ еще и подѣзжаетъ къ нему: «вашимъ превосходительствомъ весьма сильно выражена прекрасная мысль о томъ, что не слѣдуетъ увеличивать содержаніе чиновникамъ и вообще улучшать ихъ положеніе, что напротивъ надо значительное увеличеніе жалованья предсѣдателямъ и членамъ»... «Увеличеніе окладовъ старшимъ, читаетъ онъ уже прямо изъ трактата, можетъ быть произведено на тотъ конецъ, дабы сіи наружнымъ блескомъ поддерживали величіе власти, которое должно быть ей присуще. Подчиненный же, сытый и довольный, получаетъ несвойственныя его положенію осанистость и самоуваженіе, тогда какъ, для успѣшнаго и стройнаго теченія дѣлъ, под-

чиненный долженъ быть робокъ и постоянно трепетенъ». Ну какъ не согласиться, что это прямо отзывается Щедринымъ, и что Крутицкій черезъ-чуръ ужъ наивенъ, не разглядывая ироніи въ подобной передачѣ своихъ мыслей, а равно и искусственнаго, дѣланнаго смиренія въ обращеніи съ собою Глумова. «Коли куришь, такъ кури», говоритъ ему Крутицкій—Я не курю, ваше превосходительство. А впрочемъ, какъ прикажете?—«Вотъ еще! Мнѣ-то какое дѣло! Дядя не видалъ твоей работы?»—Какъ можно, какъ же бы я осмѣлился!—«Ну, то-то же. Онъ только говоритъ, что уменъ, а вѣдь онъ болванъ совершенный».—«Не смѣю спорить съ вашимъ превосходительствомъ». Не достаесть только, чтобы Глумовъ иронически прибавилъ къ этому: «и съ пріятелемъ моего дядюшки».

На весьма, конечно, натуральный вопросъ Крутицкаго: «ты служишь?» (Съ его ли, въ самомъ дѣлѣ, способностями не служить?) Глумовъ отвѣчаетъ, что поступаетъ на службу по протекціи тетушки. Она замолвила о немъ слово Городулину, «молодому, но важному господину» (какъ сказано въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ). «Вотъ еще нашли человѣка, замѣчаетъ Крутицкій. Опредѣлить онъ тебя! Ты ищи прочнаго мѣста, а эти всѣ Городулинскія-то мѣста скоро опять закроются, вотъ увидишь».—Я не по новымъ учрежденіямъ», не то объясняется, не то оправдывается Глумовъ. Крутицкій хочетъ дать ему письма въ Петербургъ, но Глумовъ, желая, должно быть, окончательно задобрить его откровенностью, сознается: «я лѣнивъ былъ учиться, ваше превосходительство». Но по мнѣнію Крутицкаго это не важно: «очень-то заучишься, такъ, пожалуй, и хуже». Глумовъ, попавъ уже на почву откровенности, продолжаетъ каяться: «Въ молодости грѣшки, увлеченія... По кучиваль, ваше превосходительство», слѣшить онъ однако же успокоить Крутицкаго, увѣренный, надо думать, въ томъ, что тотъ отвѣтитъ на это: «и только?»—«Что жь, это даже очень хорошо, продолжаетъ важная особа. Въ молодыхъ лѣтахъ надо пить, кутить. Чего тутъ стыдиться? Вѣдь ты не барышня». Онъ даже тутъ

же соглашается быть посаженным отцом у Глумова, полагая, должно быть, что не только для службы, но и для семейной жизни, грѣхи молодости въ видѣ пьянства, кутежа, а, пожалуй, и чего-нибудь похуже, пожалуй, и со слѣдами прежней жизни въ организмъ — просто плевое дѣло! Тотъ же Крутицкій соглашается съ тетужкой Глумова, что «нынче и молодежь-то хуже стариковъ», и плачется о томъ, что «никакой поэзіи нѣтъ, никакихъ благородныхъ чувствъ». «Я думаю, продолжаетъ онъ, это оттого, что на театрѣ трагедій не даютъ... У меня прожектъ написанъ объ улучшеніи нравственности въ молодомъ поколѣніи. Для дворянъ трагедіи Озерова, для простого народа продажу сбитня дозволить. Мы, бывало, всѣ трагедіи наизусть знали, а нынче скромно!.. Оттого въ насъ и рыцарство было, и честность, а теперь однѣ деньги».

Другая, важная, хотя и молодая еще, особа, въ которой заискиваетъ Глумовъ черезъ тетужку—это уже если не либеральныхъ дѣлъ, то либеральныхъ словъ мастеръ. Но онъ нуждается тутъ въ посторонней помощи—и вотъ, по недостатку времени, Городулинъ обращается къ Глумову по дѣлу изготовленія спича. Бесѣда съ нимъ, однакоже, начинается казеннымъ вопросомъ: «вы служите?»— «Служилъ, теперь не служу, да и не имѣю никакой охоты», развязно отвѣчаетъ Глумовъ, очень хорошо понимая, что именно развязность тутъ и нужна. Далѣе Глумовъ краснорѣчиво распространяется о томъ, что требуется для успѣховъ на службѣ въ заурядномъ ея значеніи: «не разсуждать, когда не приказываютъ, смѣяться, когда начальство вздумаетъ съострить, думать и работать за начальниковъ и въ тоже время увѣрять ихъ со всевозможнымъ смиреніемъ, что я, молъ, глупъ, что все это вамъ самимъ угодно было приказать. Кромѣ того, нужно имѣть еще нѣкоторыя лакейскія качества, конечно, въ соединеніи съ извѣстной долей граціозности: напимѣръ, вскочить и вытянуться, чтобы это было и подобострастно, и холопски, а вмѣстѣ съ тѣмъ благородно, и прямолинейно. и граціозно. Когда начальникъ пошлетъ за чѣмъ-нибудь, надо

умѣть производить легкое порханье, среднее между га-лопомъ, маршъ-маршъ и обыкновеннымъ шагомъ». Горо-дулинъ въ восторгѣ отъ такой сатирической характери-стики, не воображая, что тутъ моделью служилъ самъ Глумовъ въ минуты своего ухаживанія за Крутицкимъ. Зато теперь онъ становится въ позитуру и говоритъ: «дайте мнѣ такую службу, гдѣ бы я могъ лицомъ къ ли-цу стать съ моимъ меньшимъ братомъ. Дайте мнѣ воз-можность самому видѣть его насущныя нужды и удовле-творять имъ скоро и сочувственно».

Городулинъ. Отлично, отлично. Вотъ ужъ и это за-пишите! Какъ я васъ понимаю, такъ вамъ, по вашему чест-ному образу мыслей, нужно мѣсто зрителя или эконома въ казенномъ или благотворительномъ заведеніи?

Глумовъ. Куда угодно. Я работать не прочь и буду работать прилежно, сколько силъ хватить, но съ однимъ условіемъ, чтобы моя работа приносила дѣйствительную пользу, чтобы она увеличивала количество добра, нужнаго для благосостоянія массы. Переливать изъ пустого въ порож-нее, считать это службой и получать отличія—я несогла-сенъ.

Городулинъ. Ужъ и это бы кстати: «Увеличивать количество добра». Прелестъ!

Глумовъ. Хотите, я вамъ спичъ напишу?

Но вѣдь Городулинъ этого только и добивался. Онъ тутъ же почти и объявляетъ Мамаевой: «черезъ двѣ не-дѣли онъ будетъ опредѣленъ». А она отвѣчаетъ на это: «черезъ двѣ недѣли я васъ поцѣлую». Но Городулинъ, сверхъ того, спѣшить замолвить за Глумова слово Турусин-ной, у которой дочь невѣста. То же дѣлаетъ съ своей стороны и консерваторъ Крутицкій. Но у Глумова пущена на этотъ счетъ въ дѣло и юродивая гадалыщица Мане-еа, нѣчто въ родѣ знаменитой когда-то въ Петербургѣ Марѳуши, или Московскаго, не менѣе знаменитаго, Ивана Яковлевича въ юбка.

Какъ эта гадалыщица, такъ и приживалки Турусинной и сама Турусина — своего рода комическая Магдалина —

нарисованы довольно топорно, нѣсколько каррикатурно. Дѣло, такъ хитро задуманное Глузовымъ, однакожь не выгораетъ. Во всемъ виноватъ его проклятый дневникъ. И безъ того уже въ душѣ недовольная, разумѣется, ухаживаніемъ племянника за m-elle Турусиной, тетюшка Мамаева, найдя этотъ дневникъ раскрытымъ у него на столѣ и перелиставъ его, окончательно разубѣждается такимъ чтеніемъ въ чувствахъ его къ себѣ, и рѣшается отомстить ему, при помощи того-же дневника. Стащивъ его со стола, она знакомитъ съ его содержаніемъ и Крутицкаго, и Городулина, раскрываетъ передъ Турусиной и подкупъ Глузовымъ Манеёвы, и проч. Такимъ образомъ, все пошло прахомъ, — и сватовство, и полученіе мѣста. Чтеніе вслухъ дневника Глузова напоминаетъ чтеніе письма Хлестакова въ «Ревизорѣ». Но Глузовъ, этотъ своего рода Хлестаковъ, только безъ Хлестаковской наивности, и не думаетъ унывать. «Я вамъ нуженъ, господа, преспокойно говоритъ онъ Городулинымъ и Крутицкимъ. Безъ такого человѣка, какъ я, вамъ нельзя жить. Будетъ и хуже меня, и вы будете говорить: эхъ, этотъ хуже Глузова, а все-таки славный малый.... Дѣйствительно, честному человѣку вы откажете въ протекціи, а за того поскочите хлопотать, сломя голову». И вѣдь онъ, пожалуй, и правъ. Онъ вѣдь тотъ-же Фамусовскій «дѣловой», только *дѣловой* на всѣ руки (дѣловымъ и называетъ его Крутицкій). У Глузова недаромъ сказывается и какое-то чувство собственнаго достоинства. «Васъ возмутилъ мой дневникъ, говоритъ онъ. Какъ онъ попалъ къ вамъ въ руки—я не знаю. На всякаго мудреца довольно простоты. Но знайте, господа, что пока я былъ между вами, въ нашемъ обществѣ, я только тогда и былъ честенъ, когда писалъ этотъ дневникъ!... Не знаю кто, но кто нибудь изъ васъ, честныхъ людей, укралъ мой дневникъ. Вы у меня разбили все: отняли деньги, отняли репутацію. Вы гоните меня и думаете, что это все—тѣмъ дѣло и кончится. Вы думаете, что я вамъ прощу. Нѣтъ, господа, горько вамъ достанется». И что же? У нихъ душа въ пятки ухо-

дить. Имъ не хватаетъ и того куражу, съ какимъ отвѣчалъ онъ самъ на угрозу Голытвина — напечатать про него статью, угрозу, соединявшуюся съ надеждою выманить у него этимъ деньги. А вѣдь у Глумова-то перо будетъ почище Голытвинскаго. И вотъ, Крутицкій приходитъ къ тому заключенію, что «наказать его надо, но черезъ нѣсколько времени можно его опять и приласкать». И Городулинъ и Мамаевъ соглашаются съ этимъ, а Мамаева заканчиваетъ комедію словами: «ужь это я возьму на себя».

Нужно ли говорить, что при всемъ шаржѣ въ этомъ произведеніи Островскаго, при перевѣсѣ въ немъ сатирическаго надъ комическимъ, оно, по своему замыслу, по заключающейся въ немъ жизненной правдѣ, вполне заслуживаетъ вниманія.

Новая пяти-актная комедія Островскаго: «Горячее Сердце» (1869 г.) переноситъ насъ, какъ это и прежде у него случалось, за тридцать лѣтъ назадъ въ тотъ-же провинціальный городъ Калиновъ, въ которомъ разыгрывается и «Гроза». При большомъ объемѣ, комедія эта отличается нѣсколько топорной работой. Основной ея интересъ—въ главномъ женскомъ лицѣ—Парашѣ, которой и принадлежитъ «горячее сердце». Но лицо это, весьма сочувственное, осталось психологически не довыясненнымъ, это скорѣе только талантливый намекъ на живое лицо.

Тутъ мы снова въ области самодурства, того же самаго, на деньгахъ основаннаго, передъ которымъ ни во что обращается тутъ и самое значеніе городничаго (столь грознаго, какъ извѣстно, у Гоголя). Не смотря на свои раны, имъ просто помыкаетъ именитый купецъ Курослѣповъ, которому отъ постояннаго пьянства кажется, что небо на землю валится, а часы бьютъ иногда пятнадцать. Городничему просто житья нѣтъ отъ того, что у Курослѣпова кто-то укралъ 2000 р. Вотъ онъ и спѣшитъ обвинить перваго попавшагося—сына недавно раззорившагося купца, Васю, на самомъ дѣлѣ повадившагося подъ вечеръ забираться въ садъ къ Курослѣпову не ради кражи, а ради свиданій

съ его дочкой—Парашей. Судь у пьянаго самодура и у покорнаго ему городничаго не дологъ—забрить Васѣ лобъ, и все тутъ. Когда же Параша, въ отчаяніи, бѣжитъ за своимъ Васей, отецъ требуетъ, чтобъ ее поймали и доставили къ нему съ солдатами на веревкѣ, а городничему приходится его уговаривать: «Что вы за нація такая? Отчего вы такъ всякій срамъ любите? Другіе такъ боятся сраму, а для васъ это первое удовольствіе! Честь-то, понимаешь ты, что значитъ, или нѣтъ?» Курслѣповъ отвѣчаетъ на это: «какая такая честь? Нажилъ капиталъ, вотъ тебѣ и честь. Что больше капиталу, то больше и чести». Между тѣмъ, тотъ же городничій весь въ рукахъ и у другого еще представителя такой же денежной чести, еще недавно вылѣзшаго изъ крестьянъ въ богатѣйшіе купцы, Хлынова. Денегъ у него куры не клюютъ, времени тоже дѣвать некуда, ну онъ и безобразничаетъ вполне безнаказанно. «Вотъ недавно придумалъ, рассказываетъ про него Вася, лѣтомъ въ саняхъ ѣздитъ по полю. Тутъ недалеко деревня; собрали двѣнадцать дѣвокъ и запрягли ихъ въ сани.... На каждую дѣвку дали по золотому. А то вдругъ на него хандра нападетъ: не хочу, говоритъ, пьянствовать, хочу о своихъ грѣхахъ казниться. Позоветь духовенство, посадить всѣхъ въ гостинной по порядку кругомъ на кресла и начнетъ подбивать, всѣмъ въ ноги кланяться; потомъ пѣть заставить, а самъ сидитъ одинъ посреди комнаты и горькими слезами плачетъ». Словомъ, точно будто бы подражаетъ Грозному. Къ счастью, есть у него «атютантъ, какъ выражается тотъ же Вася, мѣщанинъ Алистархъ». Тотъ «ничего его не боится, грубитъ ему и ругаетъ въ глаза. А Хлыновъ его за это даже любить... жить скучно, потому ничего онъ не знаетъ, какъ ему эти деньги истратить, чтобъ весело было. «Коли, горю, не будетъ у меня Листарха, стану ихъ такъ просто горстями бросать». Вотъ ему Алистархъ и нуженъ, чтобъ думать за него. А коли что самъ выдумаетъ, все нескладно». Этому-то Аристарху, доводящемуся крестнымъ отцомъ Парашѣ, и удастся подбить Хлынова на доброе

дѣло: онъ беретъ на поруки Васю и ставитъ за него на свои средства рекрута. Только достается это Васѣ не даромъ. «Быть тебѣ, говорить ему благодарѣтель, у господина Хлынова запѣвалой. Вотъ тебѣ и чинъ отъ меня».

Вася. Ужъ очень страмъ передъ своимъ братомъ, Тарасъ Тарасычъ.

Хлыновъ. А коли страмъ, братецъ, я тебя не неволю,—ступай въ солдаты.

Но дѣло не въ «своемъ братѣ,» а въ Парашѣ. Она готова была идти за нимъ, за солдатомъ. «Люди его обидѣли, все, все отняли, говорила она Аристарху... Что-жь! Онъ меня любить, можетъ, у него только одно это на свѣтѣ и осталось; такъ неужто я отниму у него эту послѣднюю радость... Чѣмъ мнѣ-то гордиться передъ нимъ? Развѣ онъ меня хуже?... Все равно, вѣдь ужъ мнѣ въ дѣвкахъ не оставаться. Выдадутъ, крестный. Развѣ мнѣ легче будетъ тѣшить какого нибудь купца-то пьянаго противъ своей воли? Не то, что по охотѣ, а, кажись бы, его ножомъ лучше зарѣзала! А тутъ, безъ грѣха, по любви». У Параша не только горячее сердце, у нея и пылкое, возвышенно настроенное воображеніе. Она заранѣе себѣ представляетъ Васю храбрымъ воиномъ, а себя вѣрною женою, пожалуй, даже молодою вдовою положившаго свою голову на полѣ брани. «Ничего ты своей головы не жалѣй, говорить она ему въ какомъ-то опьянѣніи своею мечтою; одинъ разъ умирать-то. По крайности, мнѣ будетъ плакать о чемъ. Настоящее у меня горе-то будетъ самое святое. А ты подумай, ежели ты не будешь проситься на сраженіе и переведутъ тебя въ гарнизонъ, начнешь ты баловать... Чтò тогда за жизнь моя будетъ? Самая послѣдняя. Горемъ назвать нельзя, а и счастья-то не бывало—такъ, подлость одна. Изомретъ тогда мое сердце на тебя глядя». И вотъ, — ей приходится увидѣть его чѣмъ-то въ родѣ шута у г. Хлынова! «Развѣ ты... струсилъ? спрашиваетъ она Васю. Отвѣчай! отвѣчай мнѣ! струсилъ ты? Обробѣлъ? Такой красивый, такой молодецъ, и струсилъ! Съ бубномъ стоять!... Вотъ когда я обижена. Чтò я? Чтò

я? Онъ — пласунъ, а я чтб. Возьмите меня ктонибудь! Я для него только жила, для него горе терпѣла. Я, богатаго купца дочь, солдаткой хотѣла быть, въ казармахъ съ нимъ жить, а онъ!!» Ее, стало быть, увлекала какая-то поэзія, какое-то сладострастіе своего рода мученичества, — и вдругъ такая развязка! Между тѣмъ все выходитъ наружу: деньги оказываются украденными женою Курослѣпова по требованію ея милого дружка, приказчика Наркиса. Вася ни въ чемъ не повиненъ, а отецъ согласенъ отдать Парашу за кого бы она ни вздумала. Но Параша такъ и не можетъ выйти изъ подъ оскорбительнаго для нея впечатлѣнія. «Боюсь, что онъ отъ жены въ пласуны уйдетъ, говоритъ она. И не пойду я за него, хоть осыпъ ты меня съ ногъ до головы золотомъ. Не умѣлъ онъ меня брать бѣдную, не возьметъ и богатую. А пойду я вотъ за него». Она указываетъ на молодого прикащика Курослѣпова по лавкѣ, Гаврилу, который не отставалъ отъ нея въ роковую минуту, сопутствовалъ ей во время ея скитальчества по слѣдамъ Васи. Она — вся порывъ, вся — увлеченіе сердцемъ, увлеченіе и воображеніемъ. «Я вѣрно знала, говоритъ она, что онъ меня любить будетъ. Одинъ день я его видѣла, а на всю жизнь душу ему повѣрю». Таковъ этотъ *набросокъ* характера вѣрный по своей основѣ, но мало, къ сожалѣнію, разработанный.

Новая 5-ти-актная комедія Островскаго: «Вѣшныя деньги» (1870 г.) опять переводитъ насъ изъ купеческаго міра въ дворянскій. Тутъ передъ нами, въ лицѣ Надежды Антоновны — та-же мамаша «Доходнаго Мѣста», только, такъ сказать, возведенная въ кубъ. Вотъ какъ она характеризуетъ своего супруга: «Онъ имѣлъ видное и очень отвѣтственное мѣсто; чрезъ руки его проходило много денегъ, и, знаете-ли, онъ такъ любилъ меня и дочь, что когда требовалась какая-нибудь очень большая сумма для поддержанія достоинства нашей фамиліи, или просто даже для нашихъ прихотей, онъ... онъ не зналъ различія между своими и казенными деньгами. Понимаете ли вы, онъ пожертвовалъ собою для святого чувства семейной любви.

Онъ былъ преданъ суду и долженъ былъ уѣхать изъ Москвы». У него оставалось большое имѣніе, но управлять приходилось уже «послѣ того»,—вы понимаете, читатель, послѣ чего? (повторяемъ вопросъ Мамаева). Тутъ нужно было попридержать свои вкусы, поограничить свои привычки, но, какъ у большинства нашихъ баръ, у г. Чебоксарова и милой его супруги, не хватило на то ни умѣнія, ни охоты. Въ началѣ комедіи они уже въ долгу, какъ въ шелку, но рассчитываютъ поправиться при выгодной партіи для дочери. «Вѣдь вы найдете средства выйти изъ этого положенія, говоритъ своей мамашѣ и сама Лидія, дѣвица уже двадцати пяти лѣтъ, вѣдь не покинемъ же мы Москву, не уѣдемъ въ деревню; а въ Москвѣ мы не можемъ жить, какъ нищіе! Такъ или иначе, вы должны устроить, чтобъ въ нашей жизни ничего не измѣнилось». Ей представляется выгодная партія съ Васильковымъ; она выходитъ за него, не любя его, но считая возможнымъ его полюбить, послѣ того, какъ онъ ей сдѣлалъ подарокъ въ три тысячи. Она, по крайней мѣрѣ, не лжетъ, а прямо такъ и высказывается ему въ глаза. Онъ и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ со средствами, но на ихъ аршинъ этихъ средствъ недостаточно. «Того, что вы называете состояніемъ, говоритъ ему его belle mère, довольно для холостого человѣка; этого состоянія ему достанетъ на перчатки. Что же вы сдѣлаете съ моей бѣдной дочерью?»—Я хотѣлъ сдѣлать ее счастливою и постараюсь этого достигнуть, отвѣчаетъ онъ. «Безъ состоянія? смѣшно» отвѣчаетъ мамал. Между тѣмъ, онъ уплачиваетъ за свою супругу 34,000 разнаго долга, но предупреждаетъ ее, что они должны будутъ переѣхать на небольшую квартиру и вообще постѣниться. Тутъ Лидія рѣшается на все: она вспоминаетъ о старомъ (въ буквальномъ смыслѣ) пріятелѣ ихъ, Кучумовѣ, человѣкѣ семейномъ, но съ юнымъ сердцемъ, и готова отдаться ему, считая его богатымъ. Дѣло въ томъ, что къ тѣмъ годамъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ новѣйшихъ критиковъ Островскаго, «купля-продажа перестала уже быть контрабандной торговлей втихомолку

въ семейныхъ уголкахъ подъ благовидною маскою законнаго брака, а выступила на базаръ, сдѣлалась публичнымъ, даже аукціоннымъ торгомъ, безъ всякихъ масокъ и околичностей. Теперь стали уже смотрѣть, какъ на глупость, не только на страсть, увлеченіе, но и на желаніе, со стороны нѣкоторыхъ старовѣрокъ, продать себя не иначе какъ въ формѣ законнаго брака. Почему не сдѣлаться и содержанкой, камеліей, если это оказывается выгоднѣе! И вотъ, является передъ нами новая героиня въ видѣ Лидіи Чебоксаровой *). Маман Лидіи сперва оскорбляется тѣмъ, что она называетъ Кучумова «папашей», но Лидія преспокойно ей замѣчаетъ: «Скажите! Стыдно? Я рѣшилась называть стыдомъ только бѣдность, все остальное для меня не стыдно... Вы желаете жить роскошно, какъ же вы можете ждать отъ меня стыда! Нѣтъ, ужъ вамъ поневолѣ придется смотрѣть кой на что сквозь пальцы. Такова участь всѣхъ матерей, которыя воспитываютъ дѣтей въ роскоши и оставляютъ ихъ безъ денегъ». На бѣду, и г. Кучумовъ только сохранилъ до старости всякія широкія привычки, только представляетъ, а, пожалуй, и воображаетъ себя богатымъ, на самомъ же дѣлѣ и онъ уже раззоренъ. Тутъ Лидія навязывается г. Телятеву, который къ тому же и помоложе Кучумова; но онъ откровеннѣйшимъ образомъ признается ей: «я вчера узналъ, что я долженъ тысячь до трехсотъ». — Куда же дѣвались деньги? недоумѣваетъ Лидія. Есть же онѣ у кого нибудь. — «У дѣловыхъ людей, отвѣчаетъ Телятевъ, которые даромъ ихъ не бросаютъ... Теперь и деньги-то умнѣй стали, все къ дѣловымъ людямъ идутъ, а не къ намъ. А прежде деньги глупѣй были. Вотъ именно такія деньги вамъ и нужны». — Какія? спрашиваетъ она — «Бѣшенныя. Вотъ и мнѣ доставались все бѣшенныя, никакъ ихъ въ карманѣ не удержишь. Знаете ли, я недавно догадался, отчего у насъ съ вами бѣшенныя деньги? Оттого, что не мы сами ихъ наживали. Деньги,

*) Женщины въ пьесахъ А. Н. Островскаго — А. Скабичевскаго (Сѣв. Вѣстн. 1887 г. Авг., стр. 161).

нажитыя трудомъ, деньги умныя». Лидіи остается только вернуться къ мужу и занять въ имѣніи, гдѣ живетъ его мать, положеніе, какъ она выражается, «экономки», т.-е. лица завѣдующаго домашнимъ хозяйствомъ. Впрочемъ, онъ не лишаетъ ея и надежды бывать съ нимъ повременамъ въ Петербургѣ. «Но узнайте, что я изъ бюджета не выйду», предостерегаетъ онъ ее и тутъ. Лидія сдается.

Типы дворянскіе опять начинаютъ чередоваться у Островскаго съ типами купеческими. Казалось, типъ самодура на финансовой почвѣ уже вполне имъ изчерпанъ, а между тѣмъ въ новыхъ сценахъ изъ Московской жизни: «Не все коту масляница» (1871 г.) нашъ драматургъ придаетъ этому типу еще нѣсколько новыхъ мастерскихъ штриховъ. Добролюбовъ не дожиль до этихъ сценъ, а въ нихъ было бы для него не мало поживы. Племянникъ богатаго купца Ахова и его же приказчикъ, Ипполитъ заранѣе знакомить насъ со своимъ дядюшкой, говоря: «Кругомъ насъ какое невѣжество-то свирѣпствуетъ, страсть! Каждый хозяинъ въ своемъ домѣ, какъ Султанъ Махмутъ Турецкій; только что головъ не рубить». Но вѣдь такъ же смотреть на себя въ сущности и самъ Аховъ. «Не страшень я, а грозень», говоритъ онъ племяннику, прямо утверждая, что Ипполитъ «кромѣ приказу да брани въ жизнь ничего отъ него не слыхиваль». По его убѣжденію, «страхъ имѣть, это для человѣка всего лучше». На вопросъ Агнии: «а вы имѣете?» онъ отвѣчаетъ со всею полнотою самосознанія: «а мнѣ предъ кѣмъ? Да и не надо, я и такъ уменъ. Мужчинѣ страхъ на пользу, коли онъ подначальный; а бабѣ—всякой и всегда». Когда Ипполитъ, требуя разсчета, пытается указать дядѣ на законъ, тотъ только плечами пожимаетъ. «Какой для тебя законъ писанъ, дуракъ? Кому нужно для васъ, для дряни, законы писать? Какія такія у тебя права, коли ты мальчишка и вся цѣна тебѣ грошъ? Ужъ очень много вы о себѣ думать стали! Написаны законы, а вы думаете, это про васъ. Мелко плаваете, чтобы для васъ законы писать». Самъ онъ въ своихъ глазахъ человѣкъ, такъ сказать, сверхза-

конный. Но что особенно отличает Ахова, это ясное сознание того, на чемъ основывается его сверхзаконность (беззаконнымъ, конечно, онъ бы себя не назвалъ, хотя въ сущности это вѣдь все равно). «Ты богатаго человѣка, говоритъ онъ Кругловой, коли онъ до тебя милостивъ, блюди пуще ока своего. Потому, ты своего достатка не имѣешь; нужда, или что, къ кому тебѣ кинуться?... Для нашего брата ежели что захотѣлось, дорогого нѣтъ; а у васъ, нищей братіи, ничего завѣтнаго нѣтъ; все продажное. И вдругъ изъ гроша рубль—поняла?... Коли вся жизнь-то, продолжаетъ онъ, обращаясь къ ея дочери, можетъ, не одной даже сотни людей въ нашихъ рукахъ, такъ какъ намъ съ тобой не возноситься? Всякому тоже пирожка сладенькаго хочется.... А что ужъ про тѣхъ, кому вовсе ѣсть нечего! Ой, [задешево людей покупали, ой, задешево! Повѣришь ли, иногда даже жалко самому станетъ]. И вѣдь сама Круглова наединѣ съ Агніей приходила-было къ его же исповѣданію вѣры, говоря: «душа-то у насъ коротка, передъ деньгами-то, пожалуй, и растаешь». Однако жъ на дѣлѣ оно у нея выходитъ не такъ. Круглова по собственному опыту слишкомъ хорошо помнитъ, что значить быть за самодуромъ за мужемъ, да и Агнію не склонить на подобный жребій никакими коврижками. Аховъ противенъ ей, хотя она и говоритъ: «онъ чѣмъ виновать? Какъ же ему не возноситься, когда ему всѣ покоряются». Вотъ она и подстрекаетъ Ипполита перестать ему покоряться, а заставить его заплатить себѣ разомъ за всѣ, почти задаромъ прослуженные у него, года. Ипполитъ въ самомъ дѣлѣ и прибѣгаетъ къ вѣрному противъ нѣкоторыхъ самодуровъ способу—застрачиванью ихъ неожиданною смѣлостью. Вооружившись ножомъ, онъ грозитъ Ахову, если тотъ не выдастъ ему 15 тысячъ, полоснуть по горлу—не его, а себя самого, и Аховъ невольно сдается передъ такою угрозою самоубійствомъ, за которое, какъ знать, при всей сверхзаконности такого денежнаго туза, придется, пожалуй, быть притянутымъ къ отвѣту. Но Аховъ все-таки не можетъ допустить, что бы и при капи-

талѣ въ 15000 Агнія могла предпочесть Ипполита ему — хотя и старику, но обладателю несмѣтныхъ сокровищъ. Онѣ совсѣмъ уже озадаченъ, когда Агнія, заранѣе сговорившись съ матерью, предоставляетъ ей рѣшеніе своей участи, а Круглова читаетъ ему такую отвѣдь: «если дашь ты мнѣ подписку, что умрешь черезъ недѣлю послѣ свадьбы, и то еще подумаю отдать дочь за тебя». Тутъ ужъ Ахову приходится сѣхатъ на выпрашиваніе себѣ хотя бы подобающаго ему почета.—Онѣ хочетъ придать дѣлу такой видъ, будто бы онѣ же и женить своего Ипполитку. Онѣ даже сулитъ этому Ипполиткѣ «награжденіе выше мѣры». Ахову нужно одно: «женихъ съ невѣстой, какъ изъ церкви, вся шестерня сѣрыхъ, какъ къ воротамъ—стой! А въ ворота чтобы не въѣзжать! И сейчасъ имъ дворникъ по метлѣ: и чтобы вымели они до крыльца... Ты не бойся (онѣ обращается къ Кругловой), чисто будетъ, еще до нихъ все выметутъ. А они чтобы только примѣръ показали. А я съ гостями буду на балконѣ стоять. Вотъ тогда я васъ прощу и въ честь васъ произведу. И будете вы у меня промежду всѣми гостями все равно, что равные». Но и тутъ приходится старому грѣховоднику ошибиться въ расчетѣ. «Да осыпь ты меня золотомъ съ ногъ до головы, съ чувствомъ окончательно торжествующаго собственнаго достоинства говоритъ ему Круглова, такъ я все-таки дочь свою на позорище не отдамъ. Ахову остается утѣшаться бранью да проклятьями. «Какъ жить? спрашиваетъ онѣ. Родства народъ не уважаетъ, богатству грубить смѣетъ!» Тутъ ужъ въ самомъ дѣлѣ самодурству нанесенъ ударъ, да еще какой! А все дѣло въ той силѣ устоя, которая такъ рѣшительно сказывается въ двухъ женщинахъ — этой матери и этой дочери. Ипполитъ тутъ только ихъ ученикъ, а потому не его устами, а устами Кругловой высказывается заключительная мораль: «не все коту масляница, бываетъ и великій постъ»!

Мы опять возвращаемся въ барскій кругъ—въ новой, относящейся къ тому же 1871 г., пяти-актной комедіи Островскаго: «Лѣсъ». Тутъ опять попадаютъ кое какія

черты самодурства à la Улабенкова, которую напоминает пятидесятилѣтняя помѣщица вдова Гурмыжская, ходящая почти постоянно въ траурѣ, извѣстная своею благотворительностью и думающая пристроить племянницу свою Аксюшу, которую держала почти что въ черномъ тѣлѣ, за недоучившагося гимназиста Буланова. Это, впрочемъ, не просто капризъ съ ея стороны: она думаетъ прикрыть этимъ бракомъ свой, ежели не прошедшій, то будущій грѣхъ (Булановъ по роли своей у Гурмыжской соотвѣтствуетъ молодому лакею въ «Воспитанницѣ»). Аксюша между тѣмъ любитъ сына купца Восьмибратова, которому Гурмыжская продаетъ свой лѣсъ и который обсчитываетъ ее, но на выручку ей является прожившійся племянникъ Гурмыжской, провинціальный актеръ Несчастливцевъ. Ему удается приструнить Восьмибратова и Гурмыжская получаетъ свои деньги сполна, но не безъ колебанія уплачиваетъ затѣмъ свой старый долгъ племяннику. Ему приходится явиться въ комедіи неожиданнымъ устройтеlemъ счастья Аксюши, т.-е. чѣмъ-то въ родѣ Любима Торцова— съ тою, конечно, разницею, что у него въ кутежѣ не погибъ талантъ, а о непогибшемъ въ немъ благородномъ сердцѣ свидѣтельствуется уже прямое самоотверженіе. Несчастливцевъ отдаетъ Аксюшѣ единственныя свои, только что полученныя отъ тетки, деньги, безъ которыхъ Восьмибратовъ не позволяетъ своему сыну жениться на Аксюшѣ.

При этомъ онъ далекъ отъ того, чтобы превозноситься своимъ поступкомъ. Онъ считаетъ себя только обязаннымъ загладить свою вину передъ двоюродною сестрой. «О дитя мое! говоритъ онъ ей. Я преступникъ, я могъ имѣть деньги, могъ помочь тебѣ, могъ сдѣлать тебя счастливой, и я промоталъ, прожилъ ихъ безпутно». Только подъ самый конецъ, уже поправивъ свой старый грѣхъ выдачею Аксюшѣ денегъ, полученныхъ отъ Гурмыжской, онъ, видя, что его съ товарищемъ его по театральнѣй профессіи, выпроваживаютъ, высоко поднимаетъ голову, говоря: «Аркадій, насъ гонятъ. И въ самомъ дѣлѣ зачѣмъ мы зашли въ этотъ лѣсъ, въ этотъ сыръ дремучій боръ? Зачѣмъ

мы, братецъ, спугнули совъ и филиновъ! Что имъ мѣшать? Пусть ихъ живутъ, какъ хочется! Тутъ все въ порядкѣ, братецъ, какъ въ лѣсу быть слѣдуетъ. Старухи выходятъ-замужъ за гимназистовъ, молодыя дѣвушки топятся отъ горькаго житья у своихъ родныхъ: лѣсъ, братецъ». Когда же Гурмыжская, пожимая плечами, говоритъ: «комедіанты!» онъ, еще болѣе пріосанившись, продолжаетъ: «Комедіанты? Нѣтъ, мы артисты, благородные артисты, а комедіанты вы! Мы коли любимъ, такъ ужь любимъ; коли не любимъ, такъ ссоримся или деремся; коли помогаемъ, такъ ужь послѣднимъ трудовымъ грошомъ. А вы? всю жизнь толкуете о благѣ общества, о любви къ человѣчеству. А что вы сдѣлали, кого накормили? Кого утѣшили? Вы тѣшите только самихъ себя, самихъ себя забавляете. Вы комедіанты, шуты, а не мы». Какъ трагическій актеръ, онъ наконецъ декламируетъ: «Люди, люди! — порожденье крокодиловъ! Ваши слезы—вода, ваши сердца — твердый булатъ! Поцѣлуй — кинжалы въ грудь. Львы и леопарды питаютъ дѣтей своихъ, хищные враны заботятся о птенцахъ, а она, а она!.. О, еслибъ я могъ быть гіеною! О еслибъ я могъ остервенить противъ этого адскаго поколѣнія всѣхъ крокоцадныхъ обитателей лѣсовъ!» Присутствующій тутъ богатый помѣщикъ Милоновъ въ благородномъ негодованіи замѣчаетъ: «но позвольте,—за эти слова можно васъ къ отвѣту! «Недоучишійся мальчишка Булановъ, желая угодить своей противной старухѣ, поддакиваетъ: «Да просто къ становому. Мы всѣ свидѣтели». Но Несчастливцевъ вынимаетъ «Разбойниковъ» Шиллера, показываетъ и говоритъ: «Цензуровано. Смотри! Одобряется къ представленію... Я чувствую и говорю, какъ Шиллеръ, а ты, какъ подъячій». Между тѣмъ, у нихъ заказаны были въ дорогу лошади. Оставшись теперь безъ копѣйки, онъ говоритъ Лакею Гурмыжской: «Если пріѣдетъ тройка, ты ворота ее, братецъ, въ городъ; скажи, что господа пѣшкомъ пошли. Руку, товарищъ!»

Въ лицѣ Несчастливцева Островскій вывелъ передъ нами совершенно новый у него типъ артиста. Уже въ

Любимѣ Торцовѣ звучала нѣсколько артистическая струнка. Въ Несчастливцевѣ она не заглохла, указала ему на его настоящій путь, не дала ему сгнбнуть въ такъ называемой «широкой жизни» и окончательно развила въ немъ ширь иного закала—душевную ширь!

X.

„Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ“.—**„Кюмикъ XVII столѣтія“.**—**„Свѣгурочка“.**—**„Поздняя любовь“.**

Снова переносимся мы лѣтъ за 30 назадъ къ новой, опять пяти-актной комедіи нашего драматурга: «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ» (1872 г.). Тутъ и отставные чиновники, и купцы-лавочники, и мѣщане. и квартальные со стряпчими—люди стараго покроя. О самодурствѣ упоминается тутъ только эпизодически—въ словахъ Фетиньи Мироновны о супругѣ ея Истукаріѣ Лупычѣ: «ты спроси только, чѣмъ я не бита? И кочергою бита, и полѣномъ бита, и объ печку бита, только печкой не бита». На первомъ планѣ тутъ старый и въ какихъ только литературахъ не затронутый типъ *скупого*. Но не ждите найти въ образѣ Михея Михеича Крутицкаго такую тщательную психологическую разработку этого типа, какъ въ старомъ баронѣ Пушкина, или въ Гоголевскомъ Плюшкинѣ. Островскаго, очевидно, занималъ не самый анализъ характера, а драматическое развитіе послѣдствій его образа дѣйствій, отражающихся на другихъ, на ближайшихъ къ нему людяхъ. Михей Михеичъ, по словамъ сосѣдки его Мигачевой, «служилъ въ какомъ-то судѣ секлетаремъ, ну и отставили его за взятки, что ужъ очень грабилъ. Анна Тихоновна (жена Михея Михеича) сказывала, что и сталь онъ съ той поры сумлѣваться, какъ ему жить безъ дохода. Продаль домъ, лошадей, сталъ деньги въ проценты отдавать. И зажили мы, говоритъ (т.-е. жена его), день ото дня

хуже: переѣхали въ одну комнатку, прислугу всю онъ распустилъ, а тамъ ужъ и кухарку сослалъ. И пришлось Аннѣ Тихоновнѣ самой и кушанье готовить, и за водой ходить. А потомъ и совсѣмъ, говорить, дома стряпать перестали, купимъ что нибудь въ лавочкѣ и поѣдимъ, а когда и такъ просидимъ». А тутъ же какъ разъ вернулась къ нимъ въ домъ племянница, которую, когда выгнали Михея Михеича со службы, взяла къ себѣ ее крестная мать, барыня богатая, — взяла, воспитала въ достаткѣ и ничего недѣланіи, да и возвратила дядѣ, когда крестница оказалась съ лѣтами гораздо красивѣе ея дочерей.

Вотъ въ этой-то злополучной Настѣ и сосредоточивается весь интересъ комедіи, переходящей подъ часъ прямо въ драму, не обходящейся даже безъ трагическаго эпизода, а кончающейся совершенно счастливо (съ чисто Шекспировскою, т.-е. чисто жизненною свободой). Настя ни мало не героиня — даже въ томъ неприподнятомъ смыслѣ, въ какомъ героинями могутъ быть названы Аннушка въ «Бойкомъ мѣстѣ» или Параша въ «горячемъ сердцѣ». Настя дѣвушка совсѣмъ заурядная, пожалуй даже пустая, скучающая о томъ, что щеголять ужъ совсѣмъ не приходится, мечтающая, какъ бы выйти замужъ за такого же неподготовленнаго, какъ и она сама, ни къ какому труду, но благовиднаго и приличнаго юношу, Баклушина. Между тѣмъ она, а отчасти и онъ возбуждаютъ нашу симпатію своимъ добродушіемъ, своею готовностью быть хорошими, если бы обстоятельства сложились иначе. Весь изъянъ ихъ въ томъ, что нѣтъ въ нихъ никакой выдержки, неспособны они ни на какую борьбу. Дядя велитъ ей отправиться вмѣстѣ съ теткою въ хожденіе по домамъ съ подписнымъ листомъ на «бѣдную невѣсту», — и она идетъ, хотя ей и очень стыдно — идетъ не изъ одного послушанія, но и потому, что самой ей хотѣлось бы и платочекъ шелковый приобрѣсть, и хоть какъ-нибудь угостить у себя вечеркомъ г. Баклушина. И чего только не приходится ей испытать и тутъ, и потомъ, отъ сосѣдей, во время уго-

щенія предполагаемаго жениха, съ помощью чужого са-мовара, и наконецъ отъ самого жениха, который прихо-дитъ въ ужасъ, когда сосѣди тутъ же и сплетничаютъ ему про ея хожденіе за сборомъ. «Просить, побираться, говоритъ онъ ея теткѣ, вотъ что хуже бѣдности». — Это не хуже бѣдности, отвѣчаетъ та, это самая бѣдность-то и есть». Но всего ужаснѣе Настѣ услышать отъ Баклушина, что и самъ онъ «ищетъ богатой невѣсты, чтобы поправить свои дѣла». Ей, съ ея точки зрѣнія, остается одно — не побрезгать предложеніями того семейнаго купца, который готовъ, по словамъ тетки, поселить ее на особой квартирѣ. «Думай, Настенька, говоритъ ей Анна Тихоновна, думай, душа моя, хорошенько. Хуже всего, коли руки опустишь. Затянешься въ нашу нищенскую жизнь, бѣда! Думай теперь, пока еще въ тебѣ чувства-то не замерли, а то и солдатской шинели будешь рада.

Настя. Ай, что вы! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ай, что вы!

Анна. Ходить по домамъ, побираться, то кусочекъ сахарцу занять, то огарочекъ свѣчки; подбирать на чужихъ дворахъ щепочки, чтобы вскипятить горшокъ пустыхъ щей...

Настя. Ахъ нѣтъ, нѣтъ! Не говорите, замолчите!
(подумавъ) Тетенька?

Анна. Что, душа моя?

Настя. А много дѣвушекъ умираютъ?.. отъ бѣдно-сти, отъ горя?

Анна. Довольно таки.

Настя. А много и такихъ...

Анна. Какихъ?

Настя. Ахъ, какъ стыдно!

Анна. Охъ, много, много!

Настя. И всѣ смѣются надъ ними, презираютъ, оби-жаютъ ихъ, бѣдныхъ!

Анна. Есть кто и пожалѣетъ; только мало Христіан-ства-то въ людяхъ.

Эта небольшая сцена, при всей своей незатѣйливой простотѣ, производитъ потрясающее впечатлѣніе! Вѣдь

изъ-за этой Насти выглядываютъ столько другихъ дѣвушекъ, ни въ чемъ уже неповинныхъ, совсѣмъ уже не пустыхъ, и тѣмъ не менѣе попадающихъ въ такое же положеніе. Но, чтѣ касается Насти, то на повѣрку оказывается, что дядя ея только затаилъ свои деньги, ради нихъ-то, этихъ затаенныхъ денегъ, и расхаживая въ ватной шинели даже въ іюльскія жары. Вѣдь эта шинель у него выстегана ассигнаціями, но, вслѣдствіе изъяновъ въ ней, происходящихъ частію отъ той же скупости, частію отъ затруднительности, при *содержимомъ* шинели, какихъ либо ея починокъ, онъ теряетъ въ саду часть содержимаго ею и съ отчаянія лишаетъ себя жизни. Можно находить эту развязку натянутою, такъ какъ большая часть его сокровищъ все же осталась въ его шинели, которая и становится послѣ него наслѣдствомъ, сразу мѣняющимъ положеніе и его жены, и чуть было не погибшей его племянницы (тутъ, разумѣется, прелогополучно выходящей замужъ за своего Баклушина). Но вся сущность драмы (это скорѣе вѣдь драма, чѣмъ комедія), повторяемъ—въ умѣнїи потрясающимъ образомъ показать, какъ могла бы отозваться безобразная скупость Крутицкаго на существѣ, ужь тутъ-то, конечно, ни въ чемъ неповинномъ!

Написанная въ слѣдующемъ 1873 г. трехъ-актная комедія въ стихахъ: «Комикъ XVII столѣтія» переноситъ насъ снова, какъ и по заглавію видно, на совсѣмъ уже историческую почву. Тутъ передъ нами конецъ XVII вѣка, пора непосредственно предшествующая Петру, о которой нашъ авторъ вспомнилъ по поводу двухсотлѣтія Русскаго театра. Передъ нами тутъ опять самодуръ стараго покроя въ лицѣ Кочетова—отца, философствующаго такимъ образомъ на счетъ дѣтской покорности:

...Когда тебѣ взгрустнется,
Иль пьянъ придешь домой, на что утѣшнѣнъ
Поклоны ихъ земные. Заставляешь
Поклоны бить и веселишься духомъ,
Что какъ-де ты ни малъ, ни приобщенъ

Отъ властныхъ лицъ, а дѣтямъ, домочадцамъ,
Въ своемъ дому и ты-де государь.

Вырощенный въ безгласномъ повиновеніи, Кочетовъ сынъ въ затрудненіи, какъ совмѣститъ повиновеніе отцу съ повиновеніемъ властямъ предержажимъ. Онъ говоритъ:

Боярскіе приказы разбирать
Не смѣемъ мы; велѣтъ плясать, запляшешь.

Кочетовъ.

Еще-бъ ты смѣлъ ослушаться бояръ!

Яковъ.

А стать плясать—тебѣ не угодишь.

Кочетовъ.

Еще-бъ ты смѣлъ отцу не угодить!
Служи царю, боярамъ покоряйся
Безропотно, безпрекословно, рабски
И чти отца да матеръ.

Но старому самодуру вскорѣ приходится убѣдиться, что одно съ другимъ несомвѣстимо. Сынъ его уже за-вербованъ въ царскіе комедіанты—дѣло, до тѣхъ поръ неслыханное на Руси. У него есть на то талантъ, но талантъ этотъ ему самому противенъ и страшенъ. Онъ повременамъ спасается отъ требующихъ его къ себѣ орудователей комедійнаго дѣла у своей невѣсты, боясь признаться во всемъ отцу. Но соперникъ его въ сватовствѣ, подъячій Клушинъ, выдаетъ его тайну. Отецъ выходитъ изъ себя, но, какъ служилому человѣку, ему приходится наконецъ сдаться передъ волей Матвѣева, говоря:

Сынка привелъ, возьми его, бояринъ,
Да будетъ онъ царевъ комедіантъ.

И Кочетовъ дѣлаетъ это исключительно по долгу службы, а вовсе не вразумляясь словами главнаго за-правщика комедійнаго дѣла, пастора Грегори:

...Въ душѣ у человѣка
Въ числѣ даровъ Господнихъ есть одинъ

Спасительный: порочное и злое
Смѣшнымъ казать, давать на посмѣянье.
Величіе родной земли героевъ
Восхвалять и честно и похвально;
Но больше честь, достойно большей славы
Учить людей, изображая нравы.

Не въ историческую старину, а въ старину народныхъ мифическихъ преданій, народнаго сказочнаго міра уходитъ Островскій въ своей «Снѣгурочкѣ», —этой «весенней сказкѣ», написанной въ стилѣ Шекспировскаго «Сна въ лѣтнюю ночь». Главная прелесть тутъ въ тѣхъ хорахъ, которые прямо отзываются народною пѣсней или же «Словомъ о Полку Игоревѣ» (Пѣсня гуслиаровъ—«что мнѣ звенить по зарѣ издали»), въ томъ чисто народномъ размѣрѣ, который чередуется тутъ съ обычнымъ въ драмѣ пятистопный ямбомъ, наконецъ, вообще въ оборотахъ и образахъ чисто народнаго языка. Самой Снѣгурочкѣ авторъ пытался придать особый психологическій интересъ, но это, кажется намъ, менѣе удалось ему, чѣмъ Жуковскому въ его, въ самомъ дѣлѣ, очаровательной, получившей отъ него живую душу, Ундины. Страшное порожденіе Дѣда-Мороза и Весны-Красной, т.е. свѣтлой, но не теплой весны нашего Сѣвера, Снѣгурочка исполнена чарующей красоты, но лишена того внутренняго тепла, которымъ только и придается красотѣ *жизнь*. Снѣгурочка сама сознаетъ это, когда говорить:

Кругомъ меня всѣ любятъ, всѣ счастливы
И радостны, а я одна тоскую!..
.....
Хочу любить, но словъ любви не знаю
И чувства нѣтъ въ груди; начну ласкаться,
Услышу брань, насмѣшки и укоры
За дѣтскую застѣнчивость, за сердце
Холодное. Мучительную ревность
Узнала я, любви еще не знала.

Эта ревность, вытекающая *только* изъ оскорбленнаго самолюбія, вызывается въ ней юнымъ пастушкомъ Лелемъ,

уже при первомъ знакомствѣ бросающимъ поданный ему ею цвѣтокъ, а потомъ увивающимся за менѣе, можетъ быть, красивою, но полною жизни, Купавою, которую, напротивъ того, бросилъ ея женихъ, молодой и богатый посадскій, Мизгирь, привлеченный неописанною красотою Снѣгурочки. Нѣсколько страннымъ представляется, что, и ближе ее узнавъ, Мизгирь не оставляетъ ея, подобно Лелю, не чувствуетъ себя обданнымъ тѣмъ холодомъ, какимъ обдаетъ она всѣхъ, ближе подходящихъ къ ней. Онъ, повидимому, увлекается именно негодатливостью Снѣгурочки, желаніемъ во что бы то ни стало одержать надъ нею такъ трудно дающуюся побѣду, но вотъ Снѣгурочка вымаливаетъ у своей матери Весны-красной то, чего ей не доставало. Надѣвая на ея голову свой вѣнокъ, Весна надѣляетъ ее своею, хотя на сѣверѣ и довольно скудною, теплотою. Это дѣлается уже подъ утро на Ивана Купалу, т.-е. на великій праздникъ Ярила. Но мать при этомъ предостерегаетъ Снѣгурочку:

Таи любовь огъ глазъ Ярила-Солнца,
Свѣши домой, не медля; не любуйся
Багряными потоками разсвѣта..
.....
Предчувствіе тревожитъ сердце мнѣ..

Между тѣмъ, Снѣгурочка, встрѣчаясь со своимъ Мизгиремъ, встрѣчаясь уже не по прежнему, все забываетъ. Сладостно млѣя, она говоритъ:

О мать Весна, благодарю за радость,
За сладкій даръ любви! Какая нѣга
Томящая течетъ во мнѣ..

Но, говоря это, она таетъ, таетъ не отъ внутренняго жара, а отъ тѣхъ, прорѣзающихъ утренній туманъ, яркихъ лучей солнца, отъ которыхъ ее предостерегала мать. Царь Берендей этимъ доволенъ. Онъ, говоритъ, что

..Солнце знаетъ
Кого карать и миловать. Свершился

Правдивый судъ! Мороза порожденье—
Холодвал Снѣгурочка погибла.
Пятнадцать лѣтъ она жила межъ нами,
Пятнадцать лѣтъ на насъ сердилось Солнце.
Теперь, съ ея чудесною копчиной,
Вмѣшательство мороза прекратилось.
Изгонимъ же послѣдній стужи слѣдъ
Изъ нашихъ душъ, и обратимся къ Солнцу.

Но тутъ совсѣмъ уже странно, что Солнце свершаетъ надъ Снѣгурочкою свой судъ какъ разъ въ ту пору, когда, надѣленная, наконецъ, внутреннею теплотою, она перестала бы производить на всѣхъ то дѣйствіе, котораго слѣдствія такимъ образомъ описывалъ Царь Берендей:

...Сердечная остуда
Повсюдная—сердца охолодѣли,
И воть тебѣ разгадка нашихъ бѣдствій
И холода: за стужу нашихъ чувствъ
И сердится на насъ Ярило-солнце
И стужей мстить.

Символизмъ тутъ, какъ и во всей этой драматической сказкѣ, какой-то неясный и не выдержанный. Вообще она можетъ производить впечатлѣніе на сценѣ пѣніемъ и всюю эффектною постановкою, но на читателя она не производитъ какого либо цѣльнаго и полного впечатлѣнія. Кстати замѣтимъ тутъ же, что и та фантастическая примѣсь, какая оказывается въ «Воеводѣ» (появленіе Домового)—то же представляется чѣмъ-то натянутымъ и не довольно яснымъ. Тутъ Островскій, повидимому, не въ своей области.

Мы снова попадаемъ въ самую обыкновенную житейскую обстановку въ тѣхъ «сценахъ изъ жизни захолустья», которыя озаглавлены: «Поздняя Любовь» (1874 г.). Тутъ Островскій взялъ себѣ психологическую задачу, которая не рѣшается такъ легко, а требовала бы болѣе тщательнаго анализа. Людмила Маргаритова, дѣвушка уже не молодая, привыкла жить не для себя, а для своего труженика-отца, для котораго она—все, и который на

нее не надышется. И вдругъ, подѣ вліяніемъ *поздней любви*, она сперва отдаетъ возбуждившему ее въ ней послѣднія, какія только есть у нихъ, деньги, а потомъ доходить и до того, что похищаетъ у отца документъ, необходимый для веденія въ судѣ защищаемаго имъ дѣла (онъ адвокатъ) и передаетъ этотъ документъ противной сторонѣ. Дѣло въ томъ, что объ этомъ просить ее тотъ же предметъ ея поздней страсти, а она ни въ чемъ ему отказать не можетъ. Привязанность Людмилы къ Николаю Шиблову—человѣку, вовсе ея не стоящему, это какая-то не человѣческая, а, говоря языкомъ Писемскаго въ «Тысячѣ душяхъ»—собачья привязанность. Если такія привязанности и возможны, то въ данномъ случаѣ не достаточно показана борьба такой привязанности съ иными, лучшими чувствами Людмилы, съ ея привычными и обычными чувствами къ ея достойнѣйшему отцу. Борьбы тутъ, можно сказать, совсѣмъ даже и нѣтъ, а потому Людмила, которая при такой борьбѣ могла бы по крайней мѣрѣ вызывать сожалѣніе, производитъ на насъ какое-то отталкивающее, чтобы не сказать, отвратительное, впечатлѣніе. Да, она едва ли даже не противнѣе своего негодяя Шиблова; его же мы прямо назвали такъ и не беремъ своихъ словъ назадъ. Онъ—вполнѣ образованный человѣкъ, онъ изъ университетскихъ, какъ и Калиновичъ у Писемскаго, онъ человѣкъ способный, дѣйствующій въ новыхъ судахъ, но онъ изъ тѣхъ, которые своею внутреннею дрянностью могутъ дурно рекомендовать какую угодно образованность, какія угодно новыя учрежденія. «Записался онъ адвокатомъ, говоритъ про него Людмилѣ его же мать,—пошли дѣла, и пошли, и пошли, и пошли, огребай деньги лопатой. Отъ того отъ самаго, что вошелъ онъ въ денежный купеческій кругъ... И началъ онъ эту самую купеческую жизнь, что день въ трактирѣ, а ночь въ клубѣ, либо гдѣ. Само собою: удовольствіе, человѣкъ же онъ горячій. Ну имъ что? У нихъ карманы толстые. А онъ барствовалъ, да барствовалъ, а дѣла-то между рукъ шли, да лѣнь-то; а тутъ адвокатовъ развелось нѣсть числа. Ужь сколько онъ тамъ ни путался,

а деньжонки всё прожилъ, знакомство растерялъ и опять въ прежнее бѣдное положеніе пришель». Такимъ-то образомъ дѣло дошло до того, что онъ, на всякій случай, обзавелся пистолетомъ, который и отбирается у него Людмилою. «Жить незачѣмъ, говоритъ онъ ей; какъ хочется жить, такъ нельзя; а какъ можно, такъ не хочется». Онъ изъ тѣхъ, имя-же имъ легіонъ, самоновѣйшаго покроя самодуровъ, которые сами, конечно, не считаютъ себя такими. Надъ такимъ, въ широкомъ смыслѣ понимаемымъ, самодурствомъ, не даромъ состоялся приговоръ Малоросійской пословицы: «паны, якъ дурни,—що хотять, то и роблять». И вотъ, ради такого-то «пана дурня» Людмила кривитъ душою и становится близка къ тому, чтобы сгубить своего добраго и честнаго отца. Но дѣло кончается лучше, чѣмъ можно было ожидать. Шибловъ передаетъ той дамѣ, дѣло которой ведетъ онъ, не подлинное заемное письмо, а только копію съ него. «Вы, говоритъ онъ ей при этомъ, поручая мнѣ это нечистое дѣло, желали испытать, стою ли я любви вашей; по крайней мѣрѣ вы такъ говорили. Ну, представьте себѣ, что я, довѣряясь вамъ, тоже желалъ испытать, стоите ли вы моей любви». Довѣріе съ его стороны заключается въ томъ, что онъ передаетъ ей бумагу, не заручившись предварительно никакими «вещественными доказательствами невестественныхъ отношеній». Она отвѣчаетъ ему совѣтомъ подождать—не только любви, но и денегъ, а заемное письмо (считая его подлиннымъ) кидаетъ въ печь. Когда же выходитъ наружу, что ею сожжена копія, ей приходится уплатить деньги купцу Дороднову, который передаетъ Маргаритову половину ихъ, за веденіе дѣла. Старикъ спасенъ, и, позабывая все, что сдѣлала его дочь, половину своего заработка передаетъ ей—какъ приданое. Она въ свою очередь передаетъ эти деньги Шиблову, какъ своему жениху, а тотъ предлагаетъ ея отцу быть его помощникомъ. Дѣло такимъ образомъ кончается совершенно благополучно, если смотрѣть на благополучіе по *водевилльному*.

Что въ самомъ дѣлѣ ожидаетъ Людмилу въ замужствѣ съ такимъ молодцомъ, способнымъ, конечно, и впредь вести дѣла *дамъ*, выгодныя въ *двойномъ* отношеніи, это, конечно, такой вопросъ, надъ которымъ едва ли будетъ задумываться большинство зрителей.

XI.

„Трудовой хлѣбъ“.—„Богатыя невѣсты“.—„Волки и Овцы“.—„Правда хорошо, а счастье лучше“.—„Послѣдняя жертва“.

Литературная дѣятельность Островскаго продолжалась съ прежнею неутомимостью и во второй половинѣ 70-хъ годовъ. Въ ней однако же нельзя не замѣтить тутъ нѣкотораго упадка творческой силы, зависѣвшаго, очевидно, отъ поспѣшности работы. Много, съ одной стороны, прекраснаго, напоминающаго лучшую пору нашего драматурга, представляютъ намъ «спены изъ жизни захолустья», озаглавленные: «Трудовой хлѣбъ». Но есть тутъ и странности, кое что натянутое, дѣланное. Характеры пожилого образованнаго неудачника Корпѣлова и молодаго его пріятеля, окончившаго курсъ въ университетѣ, Грунцова, нельзя не признать удавшимися. «Я и на свѣтѣ-то живу, говоритъ про себя Корпѣловъ, не человѣкомъ, а за мѣсто человѣка. Я и на службѣ-то былъ за мѣсто кого-то, потому что служилъ исправляющимъ должность помощника младшаго сверхштатнаго учителя приходскаго училища. Прослужилъ я цѣлыхъ три мѣсяца, вышелъ въ отставку и аттестатъ два раза терялъ. и живу теперь по копіи съ явочнаго прошенія о пропавшемъ документѣ. Признаться вамъ сказать, друзья мои и сродники ужъ начинаютъ сомнѣваться, самъ-то я не копія-ли съ какого нибудь пропавшаго человѣка». Водится за нимъ и грѣшокъ—запивать съ горя. Но человѣкъ онъ безукоризненно честный и никогда-то неунывающій. Есть у него и сознание сво-

его умственного превосходства передъ такимъ, въ авантажѣ обрѣтающимся, бывшимъ товарищемъ, какъ Потроховъ, котораго онъ, по старой гимназической привычкѣ, величаетъ: *stultus* и отъ котораго не хочетъ принять высланной съ лакеемъ трехрублевки. Вотъ отъ Грунцова онъ всегда приметъ помощь,—Грунцовъ и самъ честный труженикъ, и дѣлится послѣднимъ отъ всей души. Грунцовъ, какъ и Корпѣловъ, готовъ даже трунить надъ своею бѣдностью, предпочитать ее положенію тѣхъ, повидимому, роскошно живущихъ людей, которымъ отъ ненасытимости ихъ стремленій хотъ петлю надѣвать на шею. «Какая у насъ нужда, *domine*, говоритъ онъ Корпѣлову; вотъ я нынче видѣлъ нужду-то! Прихожу я къ Мурину (ростовщику); отъ него выходитъ молоденькій франтикъ, въ коляску хочетъ садиться... пара рысаковъ тысячи полторы стоятъ... вышелъ отъ Мурина-то, шатается: прислонился у двери, едва духъ переводить,—блѣдный, какъ полотно, губы трясутся, а самъ шепчетъ: «душить онъ меня, душить, кровь пьеть; зарѣжу я его».—Вотъ она нужда-то! въ коляскѣ на рысакахъ ѣздить, а мы чтò!» Грунцовъ не знаетъ, что этими словами рисуетъ портретъ человѣка, сдѣлавшагося предметомъ племянницы Корпѣлова, Наташи. Вотъ какимъ образомъ высказывается этотъ ея предметъ передъ Потроховымъ: «ты человѣкъ развитой, современный, ты самъ понимаешь, я думаю, что людямъ съ нашими потребностями меньше 300 тысячъ имѣть нельзя. Это, чтò называется, въ обрѣзъ; разочти самъ. Иначе жить порядочно нельзя,—жить какъ нибудь я не соглашусь ни за чтò!.. Ты пожалѣй меня, мнѣ жить хочется»... И Потроховъ—свой своему по-неволѣ братъ—жалѣетъ Копрова: даетъ ему денегъ взаймы, а бывшему своему товарищу труженику высылаетъ три рубля съ лакеемъ. Копровъ готовъ занимать у всякаго. Онъ признается Наташѣ, что у него было много денегъ, но онъ зацутался, потому что хотѣлъ имѣть еще больше, «затѣмъ, что больше—лучше».—А потомъ опять больше, затѣчаетъ она, и такъ далѣе, гдѣ же конецъ?—«Конца нѣтъ, возражаетъ онъ. Вѣдь со-

вершенства тоже нѣтъ на землѣ, а все-таки всякій стремится къ нему; умный желаетъ быть умнѣе, ученый — ученѣе, добродѣтельный — добродѣтельнѣе; ну, а богатый желаетъ быть еще богаче». — Зачѣмъ же такъ ужъ много денегъ? все не можетъ вразумиться Наташа. «Чтобъ имѣть возможность удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ, поясняетъ Копровъ. Потребности неудовлетворенныя причиняютъ страданіе, а кто страдаетъ, того нельзя назвать счастливымъ. Напримѣръ, у меня синяя коляска и сѣрыя лошади, вдругъ мнѣ понравится зеленая коляска и вороныя лошади... Конечно, я не умру, если не куплю ихъ сейчасъ же, но все-таки это причинитъ мнѣ нѣкоторое страданіе. И я только тогда сочту себя покойнымъ и счастливымъ, когда получу возможность имѣть во всякое время всякую коляску, какая только мнѣ понравится».

Наташа дѣвушка совершенно другого покроя. Когда сестра ея, ожидая прихода къ ней Копрова, конфузится бѣдной своей обстановки, Наташа урезониваетъ ее: «кто посмѣетъ отъ насъ требовать, чтобы у насъ богато было? Чисто, опрятно, и довольно. Ты не конфузься, не теряй своего достоинства! Наша бѣдность — гордость наша!... Милая Женичка! мы съ тобою хорошія, добрыя дѣвушки; что мы бѣдны, мы не виноваты; забудь эти стѣны и представь себѣ, что мы королевны во дворцѣ». Но именно такой-то дѣвушкѣ и не къ лицу такъ беззащѣнно употреблять то слово, которое является у нея на языкѣ при первомъ же ея появленіи на сценѣ. Сестра ея чувствуетъ себя обиженною тѣмъ, что ихъ квартирный хозяинъ, Чепуринъ, говоритъ про Наташу: «у нихъ есть любовникъ». — «Онъ правду говоритъ», замѣчаетъ Наташа. — «Да какъ же онъ смѣетъ любовникомъ называть?» остается при своемъ Евгенія. «А какъ же назвать-то? Конечно, любовникъ» — утверждаетъ Наташа. Это пошлое слово, когда-то очень употребительное на сценѣ (въ сентиментальныхъ пьесахъ стараго покроя), почему-то полюбилось нашему драматургу и часто употребляется имъ въ его комедіяхъ 70-хъ годовъ. Но если это устарѣлое слово по крайней

мѣръ не противорѣчить характеру другихъ его женщинъ этой поры, то ужь Наташѣ-то оно совсѣмъ не къ лицу. Вѣдь говорить же она Копрову: «Любить? Любить можно, и не уважая человѣка и не вѣря ему... да вѣдь такая любовь обидаетъ». Намъ кажется съ другой стороны, что Наташа слишкомъ легко сдается на подталкиванье легкомысленной Евгеніи, отдавая Копрову тотъ завѣтный капиталъ, который на случай замужества оставленъ ей матерью, отдавая его ему — вмѣстѣ съ своею рукою, т.-е. намъ кажется, что она слишкомъ довѣрчиво относится къ его просьбѣ отдать ему и свою руку, — просьбѣ, оказывающейся только слѣдствіемъ того условія, съ какимъ соединено получение денегъ. Мы не можемъ наконецъ допустить, чтобы такая дѣвушка, какою намѣтилъ Островскій Наташу (намѣтилъ, но не воплѣнилъ), могла такъ легко успокоиться послѣ обмана со стороны Копрова, сейчасъ же и соглашаясь выйти замужъ за Чепурина и ничѣмъ не отзываясь на разговоръ Корпѣлова о томъ, что Копровъ «хватитъ себя изъ револьвера». Намъ представляется также совершенно излишнею исторія съ тою коробочкой, которую, какъ «блаженненькому», передаетъ Корпѣлову такое полу-тайственное лицо, какъ «старая ключница». Вѣдь находящійся въ этой коробочкѣ сторублевый билетъ — совсѣмъ не такая сумма, которая могла бы вознаградить Наташу за деньги, отобранныя у нея Копровымъ, и безъ которой бы Чепуринъ не могъ на ней жениться. Интересана этимъ не привлечешь, а Чепуринъ, какъ выходитъ на повѣрку, даже вовсе не интересанъ. Когда Наташа отталкиваетъ его, оскорбившись его предостереженіями на счетъ Копрова, онъ съ чувствомъ глубокаго оскорбленія говорить: «стою-ль я вашей любви, нѣтъ-ли-сь, только мнѣ ея не надо-сь. И все-жь я человѣкъ съ душой-сь, и чужія слезы мнѣ не на радость». Между тѣмъ онъ-то и остается ей вѣренъ послѣ постигшаго ее горя.

Отъ такой бѣдной невѣсты, какъ Наташа, Островскій переходитъ къ «Богатымъ Невѣстамъ». Такъ озаглавлена

у него большая четырех-актная комедія, въ которой одна изъ невѣстъ—купеческая вдова лѣтъ подъ сорокъ, другая—молодая и красивая дѣвушка, сбываемая съ рукъ 60-ти-лѣтнимъ родственникомъ и «благодѣтелемъ». Исторія замужества первой коротка и проста. Послѣ долгихъ зазываній, она и заполучаетъ наконецъ жениха въ лицѣ мелкаго чиновника Пирамидалова, состоящаго на посылушкахъ у его превосходительства г. Гнѣвышева. Пирамидаловъ не прочь бы себѣ добыть другую невѣсту,—ту, которую сбываетъ съ рукъ этотъ штатскій генераль, сбываетъ несмотря на ея красоту, такъ какъ ожидаетъ возвращенія своей супруги. Для этой красавицы имѣется у него въ виду другой женихъ — Цыплуновъ, знавшій ее еще тринадцатилѣтнею «ангеломъ дѣвочкою» и неожиданно сходящійся съ нею 10 лѣтъ спустя. Вотъ какимъ описываетъ Цыплунова своему генералу его штатскій адъютантъ: «сидитъ все дома за бумагами, да за книгами, не бываетъ нигдѣ въ обществѣ, даже и у товарищей; бѣгаетъ отъ женщинъ. А если съ нимъ женщина заговоритъ, онъ краснѣетъ и конфузится». По мнѣнію Пирамидалова Цыплуновъ не чтó иное, какъ дуракъ дуракомъ. Не раздѣляя такого мнѣнія, мы не можемъ не признать этого идеальнаго молодого человѣка (лѣтъ 30-ти) не особенно-то удавшимся Островскому. Горькое разочарованіе въ той, кого онъ знавалъ «ангеломъ дѣвочкой», и кто является теперь передъ нимъ «милымъ, но погибшимъ созданіемъ»—это тема, отчасти напоминающая ту, которая была затронута Гоголемъ въ «Невскомъ проспектѣ» (гдѣ паденіе милаго существа только глубже). Мы считаемъ эту тему очень благодарною и вполне драматическою, только Островскій, по нашему мнѣнію, не совладаль съ нею. Въ Цыплуновѣ слишкомъ мало живого благороднаго чувства, слишкомъ много зато ходячаго резонерства. Сцены его съ Бѣлсовой выходятъ поэтому какими-то дѣланными, а подчасъ и скучноватыми. Чтò-то искусственное сказывается и въ объясненіяхъ Цыплунова съ матерью, которую авторъ хотѣлъ выставить вполне достойною матерью такого сына,

только обладающею опытом и зависящимъ отъ него благоразуміемъ, а выставилъ тоже довольно безцвѣтнѡю резонеркою—какимъ-то на полупрактической почвѣ Стародумомъ въ юбкѣ. «Быть можетъ я ошибаюсь—говорить ей Цыплуновъ,—но мнѣ всегда казалось, что женщины отдаютъ явное и очень обидное предпочтеніе людямъ не строгой нравственности, и даже иногда порочнымъ, передъ людьми чистыми. Мало того, къ людямъ совершенно чистымъ онѣ показываютъ какую-то ненависть. Извините, мнѣ такъ кажется».

— «И ты думаешь,—возражаетъ ему мать,—что сказали что нибудь очень ужасное про женщинъ, что нибудь очень обидное для насъ? Такъ знай же, что женщины совершенно правы въ этомъ случаѣ; потому что нѣтъ болѣе несносныхъ деспотовъ, какъ вы, люди чистые. Вы создаете въ своемъ воображеніи какихъ-то небывалыхъ богинь, да потомъ и сердитесь, что не находите ихъ въ дѣйствительности. Вы, чистыя натуры, не только не прощаете, но даже готовы оскорбить любимую женщину, если она не похожа на тѣ блѣдныя, безжизненные шаблоны, которые созданы вашимъ досужимъ воображеніемъ». Намъ кажется, что никакая хорошая мать не стала бы такъ говорить со своимъ сыномъ. Если бы она считала его только лицемѣромъ, только разыгрывающимъ роль какого-то безгрѣшнаго, то она прямо и заговорила бы о фальши, о томъ, что онъ хочетъ казаться не тѣмъ, что онъ на самомъ дѣлѣ есть. Но она не сомнѣвается въ немъ, въ его искренности, а прямо нападаетъ на его «чистоту», т.-е. на рѣдкое качество въ той господствующей половинѣ чело-вѣческаго рода, къ которой принадлежитъ и онъ. Вся бѣда вѣдь въ томъ, что далеко не чистые изъ этой половины позволяютъ себѣ требовать безупречной чистоты отъ другой, подчиненной половины чело-вѣчества, т.-е. въ томъ, что у нихъ одна мѣра для мужчины и другая для женщины. Но Цыплуновъ, къ сожалѣнію, т.-е. то, чѣмъ онъ вышелъ у Островскаго, дѣйствительно похожъ на «блѣдныя, безжизненные шаблоны, созданные воображеніемъ». Въ немъ не

видать ни дѣйствительно сильнаго горя, когда онъ узнаеть, во что обратилась на самомъ дѣлѣ его «ангелъ—дѣвочка», ни того дѣйствительно сильнаго состраданія любящей души, которое только и могло ему внушить отказъ, данный имъ за нее, отъ того капитала, которымъ думаетъ ее вознаграждать Гнѣвышевъ, — отказъ, связанный съ рѣшимостью жениться на ней на такихъ, непредвидѣнныхъ Гнѣвышевымъ, условіяхъ.

Съ другой стороны и эта, когда-то «ангелъ—дѣвочка», Бѣлесова не довольно живое существо, а также — какія-то ходячія перекрещивающіяся разсужденія. Въ ней не видно настоящей борьбы того, что осталось въ ней отъ прежняго «ангела дѣвочки», съ тѣмъ, что въ ней развилось отъ позднѣйшаго положенія «милаго, но падшаго созданія». Она — просто какая-то деревяшка, когда на вопросъ Цыплунова: неужели не оскорбляютъ ее Гнѣвышевскія деньги? говоритъ: «нѣтъ, оскорбляютъ. Я иногда плачу; но что-жь дѣлать, я, признаюсь вамъ, не имѣю столько силы воли, чтобъ...» Это-то и заставляетъ Цыплунова отказаться за нее отъ такихъ позорныхъ денегъ. Послѣ того, какою вышла она у Островскаго, странными представляются слова о ней матери Цыплунова: «я нашла то, чего мнѣ не доставало и чего я такъ желала — я нашла дочь себѣ». Точно также приходится покачать головою и на слова самого Цыплунова: «это она — наша прежняя Валентина».

Въ пяти-актной комедіи: «Волки и овцы» встрѣчаемся мы со старой знакомой. Старая дѣва — помѣщица Мурзавецкая — это вѣдь новое изданіе Улабенковой и Гурмыжской, съ тою надбавкою, что Мурзавецкая, при такомъ же ханжествѣ и «благотворительности», не прочь и отъ того, чтобы воспользоваться фальшивыми документами, ловко фабрикуемыми для нея бывшимъ членомъ уѣзднаго суда Чугуновымъ, при помощи его совершенно безпутнаго племянника-землемѣра, Горецкаго. А между тѣмъ, если Шекспировскій Лиръ былъ и остался королемъ отъ головы до пяткокъ, то и Мурзавецкая, несмотря ни на что, сохраняетъ все свое достоинство барыни-самодура.

«Что мнѣ себя связывать? говорить она; отдамъ—вотъ и все тутъ. Я еще не знаю, сколько у меня денегъ и есть ли деньги,—да и копаться-то въ нихъ за грѣхъ считаю. Когда понадобятся, да не то, что когда понадобятся, а когда захочу отдать, такъ деньги найдутся, стоитъ только пошарить кругомъ себя. И найдется ровно столько, сколько нужно. Вотъ какія со мною чудеса бывають» Дѣло просто: Чугуновъ сфабрикуетъ ей какое нибудь письмо отъ покойника въ дополненіе къ его завѣщанію — о томъ, что наслѣдники должны столько-то доставить Мурзавецкой на ея благотворительныя дѣла, — а она и расплатится этими деньгами съ кѣмъ слѣдуетъ. Сказавъ, что это «Богъ послалъ», она однако же пойдетъ за тѣмъ класть поклоны, подобно Грозному, чтобы, также подобно ему, вернуться на слѣдующій день къ тому же. Въ качествѣ благодѣтельницы, забираетъ она себѣ въ голову исправить своего безпутнаго племянника, выжитаго изъ полка самими товарищами офицерами, посредствомъ женитьбы его на ея дальней родственницѣ, молодой вдовѣ Купавиной,—и вотъ, чтобы склонить ее на такой, не совсѣмъ-то заманчивый, бракъ, она разсчитываетъ пригрозить ей тѣмъ, что ея покойный мужъ обѣщалъ ссудить покойнаго брата Мурзавецкой, отца сулимага ей жениха, 25 тысячами, да не исполнилъ своего обѣщанія, и что деньги эти можно взыскать съ нея, наслѣдницы умершаго. Напрасно самъ Чугуновъ старается вразумить Мурзавецкую: «Нельзя этихъ денегъ получить-сь. Никто не обязанъ займы деньги давать, на это есть добрая воля. Хоть Купавинъ и не далъ займы вашему братцу, а все-таки по закону взыскать ничего съ него за это нельзя»... Мурзавецкая никакихъ такихъ резонновъ не принимаетъ. «Да развѣ я глупѣе тебя? говоритъ она. Развѣ я не понимаю, что по законамъ, по тѣмъ, что у васъ въ книгахъ-то написаны, тутъ долга нѣтъ. Такъ у васъ свои законы, а у меня свои; я вотъ знать ничего не хочу, кричу, что ограбили моего племянника». Но такъ какъ, волею судьбы, Мурзавецкой пришлось пережить пору бывшихъ сословныхъ

судовъ, и дожить до поры реформенной, то такому находчивому человѣку, какъ Беркутовъ, и удается прибрать ее къ рукамъ тѣмъ, что она, по милости негодяевъ, которые, конечно, безъ спросу у нея, фабрикують ея именемъ фальшивые документы, можетъ вдругъ очутиться на скамьѣ подсудимыхъ.

Выданный своимъ перекупленнымъ племянникомъ, Чугуновъ не теряетъ однако же сознанія своего превосходства, когда въ концѣ комедіи говоритъ Мурзавецкой: «за что насъ Лыняевъ волками-то называль? Какіе мы съ вами волки? мы куры, голуби... по зернышку клюемъ, да никогда сыты не бываемъ. Вотъ они волки-то! Вотъ эти сразу по многу глотаютъ».

А вѣдь онъ, пожалуй, и правъ. То ли проглатываетъ г. Беркутовъ, когда, при помощи Мурзавецкой, благодарной ему за спасеніе ея отъ скамьи подсудимыхъ, пріобрѣтаетъ такія угоды посредствомъ брака съ Купавиной — той самой, на которой Мурзавецкая хотѣла сперва женить своего забулдыгу племянника. То-ли также глотаетъ и племянница Мурзавецкой, Глафира, прикидывавшаяся такою же святошей, какъ тетушка, когда ей удается себя пристроить за пожилого холостяка Лыняева, того самого, которому и принадлежитъ изреченіе: «волки кушаютъ овецъ, а овцы смиренно позволяютъ себя кушать». Когда же Мурзавецкая спрашиваетъ его послѣ этого: «и барышни тоже волки?», онъ точно пророчески отвѣчаетъ: «Самые опасные. Смотрить лисичкой, всѣ движенія такъ мягки, глазки томные, а чуть зазѣвался немножко, такъ въ горло и влѣпится».

Вотъ такъ-то именно и влѣпляется въ него молодая еще и красивая Глафира, влѣпляется въ этого, растолстѣвшаго отъ лѣтъ и отъ привольной жизни, богатаго помѣщика, прямо сознаваясь Купавиной, что она вовсе его не любитъ (еще бы любила!), а просто хочетъ выйти за него замужъ, видитъ въ этомъ «свою единственную надежду, единственную мечту». Глафира — это, если угодно, своего рода лэди Макбетъ — не въ злодѣйствѣ, конечно, а въ безстыдствѣ.

Она употребляетъ всѣ самыя отвратительныя виды кокетства, чтобы привлечь къ себѣ отяжелѣвшаго, туго подающагося, старика, или почти старика. Мы не видали «Волковъ и Овецъ» на сценѣ, но полагаемъ, что, при хорошей игрѣ, продѣлки Глафиры должны производить на зрителей самое омерзительное впечатлѣніе. Она и въ монастырь собирается идти, и подзадориваетъ Лыняева ревностью къ мальчишкѣ Горецкому, котораго называетъ своимъ «любовникомъ», и уколоть-то норовитъ Лыняева, говоря ему: «Вы не обижайтесь, Михайло Борисычъ! Вы очень хорошей человѣкъ, но любить васъ невозможно. Вы ужь и въ лѣтахъ, и ожирѣли, и, вѣроятно, дома въ тепломъ халатѣ ходите и въ колпакѣ, ну, словомъ, вы стали похожи на добраго милаго папашу». И она же ластится къ этому папашѣ во время его послѣобѣденнаго сна на диванѣ, она льнетъ къ его жирному тѣлу, страстно посягая на его капиталъ, въ расчетѣ на то, что ихъ въ эту минуту застанутъ и ему уже нельзя будетъ отступить назадъ.

Несравненно менѣе циниченъ въ своихъ приемахъ волкъ мужского пола, Беркутовъ, добывающійся руки Купавиной, которая, впрочемъ, и сама не мало о немъ мечтала. Поэтому-то, правду сказать, ему бы и незачѣмъ было подзадоривать ее мнимымъ къ ней равнодушіемъ, выражающимся въ словахъ: «выходите за Мурзавецкаго». Намъ кажется даже, что эта, совсѣмъ не нужная съ его стороны, уловка могла бы повлечь за собою вовсе не желанныя для него результаты, глубоко оскорбивъ и тѣмъ самымъ оттолкнувъ отъ него Купавину, которая все-таки же не какая нибудь Глафира. Мы считаемъ недостаткомъ въ комедіи, что Купавина недостаточно оскорбляется его словами.

Къ числу недостатковъ ея относимъ мы и тотъ шаржъ, какой замѣтенъ въ характерѣ Горецкаго, этого безшабашнаго негодяя, которому Лыняевъ предлагаетъ вопросъ: «вы знали когда нибудь разницу между хорошимъ дѣломъ и дурнымъ?» Вѣдь Горецкій отвѣчаетъ на это съ чисто сатирическою откровенностью: «Какъ вамъ сказать-съ?

Нѣтъ, хорошенько не знаю». То, что рассказываетъ онъ далѣе о своей «заѣдающей средѣ» (употребляю излюбленное выраженіе 60-хъ годовъ), все же недостаточно для того, чтобы объяснить такое полнѣйшее отупѣніе нравственнаго сознанія.

Какъ бы то ни было, «Волки и Овцы» относятся къ наиболѣе замѣчательнымъ произведеніямъ позднѣйшей поры нашего драматурга.

Къ числу ихъ несомнѣнно должна быть отнесена и 4-хъ-актная комедія: «Правда хорошо, а счастье лучше». Купеческая среда, въ которую мы опять попадаемъ въ ней, представляетъ намъ тутъ тѣ же, давно знакомыя черты патріархальнаго самодурства, хотя и нѣсколько посмягчившагося, въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ, подъ вѣяніями времени. Особенность комедіи съ этой стороны въ томъ, что ея «государыня матушка», Мавра Тарасовна, держащая въ ежовыхъ рукавицахъ своего 40-го лѣтняго сына, Амоса Панфиловича, который не прочь кутнуть, неожиданно попадаетъ въ положеніе, не особенно подобающее матерой вдовѣ. За нею вдругъ оказываются старые грѣшки, напоминающіе такихъ помѣщицъ, какъ Улабенкова и Гурмыжская, или же мать Манею (у Мельникова). Память объ этихъ грѣскахъ возстаетъ передъ нею живьемъ въ лицѣ того стараго ундера, котораго гдѣ-то выкапываетъ няня Филицата, чтобы появленіемъ его, когда-то «милаго дружка» бѣдовой старухи, прибрать старуху къ рукамъ и заставить ее, подъ вліяніемъ страха, согласиться на то, что требуется, — на бракъ ея внучки Поликсены со служащимъ у отца ея въ приказчикахъ Платономъ Зыбкинымъ. Мавра Тарасовна не на шутку испугана появленіемъ ундера, когда-то взявшаго съ нея, по его словамъ, «самую страшную клятву, что ежели эту клятву не исполнить, такъ разнесетъ всего человѣка»... «А клятва эта была, — продолжаетъ ундеръ, въ томъ, что ежели я ворочусь благополучно, и что ни истребую у нея, что-бъ все было.... А на что мнѣ? такъ пугаль». И вотъ, явившись, какъ снѣгъ наголову, послѣ того, какъ она давно привыкла его

считать погибшимъ еще на старой Турецкой войнѣ, онъ начинаетъ съ того, что пугаетъ ее, матерую вдову-купчиху, вотъ какими требованіями: «выберу у тебя гостиную, которая лучше, — да и останусь тутъ; гвоздей по стѣнамъ набью, амуницію развѣшаю..... А вы каждое утро ко мнѣ всей семьей здороваться приходите, въ ноги кланяться, и вечеромъ опять тоже, прощаться, покойной ночи желать. И сундукъ-то тотъ, желѣзный, ко мнѣ въ комнату подъ кровать». (Можно себѣ представить, что у нея тамъ припрятано въ этомъ завѣтномъ сундукѣ). — «Ахъ, бѣда моей головушкѣ!», невольно вырывается у бѣдовой старухи. Но Грозновъ совсѣмъ не такъ грозенъ; — онъ только пошутилъ. Онъ сейчасъ-же и мѣняетъ тонъ, утирая слезы: «уголъ мнѣ нуженъ—вѣкъ доживать, уголъ—гдѣнибудь въ сторожкѣ, подлѣ кануры собачьей.» — «Ахъ ты, миленькій, миленькій», также утирая слезы причитаетъ и Мавра Тарасовна. И тутъ же, успокоившись на счетъ его намѣреній, видя, что онъ готовъ въ услуженіе въ домъ къ нимъ поступить, сейчасъ же опять обращается въ прежнюю заскорую скопидомку, которой бы только лишнюю копѣйку у кого-нибудь оттягать. «А многоль съ насъ-то запросишь?» спрашиваетъ она.

Грозновъ. Четырнадцать рублей двадцать-восемь копѣекъ съ денежкой—я на старый счетъ.

Мавра Тарасовна. Ну ужъ съ насъ-то возьми по знакомству двѣнадцать.

Грозновъ. Ахъ, ты! (*Топнуть ногой*). Полтора ста.

Мавра Тарасовна. Ну четырнадцать, такъ четырнадцать... Четырнадцать, четырнадцать, я пошутила.

Грозновъ. Не четырнадцать, а четырнадцать 28 копѣекъ съ денежкой. И денежки не уступлю. А какъ харчи?

Мавра Тарасовна. Харчи у насъ людскіе хорошіе, по праздникамъ водки подносимъ; ну, а тебя-то когда Филицата и съ нашего стола покормитъ.

Грозновъ. Я разностоловъ вашихъ не люблю, мнѣ что помягче.

Мавра Гарасовна. Да, да, состарѣлся ты, ахъ, какъ состарѣлся!

Память о бывшихъ грѣхахъ окончательно беретъ верхъ: бабушкѣ (*въ этомъ* напоминающей, пожалуй, и Гончаровскую въ «Обрывѣ») уже не слѣдъ винить внучку въ томъ, что застала ее вечеромъ въ саду съ Платономъ Зыбкинымъ.

Этотъ молодой человѣкъ является самымъ оригинальнымъ, а вмѣстѣ и самымъ интереснымъ лицомъ въ комедии. На бѣду себѣ, онъ уродился таковъ, что ужь больно правду любить, а, поучившись кое чему, думаетъ въ этомъ найти опору для своего правдолюбія. «Неученье—тьма, а ученье—свѣтъ» —его исповѣданіе; но свѣтъ вѣдь на то и свѣтъ, чтобы указывать путь-дорогу къ правдѣ. «Всю жизнь я, маменька, сражаюсь съ невѣжествомъ, только дома утѣшеніе и вижу, и вдругъ какой ударъ, въ родной матери я то же самое нахожу». Онъ говоритъ это изъ-за того, что у матери, долго державшей его сторону, вырвалось вдругъ слово ропота, когда они должны были все заложить, чтобы только выкупиться Платону у Амоса Панфилыча (который принялъ его на службу въ видѣ уплаты за деньги, занятія у него матерью Платона, и отъ котораго Платонъ рѣшился уйти послѣ всяческихъ притѣсненій и напраслинь, особенно же послѣ того, какъ украли у него письмо его, предназначавшееся для дочки Амоса Панфилыча, такъ имъ при этомъ и не выдаваемой, сколько ни пристають къ нему съ тѣмъ). Мать Платона вообще высоко цѣнить своего сына, хотя и понимаетъ всю непрактичность его достоинствъ. «Говоритъ очень прямо, — описываетъ его мать, — ну, значить, ничего себѣ въ жизни составить и не можетъ. Учился онъ хоть на мѣдныхъ деньги, а хорошо, и конторскую науку онъ всю понялъ; учителя все его любили и похвальные листы ему давали, — и теперъ у меня въ рамкахъ на стѣнкѣ висятъ... Учатся бѣдные люди для того, чтобы званіе имѣть да мѣсто получить; а онъ чему учился-то, все это за правду принялъ, всему этому повѣрилъ». Она совершенно вѣрно поняла и

опредѣлила своего сына, который могъ бы въ этомъ отношеніи послужить примѣромъ для многихъ и не изъ его среды. «По нашему, матушка, по купечески, продолжаетъ она,—учись, какъ знаешь, хоть съ неба звѣзды хватай, а живи не по книгамъ, а по нашему обыкновенію, какъ изстари заведено». И вѣдь разсуждаетъ-то такъ не одна вдова Зыбкина, разсуждаютъ такъ, какъ извѣстно, и люди всякихъ положеній и званій—ну хоть, на примѣръ, по поводу той книги, чтѣ евангеліемъ прозывается: мало ли чтѣ въ ней написано, а въ отношеніяхъ общественныхъ, въ отношеніяхъ международныхъ все будто бы должно оставаться «по нашему обыкновенію, какъ изстари заведено». Такія мысли зачастую проводятся у историковъ, политиковъ, публицистовъ,—и не мирятся съ нею только такіе «юродивые» или «блаженненькіе», какъ Платонъ Зыбкинъ, которымъ и достается же за то горе — не отъ ума ужь, конечно, а отъ безумія. На бѣду Платона, онъ и говоритъ-то своимъ особеннымъ языкомъ, какимъ-то книжно-изысканнымъ и туманнымъ, хотя, при нѣкоторой сообразительности, и не особенно трудно понять, чтѣ онъ говоритъ. «Всякій человѣкъ, чтѣ большой, чтѣ маленькій, философствуетъ Платонъ,—это все одно,—если онъ живетъ по-правдѣ, какъ слѣдуетъ, хорошо, честно, благородно, дѣлаетъ свое дѣло себѣ и другимъ на пользу, — вотъ онъ и патриотъ своего отечества. А кто проживаетъ только готовое, ума и образованія не понимаетъ, дѣйствуетъ только по своему невѣжеству, съ обидой и съ насмѣшкой надъ человѣчествомъ, и только себѣ на потѣху, тотъ мерзавецъ своей жизни». Но вѣдь эти слова, несмотря на ихъ странную форму—право золотыя слова, ясно указывающія на тѣ два громадныхъ стана, на какіе распадается весь человѣческій родъ. Такое же чистое золото и въ томъ, что Платонъ говоритъ Поликсенѣ. «Одна у васъ природа съ Амосомъ Панфилычемъ», опредѣляетъ онъ ее — ей же самой въ глаза. «Только свой капризъ тѣшите... вы воображаете, что въ васъ существуетъ любовь, а совѣмъ напротивъ... Прикажетъ вамъ бабушка замужъ идти,

и всей этой любви конецъ, и обрадуетесь вы первому встрѣчному. А мучаете вы человѣка такъ, отъ скуки, чтобы покуда, до жениха, у васъ даромъ время не шло.

Поликсена. Какъ ты смѣешь такія слова говорить?

Платонъ. Отчего же и не говорить, коли правда?

Поликсена. Да ты и правду мнѣ не смѣй говорить!

Платонъ. Нѣтъ, ужь правду никому не побоюсь говорить. Самому лютому звѣрю—льву, и тому въ глаза правду скажу.

Поликсена. А онъ тебя растерзаетъ.

Платонъ. Пущай растерзаетъ. А я ему скажу: терзай меня, ну, терзай, а правда все-таки на моей сторонѣ.

И что же? вѣдь безъ такихъ «юродивыхъ» окончательно не было бы людямъ житья отъ лютыхъ звѣрей. Конечно, подчасъ не достаточно говорить имъ правду, а приходится—не во гнѣвъ будь сказано Л. Н. Толстому—силою вырывать жертву изъ ихъ пасти. Но Платоны Зыбкины, надо думать, и на это готовы. Это тѣ же Давиды, идущіе со своею пращею на Голиаѳовъ. Вспомнимъ, какимъ глупоимъ самосознаньемъ исполнены его слова: «Все вы у меня отняли и убили меня совсѣмъ, но только изъ подъ политики, учтиво... и за то спасибо, что хоть не дубиной. Ахъ, благодѣтели, благодѣтели мои! Замучить-то вы и ее, (т.-е. Поликсену), и меня замучите, высушите, въ гробъ вгоните, да все-таки учтиво, а не по прежнему. Значить, наше взяло! Ура!! Вотъ оно правду-то вамъ говорить почаще, вотъ! Какъ вы много противъ прежняго образованіе стали! А коли учить васъ хорошенько, такъ вы, пожалуй, скоро и совсѣмъ на людей похожи будете».

Многое въ словахъ Платона свидѣтельствуешь о томъ, что «темное царство» самодурства кое въ чемъ уже пошатнулось. Но вѣдь сила Платона въ томъ, что на его сторонѣ не одна правда словъ, но и правда дѣлъ. На повѣрку выходитъ, что онъ-то и относился честно къ своему хозяину, что онъ-то и оберегалъ его интересы отъ такихъ подслуживающихся ему мошенниковъ, какъ приказчикъ его Мухояровъ съ компаніей. Мавра Тарасовна

дѣйствующая, конечно, подѣ влияніемъ Грозновской грозы, остается и себѣ на умѣ, когда не только выдаетъ Поликсену за Платона, но и назначаетъ его главнымъ приказчикомъ и всю торговлю и капиталъ ему довѣряетъ. Видно, и въ «темномъ царствѣ» начинаютъ чувствовать, что правдивые, смѣлые люди — это въ то же время и въ самомъ дѣлѣ честные люди, а безъ честныхъ людей далеко не уйдешь. Послѣ всего этого нельзя, кажется, не признать, что Платонъ Зыбкинъ является настоящимъ «лучомъ свѣта въ темномъ царствѣ»,—онъ, а не погубившая себя съ отчаянья Катерина!

Пяти-актная комедія «Послѣдняя жертва» снова насъ переноситъ въ среду повальной безчестности и распущенности. Тутъ передъ нами опять и «волки», и «овцы». Главнымъ волкомъ является тутъ жуиръ Дульчинъ, пользующійся нѣжностью молодой вдовы Юліи Павловны Тугиной, которая мало-по-малу передаетъ ему все свое состояніе—въ надеждѣ на то, что онъ наконецъ на ней женится. Послѣдняя жертва съ ея стороны заключается въ томъ, что она занимаетъ для него шесть тысячъ у богатаго купца Прибыткова, стараго Селадона, къ которому и приходится ей для этого подѣзжать при помощи ультра-кокетливыхъ пріемовъ, отчасти напоминающихъ Глафиру въ «Волкахъ и Овцахъ». А Дульчинъ, вмѣсто того, чтобы этими, такъ солоно ей достающимися, деньгами (она съ отвращеніемъ подѣзжаетъ къ Прибыткову) выпутаться изъ петли, проигрываетъ ихъ въ карты. Она, между тѣмъ, полагая, что послѣднею жертвою купила наконецъ свое счастье, отправляется заказать себѣ подвѣчное платье, —а вернувшись домой, находитъ у себя на столѣ пригласительный билетъ отъ племянника старика Прибыткова, Лавра Мироныча, на свадьбу дочери его Ирины съ г. Дульчинимъ. Дѣло въ томъ, что, повѣривъ слуху о громадномъ будто бы приданомъ, обѣщанномъ старикомъ Прибытковымъ своей внучкѣ, Дульчинъ хочетъ женитьбой на ней радикально поправить свои обстоятельства. Отношенія между нимъ и Ириною таковы, что тутъ хоро-

шенько и не разберешь—кто овца, а кто волкъ, т. е. тутъ каждая сторона—и овца, и волкъ въ одно и то же время. На повѣрку выходитъ, что дѣдъ даетъ за Ириною пустяки. Между тѣмъ она, начитавшись романовъ, доводитъ сентиментальность свою до того, что прибѣгаетъ къ Дульчину на квартиру, говоря: «отсюда только одинъ выходъ—подъ вѣнецъ!»

Дульчинъ. Можно и подъ вѣнецъ, только нѣтъ никакой надобности.

Ирина. Какъ нѣтъ надобности?

Дульчинъ. Рѣшительно никакой! У васъ приданаго только пять тысячъ, у меня ни копѣйки и пропасть долгу.

Ирина. А гдѣ же ваше состояніе?

Дульчинъ. Было когда-то...

Ирина. Ахъ, какая гадость!

Дульчинъ. «Съ голубыми ты глазами, моя душечка!» Угодно вамъ со мною подъ вѣнецъ?

Ирина. Я думала, что вы очень богаты.

Дульчинъ. И я думалъ, что вы очень богаты.

Ирина. Какъ я ошиблась.

Дульчинъ. И я ошибся.

Но вотъ та же самая сплетница, которая разблаговѣстила ему про полмиліона Ирины, приноситъ ему вѣсть о томъ, что Юлія умерла съ горя. Тутъ только какъ будто бы пробуждается въ этомъ человѣкѣ какой-то остатокъ человѣческихъ чувствъ—что то въ родѣ горя, что-то въ родѣ раскаянія. Но Юлія тутъ какъ тутъ. Вслѣдъ же за нею является и Прибытковъ, торжествующимъ тономъ объявляющій Дульчину: «я имѣю согласіе Юліи Павловны на вступленіе со мной въ бракъ; такъ ваши документы поступаютъ ко мнѣ вмѣсто приданаго». Онъ разумѣетъ ту росписку, которую онъ заставилъ ее, давая ей деньги, взять съ Дульчина. Юлія такимъ образомъ не умерла, какъ разблаговѣстила вѣстовщица Глафира Фирсовна; она заживо попадаетъ въ могилу—въ замужество съ противнымъ ей старикомъ, этимъ волкомъ, пользующимся слу-

чаемъ проглотить овцу. Но что же г. Дульчинъ? Ему, по видимому, предстоитъ немедленно очутиться въ «ямѣ» — вѣдь ужь Прибытковъ-то не пощадить своего бывшего соперника, какъ не пощадить его и ростовщикъ Армянинъ, Салай Салтановичъ, не пощадятъ и многіе другіе. Онъ однако не унываетъ. «Глафира Фирсовна, спрашиваетъ онъ ту же вѣстовщицу, у Пивокуровой много денегъ?»

Глафира Фирсовна. Мильонъ.

Дульчинъ. Сватай мнѣ вдову Пивокурову.

Глафира Фирсовна. Давно бы ты за умъ взялся.

Дульчинъ. В-зи меня къ ней сейчасъ.

Такова развязка комедіи — развязка въ будущемъ. Основные характеры выяснились вполне; не въ развязкѣ дѣло.

ХІІ.

„Безприданница“.—„Сердце не камень“.—„Невольницы“.—„Таланты и поклонники“.

Намъ приходилось не разъ убѣждаться, что въ комедіяхъ Островскаго встрѣчается очень много совсѣмъ не комическаго. Но нѣкоторыя изъ своихъ произведеній онъ называетъ *драмами*, хотя въ нихъ не мало и комическаго. Сюда относятся у него и «Безприданница», оканчивающаяся самымъ грустнымъ, даже трагическимъ образомъ. Мы тутъ опять на берегу Волги—въ большомъ торговомъ городѣ Бряхимовѣ. Передъ нами тузы торговаго міра, но ужест. преобладающимъ лоскомъ заправской цивилизаціи (не Гордѣю Карповичу Торцову чета). И знаютъ же они себѣ цѣну. Мокій Парменычъ Кнуровъ, пожилой человекъ изъ крупныхъ дѣльцовъ послѣдняго времени, «все молчитъ», по отзыву клубнаго буфетчика. «Да и какъ же ему разговаривать, если у него мильонъ! Съ кѣмъ ему разговаривать? Есть человекъ два-три въ городѣ, съ ними онъ разговариваетъ, а больше не съ кѣмъ; ну, онъ и

молчить. Онъ и живетъ здѣсь подолгу, отъ этого отъ самаго; да и не жилъ бы, кабы не дѣла. А разговаривать онъ ѣздитъ въ Москву, въ Петербургъ, да за-границу, тамъ ему просторнѣе». Вотъ Василій Данилыч Вожеватовъ, молодой представитель богатой торговой фирмы, тотъ еще разговариваетъ, «а въ лѣта войдетъ, по сужденію того же буфетчика, такой же идолъ будетъ». Пока онъ благодушествуетъ въ кофейной на берегу Волги, радушно угощая всякихъ знакомыхъ, и мужчинъ, и дамъ, холоднымъ чаемъ,—т.-е. шампанскимъ въ чайникахъ. Самый же блестящій баринъ въ городѣ, это, конечно, Сергѣй Сергѣичъ Паратовъ,—судохозяинъ, лѣтъ за тридцать. Приближеніе его къ городу сразу становится всѣмъ извѣстнымъ. «Тамъ на биржѣ пушка есть, рассказываетъ все тотъ же буфетчикъ Гаврило; когда Сергѣя Сергѣича встрѣчаютъ или провожаютъ, такъ всегда палятъ. Вотъ и коляска за ними ѣдетъ извозчицкая, Чиркова. Видно, дали знать Чиркову, что пріѣдутъ. Самъ хозяинъ Чирковъ на козлахъ. Это за ними.... четыре иноходца въ рядъ, и цыганъ съ Чирковымъ на козлахъ сидитъ въ парадномъ казакинѣ». Но Паратовъ, къ сожалѣнію, уже меркнувшее свѣтило.... Дѣла его, отъ широкой жизни, запутались; пароходъ продаетъ, только въ богатой невѣстѣ спасеніе видитъ. Нравилась ему, было, дѣвушка, крѣпко нравилась, да, на бѣду, она «безприданница». Мать ея, однако, двухъ дочекъ уже пристроила: одну, по словамъ Вожеватова, за какого-то Кавказца, зарѣзавшаго ее на дорогѣ отъ ревности; другую—за предполагаемаго иностранца, на самомъ же дѣлѣ—шуллера. «Огудалова разочла не глупо, замѣчаетъ Кнуровъ; состояніе небольшое, давать приданое не изъ чего, такъ она живетъ открыто, всѣхъ принимаетъ». На бѣду, «средства у нея такъ не велики, что даже, по замѣчанію Вожеватова, и на такую жизнь не достаетъ». Вотъ и появился у нея въ домѣ Паратовъ, по разсказу того же Вожеватова, «мѣсяца два поѣздилъ, жениховъ всѣхъ отбилъ, да и слѣдъ его простылъ, исчезъ неизвѣстно куда». Упустивъ такого звѣря изъ рукъ, мамаша

безъ устали продолжала свою ловлю. У дочери «иногда слезынки на глазахъ, видно, поплакать задумала, а маменька улыбаться велить. Потомъ вдругъ проявился этотъ кассиръ. Вотъ бросаль деньгами-то, такъ и засыпаль Хариту Игнатьевну (мать). Отбилъ всѣхъ, да не долго покуражился; у нихъ въ домѣ его и заарестовали. Скандалище здоровый!» Не въ моготу стало бѣдной дѣвушкѣ. «Тутъ ужь, продолжаетъ свой разказъ Вожеватовъ, Ларисса наотрѣзъ матери объявила: «довольно съ насъ сраму-то; за перваго пойду, кто посватается, богатъ ли, бѣденъ ли, разбирать не буду». А Карандышевъ и тутъ какъ тутъ съ предложеніемъ».

Драма и начинается тѣмъ, что Ларисса его невѣста, потому что ей, какъ Пушкинской Татьянѣ, всѣ жребіи стали равны. Онъ небогатый чиновникъ, влюбчивый и недалекій; не оглядывается назадъ и не глядитъ впередъ, а считаетъ своимъ долгомъ, въ какомъ-то нелѣпомъ чаду, звать къ себѣ на обѣдъ всѣхъ богатыхъ Огудаловскихъ посѣтителей, затѣмъ, разумѣется, чтобы они насмѣялись надъ нимъ и надъ его обѣдомъ, а невѣста, вмѣсто равнодушія, почувствовала къ нему презрѣніе. Между тѣмъ, у ней изъ мыслей не выходитъ Паратовъ. Да она и не скрываетъ этого отъ жениха. «Сами по себѣ вы чтонибудь значите, говорить она ему; вы хорошій, честный человекъ, но отъ сравненія съ Сергѣемъ Сергѣичемъ вы теряете все... Сергѣй Сергѣичъ это идеаль мужчины. Вы понимаете, что такое идеаль?» И вотъ она рассказываетъ, какъ онъ далъ одному Кавказскому офицеру, въ доказательство мѣткой стрѣльбы, выстрѣлить въ стаканъ, который поставилъ себѣ на голову. «Сергѣй Сергѣичъ,—продолжаетъ она разказъ,—говорить: «вы прекрасно стрѣляете, но вы поблѣднѣли, стрѣляя въ мужчину и человека вамъ не близкаго. Смотрите, я буду стрѣлять въ дѣвушку, которая для меня дороже всего на свѣтѣ, и не поблѣднѣю». Даетъ мнѣ держать какую-то монету, равнодушно, съ улыбкой, стрѣляетъ на такомъ же разстояніи, и выбиваетъ ее». Въ словахъ этихъ вся Ларисса съ мечтательнымъ

увлеченіемъ, доходящимъ до того, что бездушный поступокъ Паратова представляется ей какимъ-то геройскимъ подвигомъ. Напрасно бѣдняга женихъ восклицаетъ: «и вы послушали его?»

ЛАРИСА. Да развѣ можно его не послушать?

КАРАНДЫШЕВЪ. Развѣ ужь вы были такъ увѣрены въ немъ?

ЛАРИСА. Что вы? Да развѣ можно быть въ немъ неуѣренной?

КАРАНДЫШЕВЪ. Сердца нѣтъ, оттого и смѣль.

А она тутъ же и говоритъ своему жалкому жениху: «если бы явился Сергѣй Сергѣичъ и былъ свободенъ, такъ довольно одного его взгляда... Успокойтесь, онъ не явился, а теперь хоть и явится, такъ ужь поздно. Вѣроятно, мы никогда и не увидимся болѣе».

А пушка тутъ-то какъ разъ и возвѣщаетъ его прибытіе. Изъ дальнѣйшаго хода драмы выходитъ, что онъ явился совсѣмъ еще не поздно, для того, чтобы снова увлечь за собою Лариссу. Средство имъ выбрано вѣрное: приглашенный также на обѣдъ къ ея жениху, онъ, при помощи прирученнаго имъ странствующаго актера, напиваетъ Карандышева и доводитъ его до произнесенія тѣмъ болѣе смѣшнаго спича въ честь невѣсты. Карандышевъ не былъ на столько уменъ, чтобы махнувъ рукою на всякія празднества, поскорѣе исполнить просьбу Лариссы—увезти ее изъ «этого цыганскаго табора». Насмѣявшись на обѣдѣ надъ ея женихомъ, такъ глупо увѣреннымъ въ прочности своего положенія, Паратову достаточно сказать упрекающей его Лариссѣ: «погодите, погодите винить меня! Я еще не совсѣмъ опозилъ, не совсѣмъ огрубѣлъ; во мнѣ врожденнаго торгашества нѣтъ; о, благородныя чувства еще шевелятся въ душѣ моей. Еще нѣсколько такихъ минутъ, да... еще нѣсколько такихъ минутъ... Я брошу всѣ расчеты, и ужь никакая сила не вырветъ васъ у меня, развѣ вмѣстѣ съ моею жизнію». Ему достаточно, тутъ же, съ жениховскаго обѣда позвать ее ѣхать съ ними со всѣми (за исключеніемъ же-

ниха) кататься по Волгѣ съ пѣсельниками, и она страстно кидается въ этотъ «цыганскій таборъ». Она такъ увѣрена, что этимъ быстрымъ откликомъ на его зовъ привяжетъ его къ себѣ навсегда, заставитъ его позабыть о полумиллионной невѣстѣ. Между тѣмъ, возвращаясь ночью съ прогулки, ей приходится только выслушать его благодарность за доставленное имъ удовольствіе. «Вы мнѣ фразъ не говорите,—отвѣчаетъ она; вы мнѣ скажите только: что я—жена вапа или нѣтъ?» А онъ указываетъ ей на то, что пора ей ѣхать домой, что они еще успѣютъ поговорить. Онъ даже не предлагаетъ ей, что отвезетъ ее самъ, а поручаетъ это своему пьяному актеру, который, впрочемъ, оказывается сострадательнымъ къ ея положенію. А Паратовъ указываетъ ей на обручальное кольцо, какъ на «цѣпи, которыми онъ на всю жизнь скованъ». При всей пустотѣ, при всей суетности Лариссы, она сразу становится лицомъ драматическимъ, возбуждающимъ къ себѣ самое глубокое участіе. Это участіе растетъ, когда Кнуровъ, тутъ же ночью, въ бесѣдкѣ на берегу Волги, предлагаетъ ей свое покровительство: «неудобно ли вамъ ѣхать со мной въ Парижъ на выставку.... И полное обезпеченіе на всю жизнь.... Стыда не бойтесь, осужденій не будетъ. Есть границы, за которыя осужденіе не переходитъ; я могу предложить вамъ такое громадное содержаніе, что самые злые критики чужой нравственности должны будутъ замолчать и разинутьъ рты отъ удивленія... Я бы ни на одну минуту не задумался предложить вамъ руку, но я женатъ».... Онъ судитъ о ней по ея мамашѣ: согласилась же та на его предложеніе сдѣлать на его счетъ для Лариссы приданое, выпросила же она у него сверхъ того триста рублей будто бы на покупку для Лариссы брошки, на самомъ дѣлѣ уже подаренной ей Вожеватовымъ.... Но Ларисса—далеко не мать.... Предложеніе Кнурова окончательно ей открываетъ глаза.... Она не даромъ просила своего жениха поскорѣе ее увезти изъ цыганскаго табора.... Теперь это поздно: она не уѣдетъ съ нимъ, онъ ужъ слишкомъ ей опротивѣлъ, онъ окончательно отталкиваетъ

ее отъ себя и своими попреками, и своимъ покровительствомъ... Но куда она дѣнется?... Тутъ, внизу подъ бѣсѣдкою—Волга, на которую она и указывала Паратову,— Волга, не какъ мѣсто катанья, а какъ то мѣсто успокоенія, которое выбрала себѣ Катерина... Но у Лариссы чего-то не достаетъ на это. «Разставаться съ жизнію совѣмъ не такъ просто, какъ я думала, говорить она... А вѣдь есть люди, для которыхъ это легко. Видно, ужъ тѣмъ совѣмъ жить нельзя, ихъ ничто не прельщаетъ, имъ ничто не мило, ничего не жалко... Да вѣдь и мнѣ ничто не мило, и мнѣ жить нельзя, и мнѣ жить незачѣмъ! Что-жь я не рѣшаюсь?... Жалкая слабость. Жить, хоть какънибудь, да жить... когда нельзя жить и не нужно... Кабы теперь меня убилъ ктонибудь»... И Островскій совершенно неожиданно развязкою приводитъ желаніе ея въ исполненіе. Такое желаніе съ ея стороны понятно, естественно, но приведеніе его въ исполненіе Карандышевымъ ничѣмъ хорошенько не подготовлено, вовсе не вытекаетъ ни изъ его характера, ни изъ его обстановки. Ему совѣмъ не къ лицу носиться съ пистолетомъ, праздно красовавшимся у него на стѣнѣ, носиться съ нимъ со времени ея изчезновенія послѣ обѣда, съ тѣмъ, чтобы спустить наконецъ курокъ прямо на нее; странно уже одно то, что, при его житьѣ-бытьѣ, пистолетъ оказывается заряженнымъ. Такой неожиданный заключительный эффектъ портитъ всю драму. А между тѣмъ, сколько глубокаго, сколько примиряющаго насъ съ Лариссою въ ея послѣднихъ словахъ Паратову, унимающему неумѣстныя пѣсни цыганъ: «пусть веселятся, кому весело, я не хочу мѣшать никому! Живите, живите всѣ! Вамъ надо жить, а мнѣ надо умереть... Я ни на кого не жалуясь, ни на кого не обижаюсь (она даже увѣряетъ, что и выстрѣлила сама)... Вы всѣ хорошіе люди... Я васъ всѣхъ... всѣхъ люблю».

Появившееся подъ названіемъ комедіи новое произведеніе Островскаго: «Сердце не камень» въ сущности оказывается настоящею драмою. Мы тутъ опять попадаемъ

въ область стараго самодурства, самодурства,—ничѣмъ не приглашеннаго, хотя и вызывающаго извѣстнаго рода затаенный протестъ съ женской стороны. Онъ — въ словахъ Ольги, жены племянника богатаго купца старика, Потапа Потапыча Каркунова. Въ глаза старику она бы этого, конечно, не высказала, какъ не высказала бы и въ глаза мужу; но она обращается къ своей молодой и доброй теткѣ. «Мы не люди, что ли? Да посмотрите, что мужчины-то дѣлаютъ, какую они себѣ льготу даютъ! Что они, боятся, али стыдятся чего? Какая только придетъ имъ въ голову фантазія, все и исполняютъ. А отъ васъ требуютъ, чтобы не только мы законъ соблюдали, а въ душѣ и помышленіи непорочность имѣли. Какъ еще они, при своей такой безобразной жизни, смѣютъ отъ насъ чего-то требовать». Протестъ ея такимъ образомъ направленъ противъ всей господствующей половины человѣческаго рода, которая—на зло всѣмъ успѣхамъ цивилизаціи, — въ сущности является такою-же повсемѣстно. Ольга, разумѣется, и слыхомъ не слыхала о Миллѣ, а тирада ея точно будто бы взята изъ книги его о «подчиненіи женщины». Но мы вовсе этимъ не хотимъ сказать, чтобы Островскій обратилъ свою купеческую жонку въ какую-то умственную ворону въ павлиньихъ перьяхъ. Напротивъ, Ольга не говоритъ у него ни одного слова, котораго не могли бы сказать въ такомъ же положеніи очень многія, никогда ничего не читающія, Ольги. Островскій только обобщилъ это положеніе, придавъ ему общечеловѣческой характеръ. Но Ольга продолжаетъ: «я шла замужъ-то, какъ голубка была, а мужъ меня черезъ недѣлю по трактирамъ повезъ арфи-стокъ слушать; сажалъ ихъ за одинъ столъ со мной, обнимался съ ними, а что говорилъ, такъ у меня волоса дыбомъ подымались!» Да вѣдь и это опять, хотя бы и въ другихъ совершенно формахъ, возможно не въ одной купеческой средѣ, возможно и вне у насъ однихъ!—До чего же доходить ея супругъ въ тѣхъ своихъ похожденияхъ, отъ которыхъ держать ее въ сторонѣ, въ которыхъ участвуетъ вмѣстѣ со своимъ старикомъ дядей, требующимъ отъ

него, несмотря на то, какого-то особеннаго, основаннаго на лѣтахъ, уваженія? Потапъ Потапычъ зато не посвящаетъ своей молодой жены ни въ какія тяжкія; — онъ слишкомъ для этого старъ, т.-е., подъ вліяніемъ старости, слишкомъ ревнивъ. Разъ какъ-то, вскорѣ послѣ женитьбы, повезъ было онъ Вѣру Филипповну въ театръ — да сейчасъ же и увезъ ее домой еще до начала представленія. замѣтивъ, что кто-то изъ кресель смотритъ на нее въ трубку. — Но ужь себѣ-то зато онъ все позволяетъ не хуже молодого племянника, который не даромъ ему говорить: «безобразіемъ-то, дяденька, мы вмѣстѣ занимались; жели я и пьянствовалъ, такъ для вапшего удовольствія». Между тѣмъ, онъ вполне сознаетъ, какія его лѣта и что пора бы ему «о душѣ позаботиться». Но вѣдь такія заботы не затруднительны — при его колоссальныхъ средствахъ. Задумавъ написать завѣщаніе, онъ собирается щедро въ немъ отпустить на бѣдныхъ; онъ даже близокъ къ тому, чтобы все имъ однимъ отдать — ибо какое же множество душъ станетъ тогда его грѣхи отмаливать! «Мое вѣдь, — говоритъ онъ; — кому хочу, тому и даю. Душа-то дороже жены. Вотъ еще приказчикъ... У пріятеля сыночка взялъ, обѣщаль въ люди вывести, наградить... а не вывелъ. И жалованье-то платилъ малое, все посулами проводилъ... И о немъ тоже, видишь, плачу. Только у меня дорогого то, что жена да приказчикъ; а душа все-таки дороже.. Можно ему чтонибудь изъ платья... шубу старую... Такъ и напиши!»... На возраженіе: «будетъ ли польза душѣ-то?» старикъ самоувѣренно утверждаетъ: «будетъ, будетъ; съ умными людьми совѣтовался, съ благочестивыми... И больше все, чтобы по мелочамъ, въ разда: у нищей братіи, — по гривнѣ сто тысячъ, по пятаку триста». На замѣчаніе, что отъ этого «питейныя заведенія заторгуютъ хорошо», онъ преспокойно отвѣчаетъ: «пуцай! все-таки каждый передъ стаканомъ-то помянетъ добрымъ словомъ».

Завѣщаніе старика и служить узломъ комедіи. Въ концѣ концовъ оказывается, что ни молодая жена, ни со-

бутыльникъ-племянникъ тутъ далеко не забыты. Слухомъ земля полнится, — слухъ о щедрой долѣ доходить и до Вѣры Филипповны. Простая, искренняя душа, она не скрываетъ, что рада этому, хотя выходила замужъ не по собственному расчету на богатство старика, а потому, что при ихъ бѣдности этого ея мать хотѣла. Но она рада завѣщанію потому, что «много бѣднымъ даетъ, такъ часто и не хватаетъ». Такой причинѣ ея радости, конечно, не вѣрятъ; и племянникъ-кутила, несмотря на оставляемую и ему большую часть, и его разбитная жена завидуютъ Вѣрѣ Филипповнѣ. Племянникъ сговаривается съ молодымъ приказчикомъ подвести ее: приказчикъ долженъ ее расположить къ себѣ, зазвать на свиданіе, а племянникъ съ дядею ихъ накроютъ. Вѣра Филипповна такимъ образомъ лишится наслѣдства; лишится, разумѣется, и приказчикъ, но племянникъ Каркунова его щедро вознаградитъ.

Такова интрига. Расчетъ тутъ — на молодость Вѣры Филипповны и на молодость приказчика (они почти однолѣтки); расчетъ тутъ также на простоту Вѣры Филипповны и на ея сострадательность. Сама она говоритъ про себя, что двадцать лѣтъ взаперти просидѣла. Если сопоставить это съ тѣмъ, что ей, по указанію въ списокѣ дѣйствующихъ лицъ, лѣтъ около 30-ти, то ее, стало быть, просватали страшно рано, какъ водилось оно въ старину, просватали чуть не ребенкомъ. Утѣшеніе нашла она въ томъ, о чемъ слишкомъ мало думала Катерина (въ «Грозѣ») — въ заботѣ о бѣдныхъ. Только средствъ у нея не всегда хватало, а у Потапа Потапыча просить боялась. Думала она и о томъ, что манило Катерину — «пріемыша взять, сиротку, чтобы не такъ скучно было: Потапъ Потапычъ не велитъ.» Собесѣдница ея Аполлинарія Панфиловна ехидно истолковываетъ ея слова: «такъ лѣтъ 25-ти кудрявенькаго, отъ скуки пріятно». Едва-ли она тутъ не намекаетъ на приказчика Ераста, который однако же старше, лѣтъ 30-ти. Быть можетъ, онъ и самъ представлялся Вѣрѣ Филипповнѣ, когда она, на не менѣ ехидныя

слова племянницы (по поводу завѣщанія): «какъ богатаго не полюбить», чистосердечнѣйшимъ образомъ отвѣчаетъ: «богатаго труднѣе полюбить. За что я его буду любить? Ему и такъ жить хорошо. Бѣднаго скорѣе полюбишь. Будешь думать: «того у него нѣтъ, другого нѣтъ», станешь жалѣть и полюбишь». Видно, душа у нея такая же сострадательная, какъ у многихъ дѣйствующихъ лицъ Достоевскаго. И Ерасть ее давно понималъ. «Она у насъ сердобольная,—говоритъ онъ,—чувствительная, такъ я на жалость ее маю, казанскимъ сиротой прикидываюсь... Кажется, подѣйствовало, ужъ полдюжины голландскихъ рубашекъ получилъ вчера. Отъ кого-жь, какъ не отъ нея». Вѣдь она-жь, въ своемъ положеніи хозяйки, можетъ смотрѣть на заботы свои объ Ерастѣ, какъ на чисто материнскія отношенія къ приемышу своего мужа. На такомъ-то основаніи и позволяетъ она ему поцѣловать у нея руку. Вотъ на этой-то струнѣ и играетъ сначала Ерасть. «Кромѣ васъ,—говоритъ онъ, я никому на свѣтѣ не вѣрю и никого не уважаю. Вамъ я желаю рассказать всю свою жизнь: какъ жилъ, что дѣлалъ и всѣ свои помышленія, и спросить у васъ совѣта, какимъ манеромъ и для чего мнѣ существовать на этомъ свѣтѣ и влачиться на землѣ... Къ себѣ въ комнату я васъ приглашать не смѣю; поэтому самому пожалуйста завтра внизъ, въ контору, въ 10 часовъ вечера. Потапъ Потапычъ по обыкновенію въ эти часы находятся въ отъѣзжихъ поляхъ, въ домѣ все будетъ погружено въ глубокомъ снѣ; значитъ намъ полная свобода». Ерасту удается еще болѣе подстрекнуть ее своими сомнѣніями въ возможности этого: «Вотъ если мужчина на вашихъ глазахъ тонетъ,—говоритъ онъ, а вамъ только руку протянуть, и онъ спасенъ. Вѣдь вы руки не протянете, потому это стыдно; пушай онъ тонетъ». Она не даромъ отвѣчаетъ ему: «Да если человѣкъ тонетъ, до стыда ли тутъ! Стыдъ вѣдь только въ обыкновенной жизни очень нуженъ, а то онъ не очень важенъ; какъ что посерьезнѣе, такъ его и нѣтъ». Изъ этого уже прямо слѣдуетъ и то, что она говоритъ далѣе: «что-жь, видно, надо прійти». —

«Такъ я и ожидалъ, отвѣчаетъ онъ, потому у васъ душа особенная». И она въ самомъ дѣлѣ приходитъ къ нему, несмотря на его слишкомъ страстный и преждевременный поцѣлуй, доводящій ее до слезъ.

Но козни не удаются, какъ не удается и попытка бродяги богатыря Иннокентія ограбить ее подъ стѣнами монастыря, да еще и другая попытка того же пропащаго чело-вѣка со стакнувшимся съ нимъ племянникомъ Каркунова еще почище ограбить ее у нея же въ домѣ. Она точно будто бы, подобно древней Дамаянти, застрахована своимъ безстрашіемъ, которое вытекаетъ изъ полного вѣры созна-нія ею своей правоты. Придя къ Ерасту въ контору, она совершенно неожиданно и невольно подслушиваетъ разговоръ, разъясняющій ей, какая ловушка для нея тутъ устроена. Въ эту ловушку случайно попадаетъ не она, а Ольга, въ пылу страсти, безъ приглашенія, пришедшая на свиданье къ тому же Ерасту. Вотъ ихъ-то и накрываетъ старикъ Каркуновъ, приведенный къ Ерасту племянни-комъ. Старикъ такъ потрясенъ, что съ нимъ дѣлается пара-личъ. На первыхъ порахъ принимая это за смерть, моло-дой Каркуновъ и не думаетъ сердиться на свою жену.— такъ онъ доволенъ смертью старика. Но онъ радуется слишкомъ рано. Старикъ пока еще живъ, и, увѣрившись въ своей женѣ, съ безграничнымъ довѣріемъ отдается ей въ руки. Она этимъ пользуется по своему: «Мнѣ для се-бя ничего не нужно,—говоритъ Вѣра Филипповна;—тѣмъ довольна, что всякому бѣдному помочь могу; никому от-казывать не приходится, всякій съ чѣмъ нибудь да уйдетъ отъ меня ... Точно я изъ моря черпаю, ничего не убываетъ»... Она при этомъ и не думаетъ никому мстить: «за племянника Константина Лукича долги заплатила, изъ заключенія его выкупила».—А ужь Потапъ Потапычъ въ ваши дѣла не вступается?—спрашиваютъ ее. «Нѣтъ, къ нему только кланяться ходятъ, которые люди съ чувствомъ. А онъ только плачетъ, крестится, да меня благодарить. Никогда бы мнѣ, говоритъ, такъ о своей душѣ не поза-ботиться, какъ ты объ ней заботишься; я хоть бы и хо-

тѣль бѣднымъ людямъ помочь, такъ не сѣумѣлъ бы!» Точно будто бы и про него сказалась пословица: «укатали бурку крутыя горки». Да, укагали,—да не совѣмъ! Онъ по прежнему требуетъ отъ нея, чтобы она дала ему слово—и послѣ его смерти никого не любить, ни за кого, по крайней мѣрѣ, не выходить замужъ. Въ этомъ одномъ онъ остался тѣмъ же властнымъ самоуправцемъ. Она бы, пожалуй, и дала ему это слово, все еще хорошенько въ своемъ простодушіи не понимая себя. Но ей приходится снова увидѣться съ Ерастомъ, о которомъ она, не помня зла, позаботилась также, какъ и о Константинѣ. И вотъ тутъ-то, при этомъ свиданіи, она стала наконецъ понимать,— что не только она ему все простила, но что, пожалуй, она и любить, какъ и прежде любила, этого самаго своего обидчика. А онъ же еще и говоритъ ей: «вы теперь всѣхъ людей любите и добрыя дѣла постоянно дѣлаете, только одно у васъ это занятье и есть, а себя любить не позволяете; но пройдетъ годъ или полтора, и вся эта ваша любовь... Я не смѣю сказать, что она вамъ надоѣстъ, а только зачерствѣетъ, и всѣ ваши добрыя дѣла будутъ въ родѣ какъ обязанность или служба какая, а ужъ душевнаго ничего не будетъ. Вся эта ваша душевность изсякнетъ, а на мѣсто того даже раздражительность послѣ въ васъ окажется и сердиться будете и на себя, и на людей».

Это, конечно, не вѣрно: такое широкое сердце, какъ у нея, никогда не сѣзится и не обмелѣетъ; но онъ правъ въ одномъ: онъ повялъ, что въ ней сказалась еще и потребность личнаго чувства, личной привязанности. И она это поняла, а потому и предупреждаетъ угасающаго мужа: «я вамъ откровенно скажу,—я замужъ пойду... Не могу я лгать, не могу». Старая закваска еще крѣпка въ старикѣ, а потому онъ, собирая остатокъ силъ, готовъ ее убить своею палкой, чтобы только она не пережила его. Но, взглядываясь въ ея глаза, эти добрыя, честныя глаза, онъ невольно отказывается отъ своего умысла, онъ и стыдится его, и кается въ немъ. «За двадцать-то лѣтъ любви, покоя,—говоритъ умиленный старикъ,—за все ея усердіе убить

хотѣлъ. Вотъ какой я добрый, а еще умирать собираюсь... Пусть живетъ, какъ ей угодно; какъ бы она ни жила, что бы она ни дѣлала она отъ добра не отстанетъ и о душѣ моей помнитъ будетъ... Владѣй, всѣмъ владѣй! тебѣ и владѣть! А я долженъ благодарить Бога, что нашелъ человѣка, который знаетъ, на что богатымъ людямъ деньги даны, и какъ богатому человѣку проживать ихъ слѣдуетъ чтобы непостыдно могъ стать онъ передъ послѣднимъ судомъ».

Тутъ, стало быть, отпразднована у Островскаго новая, чисто нравственная побѣда надъ самодурствомъ.

Изъ двухъ, только что разобранныхъ драмъ (и «Сердце не камень» считаемъ мы драмою), исполненныхъ такого глубокаго психологическаго интереса, Островскій переходитъ къ довольно даже легкой комедіи—той, которая озаглавлена у него: «Невольницы». Мы тутъ опять на той противоестественной семейной почвѣ, которая всегда оказывается послѣ женитьбы пожилыхъ, а тѣмъ болѣе старыхъ людей на молодыхъ. Заглавіе комедіи объясняется, во-первыхъ, словами 60-ти лѣтняго богача Стырова: «Евлалію Андреевну выдали за меня почти насильно. Мать до 25 лѣтъ держала ее взаперти и обращалась съ ней, какъ съ десятилѣтней дѣвочкой. Я ее купилъ у матери». А между тѣмъ Евлалія—«мамамина дочь, въ родѣ какъ изъ иностранкѣвъ», по выраженію лакея Мирона. Мать ея не только женщина образованная, но и воспитательница. Сама Евлалія не только не чета такимъ необразованнымъ дѣвушкамъ, какъ Авдотья Максимовна или Любовь Гордѣевна,—на замѣчаніе пріятельницы своей Софьи Сергѣевны, что не всегда же можно правду говорить, она изумленно отвѣчаетъ вопросомъ: «такъ зачѣмъ же насъ учили?» Между тѣмъ она воспитана и учена [лишь за тѣмъ, чтобы стать «невольницей». Софья Сергѣевна не даромъ и проповѣдуетъ ей извѣстную рабыню мораль, что «надо обманывать». «Вы подумайте только,—говоритъ она Евлаліи,—какъ на насъ смотрятъ мужья и мужчины вообще! Они считаютъ насъ малодушными, вѣтренными, а

главное, хитрыми и лживыми. Вѣдь ихъ не разубѣдишь; такъ зачѣмъ же намъ быть лучше того, что они о насъ думаютъ? Они считаютъ насъ хитрыми,—и надо быть хитрыми. Они считаютъ насъ лживыми,—и надо лгать. Они только такихъ женщинъ и знаютъ; имъ другихъ и не нужно, только съ такими они и умѣютъ жить».—Евлалія, не чуждая книжнаго идеализма, пытается заявить на это: «мы должны стать выше ихъ». — Да какъ вы станете,—упорствуетъ Софья, коли въ ихъ рукахъ власть, власть ужасная тѣмъ, что она опопляетъ все, къ чему ни коснется. Я говорю только про нашъ кругъ (т.-е. про кругъ людей съ большими промышленными предпріятіями). Посмотрите, взгляните, что въ немъ. Посредственность, тупость, пошлость; и все это прикрито, закрашено деньгами, гордостью, неприступностью, такъ что издали кажется чѣмъ-то крупнымъ, внушительнымъ». Евлалія, опять таки подъ книжнымъ вліяніемъ, думаетъ остановить ее тѣмъ, что «въ ихъ кругу много иностранцевъ». «Да развѣ они лучше нашихъ! возражаетъ Софья. Наши дружатся съ ними, братаются, перенимаютъ отъ нихъ новыя пошлости да сальные каламбуры и воображаютъ, что живутъ по европейски. Мой мужъ тоже уважаетъ Европу и очень хвалить. Онъ бывалъ на югѣ Франціи, знакомъ тамъ со многими фабрикантами; но что же онъ вынесъ изъ этого знакомства. Онъ говоритъ: «тамъ мужья-то еще круче нашего съ женами обращаются, тамъ они ихъ вовсе за людей не считаютъ». — Этотъ, бывавшій на югѣ Франціи, Кобловъ, и даетъ совѣтъ своему товарищу по промышленному предпріятію (Стырову) «учредить негласный надзоръ за женой». Когда же Евлалія замѣчаетъ супругу своей пріятельницы: «мнѣ кажется, вы на жену смотрите, какъ на невольницу», онъ и не думаетъ отъ того отпираться: «А что жъ такое, хоть бы и такъ? Слово-то, что ли, страшно? Вы думаете, я испугаюсь. Нѣтъ, я не пугливъ. По мнѣ невольница все-таки лучше, чѣмъ вольница». Онъ не понимаетъ, конечно, что изъ невольницъ именно и выходятъ

Стыровъ далеко не такъ рѣшительнъ, какъ его пріятель, можетъ быть, потому, что гораздо старше его, а оттого и чувствуетъ себя нѣсколько виноватымъ передъ женою. Совѣтомъ пріятеля онъ, однако же, пользуется, съ другой же стороны, передъ своею отлучкою на недѣлю по дѣлу, поручаетъ жену служащему у него въ конторѣ молодому человѣку, Мулину, рассчитывая, конечно, на его служебную преданность. Дѣло могло бы кончиться довольно печально, если бы не та находчивость, какую проявляетъ Евлалія, несмотря на свою «правдивость». Доносъ на нее прислуги отражается ею самымъ ловкимъ образомъ—доносъ, далеко не лишенный основанія—но она умѣетъ поставить въ фальшивое положеніе не кого другого, какъ мужа, заставить его же передъ собой извиняться и, въ порывѣ довѣрія, предоставить ей съ этихъ поръ полнѣйшую свободу. Она бы, конечно, съумѣла воспользоваться этою свободою по своему—по крайней мѣрѣ до поры до времени—если бы эта въ своемъ родѣ «идеалистка» не пришла въ столкновеніе съ такою «практическою» женщиною, какъ Софья Коблова. Пускаясь съ нею въ откровенности, Евлалія жалуется ей на то, что милый человѣкъ «обѣщаетъ иногда придти; ждешь, ждешь его, — а онъ не придетъ; а если придетъ, такъ не на долго». Софья, узнавъ, что онъ не богатъ, преспокойно даетъ ей совѣтъ—«денегъ давать ему побольше». Сентиментальный ужасъ Евлаліи заставляетъ Софью вдаться въ подробности: «Купите хорошій, дорогой бумажникъ, а въ бумажникъ-то положите рублей двѣсти или триста. Вотъ и конфузится нечего: вы дарите бумажникъ, а деньги въ него нечаянно попали». Евлалія находитъ, что это не будетъ уже «возвышенная любовь». —«Да, конечно, соглашается Софья, но оговаривается, что возвышенная любовь гораздо скучнѣе, она очень надоѣдаетъ молодымъ людямъ; на нее надо много времени даромъ тратить. Онъ бы почиталъ что нибудь, пошелъ къ пріятелямъ, поигралъ въ карты; а тутъ надо возвышаться до возвышенной любви. Это очень тяжелое занятіе». Ясно, что Евлалія еще институтствующая кандидатка на то,

чѣмъ давно уже сдѣлалась Софья. Но откровенность заводитъ обѣихъ пріятельницъ такъ далеко, что Софья называетъ своего милаго друга и онъ оказывается тѣмъ же Мулинымъ, за которымъ неудачно ухаживаетъ Евлалія. Тутъ разъясняется ей и тайна его неподатливости. Евлаліи остается только усѣсться за винтъ со своимъ супругомъ и съ его пріятелемъ, недавно еще утверждавшимъ, что самый лучший признакъ благонадежности — именно если жена заинтересуется винтомъ. Стыровъ въ старческомъ упоеніи дѣлуетъ Евлалію. Этимъ оканчивается комедія, но едва ли оканчивается «невольничье» поприще М-ше Стыровой съ предоставленной ей «свободой».

Нужно ли замѣчать, что, при всей легкости нашей комедіи, семейный вопросъ тутъ затронутъ мѣтко и притомъ не только въ нашемъ отечественномъ, но отчасти и въ его обще-Европейскомъ смыслѣ.

Въ комедіи «Таланты и поклонники» Островскій переводитъ насъ въ театральнѣйшій закулисный міръ, вводя въ него молодую, неподходящую къ нему, личность — студента-идеалиста Мелузова. Онъ есть — этотъ типъ или, по крайней мѣрѣ, онъ нарождается... Что ежели *нaroждался*, но обстоятельства уже задержали его развитіе?

Подъ вліяніемъ Мелузова, талантливая артистка провинціальной сцены, Нѣгина, отбояривается отъ стараго селадона, князя Дулебова, да еще какъ разъ передъ своимъ бенефисомъ, чѣмъ очень озабочена ея совершенно простая мать. «Вотъ и глупа, вотъ и глупа, говоритъ она ей. Ты бы, какъ можно, старалась учтивѣе. «Молъ, ваше сіятельство, мы всегда вами очень довольны и всегда вами благодарны; только подлостей такихъ мы слушать не желаемъ. Мы, молъ, совсѣмъ напротивъ того, какъ вы объ насъ понимаете». Вотъ какъ надо сказать! Потому честно, благородно и учтиво». Она не понимаетъ, должно быть, что Дулебову именно безъ «этихъ подлостей» и нельзя. Это очень хорошо зато понимаетъ Мелузовъ, очень изкоса поглядывающій поэтому и на молодого, деликатнаго въ обращеніи, Великатова. Когда тотъ, подавая руку

ему, говоритъ: «очень пріятно съ вами познакомиться», Мелузовъ безъ всякихъ учтивостей ему отвѣчаетъ: «Что же тутъ пріятнаго для васъ? Вѣдь это фраза. Ну, познакомились, такъ и будемъ знакомы. Вотъ и все.

Великатовъ (*почтительно*). Совершенно справедливо: очень много говорится пустыхъ фразъ, я съ вами согласенъ, но то, что я сказалъ, — извините, не фраза. Мнѣ пріятно, что артистки выходятъ замужъ за порядочныхъ людей.

Мелузовъ, дѣйствительно рѣшившійся жениться на Нѣгиной, какъ будто сдается передъ такой задумчивостью. Великатовъ, повидимому, еще болѣе располагаетъ его къ себѣ тѣмъ, что жалуется на одолѣвающую прозу жизни. «И радъ бы въ рай, говоритъ онъ, да грѣхи не пускаютъ».

Мелузовъ. Какіе же грѣхи за вами водятся?

Великатовъ. Тяжкіе. Практическія соображенія, матеріальные расчеты—вотъ наши грѣхи. Постоянно вращаешься въ сферѣ возможнаго, достижимаго; ну, душа-то и мельчаетъ, ужъ высокихъ благородныхъ замысловъ и не приходитъ въ голову.

Мелузовъ. Да что вы называете благородными замыслами?

Великатовъ. А такіе замыслы, въ которыхъ очень много благородства, и очень мало шансовъ на успѣхъ.

Великатовъ, повидимому, говоритъ искренно. Но слова его пророчать студенту недоброе. Бѣдный юноша, въ пылу своего идеалистическаго увлеченія, и не чувствуетъ, какъ мало и у него самого этихъ «шансовъ на успѣхъ». «Ты постепенно улущаешься, увѣренно говоритъ онъ Нѣгиной, и современемъ будешь...

Нѣгина. Что буду, милый мой?

Мелузовъ. Будешь совѣмъ хорошей женщиной, такой, какой надо, какъ это нынче требуется отъ вашего брата.

Нѣгина. Да, я тебѣ благодарна. Я ужъ и такъ много лучше стала, я сама это чувствую...

А все тебѣ обязана, голубчикъ»...

Но она тутъ же и признается ему, что завидуетъ своей товаркѣ по профессіи, Смѣльской, когда Великатовъ возить ее кататься на чудесныхъ своихъ лошадяхъ.... Ему приходится негодовать, когда Смѣльская привозить ей отъ Великатова матеріи на платье и увозить Нѣгину на катанье. «Вы не ревновать ли вздумали? говорить ему Смѣльская. Такъ успокойтесь, онъ черезъ день уѣзжаетъ, да и я не уступлю его Сашѣ». — «Не уступлю, желчно перерывиваетъ ее Мелузовъ. Вы меня извините, я такихъ отношеній между мужчинами и женщинами не понижаю».

А вѣдь кончается именно тѣмъ, что Смѣльская уступаетъ Великатова Нѣгиной, сама переходя къ Дулебову. Дѣйствительно, уѣзжая послѣ бенефиса Нѣгиной, Великатовъ уѣзжаетъ не одинъ.... Онъ начинаетъ съ того, что покупаетъ у нея весь бенефисъ, съ вѣрнымъ, впрочемъ, расчетомъ на сбытъ билетовъ (почему и Мелузовъ соглашается на подобную операцію). Но Нѣгина тутъ же, при женихѣ, говоритъ Великатову: «вы такой благородный человекъ, такой деликатный... Я вамъ такъ благодарна, я не знаю, какъ и выразить.... Я васъ поцѣлую завтра»....

Но вотъ завтра, послѣ бенефиса, она получаетъ два письма. «Да, милая Саша, говорится въ первомъ, искусство не вздоръ, я начинаю понимать это. Сегодня въ игрѣ твоей я нашель такъ много теплоты и искренности, что, просто тебѣ сказать, пришелъ въ удивленіе. Я очень радъ за тебя. Послѣ спектакля у тебя, вѣроятно, будетъ кто,нибудь; при твоихъ гостяхъ я всегда чувствую что-то непріятное: не то смущенье, не то досаду, и вообще мнѣ какъ-то неловко. Всѣ они смотрятъ на меня или враждебно, или съ насмѣшкой, чего я, какъ ты сама знаешь, не заслуживаю. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я послѣ театра къ тебѣ не зайду, но если ты найдешь минуты двѣ-три свободныхъ, такъ выбѣги въ нашъ садикъ, я тамъ подожду тебя». Письмо это, разумѣется, отъ Мелузова. Но вотъ другое: «Я полюбилъ васъ съ перваго взгляда... Извините, что я объясняюсь съ вами на письмѣ; по враж-

денной робости, я никогда не осмѣлился бы передать вамъ мои чувства словами. Теперь мое счастье отъ васъ зависитъ. А счастье мое, о которомъ я мечтаю, обожаемая Александра Николаевна, вотъ какое: въ моей усадьбѣ, въ моемъ роскошномъ дворцѣ, моихъ палатахъ есть молодая хозяйка, которой все поклоняется, все, начиная съ меня, рабски повинуется... Осенью мы съ очаровательной хозяйкой ѣдемъ въ одинъ изъ южныхъ городовъ; она вступаетъ на сцену въ театрѣ, который совершенно зависитъ отъ меня, вступаетъ съ полнымъ блескомъ; я наслаждаюсь и горжусь ея успѣхами... Приговоръ вашъ я прочту завтра въ вашихъ глазахъ»... Письмо это, конечно, отъ Великатова. Нѣгина совѣтуется съ матерью; мать во всѣхъ этихъ «учтивостяхъ» не разглядываетъ никакихъ «подлостей». Нѣгина, въ борьбѣ съ собою, хочетъ оставить это до завтра. «А теперь не мѣшайте мнѣ, говоритъ она матери. Я теперь такая добрая, такая честная, какой никогда еще не была и, можетъ быть, завтра уже не буду». Не стало увѣренности въ себѣ,—и ей, конечно, не устоять. На другой день бѣдный Мелузовъ получаетъ отъ нея такую записку: «Петя, нынче ты не приходи къ намъ, сиди дома, жди меня, я сама зайду къ тебѣ вечеромъ». Долго пришлось бы ему ждать, если бы онъ не узналъ, что она уѣзжаетъ. Онъ спѣшитъ на желѣзную дорогу. «Все правда, все правда, что ты говорилъ, исповѣдуется она ему, такъ и надо жить всѣмъ, такъ и надо... А если талантъ, если у меня впереди слава? Что-жь мнѣ, отказаться, а? А потомъ жалѣть, убиваться всю жизнь?... Если я родилась актрисой?

Мелузовъ. Что ты, что ты, Саша! Развѣ талантъ и развратъ нераздѣльны?

Нѣгина. Да нѣтъ, не развратъ! Ахъ, какой ты!..... Ты думалъ, что я могу быть героиней; а я не могу... да и не хочу. Что-жь, мнѣ быть укоромъ для другихъ? Вы, моль, вотъ какія, а я вотъ какая... честная! Да другая, можетъ быть, и невиновата совсѣмъ....

Мелузовъ. Саша, Саша, да развѣ честная жизнь укоръ

для другихъ? Честная жизнь—хорошій примѣръ для подражанія.

Нѣгина. Ну, вотъ видишь ты; значить, я глупа, ничего не понимаю... А мы съ маменькой такъ разсудили... мы поплакали, да и разсудили... А ты хочешь, чтобы я была героиней. Нѣтъ, ужь куда мнѣ бороться... Какія мои силы! А все, что ты говорилъ, правда. «Я никогда тебя не забуду». И она уѣзжаетъ съ Великатовымъ.

Мелузовъ остается на жертву насмѣшкамъ какогонибудь г. Бакина (одного изъ театральныхъ «поклонниковъ»). Но ему слишкомъ горько, чтобы обижаться ими. «Смѣйтесь надо мной, говоритъ онъ, я не сержусь, я этого заслуживаю... Вѣдь смѣшно, дѣйствительно смѣшно: бѣдняга, на трудовыя деньги, выучился трудиться;—ну, и трудись! А онъ вздумалъ любить! Нѣтъ, этой роскоши намъ не полагается». Но онъ тутъ же старается и ободрить себя. «У насъ, у горемыкъ, у тружениковъ есть свои радости, которыхъ вы не знаете, которыя вамъ недоступны. Дружескія бесѣды за стаканомъ чаю, за бутылкой пива—о книжкахъ, которыхъ вы не читаете, о движеніи науки, которой вы не знаете, объ успѣхахъ цивилизаціи, которыми вы не интересуетесь»... Бакинъ удивляется, что онъ такъ не обидчивъ; онъ думалъ, по его словамъ, что Мелузовъ его на дуэль вызоветъ. «Дуэль? зачѣмъ? отвѣчаетъ студентъ. У насъ съ вами и такъ дуэль, постоянный поединокъ, непрерывная борьба. Я просвѣщаю, а вы развращаете». И онъ, не унывая, хочетъ дѣлать свое дѣло до конца. «А если я перестану учить, говоритъ онъ, перестану вѣрить въ возможность улучшать людей, или малодушно погружусь въ бездѣйствіе, махну рукой на все, тогда покушайте мнѣ пистолеть—спасибо скажу!»

И вѣдь это не фразы. Это не Жадовскія жалкія слова, идущія въ разрѣзъ съ дѣлами... Мелузовъ вѣренъ себѣ отъ начала и до конца, онъ цѣленъ... Это одна изъ симпатичнѣйшихъ личностей у Островскаго.

ХІІІ.

„Красавецъ-мужчина“.—„Безъ вины виноватые“.—„Не отъ міра сего“.

Казалось бы, идти далѣе того, до чего доходить любящая женщина въ «Послѣдней жертвѣ», такъ же точно нельзя, какъ и превзойти въ подлости пользующагося такою жертвою въ той же комедіи. Но оказывается, что и то и другое возможно, если только вѣрить тому, что выставлено Островскимъ въ четырехъ-актной комедіи «Красавецъ-мужчина» *). О томъ, какъ сложился характеръ героя этой комедіи, Окоемова, мы узнаемъ отъ сестры его руководителя на поприщѣ разврата. «Я его зазнала, рассказываетъ она про Окоемова, хорошенькимъ мальчикомъ съ ограниченнымъ состояніемъ; онъ учился плохо, но въ обществѣ его любили и баловали... Онъ не кончилъ нигдѣ курса и рано попалъ въ дурное общество. Къ сожалѣнію, я должна сказать, что это... общество моего брата... Я живу съ братомъ для того, чтобы нашъ домъ имѣлъ хоть сколько нибудь приличный видъ... Я старая вдова, ко мнѣ ничего не приставетъ, а если я брошу домъ, такъ они будутъ верхомъ по комнатамъ ѣздить. Вы видѣли нѣкоторыхъ изъ нашихъ... Это недоучившіеся шалопаи... Они ужь были развратны, прежде чѣмъ узнали жизнь, они ужь надѣлали долговъ, прежде чѣмъ выучились считать деньги. И теперь ждутъ только богатыхъ дуръ, чтобы поправить свои обстоятельства... Такой же и Окоемовъ. Онъ по душѣ не дурной человѣкъ (?), но приобрѣлъ трактирные привычки и легкій, почти презрительный взглядъ на женщину и ея душу... Зоя влюбилась въ него и вышла за него замужъ, чему главнымъ образомъ способствовала ея

*) Въ Собраніе сочиненій пока не вошла. Напечатана была въ „Отеч. Запискахъ“ 1883 г. (январь). Дѣйствіе, сказано тутъ, происходитъ въ годъ Бряхимовъ, т.-е. гдѣ то въ провинціи.

тетка, помѣшанная на мужской красотѣ» (Потомъ эта тетка сама выходитъ за одного изъ тѣхъ молодыхъ шалопаевъ, которыхъ тутъ описала Сосипатра Семеновна). Руководитель Окоимова на столь благородномъ прприщѣ, Лупачевъ, съ величайшимъ цинизмомъ излагаетъ бѣдной Зоѣ свою философію: «Когда люди сходятся по любви, такъ они и живутъ въ любви, пока не надоѣдятъ другъ другу; а когда бѣдный человѣкъ беретъ за женой большое приданое, такъ онъ, радъ ли, не радъ ли, а обязанъ любить».—И вы можете, возражаетъ ему Зоя, такъ дурно думать о моемъ мужѣ и вашемъ другѣ?»—Но Лупачевъ не конфузится: «Пора вамъ, Зоя Васильевна, говорить онъ, приходитъ въ совершеннolѣтіе. Браки между людьми не равнаго состоянія по большей части торговыя сдѣлки. Богатый мужчина, если женится на бѣдной, то говорятъ, что онъ беретъ ее за красоту, т.-е., проще сказать, платитъ деньги за ея красоту».

Зоя. Какъ это хорошо покупать женщинъ за деньги!

Лупачевъ. Точно также не хорошо и женщинамъ покупать красивыхъ мужей.

Зоя. Да этого никогда не бываетъ, вы клевете на женщинъ.

Лупачевъ. Нѣтъ, бываетъ и очень часто... Въ бракахъ, которые основаны на денежныхъ расчетахъ, любовь пропорціональна деньгамъ: чѣмъ больше денегъ, тѣмъ больше и любви; убываютъ деньги, и любовь убываетъ; кончаются деньги и любовь кончается, а часто и раньше, если въ другомъ мѣстѣ оказывается для нея богатая практика.

Зоя. Послушайте, я на васъ буду мужу жаловаться.

Лупачевъ. Жалуйтесь! А если вашъ мужъ думаетъ такъ же, какъ и я? тогда кому жаловаться?

Зоя. Во всякомъ случаѣ ужь не вамъ.

Лупачевъ. Напрасно. Вы меня не обѣгайте, я гожусь на многое... быть хорошенькой женщиной — привилегія большая.

Зоя. Да, это по вашей денежной теоріи.

Лупачевъ. Чтожь дѣлать! Прежде была теорія любви теперь теорія денегъ.

Дѣло въ томъ, что Лупачевъ готовитъ ее къ сюрпризу со стороны ея мужа-красавца. Ему, далеко не выпутавшемуся изъ долговъ при помощи ея средствъ, нужно съ ней развестись, чтобы жениться хоть на уродѣ, да на богатой, а для этого она должна принять вину на себя. И Зоя, сперва негодующая, соглашается наконецъ: она разыгрываетъ любовную сцену съ пріятелемъ мужа, Олешунинымъ, чтобы дать себя накрыть. Она ведетъ свою роль до того искусно, что у негодяя мужа начинается шевелиться ревность. Онъ дѣлаетъ ей еще новое, совсѣмъ уже неимовѣрное предложеніе. Онъ, видите ли, о ней же заботится — хочетъ, чтобы она сошлась съ человѣкомъ богатымъ, хотя и пожилымъ, — а именно съ его наставникомъ Лупачевымъ, который, къ тому же, давно ее любитъ. И что же? она, повидимому, готова согласиться даже на это, чтобы только угодить мужу. Начавъ было такими словами: «Я не могу, я не могу, ты тутъ (*показывая на грудь*) разорвалъ все», она кончаетъ тѣмъ, что беретъ его за лицо, пристально смотритъ на него и въ какомъ-то умиленіи говоритъ: «Красавецъ!» Мы мало знаемъ стралицъ не въ одной только отечественной литературѣ, которыя производили бы болѣе отталкивающее впечатлѣніе. Если, къ несчастью, можно повѣрить, что «красавцы-мужчины» способны доходить до подобныхъ мерзостей, то мы совершенно отказываемся вѣрить, чтобы женщина, до того оскорбленная въ своихъ чувствахъ, могла не только такъ рабски повиноваться своему оскорбителю, но еще и любоваться его позорною красотой.

Мораль въ комедіи соблюдена зато вполне. Зло наказано, такъ какъ Окоемовъ ошибается въ своемъ расчетѣ и на урода Оболдуеву (которая выходитъ за другого) и на другую, менѣе богатую, но красивую невѣсту, которой даютъ раскусить этого яснаго сокола. Не кто другой, какъ вѣрная ему, не смотря ни на что, Зоя спасаетъ его отъ окончательной гибели, выкупая его векселя и пре-

доставляя ему затѣмъ совершенную свободу. Комедія оканчивается патетическимъ монологомъ Зои. «Добрая, честная женщина, говоритъ она, способна на безконечную преданность, способна прощать мужу его недостатки, пороки, переносить незаслуженныя оскорбленія; въ горькихъ обстоятельствахъ терпѣнью ея нѣтъ конца; но знайте, что есть границы, за которыя честная женщина не перейдетъ никогда». Въ сущности она перешла всѣ такія границы и все это только фразы, фразы, фразы.. Но авторъ заставляетъ Зою, въ довершенье всего, еще и питать какія-то невѣроятныя надежды на исправленіе «красавца-мужчины». «Всякій хорошій поступокъ вашъ, сентиментально резонерствуетъ Зоя, будетъ приближать васъ ко мнѣ и всякій дурной—отдалять отъ меня. Я ужь не убѣждаю васъ, я прошу васъ.. вы видите мои слезы.. постарайтесь быть порядочнымъ человѣкомъ (!!!) и доставьте мнѣ счастье опять полюбить васъ». Во всемъ этомъ, по нашему крайнему разумѣнію, самая вопіющая фальшь, полнѣйшая психологическая несообразность, объясняемая, думаемъ мы, рѣшительнымъ ослабленіемъ творческой силы Островскаго *). Если Настенька привязана къ Калиновичу какой-то собачьей привязанностью (въ «Тысячѣ душъ» Писемскаго), то Зоя даже ее превосходитъ. Мы тутъ рѣшительно попадаемъ въ область психіатріи, хотя автору, повидимому, казалось, что онъ, въ лицѣ Зои, противопоставилъ своему «красавцу мужчинѣ» въ своемъ родѣ идеальную женскую личность. Дѣло было бы еще понятно, если бы онъ выставилъ ее увлекающеюся какою нибудь пародированною теоріею «непротівленія злу», доводящею увлеченье этимъ ученьемъ, такъ сказать, «до чертиковъ». Но вѣдь Зоя не имѣетъ о немъ никакого понятія.

Замѣтные признаки упадка творческой силы, связанные, надо думать, съ постепенно развивавшеюся болѣзнью

*) Не трудно замѣтить, что въ пьесахъ послѣдняго періода и самый языкъ оказывается часто какимъ-то его собственнымъ, а не языкомъ, подобающимъ тому или другому дѣйствующему лицу.

нашего драматурга, обнаруживаются и въ его предположеніи произведеніи — четырехъ-актной комедіи «Безъ вины виноватые» *). Это тѣмъ болѣе жаль, что тутъ онъ коснулся такого жизненнаго положенія, къ которому прежде не обращался. Къ значительной у него галлерей типовъ изъ міра «униженныхъ и оскорбленныхъ» присоединился тутъ типъ «подзаборника». (Печальная кличка молодого актера Незнамова. По двумъ своимъ послѣднимъ актамъ, замѣтимъ кстати, комедія эта относится къ артистическому міру). Первое дѣйствіе скорѣе можетъ быть названо прологомъ къ ней, разыгрывающимися за 17 лѣтъ до трехъ остальныхъ дѣйствій комедіи, скорѣе заслуживающей названія драмы или даже мелодрамы (къ сожалѣнію, во всемъ строѣ пьесы есть что-то мелодраматическое, точно будто навѣянное столь знакомыми нашей сценѣ Французскими устарѣлыми образцами). Основа, сама по себѣ, тутъ простая, нерѣдко уже встрѣчавшаяся намъ у Островскаго — бездушный негодяй, увивающійся за доброю и довѣрчивою дѣвушкою, готовою отдать ему даже свои послѣднія трудовыя деньги, и бросающій ее ради выгодной партіи. Но тутъ оказывается еще и не встрѣчавшееся до сихъ поръ у Островскаго осложненіе: у нихъ есть сынъ, которому, во время измѣны Мурова Любови Ивановнѣ, уже около пяти лѣтъ. Узнавая Мурова на той карточкѣ, которую показываетъ ей разбогатѣвшая ея пріятельница, какъ карточку своего жениха, она прогоняетъ его, спрятавшася отъ этой гостии у нея же въ комнатѣ, и тутъ же узнаетъ, что ихъ ребенокъ, помѣщенный ею у мѣщанки Галчихи, при смерти боленъ. Мы встрѣчаемъ ее за тѣмъ, уже семнадцать лѣтъ спустя, въ качествѣ извѣстной провинціальной актрисы, пріѣхавшей дать нѣсколько представленій въ тотъ самый губернской городъ, въ которомъ разыгралась ея печальная исторія съ Муровымъ. Ей приходится тутъ, между прочимъ, играть мать, у которой на рукахъ умираетъ сынъ. Почитатель ея та-

*) „Отеч. Записки“ 1884 г. (Январь).

ланга Дудукинъ пораженъ тѣмъ чувствомъ, которое вложила она въ свою игру, а она, въ порывѣ откровенности, сознается ему, что она не играла, а переживала то, что когда-то было съ нею самою. Вся разница въ томъ, что сама она слегла тогда въ постель, впала въ безпамятство и не могла ни закрыть глазъ своему мальчику, ни присутствовать на его похоронахъ: Но есть тутъ и другая, болѣе существенная, разница, ею и не предполагаемая: ее только увѣрили, что сынъ ея умеръ (это были продѣлки того же негодяя отца его, боявшагося своей богатой супруги); онъ на самомъ дѣлѣ живъ и играетъ тутъ же на провиантальной сценѣ. О томъ, что онъ живъ, и черезъ какія мытарства пришлось ему пройти, она узнаетъ отъ выросившей его, случайно попадающей къ ней, уже старой теперь мѣщанки Галчихи. Вотъ эти-то мытарства, внезапное раскрытіе всего обмана, узнаніе посредствомъ медальона, — и переносятъ насъ на почву мелодрамы, а равно и то, что тутъ на первомъ планѣ драматическая *интрига*, а не *психологія*. Въ этой послѣдней, т.-е. въ раскрытіи душевныхъ отношеній между матерью и сыномъ, и долженъ бы заключаться настоящій интересъ, но онъ, къ сожалѣнію, возбуждается слишкомъ слабо. Самою живою является та сцена, гдѣ Незнамовъ, за котораго Кручинина (артистическая фамилія Любови Ивановны) ходатайствовала передъ губернаторомъ послѣ вышедшей у него исторіи, — гдѣ этотъ еще неузнанный сынъ, и самъ не узнающій въ ней мать, ей же еще и выговариваетъ за непрошенное вмѣшательство. Смягченный тою кротостью, съ какою она ему отвѣчаетъ, онъ начинаетъ сознавать свою вину, и просить у нея позволенія поцѣловать у нея руку. «То есть вы протяните мнѣ ее, какъ милостыню, говоритъ онъ. Нѣтъ, если вы чувствуете ко мнѣ отвращеніе, такъ скажите прямо.

Кручинина. Да нѣтъ же, нѣтъ, я очень рада.

Незнамовъ. Вѣдь въ сущности я дрянъ, да еще подзаборникъ.

Онъ не можетъ забыть этого слова, изъ-за котораго

и вышла у него исторія. Но и Кручинина, протягивая ему руку, вскрикиваетъ: «не говорите этого слова, я не могу его слышать». Незнамовъ цѣлуетъ ея руку, она прижимаетъ его голову къ груди и крѣпко цѣлуетъ. Тутъ, подъ вліяніемъ внутренняго голоса, уже совершается узнаніе. Оставалось бы дать ему до конца совершиться тѣмъ же чисто психологическимъ путемъ, вполне возможнымъ послѣ того, что узнала Кручинина отъ Галчихи, а равно и послѣ довольно ясно высказываемыхъ, передъ Кручининою предположеній Дудукина. Но нашъ драматургъ отказался отъ такого пути; онъ предпочелъ ему другой—болѣе эффектный, мелодраматическій. Правдиво и просто, конечно, то, что говорится Незнамовымъ своему товарищу подъ неотразимымъ, совершенно особеннаго рода обаяніемъ для него Кручининою. «Я только разъ поговорилъ съ ней, и все наши выходки, молодечество, ухарство, напускное презрѣніе къ людямъ, показались мнѣ такъ мелки и жалки, и самъ я себѣ показался такъ ничтоженъ, что хоть сквозь землю провалиться. Мы при ней и разговаривать-то не должны! а стоять намъ дурачкамъ молча, опустя голову, да ловить, какъ манну небесную, ея кроткія, умныя рѣчи». Правдивъ и простъ и его отвѣтъ на передаваемыя ему сплетни о какихъ-то ея «старыхъ грѣшкахъ»: «вы сами же и сочинили какую-нибудь гадость, да и разславляете ее вездѣ». «Ты скажи всѣмъ» (обращается онъ къ одному изъ актеровъ), что я обижать ее не позволю, что я за нее... Вѣдь я круглый сирота... повѣришь ли, я вчера въ первый разъ въ жизни видѣлъ ласку матери» (т.-е. именно отъ нея). Но мы не можемъ уже считать простымъ и правдивымъ того, что онъ тутъ же почти и начинаетъ уступать возбуждаемымъ въ немъ подозрѣніямъ и, вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ задушевной бесѣдѣ съ нею, рѣшается на вечерѣ нанести ей публичное оскорбленіе тостомъ «за матерей, которыя бросаютъ дѣтей своихъ». Это нужно для того, чтобы вслѣдъ затѣмъ произнести ему еще и патетическую публичную рѣчь на тему о «подзаборникахъ»—съ намекомъ на «зо-

лотую бездѣлушку», которую «вѣшаютъ своему ребенку бросающія ихъ матери». — Это нужно и для того, чтобы Кручинина бросилась къ нему и достала съ его груди медальонъ, т.-е. это нужно для эффектнаго узнавья ими другъ друга. Публика должна быть потрясена и тѣмъ, что Кручининою дурно, что она какъ бы близка къ смерти, но приходитъ въ себя, говоря: «отъ радости не умирають». Но въ одномъ отношеніи развязка оказывается правдивою и простою. Кручинина не хочетъ и знать Мурова, который тутъ какъ тутъ, давно уже овдовѣвшій и готовый предложить ей теперь свою руку. «Твой отецъ не стоитъ того, чтобъ его искать», говоритъ она Незнамову, упавшему передъ ней на колѣни съ крикомъ: «мама! мама!» и спрашивавшимъ затѣмъ, гдѣ его отецъ?

Отъ радости не умирають, хотя бы и радости неожиданной. За то умирають отъ горя, тѣмъ болѣе, если это внезапное горе. Вотъ что хотѣлъ показать Островскій въ своемъ послѣднемъ произведеніи: «Не отъ міра сего» (семейныя сцены въ 3-хъ дѣйствіяхъ) *). Съ другой стороны онъ въ немъ какъ бы предсказалъ свою собственную, тоже почти внезапную, смерть (хотя и подготовленную давнишнимъ недугомъ). У матери совершенно отъ сего міра, чего то въ родѣ полупросвѣщеннаго самодура въ юбкѣ, купчихи, вышедшей замужъ за генерала Снафидина, показнымъ манеромъ вдающейся въ ханжество и читающей прописную мораль, оказывается тутъ дочь — Ксенія Васильевна, совсѣмъ не похожая на свою практическую сестрицу, скорѣе напоминающую пословицу о яблочкѣ, не падающемъ далеко отъ яблони. Но Ксенія Васильевна, себѣ на бѣду, вышла за мужъ за человѣка — и очень себѣ на умѣ, и порядочно таки безпутнаго. Онъ — подъ вліяніемъ пріятеля своего, Муругова, «богатаго барина, живущаго очень широко» (какъ значитъ въ росписаніи дѣйствующихъ лицъ). Понятнымъ образомъ разстроивъ себѣ, при подобномъ же пошибѣ мужа, свое и

*) „Русская Мысль“, 1885 г., февраль.

безъ того ненадежное здоровье, Ксенія Васильевна уѣхала отъ него за границу. Она возвращается вслѣдствіе нарочно распущенныхъ слуховъ о растратѣ въ томъ частномъ банкѣ, гдѣ онъ служитъ, растратѣ, которой, быть можетъ, онъ же и причиною. Слухи расчитаны на то, чтобы окончательно ее удалить отъ Кочуева и побудить тещу не выдавать ему остальныхъ, обѣщанныхъ за нею, 100 тысячъ. Но на любящую и прощающую душу Ксеніи Васильевны слухи эти дѣйствуютъ прямо обратнымъ образомъ. Она спѣшитъ къ мужу, чтобы уплатить за него, если причиной растраты онъ. Слухъ оказывается ложнымъ, но она пріѣзжаетъ кстати, такъ какъ онъ рѣшилъ измѣнить свое поведеніе, чтобы не отталкивать отъ себя жену, т. е. не терять тещиныхъ денегъ. Онъ даже отказывается отъ Муругинскаго пизника (по 300 р. «съ фізіономіи»), но въ тотъ вечеръ, когда пріѣзжаетъ жена, оказывается однако находящимся въ театрѣ. Ее встрѣчаетъ пріятель его Елоховъ, человѣкъ порядочный, настраивающій ее въ пользу добрыхъ намѣреній Кочуева. Она съ увлеченіемъ вѣритъ имъ, не запинаясь и за отсутствіе мужа, которое не совѣмъ-то кстати въ такую пору, когда приходилось поджидать ее со дня на день. Намъ кажется, что пьеса выиграла бы въ драматизмѣ, если бы въ Ксеніи Васильевнѣ обнаруживалось колебаніе между вѣрою въ исправленіе мужа и сомнѣніями, совершенно понятными послѣ его прежней жизни. Между тѣмъ она слишкомъ ровно вѣритъ, и только воспоминанія наводятъ ее на раздумье, выражающееся съ другой стороны нѣсколько резонерски. «Кроткая женщина, говоритъ она, не столько радуется тому, что ее любятъ, сколько торжествуетъ, что родъ людской еще не совѣмъ палъ, что не одна красота, а и скромное, любящее сердце могутъ найти себѣ оцѣнку. Это святое, духовное торжество, это ни съ чѣмъ не сравнимая радость побѣды добра и честной жизни надъ зломъ и развратомъ. Ну, вотъ и посудите теперь, честно ли обмануть такую женщину»... «У страстной, энергической женщины, продолжаетъ она (и тутъ уже безъ резонерства),

явится ревность, она отомститъ или мужу, или соперницѣ, для оскорбленнаго чувства найдется выходъ, а кроткая женщина и на протестъ не рѣшится; для нея все это такъ гадко покажется, что она только уйдетъ въ себя, сожметъ, завянетъ»... Ксенію Васильевну вдругъ пригрѣваетъ солнцемъ, она оживаетъ,—но не на долго. Напрасно мужъ манитъ ее надеждою на будущую жизнь вдвоемъ въ Крыму—на вновь покупаемой ими дачѣ;—злые люди мѣшаютъ осуществленію этой надежды. Искатель руки ея сестры, добивающійся того, чтобы все состояніе Снафидиной (матери обѣихъ сестеръ) перешло въ руки его невѣсты, вполнѣ входящей въ его виды, находитъ на столѣ у Кочуева неосторожно не прибранные имъ убыточные счета для M-elle Клемансъ. Овладевъ ими, онъ кладетъ ихъ въ видѣ закладки въ книжку, которую посылаетъ ей отъ Кочуева. Этому предшествуетъ счастливая сцена между мужемъ и женой, гдѣ Ксенія Васильевна добросовѣстнѣйшимъ образомъ перечисляетъ свои недостатки, къ которымъ причисляетъ и крайнюю впечатлительность, нервность. Она сознается мужу, что не выносить его пріятеля Муругова (того самаго, который устраивалъ пикникъ по 300 р. «съ фізіономіи»). «Какъ я увижу его, говорить она, такъ мнѣ кажется... мнѣ кажется,—повѣришь ли?—что онъ пришелъ за душой моей». А Муруговъ тутъ какъ тутъ. Стремясь увлечь ея мужа изъ дому (чему тотъ однако не поддается), онъ болѣзненно затрагиваетъ ее разговоромъ про одну даму, которая «минуты не можетъ быть безъ мужа и очень печалится, когда мужъ не беретъ ее съ собой въ окружной судъ на кафедру: я бы, говорить, никому не мѣшала; я бы глядѣла ему въ глаза и держала его за руку». Муруговъ уходитъ, а она сама сознается, что какъ-то при немъ «смѣшалась и поглупѣла». «Сама чувствую, говорить она, что глупости говорю, а остановиться не могу. Хочу поправиться, и скажу чтонибудь еще глупѣе». Мужъ проситъ ее успокоиться, самъ отправляясь съ Елоховымъ въ шахматы поиграть. Вотъ тутъ-то и приносятъ Ксеніи Васильевнѣ книжку съ роко-

выми счетами. Если не предвѣстникъ Муруговъ, то эти счеты явились за ея душою. Она вдругъ падаетъ съ того неба, на которомъ думала успокоиться. Приступы бреда, галлюцинацій. Она опять поминаетъ Муругова, не велитъ его пускать, посылаетъ за мужемъ. Еще нѣсколько мгновений, и ея рука на прощанье протягивается къ нему, опускающемуся передъ ней на колѣни. «Я... люблю... тебя»... шепчетъ она черезъ силу. «И прощаешь?», спрашиваетъ онъ, цѣлуя у нея руку. «И прощаю», подтверждаетъ она, испуская духъ.

Предсмертная піеса Островскаго закончилась такимъ образомъ трагическимъ мотивомъ. Послѣднимъ произведеніемъ его кисти осталась идеальная женская личность, къ сожалѣнію, далеко не дорисованная. Оттого-то и внезапная смерть Есеніи является не достаточно псдготовленною.

XIV.

Заключеніе.

Мы разсмотрѣли, болѣе или менѣе подробно, всѣ 47 пьесъ Островскаго, отличающихся самымъ различнымъ объемомъ—начиная отъ сценъ въ одномъ дѣйствіи и кончая пяти-актными комедіями и драмами. Онъ переиспыталъ свои силы, какъ видѣли мы, во всѣхъ родахъ драматической литературы (кромѣ, разумѣется, водевиля), причемъ грани отдѣльныхъ родовъ переступались имъ очень свободно, такъ что лучшія произведенія его являлись соединеніемъ, такъ сказать, въ различныхъ дозахъ двухъ основныхъ стихій драматическаго творчества—комической и трагической.

Мы разсматривали труды Островскаго по преимуществу въ томъ порядкѣ, въ какомъ появлялись они одинъ за другимъ (съ самыми незначительными уклоненіями отъ этого правила); мы доискивались въ каждомъ изъ нихъ

того, что въ немъ есть; мы старались уразумѣть нашего драматурга, какимъ онъ проявилъ себя самъ, въ своемъ совершенно свободномъ, не тенденціозномъ творчествѣ. Мы могли убѣдиться въ томъ, что Добролюбовская формула «самодурства» слишкомъ узка для него, что въ нее далеко не укладываются его разнообразныя произведенія, особенно же произведенія второй половины его литературной дѣятельности (которыхъ не могъ имѣть въ виду Добролюбовъ). Мы потому-то и предпочитаемъ нѣсколько неопредѣленную, но зато широкую формулу Аполлона Григорьева—формулу «народности». Она, мы согласны, черезчуръ широка; зато она не служитъ для произведеній Островскаго прокрустовымъ ложемъ.

Да, Островскій—*народный поэтъ*, хотя у него и всего менѣе того, что принято у насъ называть *народными типами*, т.-е. типами изъ жизни простого народа, являющаяся основною стихією Русской народности. Самые крестьяне являются у него, по преимуществу, въ несочувственномъ для народа видѣ оторвавшихся отъ своей земледѣльческой почвы и перешедшихъ на почву торговую. Главнымъ же образомъ встрѣчаемся мы у него съ купцами не со вчерашняго дня, купцами, которые могли бы, пожалуй, указать на свою особую, купеческую родословную. Наряду съ ними встрѣчаемся мы у Островскаго съ баррами—какъ издавними и владѣющими помѣстьями, такъ и со всякими пролѣзающими въ барство по ступенькамъ служилой лѣстницы. Все это, стоящее надъ народомъ, можно сказать, окрашивается въ его глазахъ одною краскою, разсматривается имъ съ одной общей точки зрѣнія. Вотъ эта-то точка зрѣнія прямо и заимствована у самого народа нашимъ драматургомъ; она дѣйствительно сводится къ *самодурству*, которое, стало быть, не даромъ усматривалось у Островскаго, но къ самодурству, понимаемому такъ широко, что тутъ далеко не достаточно тѣхъ успѣховъ умственного развитія, на которые возлагали всю надежду Добролюбовъ и вслѣдъ за нимъ Писаревъ (последній едва ли еще не болѣе). Типъ самодура давно уже данъ въ на-

родной поэзіи — въ лицѣ того Новгородскаго не то купеческаго, не то боярскаго сына Васеньки Буслаева, которому вполнѣ далась грамота и который, не смотря на то, пошучивалъ такимъ образомъ, что кого схватить за руку — рука прочь, кого за ногу — нога прочь. Васенька, набравъ себѣ особую наемную дружину приманкою: «кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго, тотъ вались къ Васькѣ на широкой дворъ», испытавъ выносливость этой дружины ударами по лбу червленымъ вязомъ, становится во главѣ ея, не признавая надъ собою никакого закона, и кончаетъ тѣмъ, что, вызывая на бой весь Великій Новгородъ, даетъ своей рукѣ-владыкѣ разгуляться по мужикамъ Новгородскимъ—такъ и валяетъ ихъ съ моста въ Волховъ, въ этомъ смыслѣ становясь какимъ-то эпическимъ предвозвѣстникомъ историческаго Грознаго. Основа подобнаго рода подвиговъ—это сила, просто, какъ *сила*, возмнившая себя и *властью*, сила, позабывшая о какихъ либо нравственныхъ основахъ власти, о той «правдѣ—царицѣ», въ которой коренится настоящая власть. Въ Васькѣ Буслаевѣ, можно сказать, предуказаны всѣ самодуры Островскаго. Типъ народнаго эпоса широкъ—подъ него могутъ быть подведены, какъ ни грубы его богатырскія очертанія, соотвѣтственныя явленія всевозможныхъ странъ и временъ. Въ своемъ родѣ широкъ и типъ самодура въ комедіяхъ и драмахъ Островскаго (не слѣдуетъ тутъ забывать и «Василису Мелентьеву»),—онъ несравненно шире того, какъ понимала его наша критика, своди его собственно къ зауряднымъ купцамъ и помѣщикамъ патриархальнаго покроя. Въ народномъ эпосѣ типъ самодура Васьки, не то купчика, не то боярченка, прямо противоположенъ типу крестьянскаго сына Ильи, избирающаго мѣстечко среднее между голями, не позволяющаго самодурствовать и Владиміру, сдающагося передъ его челобитьемъ собственно ради матушки свято-Русь-земли, ради бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей. Это типъ земскій, произведеніе той общинной почвы, отрезненность отъ которой представляется народу жизнію не по разуму, не по Божьему, а на вольной волѣ своихъ ду-

рящихъ причудъ. Если міръ Гоголевскихъ типовъ назвали мы въ своемъ мѣстѣ «областью отрожденной личности» *), т.-е. личности, обособившейся отъ великаго цѣлаго (таковъ и міръ Грибоѣдовскій, за исключеніемъ, разумѣется, Чацкаго), то то-же названіе вполне подобаешь и той, на половину купеческой, на половину помѣщичьей и служилой средѣ, которую охватилъ Островскій, какъ широкую область *барства вообще*. Но у него постоянно сказываются — въ людяхъ изъ разныхъ слоевъ общественныхъ, и отзвуки того противоположнаго Васыкѣ Буслаеву типа эпическаго, корни котораго находятся тамъ, гдѣ нѣтъ и въ поминѣ барства или какихъ нибудь поползновеній на барство. Такіе отзвуки слышатся у Островскаго во всевозможныхъ варіаціяхъ — начиная съ гулящаго, но не загубившаго въ себѣ душу живу, Любима Торцова и до степеннаго, обрекающаго на служеніе общему дѣлу и свою патріархальную власть въ семьѣ, Козьмы Минина, или же поневолѣ уходящаго въ вольницу, но сохраняющаго и въ ней твердую память объ идеалѣ семейномъ и идеалѣ общественномъ, Дубровина. Писаревъ въ свое время утверждалъ, возражая Добролюбову, далѣе котораго онъ думалъ идти, будто «ни одно свѣтлое явленіе не можетъ ни возникнуть, ни сложиться въ «темномъ царствѣ» патріархальной Русской семьи, выведенной на сцену въ драмѣ Островскаго» **). Островскій, напротивъ, умѣлъ указать намъ въ ней, и указать правдиво, не одно такое явленіе — конечно, помимо превознесенной Добролюбовымъ Катерины, которую Писаревъ вполне основательно отказывался окружать какимъ либо свѣтлымъ ореоломъ. Мы видимъ у Островскаго, помимо ея, цѣлый сочувственный рядъ женскихъ личностей, начиная съ самоотверженной и въ своей приниженности Дуни, такъ чутко отмѣченной широкимъ сердцемъ Добролюбова, и кончая старушкой Кругловой, не сдающейся ни на какіе соблазны купца Ахова. Мы ви-

*) „Историческій Вѣстникъ“ 1886, Іюль.

**) Сочиненія, т. I, стр. 211.

димъ у него и нравственно стойкую Аннушку (въ «Бойкомъ Мѣстѣ»), и одаренную «горячимъ сердцемъ» Парашу, и отличающуюся не только теплотою, но и всеобъемлющею широтою сердца, Вѣру Филипповну (въ комедіи «Сердце не камень»). Ключъ къ пониманію воспроизводимой имъ, въ ея разностороннихъ явленіяхъ, много объемлющей жизни далъ намъ Островскій въ нѣсколько странныхъ по формѣ, но глубокихъ по смыслу, словахъ своего Платона Зыбкина, раздѣляющаго людей на «мерзавцевъ своей жизни» и «патріотовъ своего отечества». Если нашъ драматургъ вывелъ передъ нами цѣлое множество «мерзавцевъ» и «мерзавокъ», живущихъ во всю ширь своего заѣвшагося и оскотѣлаго эгоизма, то онъ же вывелъ передъ нами и не мало «патріотовъ», т.-е. разнаго рода и разнаго положенія людей, не позабывающихъ о томъ, что они не одни на свѣтѣ, постоянно тяготящихся къ широкому и все болѣе и болѣе разширяющемуся кругу — семьѣ, обществу, отечеству. При подобной нравственной закваскѣ и незначительная доля умственнаго развитія уже идетъ въ прокъ. Такъ оно вышло съ тѣмъ же Платономъ, про котораго не даромъ говоритъ его мать, что «онъ чему учится-то, все это за правду принялъ, всему этому повѣрилъ» («Правда хорошо, а счастье лучше»). Тѣмъ еще болѣе проку можетъ, разумѣется, принести такая уже большая доля развитія, какая достается студенту Мелузову («Таланты и Поклонники»),—опять-таки при полнѣйшемъ отсутствіи въ немъ всякой барской, вводящей въ соблазнъ, закваски. Эта послѣдняя все же, должно быть, есть у прошедшаго черезъ тотъ же университетъ Жадова, — а потому-то онъ и не принялъ за правду того, чему его тамъ учили.

Такъ ярко рисуя намъ барственность въ широкомъ смыслѣ — т.-е. совокупность тѣхъ качествъ, которыя вытекаютъ изъ пользованія большими средствами и сознанія преимуществъ такого пользованія, Островскій рисуется намъ и тѣ другіе изъяны душевные, ту степень всякаго рода приниженности, которые вытекаютъ изъ сознанія бѣднымъ людемъ всей своей зависимости отъ богачей,—при далеко не обез-

печивающемъ трудовомъ заработкѣ. Но и тутъ онъ умѣетъ намъ показать, въ лицѣ нѣкоторыхъ, замѣчательную силу нравственнаго устоя, не останавливающегося ни передъ какими испытаніями. Зато съ другой стороны—и это особенно въ произведеніяхъ второй половины своей жизни—онъ выставляетъ передъ нами способность на сдѣлки, зависящую уже не отъ того, что ѣсть нечего, а отъ желанія пожить широко, пожить всласть, пожить, какъ живутъ богачи-самодуры. Такая способность сказывается у него въ лицѣ разныхъ, выражаясь словами его Платона, «мерзавцевъ» и «мерзавокъ»—преимущественно въ видѣ различныхъ свадебныхъ сдѣлокъ самаго грязнаго обманно-воровскаго характера. Мы видѣли, что одну изъ своихъ комедій послѣдней поры Островскій озаглавилъ: «Невольницы». Но онъ вывелъ такихъ невольницъ не только въ ней, но и во многихъ другихъ, онъ вывелъ въ нихъ также и невольниковъ,—да, невольниковъ своихъ чувственныхъ наклонностей, своей жажды «широкой жизни», приводящей ихъ къ культу золотого тельца, къ принесенію ему въ жертву самой есновной изъ святынь, святыни семейнаго начала. Островскій глубоко понялъ этотъ человѣко-убійственный культъ, какъ ту болѣзнь нашего вѣка, которая подкапываетъ всѣ его успѣхи на поприщѣ гражданской свободы, подкапываетъ до того, что при этомъ культѣ невольно теряется довѣреніе къ самымъ усовершенствованнымъ формамъ политической жизни. Островскій ярко изобличаетъ этотъ культъ въ типахъ Русскаго общества, но ихъ приходится часто понимать широко—въ общечеловѣческомъ современномъ смыслѣ. Съ обличеніемъ культа золотого тельца въ его пьесахъ соединяется могучій запросъ на ту силу нравственную, безъ которой, выражаясь языкомъ Посошкова, «ни коими дѣлы невозможно» *). Онъ рисуетъ намъ и картины самаго глубокаго нравственнаго паденія, и картины высокаго нравственнаго устоя, пересиливающего всякую среду. Онъ, подобно другимъ нашимъ современнымъ писа-

*) Т.-е. ни въ какомъ дѣлѣ обойтись нельзя.

телямъ (за исключеніемъ Писемскаго), является въ одно и тоже время и полнѣйшимъ реалистомъ и истымъ идеалистомъ (Писемскій только реалистъ, или даже натуралистъ). Подобно имъ, онъ и въ этомъ, какъ въ пиротѣ пониманія имъ самодурства со всѣми его общественными послѣдствіями и единственными вѣрными средствами противъ него, настоящій народный писатель *).

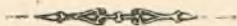

*) Въ Юльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1887 г. появилась статья объ Островскомъ П. Н. Полевого. Въ ней также развивается мысль объ односторонности Добролюбовской формулы, но авторъ, какъ кажется намъ, уже слишкомъ умаляетъ значеніе критики „темнаго царства“.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Строки.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
29	12 снизу	откуда	отсюда
34	15 снизу	стр. II, 5—7	II, стр. 5—7
68	15 сверху	прѣзжаетъ	прѣзжаеть
75	7 „	святотаецъ	святотатецъ
87	5 „	угадавъ чувства	угадавъ чувства
148	9 снизу	самодурствоиъ	самодурствомя
179	3 сверху	И видишь	я, видишь
193	9—10 снизу	что значать	что значать
209	4 снизу	Вотъ я ужъ	Вотъ я ужю
210	7 сверху	говорить	говорить
261	16 снизу	Лиза, недавно увѣряла	Лиза недавно увѣряла
293	20 сверху	небсеный	небесный
296	12 „	Разбойникамъ	Разбойникомъ
301	7 снизу	туть „песъ“	тоть „песъ“
315	9 „	Не смотря на свои раны	Не смотря на его раны
321	3 сверху	она выражается	овъ выражается
327	8 „	ее крестная мать	ея крестная мать
331	16 „	пятистопный ямбомъ	пятистопнымъ ямбомъ

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

162100

Biblioteka WSP Kielce

0126810